Татьяна КУЗНЕЦОВА
Анатолий УТКИН

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данное учебное пособие по истории культуры США – относительно краткой, но безусловно яркой – написано почитателями и знатоками этой страны, профессорами Т. Ф. Кузнецовой и А. И. Уткиным. Авторы подробно прослеживают, как колонисты, принесшие на новый континент дух старой Англии и идеи религиозного протестантизма, за четыре века интенсивного развития и приема иммигрантов сумели сделать мир своей культуры и разнообразным, и глубоким. Единственная крупная страна, не знавшая феодализма, США заняли видное место в мировой литературе, киноискусстве, архитектуре, популярной музыке, а также в философии, юриспруденции, естественных и технических науках.

Учебник рассчитан на студентов, специализирующихся в культурологии и американистике, но как источник расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества будет полезен студентам любого профиля, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой.

- Татьяна Кузнецова
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Введение
  - ○ Часть I
    - ■ Глава первая
      - ■ Предпосылки возникновения колониальной культуры
      - ■ Плантаторы Юга
      - ■ Колониальные хронисты об основаниях американской культуры
    - ■ Глава вторая
      - ■ Новая Англия
      - ■ Образ жизни
      - ■ Проповедники и судьи
      - ■ Культура печатного слова
      - ■ Религиозное ожесточение
      - ■ Нравы Новой Англии
      - ■ Восемнадцатый век
      - ■ Американская культура: история и наука
      - ■ Тринадцать: отдельно или вместе?
    - ■ Глава третья

- Стремление к независимости
- Идеи Просвещения
- Начало революции
- Декларация независимости
- Культурное значение Американской революции
- Гордость американской культуры
- Будущее культуры
- Франклин и другие
- Два компонента
- Культура истории

- Глава четвертая
  - Гордость новой Америки
  - Территориальное удвоение страны
  - Просветители
  - Окончание Ренессанса и новый Ренессанс
  - Укрепление двухпартийной системы
  - Историческая культура
  - Новый тип иммигрантов
  - Северо-Восток выходит вперед
  - Фенимор Купер
  - Первые шаги искусства
  - Эмерсон
  - Герман Мелвилл
  - Торо и другие
  - Утопический социализм
  - Эдгар Аллан По
  - Основные особенности американской науки
  - Историческая наука
  - Дагеротип
  - Фотография
  - Люди гибнут за металл
  - Гражданская война и ее последствия в культуре
- Глава пятая
  -
  - После Аппоматокса
  - Главные процессы
  - Небоскребы
  - Индустриальная эпоха
  - Культурное самоосмысление
  - Конвейер и массовое производство
  - Мир небоскребов

- Обличители
- Глава шестая
  - Дарвин и Спенсер
  - Изменение потока иммиграции
  - Наука
  - На рубеже
  - На национальной арене
  - Демократы жаждут реванша
  - Демагогия заменяет политическую культуру
  - Геополитика
  - Самое американское изобретение
  - Культура демократии
  - Будни искусства и науки
  - Популизм в действии
  - Молодежь
  - Историческая наука
  - Феминизм
  - Символизм, абстракционизм, натурализм
  - Сексуальная революция
  - Реформаторы и декаденты
  - Падение политической культуры
  - Феноменальные достижения XIX века
- Часть II
  - Глава седьмая
    - Три периода
    - Мегаполисы и оппозиция
    - Культурное восстание
    - Десятилетие кубизма
    - Кино
    - Популизм на новом этапе
    - Америка поворачивается к психоанализу
    - Прагматизм Джеймса и Пирса
    - Новый век
    - Механическая культура
    - Империализм
    - Автомобиль и самолет
    - Культурные влияния
  - Глава восьмая
    - Население страны
    - Теодор Рузвельт как явление американской культуры
    - Прогресс
    - «Разгребатели грязи»

- Общество и богатство
- Развитие исторической науки
- Адамс и другие

- Глава девятая
  - Реформаторы
  - Новый лидер страны
  - Первая мировая война
  - Патриоты
  - Новая расстановка сил
  - Вудро Вильсон
- Глава десятая
  -
  - Культура новой эпохи
  - Европейский опыт
  - Новые явления американской культуры
  - Мексиканское влияние
  - Достижения в архитектуре, дизайне, промышленности
  - Появление Франклина Рузвельта
- Глава одиннадцатая
  -
  - Культура тридцатых
  - Инаугурация
- Глава двенадцатая
  - 1930-е годы и искусство
  - Новая война
  - Военное время
  - Культурный процесс
- Глава тринадцатая
  -
  - Гегемон
  - Политическая конфронтация
  - «Молчаливое поколение»
  - Телевидение начинает лидировать
  - Новое поколение американцев (1960-е)
  - Модернизм и формализм
  - Американское индустриальное общество
  - Вперед выходит «молчаливое большинство»
  - Земное искусство и неоконсерватизм
- Глава четырнадцатая
  -
  - Литература последних десятилетий XX века

        - Однополярность начинает доминировать
        - Искусство конца века как проявление национальной идентичности
        - Постмодернистский «мультикультурализм» эпохи Билла Клинтона
    - Глава пятнадцатая
        -
        - Избранность
        - Особенные черты
        - Секуляристы
        - Смена пастырей
        - Исчерпал ли себя фундаментализм неоконов?
        - Чей он, храм на склоне холма?
    - Глава шестнадцатая
        -
        - Мир, который возглавил Обама
        - Некогда фабрика мира
        - В чем надежда американцев?
        - Предложения четырех мудрецов
        - Курс Обамы
        - «Нехристианская страна»
  - Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Татьяна Кузнецова
Анатолий Уткин
История американской культуры

© Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И., 2010
© Издательство «Человек», оформление, издание, 2010

* * *

Предисловие

Создание учебника по истории американской культуры поставило нас перед необходимостью, помимо изучения собственно культуры, уделить внимание решению более общих вопросов – теоретических (связанных с пониманием культуры и культурологии как научной дисциплины), методологических (обращенных к способам научного анализа историко-культурного материала), методических (имеющих задачу подготовки вузовского учебника по культуре США – одного из немногих, выпущенных в России).

По мере развития культурология все более определяла свою предметную область, закрепляя за собой знание о культуре не как об отдельной социальной сфере, а как о наработанной программе жизнедеятельности общества, ценностном содержании и аспекте любой деятельности. Однако в большинстве учебников по культурологии наблюдается обособление культуры как специализированной деятельности. Наибольшее внимание в качестве таковой уделялось художественной культуре, вошедшим в мировую сокровищницу образцам, в том числе прецедентным феноменам культуры разных стран и народов. Под прецедентными феноменами понимается «авторство» тех или иных культурных форм, произведений, воззрений и способов деятельности, закрепленное за определенной страной, которую нередко знают в мире по приоритетности ее достижений.

Так, ни у кого не вызовет сомнения, что Россия известна своими православием, деспотизмом политических форм и революциями, классической литературой, философией, воплотившей в себе мировоззренческое знание в большей мере, чем научное, фундаментальными научными открытиями, позволившими достичь высот в освоении космоса, музыкой, балетом, победами в войнах, модернизацией как ответом на вызов Запада, народными промыслами, фольклором и прочими социокультурными фактами, которые закрепили за ней эти приоритеты.

Что касается американцев, то за ними прочно закрепилось первенство коммерческой республики, демократической политической культуры, общества пуритан, естественно-исторически сложившегося мультикультурализма, но при этом и «плавильного тигля» народов, к XX веку превратившегося в общество массовой культуры, Голливуда, высокой художественной литературы, мюзиклов. Эта прецедентность отмечена ощущением миссионерской роли страны, восприятием

себя как «Божьего града на холме», выражением политики гегемонизма.

Американская культура демонстрирует тесную связь с историей США, развитием всех аспектов американской жизни, вырастает из повседневности. Как и всюду, в США сегодня имеются культурные разрывы и кризис идентичности. Но в целом это – страна, история которой убедительно подтверждает взгляд на культуру как программу человеческой деятельности и позволяет представить ее как ценностно-смысловую основу жизни общества.

В связи с этим представленная работа может быть охарактеризована не только как учебник по истории американской культуры, но и как учебник, в котором, с нашей точки зрения, теоретический тезис о культуре как программе жизни общества развернут наиболее последовательно, Сведение истории культуры к функционированию специализированных культурных форм и отрыв ее от истории страны менее всего плодотворен. Политическая, экономическая, социальная, гражданская жизнь Америки как общества, строившегося заново на новом месте, дает возможность не выделять культуру в особую сферу, а рассматривать ее в качестве неотъемлемой основы всей жизни американского общества, сделавшего культуру фундаментом живой процессуальной истории.

Это объясняет, почему в учебнике не использован принцип полной представленности всех деятелей американской культуры, особенно художественной. В нем применен феноменологический принцип связи специализированной деятельности в культуре с повседневностью и историей, а не принцип каталогизации и всестороннего охвата явлений, Мы стремились коснуться узловых пунктов связи культуры и американской истории.

Сами американцы чаще всего интерпретируют отдельные явления культуры, исходя из этой методологии. Так, В. Л. Паррингтон в своем знаменитом трехтомном труде «Основные течения американской мысли» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1962), посвященном эволюции американской литературы с момента ее возникновения до 1920 года, в первом томе рассматривает систему взглядов колониального периода (1620–1800), во втором томе – революцию романтизма в Америке (1830–1860), в третьем – возникновение критического реализма в США (1860–1920). Он рассматривает эволюцию художественной литературы США как развитие течений американской мысли, а последнее – как изменение ценностей и схем деятельности, сопровождавших и формировавших американскую историю. Эту традицию можно проследить и в книге «Современная

американская литературная теория» (Spikes M, Contemporary American Literary Theory. South Carolina: University of South Carolina Press. 2003), где литературная теория глубоко социологизирована. В ней выделены пять основных социально обусловленных тем: деконструкция, афроамериканское направление, новый историцизм, политическая критика и феминизм, т. е. все, что, несмотря на специализированный характер такого вида культуры, как художественная литература, подано в социальном контексте, а не как самостоятельная эволюция художественных форм (может быть, за исключением деконструкции). Эта методология существенно отличается от выше отмеченной тенденции каталогизации всех явлений культуры.

Конечно, любая подобная реконструкция культуры может быть подвергнута критике. Возникает проблема методологического обоснования нестандартных исследований истории культуры.

Тезаурусный подход (см.: Луков Вал. А, Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008; Кузнецова Т. Ф. Историзм и движение к тезауросному анализу.//Тезаурусный анализ мировой культуры. Выпуск 2. М:, МОСГУ, 2005) дает методологическую опору для построения неклассической истории культуры. Классическая история предполагает максимально полное освещение материала, строго систематизированное, в наибольшей степени приближенное к объективному (то есть не зависящему от позиции исследователя) знанию о предмете. Тезаурусный подход уточнил: именно приближенное, но объективным в полной мере не являющееся. Препятствием здесь становится тезаурусность – присущий любому человеку, а также любой объединенной на каком-то основании группе людей, национальной культуре способ осмысления мира по ценностному основанию «свой» – «чужой». В центре культурного тезауруса (систематизированного по этому основанию свода представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект) находится «свое», на периферии тезауруса находится «чужое» (есть и «чуждое», в отличие от «чужого», неприемлемое, недопустимое). В сердцевину «своего» встраивается «картина мира», включающая константы, порождающие модели и другие основы освоения мира, но выступающая прежде всего как его образ.

В свете сказанного становится более понятной концепция данного учебника. Мы стремились создать культурную картину американского мира в ее единстве и многообразии. При этом

учитывался не американский, а отечественный культурный тезаурус – как в отбираемом материале для исследования и описания, так и в выборе исследовательских моделей, т. е. мы исходили из наиболее интересного для русского читателя материала, который бы раскрыл культуру США не как «чужую» для него. Для нас были важны достижения философии культуры, культурологии, истории культуры, литературы, политологии и т. д., созданные в разных странах и в разные эпохи. Но наибольшее значение, в полном соответствии с тезаурусным подходом, придавалось работам наших современников и соотечественников. Так, значимыми стали социально-философская концепция «хорошего общества» в той форме, как она представлена в трудах В. Г. Федотовой; концепция философии культуры, предложенная В. М. Межуевым; концепция культурогенеза, как ее излагает А. Я. Флиер; синергетическая парадигма в понимании О. Н. Астафьевой; социокультурный анализ в работах И. М. Быховской, Г. М. Пономаревой, Н. Г. Багдасарьян, Л. М. Мосоловой, О. А. Нестеровой, А. Г. Васильева, А. Н. Доброхотова, К. Э. Разлогова, взгляд на «массовую культуру», присущий А. В. Костиной, Е. Н. Шапинской; и т. д.

В числе важных для настоящей работы исследователей отметим А. А. Аникста, А. С. Мулярчика, В. П. Шестакова, А. Н. Николюкина, М. О, Мендельсона (исследование американского романа, американской литературы), Н. П. Михальскую, Я. Н. Засурского, А. М. Зверева (литература и драматургия), Н. А Анастасьева, А А. Елистратову П. С. Балашова, Т. Л, Морозову, А Ю. Мельвиля (контркультура и неоконсерватизм), В. М. Толмачева (американский роман), М. М. Кореневу (американская драматургия), И. Е. Кокарева (американский экран), А. С. Козлову (американское литературоведение). Существенное значение имеют работы В. И. Солодовникова, А. Л. Штейна, А. Н. Рома и др.

Из исследований последнего десятилетия хотелось бы выделить монографию М. В. Тлостановой «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века». Это глубокое и оригинальное исследование литературных процессов, осуществляющееся в пространстве поликультурной жизни современной Америки. Книга показывает картину развития современной американской словесности, открывая новые имена, закладывая новые парадигмальные основания социокультурных исследований.

Трудно перечислить все источники, на которые мы опирались при создании учебника: наш жизненный опыт, научный багаж, соображения оппонентов и т. д. присутствуют в книге в

переплавленном виде. То же можно сказать и о материале: факты американской истории, даты, персоналии, герои и злодеи, газеты, телесериалы, обладатели «Оскара», лауреаты Нобелевской премии, великие спортсмены и т. д. вовсе не построены в колонны по алфавиту, далеко не все упомянуты, но в той мере, в какой мы, авторы учебника, погружены в американскую культуру и в какой эта культура отразилась в нашем тезаурусе, все они составляют незримый фон, позволяющий делать обоснованные выводы на ограниченном числе примеров, непосредственно анализируемых на страницах учебника.

Возьмем, к примеру, художественную литературу как важный источник для раскрытия картины американского мира. Учебник не содержит всестороннего и систематического описания и анализа американской литературы, генезиса ее традиций, выявления влияния и связей с английской и европейской литературно-художественной жизнью. Главным образом это объясняется наличием в отечественной науке глубоких исследований истории литературного процесса в США, описанием определенных научных парадигм и социокультурных моделей, в соответствии с которыми художественная литература страны создавалась и интерпретировалась. Ради того, чтобы главные мысли учебника не растворились в частностях, подробностях, мы не делаем сносок, но называем авторов, приводим их подлинные мысли, выделяя иным шрифтом, даем основательную библиографию. Мы следуем принципу, что культурологический учебник не должен повторять литературоведческий, не должен складываться из учебников по истории, политологии и т. д. У него своя задача.

Не выходя за пределы истории США, мы написали не историю страны, а историю ее культуры, неразрывно связанную с политической историей, социальной, религиозной жизнью и повседневностью американского общества. Основная цель работы состоит не столько в полноте, сколько в системной целостности панорамы американской культуры, в формировании у студентов картины американского мира, основанной не на стереотипах (как положительных, так и отрицательных), а на конкретных фактах культурной истории Америки.

Сегодня в США осознано значение культуры в качестве своего рода оружия – «мягкой мощи», как называет ее американский профессор Дж. Най. Америка стремится быть привлекательной для мира. Американская культура призвана увлекать и восхищать разные слои как американского, так и других обществ, чтобы обеспечивать влияние и притягательность США для других народов.

Мы придерживались объективной оценки таких форм влияния, поддерживая одни и критикуя другие – примитивные – образцы американской культуры. Вместе с тем очевидно, что американские авторы написали бы учебник иначе.

Мы постарались избежать предвзятости в интерпретации историко-культурной динамики США. С этой точки зрения весьма важно было иметь в виду характер оценки американцами своего национального духовного наследия. Нами изучена американская литература и американские учебники по проблемам культуры США. Поэтому подчеркнем: данную историю американской культуры написали российские ученые рубежа XX–XXI веков для российских студентов начала XXI столетия, основываясь на представлениях об американцах, закрепившихся в русском культурном тезаурусе, стремясь расширить и уточнить эти представления на основе научного анализа не только выдающихся событий, достижений, но и обыденной культуры населения США. Результат этого анализа направлен к синтезу – формированию у российских студентов культурной картины американского мира, обогащенной новыми сведениями и их научной интерпретацией.

Учебник предназначен не только для студентов, специализирующихся в культурологии или американистике. Как краткое изложение основ американского общества и американской культуры он будет интересен и, безусловно, полезен в качестве источника расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества студентам любого профиля, включая естественнонаучный.

Учитывая, что данная работа относится к жанру учебного пособия, в методологических целях во Введении излагается краткая история США, основные положения которой более подробно освещаются на страницах книги в связи с панорамой культурной жизни страны.

Введение

Национальные интересы любого государства формируются в зависимости от его самоопределения в мире. Поэтому в политологические, социологические, культурологические и другие дисциплины вводится понятие *идентичности* (англ. identity – тождественность, одинаковость, совпадение). Идентичность той или иной нации, то есть совокупность ее представлений о том, «кто она такая», постоянно находится под воздействием целого ряда внешних факторов. Вот почему в связи с ускорившейся экономической глобализацией и падением блоковых барьеров в конце XX века повсеместно начались процессы, называемые «кризисом идентичности».

Сегодня весьма актуальным становится вопрос о специфических чертах отдельно взятых народов, жизнь и облик которых стремительно меняются. Это касается и России, и Европы. Пристальнейшее внимание обращено к кризису идентичности одной из ведущих стран современного мира – Соединенных Штатов Америки. Совершенно ясно, что новый этап формирования американской национальной идеи воздействует на основные международные процессы.

Эрнан Кортес. Портрет работы неизвестного художника, XVII в.

Христофор Колумб. Педро Берругуэте, XVI в.

Америго Веспуччи. Гравюра с портрета неизвестного художника.

Эти люди, сами того не желая, закладывали фундамент американской истории и формировали базу для ее национальной идентичности.

«Островное» самосознание североамериканцев сложилось исторически. Оно объясняется географическими причинами: Америка обособлена, отделена от остального мира океанами, ее культура складывалась в условиях значительной изоляции. Вторая важная особенность американской цивилизации –

поразительная мощь, приобретенная за сравнительно небольшой срок.

Национальная идентичность обуславливается рядом параметров: нация, этническая принадлежность, язык, религия и идеология, в совокупности определяющие феномен культуры. Каждый из этих факторов остается основополагающим в условиях постепенного развития и способствует сохранению единства национального пути. Однако в меняющихся исторических условиях то один, то другой параметр начинает преобладать. И в начале XXI века Америка оказывается перед выбором приоритетного начала. Вот основные возможные модели ее развития:

1. Соединенные Штаты —*универсальная* нация, ее ценности близки всему человечеству, а принципы понятны всем народам. Здесь недаром собрались наиболее энергичные представители различных государств, наций, народов планеты. Многие из «отцов-основателей» США видели в созданной ими стране мировой авангард, который опробирует новые социальные и материальные схемы, чтобы затем «осчастливить» полученными результатами менее развитую часть человечества.

Если идентичность Америки базируется на универсальных принципах свободы и демократии, то не следует подчеркивать узкую «американскость»: Соединенные Штаты выступают как лаборатория всего мира. Целью внешней политики страны должно быть глобальное распространение принципов свободного волеизъявления и свободного рынка.

2. Соединенные Штаты – *западная* нация, что исторически определяется европейскими корнями, европейскими институциями, которые когда-то возникли из самоуправления англов и саксов. Таким образом, американский «американскогеополитически-генетический код» соотносится не со *«всем миром»,* а только с *«западным миром».* Если США – лидер западного мира, то основополагающим принципом Вашингтона должно быть всемерное укрепление связей с «ведомыми» государствами. В этом случае США безусловно обязаны считаться с европейскими политическими, экономическими, демографическими и прочими интересами. Цель государства в этом случае – прежде всего, сохранение Североатлантического союза и обращение к остальному миру от имени единой цивилизации Северной Атлантики и Запада.

3. Америка – *уникальная* нация, исключительная по своей истории и особенностям, созданная в неповторимых условиях, которые нельзя имитировать: это, как уже говорилось, изоляция и одновременно – готовность реализовать на практике блестящие

идеи европейского Просвещения. Сторонники этой точки зрения утверждают, что Америку, собственно, породили три начала: англосаксонское понимание свободы, европейская Реформация и Siècle des Lumières – век Просвещения. Вольнолюбивые бритты, покинувшие историческую родину и обосновавшиеся за океаном, привнесли в новое государственное образование идею парламента, народовластия. Национальная версия протестантизма сделала Америку непохожей ни на одну другую нацию, в том числе и в протестантском мире, Блестящая плеяда политиков, ученых, общественных деятелей, собравшихся вокруг третьего президента США, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона и его преемника Джеймса Мэдисона, одного из создателей американской Конституции, реализовала то, о чем мечтали философы: Америка – прежде всего «фрагмент Просвещения», своего рода воплощение мечтаний Джона Локка и Монтескье.

Джон Локк (1632–1704). Английский философ, основатель либерализма, автор эмпирической теории познания («Опыт о человеческом разуме», 1689), согласно которой всё человеческое знание проистекает из опыта. Был сторонником идеи естественного права и теории общественного договора. В педагогике исходил из решающего влияния среды на воспитание. Основоположник ассоциативной психологии.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755). Французский правовед и философ, предтеча количественной теории денег. Один из основателей либерализма как государственной идеологии.

4. Америка на сегодняшний день – это государственное образование, *трансформирующееся* под влиянием массы наиболее активных поселенцев-иммигрантов. На побережье открытого Колумбом континента Северной Америки вслед за англичанами устремились голландцы, шведы, французы. Следом хлынули ирландцы, немцы, итальянцы. За ними последовали жители Восточной Европы. Всякий раз в зависимости от притока свежей крови облик американской цивилизации и культуры отчасти менялся, и нужно уделять особое внимание тому потоку, который главенствует в данный исторический период. В начале XXI века это массовый въезд в США испаноязычного населения. Исходя из такого понимания идентификации, Соединенные Штаты должны решительно повернуться к Латинской Америке.

5. Существует еще один, пятый путь или принцип. Американская нация – это сообщество людей со своеобразными и по существу минимальными общими основаниями идентитичности хрупкий общий базис – это краткая Декларация независимости, Конституция, законодательная база и фактически ничего более. Однако хрупкость базиса лишь кажущаяся: все дело в том, что перечисленные документы гарантируют *равные гражданские права и свободы для всех граждан страны.*

По этому поводу самый проницательный исследователь Америки, Алексис де Токвиль, писал, что в США все рождаются равными и лишены необходимости доказывать или утверждать это равенство. Но ведь «равный» – это еще и «одинаковый», «ничем не выделяющийся», что противоречит самой идее национальной идентификации, согласно которой нация должна

мыслить себя уникальной, а каждый индивид настаивать на неповторимости собственной личности. Чтобы избежать равенства в *«уравнивающем»* понимании, Соединенным Штатам следует отказаться от поисков «родственных» цивилизационных отношений и идти к пониманию того, «что есть Америка», не пытаясь искать общие корни с другими нациями и государствами. В этом случае логично предположить, что конфликты за пределами Соединенных Штатов не имеют непосредственного отношения к собственным интересам американского народа, и правительству страны не стоит пристально всматриваться в то, что происходит в чуждом внешнем мире.

Структура настоящей работы ориентирована в основном на периодизацию новейшей американской истории, где отчетливо просматриваются три основных периода.

1. С конца восемнадцатого века и до 1890-х годов США выступали преимущественно как торговая держава, менее значимая в военном смысле.

Со временем Америка освободилась от английского владычества. Гравюра XVIII в. под красноречивым названием «Америка сбрасывает своего господина» (английского короля Георга III) говорит сама за себя.

2. Между 1898 и 1941 годами США впервые попытались играть роль лидирующей державы в военной и экономической сфере, Однако страна оставалась лишь одним из нескольких существовавших мировых центров. Материальные предпосылки обретения всемирного могущества складывались в течение десятилетий. По основным экономическим показателям США заняли первое место в мире уже в конце XIX века, а затем в ходе Первой мировой войны произошло превращение страны из должника европейских держав в их кредитора.

3. С вступлением во Вторую мировую войну произошел отказ

Соединенных Штатов от политики «изоляционизма» и осуществился переход к идее всеохватывающей глобальной экспансии.

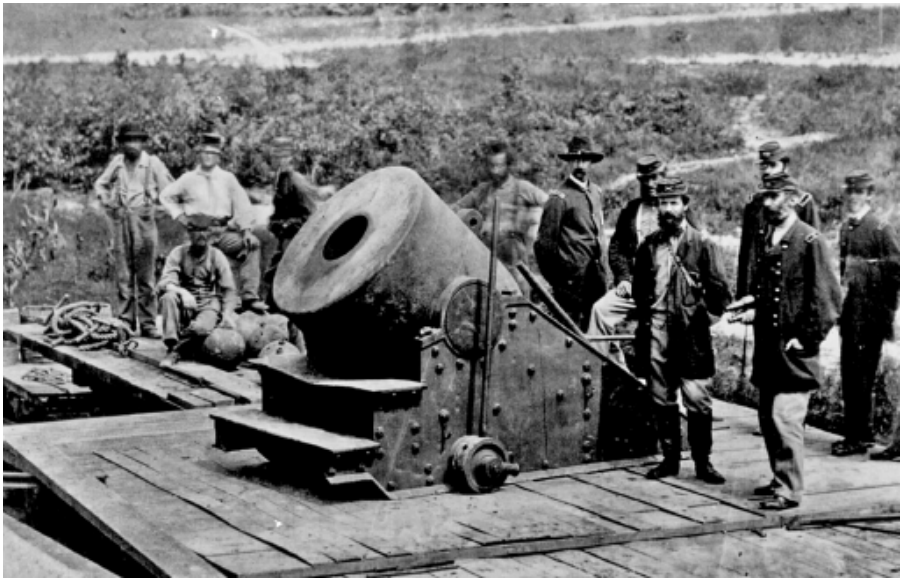
В нашей книге речь пойдет об американской культуре (термин «культура» понимается прежде всего в базовом значении как «система ценностей данной человеческой общности»). Анализируя ее, следует сконцентрироваться на внутриамериканских демократических преобразованиях, на стремлении действовать посредством позитивного примера, а не на случаях навязывания своей воли и институций (что в принципе не может быть результативным) таким далеким и непохожим на США странам, как Филиппины, Вьетнам, Ирак. От выбора приоритета в процессе самоидентификации зависит очень многое. В частности – характер будущей внешней политики страны, которая после окончания «холодной войны» не без напряжения реагирует на события в быстро меняющемся мире XXI века.

Государственный герб Соединенных Штатов Америки

Наиболее точную и емкую характеристику американскому обществу дал, пожалуй, Сеймур Мартин Липсет, говоривший о сочетании в американском характере религиозности, оптимизма, патриотизма, индивидуализма и осознанного стремления защищать права человека от малейшего посягательства с чьей-либо стороны. Алексис де Токвиль еще в начале девятнадцатого века писал, что американский социум – это нечто новое,

небывалое, неизвестное прежним аристократическим обществам. Разумеется, и при многовековом наличии таких «аристократических обществ» каждая европейская нация уникальна; но уникальность Америки – из-за отсутствия огромных пластов исторического опыта – носит все же особенный характер.

Часть I



Глава первая
Формирование американской нации

Предпосылки возникновения колониальной культуры

Англосаксы, в отличие от испанцев и французов, ехали в Америку с твердым пониманием того обстоятельства, что их ждет не благословенное Эльдорадо, а тяжелый труд в суровой стране. Этот момент является ключевым для понимания американской нации и культуры. Ядро будущего национального единства составили пуритане *(англ.* puritans – «чистые»), последователи религиозного движения, настаивавшего на реформах англиканской церкви, уничтожении епископата, введении совета выборных старейшин, удалении из церкви украшений, упрощении религиозных обрядов, замене мессы проповедью.

Протестантская этика с наивысшей силой проявилась в дневниковых записях капитана Джона Смита, основателя Вирджинии, первой североамериканской колонии Англии. Он писал, что первопоселенцам было нечего ждать, кроме результатов собственных усилий. Идея действенности и обязательности тяжелого труда подкреплялась (и отягощалась) кальвинистским представлением о жизни как неизбежной трагедии, о земном пути как дороге страданий. Вот почему атмосфера первых поселений пуритан угнетает даже в описаниях: перед читателем открываются унылые картины того, как мрачные люди молча и безостановочно пробивают дороги, очищают поля, без радости и песен встречают рождение детей, без славословия провожают усопших.

Но ощущение свободы от полуфеодальных пут Европы стало проявляться довольно быстро. В английских колониях отсутствовала религиозная дисциплина, требуемая англиканскими епископами метрополии, и пуритане мало-помалу обрели невиданный простор не только для культовых отправлений, но и для определения базовых принципов своей жизни. В каждом североамериканском поселении образовалась своя независимая религиозная община, а *проблема духовной свободы свелась к самостоятельному определению верований, пристрастий, вкусов.*

В. Сегар. Елизавета I с горностаем – символом королевской власти Англии. 1585

Джон Смит (1580?-1631) Знаменитый путешественник, которому американцы обязаны названием «Новая Англия».

Культура североамериканских колоний с самого начала носила, что вполне понятно, черты западноевропейской прародины – Англии с ее высокими достижениями елизаветинской и революционной эпох, с ее сумрачным пуританским бытом. Удивительной особенностью, отчасти объясняющей дальнейшую оригинальность и интенсивное развитие культуры США в целом, явилось повсеместное наличие довольно богатых домашних библиотек, бережно собранных не только в Англии, но в других европейских странах. Уже вскоре после освоения атлантического побережья в тринадцати здешних колониях начинается печатание и распространение памфлетов, альманахов, периодических изданий, а затем и книг.

В становление американской культуры внесла свою лепту не только доминирующая англосаксонская струя, Оказало влияние наследие множества других народов – шотландцев, ирландцев, голландцев, валлийцев, шведов. Но на протяжении полутора веков колониальной истории английское влияние, как мы уже говорили, преобладало: большинство поселенцев были англичанами, классовая структура носила ярко выраженный английский характер, законы строились по английской матрице, теология шла от англиканской церкви и английских сект, формы образования имитировали английские образцы. То же можно

сказать и об искусстве, стиле жизни, характере развлечений, преобладающей моде, судопроизводстве, церкви и прессе. Главные связи с миром пролегали для Северной Америки через Лондон.

В английской культуре XVII в. преобладают театр и изобразительное искусство. Художники. Висхер в 1616 г. запечатлел знаменитый «Глобус», в котором ставились пьесы Шекспира.

Важнейшей отличительной чертой собственно американской культуры в процессе ее становления стало следующее: осваивая новые территории, удаляясь от побережья в глубину континента, новое общество не знало самых существенных ограничений, определявших государственность и культуру Европы. Америка не знала феодализма. В Америке никогда не было титулованной аристократии, наследственных привилегий, строгой клерикальной иерархии, господства высших слоев во вкусах, привычках, зарождающихся традициях, Поэтому двери на вершину социальной лестницы в США с первых дней были открыты шире, чем в постфеодальной Европе.

Сказанное не означает, что в Новом Свете сразу же воцарились республиканские добродетели. Между прочим, этика пуритан высшими ценностями, наряду с трудолюбием, объявляла расчетливость, стремление к накопительству, восхищение

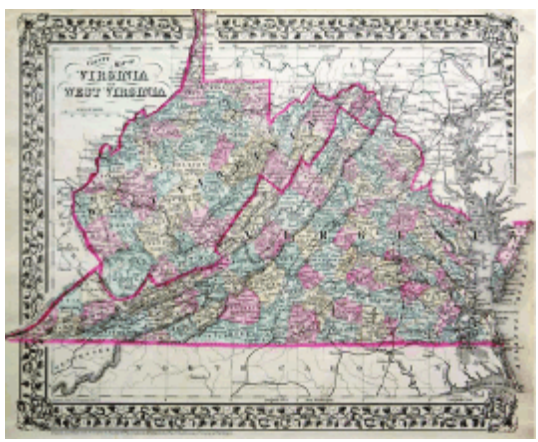
богатством и презрение к бедности. В колонии Нью-Йорк, как и в старой доброй Англии, богатые землевладельцы имели в провинциальной ассамблее своих представителей или заместителей. Подобно замкам, стояли огромные дома вверх по Гудзону – их охраняли вооруженные афроамериканцы-рабы, здесь содержались маленькие армии, а их владельцы вступали в собственные договорные отношения с индейцами. Среди студентов Гарвардского и Йельского университетов наибольшим уважением пользовались выходцы из состоятельных семей. В церквях, как в англиканских, так и в других протестантских, отдельные группы верующих размещались в соответствии с общественным положением. Представители старых семейств Вирджинии могли заставить простолюдинов ждать начала службы в церкви до того момента, пока они не разместятся на собственных скамейках в храме.

Старинные гравюры показывают, как выглядели простые горожане.

Общество оказалось стратифицировано по имущественному признаку, Образовалась своеобразная социальная иерархия, на вершине которой располагались крупные землевладельцы. За ними следовали свободные фермеры, жившие в отдалении от побережья – они составляли основу населения Новой Англии и срединных колоний. Фермеры все более продвигались на запад, южнее Вирджинии, Владельцы земель были часто неграмотны, но именно их битва за жизнь стала той неповторимой составляющей

американской культуры, которая определила ее облик, складывающийся на границе освоенного и неосвоенного, естественного природного и окультуренного мира. В этой особой «пограничной» обстановке демократических идеалов и вкусов (неизбежных при постоянной взаимовыручке, в атмосфере которой жили фермерские кланы) складывался дух американских пионеров, влиявший на формирование новой культурной традиции.

Третий слой американского населения составляли свободные ремесленники и рабочие, жившие в городах. Их было меньше, чем фермеров, неукротимо устремлявшихся в леса и степи. К четвертому слою принадлежали несвободные сельскохозяйственные рабочие, уделом которых была черная работа. Часть из них находилась в рабстве временно, в перспективе был переход в третью социальную группу, другая часть работала на полях пожизненно, поколениями. На Юге страны это были рабы, принадлежащие хозяевам как имущество, по закону не подлежащее отчуждению.



Старинная карта Вирджинии

Плантаторы Юга

…В мае 1607 года три потрепанных штормами корабля под британским флагом бросили якоря в устье реки, получившей впоследствии название Джеймс. Люди, измученные четырехмесячным плаванием по бурному океану, ступили, наконец, на землю. Их изумлению не было границ. Как зачарованные, бродили они по берегу, усыпанному огромными устрицами. В небе проносились стаи невиданных птиц. В неоглядную даль уходили леса. Обширные поляны среди могучих дубов и величавых сосен были похожи на гигантские ковры,

сотканные из ярких цветов.

Этой сказочно плодородной земле, которую пришельцы назвали Вирджинией, суждено было стать первой английской колонией в Северной Америке. Исконные хозяева – индейцы, доверчиво встретившие европейцев, довольно скоро были оттеснены в глубь материка.

И Христофор Колумб, и Америго Веспуччи поначалу решили, что попали в Эдем – так очаровал их пейзаж нового континента. Веспуччи вспоминал, что здесь было огромное множество теплых источников и бесчисленное количество деревьев. Иногда нежный запах трав и цветов и аромат спелых фруктов и корней овладевал путешественником настолько, что он возвращался к мысли о том, что находится по крайней мере рядом с земным раем.

Колонизация, задуманная как привлечение прибылей в активы Лондонской и Плимутской торговых компаний, быстро переросла намеченные рамки. Из Европы на далекий континент устремились не только те, кто хотел вложить свой капитал в доходное предприятие, но и многие тысячи обездоленных и гонимых, для которых Новый Свет стал единственной надеждой добыть средства к существованию или укрыться от религиозных, политических или юридических преследований.

Начиная со второй половины XVII столетия поток переселенцев еще более увеличился. Буржуазная революция в Англии и диктатура Кромвеля, затем реставрация Стюартов и, наконец, еще один государственный переворот (1688–1689

годов) – каждое из этих бурных событий порождало новую волну беженцев за океан. Сюда устремлялись и выходцы из других европейских стран.

Вслед за первыми двумя колониями – Вирджинией на юге и Массачусетсом на севере – возникли Мэриленд, Коннектикут, Род-Айленд и Нью-Гемпшир. Затем к ним прибавились Северная и Южная Каролина, Нью-Йорк, Пенсильвания, Делавэр, Нью-Джерси, Джорджия. Образовались они на кромке огромного континента, но вскоре перенаселенность побережья побудила людей двинуться дальше на запад, все более оттесняя индейцев.

В Вирджинии, где уже в 1670 году проживало 40 тыс. человек, движение на запад было весьма интенсивным. Оно стимулировалось как непрерывным притоком населения, так и особенностями развития сельского хозяйства в этой колонии. Благоприятные природные условия позволяли колонистам не только обеспечивать себя продовольствием, но и разводить табак, пользовавшийся большим спросом в Европе, Табак приносил немалую прибыль, а потому и стал с самого начала главной сельскохозяйственной культурой Вирджинии.

Насколько быстро поняли вирджинцы выгодность возделывания табака, видно, например, из того, что уже в 1617 году им были засеяны даже улицы и рыночная площадь первого административного центра колонии – Джеймстауна. Одновременно это говорит и о том, что уже тогда переселенцам стало тесно вблизи устья реки Джеймс, где они первоначально обосновались.

Нехватка земель становилась все более ощутимой. К тому же табак в условиях хищнического ведения хозяйства быстро истощал почву. Поэтому его разведение в Вирджинии и других южных колониях постоянно требовало освоения новых территорий, что, в свою очередь, вызвало потребность в дешевой рабочей силе. Сначала широко применялся труд «законтрактованных» слуг, т. е. тех переселенцев, которые, не имея средств, в уплату за переезд в Америку давали письменное обязательство отработать на плантациях от двух до семи лет. А когда и этого оказалось недостаточно для удовлетворения потребности в рабочей силе, то стали завозить чернокожих из Африки. Чернокожие рабы были выгоднее, чем белые, так как они становились собственностью землевладельца и были обречены работать на хозяина всю жизнь.

Примерно так выглядели плантации на берегах Миссисипи. Помимо табака, распространенной культурой был хлопок.

Вирджиния тогда была самой большой американской колонией Англии и включала в себя территории, на которых в последующем возникло еще семь штатов – Западная Вирджиния, Кентукки, Огайо, Иллинойс, Индиана, Мичиган, Висконсин. Но основная масса населения в XVIII веке все еще жила вблизи побережья, тонкой струей растекаясь на запад и постепенно колонизуя новые земли.

Применение рабского труда привело к созданию крупных плантаций и обогатило их хозяев. На американском Юге возникла землевладельческая аристократия, сосредоточившая в своих руках основную часть освоенной территории, причем самую удобную – в прибрежной полосе, откуда сравнительно легко было переправлять табак и другую экспортную продукцию к океанским гаваням. В Вирджинии такую аристократию представляли семьи Рендольфов, Маршаллов, Мезонов, Бирдов, Картеров и некоторые другие, составившие местную знать. Помимо доходов от плантаций, многие из них занимались весьма прибыльной спекуляцией землей.

По существовавшему тогда закону вся территория Вирджинии являлась собственностью английского короля. Губернатор предоставлял право пользования землей тем или иным лицам, а они, в свою очередь, передавали это право другим. Разумеется, за определенную плату. Так возник земельный бизнес. Одна из его особенностей состояла в том, что перепродавались участки, находившиеся в необжитых местах, и потому их освоение требовало огромных усилий. Причем мелкие фермеры, которым, в конце концов, доставались небольшие наделы, в сущности, перед лицом закона даже не были их владельцами, так как земля

по-прежнему являлась собственностью английской короны.

При таких условиях основу благосостояния составляло общественное положение семьи, и чем выше находилась она на социальной лестнице, тем прочнее были ее «права» на приобретенную землю. Иначе говоря, и эта привилегия принадлежала лишь колониальной знати. Последняя резко выделялась среди основной массы поселенцев – выходцев из беднейших слоев иммигрантов. Даже в середине XVIII столетия в Вирджинии и ряде других американских колоний Англии примерно три четверти белого населения в настоящем или в прошлом были законтрактованными слугами.

Антирабовладельческой была деятельность миссионеров, которые строили небольшие поселки для индейцев, в которых учили аборигенов читать и писать, обращая коренное население Америки в христианство, препятствовали его истреблению. Вот почему миссии нередко разрушались. На современной реконструкции показан типовой план миссии.

Отработав положенный срок в качестве белых рабов, они устремлялись дальше на материк и оседали по берегам рек, служивших в условиях полнейшего бездорожья почти единственными транспортными артериями. Поскольку земель этим людям не жаловали, а для покупки участка у них не было средств, то они становились «скваттерами», самочинно захватывали незанятые участки без легального разрешения на собственность и работали на них, не уплачивая налоги.

Постоянные стычки с индейцами, оказывавшими мужественное, хотя и безуспешное сопротивление захвату

принадлежавшей им территории, дополняли тяжелый труд, без которого невозможно было превратить в пашню почти сплошь покрытую лесами землю. Собственными руками удавалось освоить лишь весьма скромные участки, но основная масса поселенцев довольствовалась и этим, радуясь обретенной наконец возможности прокормить семью, сея пшеницу, кукурузу и разводя скот.

Добиться большего удавалось немногим. К таким в основном принадлежали фермеры из прибрежной полосы, которые отправлялись на запад в надежде увеличить свое состояние. Они имели некоторые средства, а иногда и немного рабов. Это давало им огромное преимущество перед вчерашними белыми рабами, так как позволяло покупать и осваивать более обширные участки и постепенно превращать их в солидные поместья, основой процветания которых становилось разведение табака.

Вот в такой социальной обстановке происходило становление американской культуры – *аристократической наверху, демократической в своем среднем составе, рабской в нижнем слое общества.*

Если культурные традиции в тех или иных кланах и присутствовали, то они являлись, как уже говорилось, европейским наследием. Причем в отрыве от метрополии, от новинок литературы и науки, получить достаточное по английским меркам образование оказывалось нелегко, а то и вовсе невозможно. Упомянем, что полковник Джефферсон (отец государственного деятеля) собрал небольшую библиотеку и в свободное от своих многочисленных дел время любил читать, причем Библии предпочитал сонеты Шекспира и сатиру Свифта. Он пришел к выводу, что сын его должен стать образованным человеком. На том же настаивали и домашний учитель, и некий пастор Дуглас, обещавший дать своим ученикам «классическое образование», хотя имел для этого явно недостаточно книг. За пять лет обучения Джефферсон-младший получил у Дугласа не более чем поверхностное знакомство с латынью и греческим, а также французским языками.

Юлиус Брутус Стимс. Фермер Джордж Вашингтон. Вашингтон владел 123-мя рабами

Если повнимательней вглядеться в личность буквально любого из южан, впоследствии отличившихся в грядущей Войне за независимость Америки от Англии, то мы увидим, что они любили лучшее в одежде, рифленые рубашки, золотые украшения, прекрасные кожаные изделия, серебряные безделушки. «Пришли мне все, что в моде», – писал своему приятелю в Лондон молодой Джордж Вашингтон. Его обычай пить пять полных рюмок мадеры – хорошего, благородного вина – за обеденным столом был хорошо известен. Будущий первый президент обожал конские скачки и игру в карты. Его влекли также театр, цирк, петушиные бои, танцы и охота на лис. В течение 1768 года он двадцать девять раз приглашал гостей и семь раз был приглашен сам. Постепенно светские обычаи широко распространялись в молодом государстве. Южная столица – Чарльстон – привлекала музыкантов и лекторов. В театрах английские пьесы ставились наряду с местными сочинениями.

Колледж Уильяма и Мэри, одно из первых учебных заведений в американских колониях Англии, был основан в 1693 году. К тому времени в Вирджинии уже существовали десятки крупных имений. Их владельцы богатели, используя труд рабов, число которых достигало почти шести тысяч, и стремились во всем подражать английской знати. Подобно ей они желали дать своим сыновьям образование и потому отправили своего представителя, некоего Блейра, в Лондон за разрешением создать колледж. Эта просьба вызвала недоумение в английской столице, Королевский верховный прокурор Сеймур удивленно спросил, зачем в Вирджинии нужен колледж. Блейр заговорил о необходимости

«возвышать дух» поселенцев посредством образования. Легенда, впрочем, подтвержденная фактами, гласит, что прокурор был поражен. «Дух? – воскликнул он. – Лучше разводите табак!» Но так как подходящего предлога для отказа все же не нашлось, пришлось разрешение на постройку колледжа дать.

Колледж разместился в Вильямсбурге, ставшем административным центром Вирджинии. Это учебное заведение с самого начала значительно отличалось от европейских. В пуританских колледжах американского Севера готовили преимущественно проповедников. Здесь же, наряду с богословским факультетом, имелся и другой, где преподавали математику, физику, философию, историю, географию, литературу, юриспруденцию. Так реализовывалась мечта богатых вирджинских плантаторов – дать наследникам полноценное образование, не посылая их в Англию, не отрывая от земли, ее обычаев и параллельно прививая навыки ведения хозяйства.

В колледже Уильяма и Мэри единственными светскими профессорами были горячий приверженец идей европейского просвещения доктор Уильям Смолл, читавший лекции почти по всем упомянутым предметам, и убежденный антироялист Джордж Уайт, самый известный вирджинский адвокат, преподававший право. Доктор Смолл происходил из Шотландии, был профессором математики, человеком глубоких знаний в области большинства прикладных разделов науки. Помимо профессиональных достоинств, он обладал счастливым талантом общения, корректными манерами джентльмена, либерально настроенным умом. А Джордж Уайт стал одним из авторов знаменитой Декларации независимости США, того самого документа, с которого и начинается история Америки не как английской колонии, а как самостоятельного государства.

Усилиями преподавателей колледжа к любимым вирджинцами поэмам Гомера и Вергилия теперь прибавились Сократ, Плутарх и Сенека, Студентов восхищало учение Демокрита и Эпикура о счастье людей как цели философии и их атомистический материализм, разрушавший религиозные представления. Разбуженная мысль обращалась к современной философии, к Вольтеру, Монтескье, Руссо. Зачитывались сочинениями Бэкона, Ньютона и особенно «Опытом о человеческом разуме» Локка, ставшим уже тогда идейным путеводителем для идеологов демократического направления американской революции.

Колледж Уильяма и Мэри

Колониальные хронисты об основаниях американской культуры

Первыми, кто описал начальный этап развития культуры североамериканских поселений, принято считать Джона Смита, Уильяма Бредфорда и Джона Уинтропа, которые стояли во главе прибывших из Англии поселенцев и фиксировали на бумаге все, что видели. Вчерашние европейцы несли с собой опыт и традиции историографии Старого Света. Хронисты-проповедники опирались, в частности, на опыт монастырских летописей средневековой Европы. Их хроники представляли собой совокупность волнующих эпизодов, природоописания и географических маршрутов.

В первые полтора столетия качество и уровень зрелости исторических сочинений определялись во многом литературным мастерством их авторов. Попытки истолкования событий исходили главным образом от теологов и уж, во всяком случае, находились в рамках концепции воздействия Провидения и высшего разума на человеческую жизнь. Ранние американские хроники и путевые отчеты написаны преимущественно для европейских читателей. Непременной частью этих записей были сведения о наилучших морских путях, воспроизводилась линия морского побережья с указанием удобных гаваней и мест впадения рек, описывались климатические условия, качества почвы, флора и фауна. Преподносились советы об обращении с индейцами. Почти каждый автор считал необходимым высказать свои соображения о наилучшей политической и экономической организации поселений. Все это свидетельствует о том, что первые исторические сочинения колониального периода были созданы с чисто практическими целями.

Сам факт быстрого появления творений Смита, Уинтропа и

Бредфорда указывал на то, что ими руководил интерес не строго исторический. Записки первых переселенцев были адресованы не соседям, занятым трудной борьбой за существование, а той аудитории, которая за океаном ждала известий из колоний. Отчет о ходе освоения новых земель читали пайщики Лондонской и Плимутской компаний. И вывод, который следовал из писаний Смита и его коллег, был недвусмысленным: колонии нуждались в новых поселенцах и в новых средствах.

Покахонтас спасает жизнь капитану Смиту.

Капитан Джон Смит (подробнее о хрониках Бредфорда и Уинтропа см. ниже, в гл. II), открывший перечень летописцев североамериканских колоний, входил в тот круг полукупцов-полупиратов, который выдвинулся во время правления Елизаветы. Он находился на службе у колониальных компаний, вначале у Виргинской, а после разрыва с ней – у Плимутской. Последние шестнадцать лет своей бурной жизни, вплоть до смерти в 1631 году, капитан Смит, возвратившись в Англию, занимался литературным трудом.

Как исторический писатель Джон Смит известен краткой хроникой с длинным названием: «Истинное повествование о достопримечательных событиях и происшествиях, случившихся в Вирджинии со времени учреждения этой колонии». В своем сочинении Смит описывал отчаянное положение Джеймстауна,

отмечал скупость и алчность пайщиков компании. Значительное место в тексте отведено взаимоотношениям поселенцев с местными племенами.

Трудности, о которых автор рассказывал, описывая рост колонии, велики, но Смит уверял, будто эти тяготы существовали лишь вначале. По прошествии лет новопоселенцу, по его словам, гарантировано богатство. Смит откровенно писал, что далек от мысли, будто какой-либо другой мотив, кроме обогащения, мог побудить коммерческие компании раскошелиться и создать новые фактории. В заключении к своей книге автор выражал надежду на будущее процветание Вирджинии и подчеркивал, сколь прибыльно для Англии торговать с нею.

Другое сочинение Смита – «Описание Новой Англии» – имеет более спокойный тон. Здесь перед автором не стояли задачи самооправдания или рекламы, как в «Истинном повествовании…». В 1621 году Совет Вирджинии в Лондоне пригласил капитана Смита написать полную историю колонии. Он охотно согласился, став на путь компиляции своих же прежних изданий и широко используя труды других авторов. В результате написанная им шеститомная «Общая история Вирджинии» свидетельствовала о богатой фантазии автора и об отсутствии у него излишней скромности. Собственно авторское начало присутствует лишь в сравнительно небольшой части текста: остальное место занял пересказ всевозможных историй, сохраненных и приукрашенных памятью первых поселенцев.

В любом случае Смиту удалось запечатлеть основание английского колониального предприятия в Америке. Его работа представляет собой письменный памятник долгой и упорной борьбе колонизаторов-американцев за существование, зарождению у них стойких культурных оснований в самом начале пути.

Американские колонии Англии возникли в контексте складывающегося в Европе XVII века западного буржуазного общества, основные элементы которого к этому времени были уже налицо. За полтора столетия Вирджиния и другие области значительно продвинулись в развитии экономических отношений. Основным занятием населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство. В южных колониях – Вирджинии, Мэриленде, Северной и Южной Каролине, Джорджии – утвердилась плантационная система, основанная на применении труда рабов-афроамериканцев.

Параллельно закладывались основы правовой системы будущего независимого государства. Так, например, в Вильямсбурге отчетливо определились две адвокатские школы.

Одна из них, признанным руководителем которой был известный юрист Пендлтон, стремилась воздействовать на судебный процесс, обращаясь скорее к чувствам, чем к рассудку членов суда и зрителей процесса (большинство судебных заседаний в те годы являлись открытыми). К числу адвокатов этого направления, блиставших красноречием, предпочитавших страсть логике доказательств, принадлежал, в частности, и один из будущих трибунов революции – Патрик Генри. Другая школа стремилась к рациональной аргументации.

Контрольные вопросы

1. Наследие каких народов повлияло на становление американской культуры?

2. Каково влияние социальной стратификации на культуру формирующегося американского общества?

3. Труды каких первых американских хронистов легли в основу истории американской культуры?

Глава вторая
Нация пуритан

Новая Англия

Шекспир в «Двенадцатой ночи» выводит образ пуританина Мальволио, про которого другие персонажи говорят, что его святость препятствует наличию в мире пирогов и хмельного пива. Примерно в такой логике рассуждала Англия Кромвеля, которая с увеличивающейся настойчивостью посылала своих представителей в Северную Америку, вытесняя оттуда голландцев, шведов, испанцев и французов: чем больше окажется в колониях британских ревнителей морали, непригодных в английском обществе, тем больше прибылей получит метрополия. Этические нормы пуритан были жестоко высмеяны и каленым железом выжжены в Европе, однако за океаном их носители оказались беззаветными «отцами-пилигримами». И, в конечном счете, хотя пуритане и ушли с дороги европейского культурного развития, они сохранили за собой положение *основателей американской культурной традиции.*

Долгое время правление пуритан в Америке изображали как некое варварство, их идеологию – как глухой религиозный дурман, а исторические подробности мало кого интересовали. Неизвестность в значительной мере развеял исследователь Шоулз, выпустивший в 1962 году капитальное исследование *пуританской культуры.* Пожалуй, эта массивная книга под малообещающим названием «Пуритане и музыка» служит лучшим исследованием влияния реформаторов англиканской церкви на американскую культуру. Шоулз рассмотрел все аспекты культурной жизни формирующегося американского общества: музыка, поэзия, отношение к жизни, интеллектуальное осмысление бытия – все это находило здравое обоснование в новом церковном учении, которое (как и в немецком лютеранстве) декларировало необходимость освобождения от прежних религиозных стереотипов.

Пуритан представляли себе по-разному, но обязательно они выглядели либо чересчур мрачными, либо слишком смешными. Так, например, строил образ пуританина замечательный советский артист Н. А. Светловидов (1889–1970), исполнявший роль Мальволио.

Э. Хикс. Уильям Пени легализует право на владение индейскими землями. Нач. XIX в.

Шоулз убедительно доказывает, что нарочитая суровость законов штата Коннектикут – скорее легенда, чем историческая истина. В реальности подобного кодекса никогда не существовало. Пуританская культура была построена на иных, гораздо более привлекательных основаниях: суверенность, законность, странное сочетание покорности и мятежности духа, уважение к науке, восхищение природой, приверженность истине, склонность к умеренным удовольствиям, уважение к разуму, справедливости, милосердие как норма жизни… Все эти черты при детальном исследовании мы обнаруживаем в мировоззрении пуритан, высадившихся в Массачусетсе и Коннектикуте. Безусловно, в нем присутствовали и отрицательные начала, особо отмеченные сторонниками англиканской церкви, но далеко не только они одни.

Культурная жизнь пуритан *не пропадала* за мрачным религиозным рвением. Напротив, они были готовы к идеологической и религиозной битве и с яростью и страстью вели ее – об этом свидетельствуют тысячи памфлетов и расширенных проповедей, публиковавшихся в североамериканских колониях Англии. Во многих отношениях это складывающееся мировоззрение было проявлением едва ли не лучших черт западного разума.

Интересно, что лучшие представители западной культуры именно в Америке реально и практически встретились с пониманием неразрешимости жизненного конфликта. И дело не в людском невежестве или извращенности, а в том, что по природе своей человеческие желания и надежды порождают противоречивые идеи, которые нельзя привести к общему знаменателю некой умозрительной всеобъемлющей системы миропонимания или единообразия.

Уже говорилось, что известным хронистом Новой Англии был Уильям Бредфорд. Он происходил из семьи английского фермера и уже в ранние годы связал свою судьбу с гонимой церковью пуритан. В вынужденной эмиграции на континент, в Голландию, и в последующем переселении пуританской общины в Новый Свет Бредфорд, видимо, играл значительную роль. Он стал вторым губернатором Нового Плимута и занимал этот пост в течение тридцати лет. «История плимутского поселения» Бредфорда охватывает период от 1620 года, когда корабль «Мэйфлауэр» доставил поселенцев к долгожданным берегам, до 1646 года.

Книга послужила важным источником для более поздних историографов. Форма и стиль повествования предельно лаконичны. Возвышенные настроения автора, его покорность воле Провидения вылились в суровый рассказ, звучащий большим

контрастом пышным описаниям Джона Смита, Скупыми словами повествует Бредфорд о поисках места высадки, о выборе побережья залива, открывшегося за мысом Код, о первых днях нового поселения. Ему вполне хватает красок для передачи трагического пафоса первой зимовки, Он пишет, как умирали люди – иногда по двое, по трое в день, как из ста с лишним человек осталось в живых меньше пятидесяти. Болезни и голод держали общину в крайнем напряжении: мужество первых поселенцев подлинно и не нуждается в приукрашивании. Рассказывает Бредфорд и о встрече с индейцами, вдохнувшей надежду в отчаявшихся обитателей Нового Плимута. Говорит о первых шагах здешнего сельского хозяйства и замечает, что в неурожайные годы колонисты научились заниматься морским промыслом.

Уильям Бредфорд

Бредфорд знакомит читателя со многими сторонами жизни в колонии. Он обсуждает вопрос о новом пасторе, делится впечатлениями о поездках в глубь континента, осуждает торговлю оружием с индейцами, обнаруживает на удивление терпимое отношение к «еретику» Роджеру Уильямсу, изгнанному из колонии за свои религиозные убеждения.

Негодованием полны строки Бредфорда (столь бесстрастно, безропотно писавшего о гибели половины общины в первую страшную зиму), когда он говорит о неистребимой суетности человеческого разума. Как проницательный наблюдатель, он

видел опасности, которые таит будущее. Глава плимутского поселения напоминал тем, кто уклонялся от исполнения заветов отцов и отказывался от безусловного подчинения, о пуританском наследии и грозил карой небесной. Его страшил распад пуританской церкви на враждующие секты, он пытался заострять внимание единоверцев на общем и объединяющем, подавлять попытки сепаратизма.

Третьим известным хронистом раннего периода, как уже говорилось, является Джон Уинтроп. В течение девятнадцати лет этот бывший английский аристократ находился у руля управления колонии и многим способствовал ее росту. Уинтроп имел юридическое образование и являлся последовательным теоретиком пуританства. Ему представилась возможность претворить свои теории в жизнь в качестве губернатора Массачусетса. Его дневник этого периода получил сокращенное название «История Новой Англии с 1630 по 1649 год».

Джон Уинтроп

Записки Уинтропа – менее связное и цельное повествование, чем хроника Бредфорда; по общему мнению, они уступают первым также и в литературном отношении. В оправдание несовершенств рассказов Уинтропа ссылаются на его повседневную занятость, исключавшую возможность детальной обработки материала и настойчивого чисто литературного труда. Впрочем, ежедневные записки, носящие характер отчета, имеют и некоторые достоинства. Перед читателем встает картина тягот

первых лет существования колонии, он знакомится с конкретной деятельностью группы пуритан, организовавших массовую миграцию своих единоверцев в Новый Свет. Первым жителям берегов залива Массачусетс пришлось победить голод, холод, болезни, ностальгию и внутренние раздоры. Стоило колонии подняться на ноги, как начался ропот, направленный против главенствующих лиц.

Уинтроп фиксирует и значительные, и мелкие, попавшие в поле его зрения эпизоды. Как губернатор он был занят большим кругом вопросов, ему приходилось интересоваться всеми сторонами жизни поселения. Он организовал регулярное почтовое сообщение между метрополией и колониями, между южными поселениями Вирджинии и колонистами Массачусетса, завязал отношения с Вест-Индией. В частности, его беспокоили требования поселенцев увеличить плату за свой труд: это неизбежно отозвалось бы ростом цен на колониальные товары, и поэтому Уинтроп установил твердые заработки для представителей разных профессий.

Главной заботой губернатора Массачусетса – прежде всего пуританского лидера – продолжает оставаться борьба за единство единоверцев, Причем в этой борьбе для него хороши, кажется, все средства. Скажем, Уинтроп оправдывал гонения на квакеров и другие секты тем, что они подрывали это единство, а бедствия вирджинцев подавал как Божье наказание за изгнание пуританских проповедников.

Хроники Бредфорда и Уинтропа имеют общие черты: с одной стороны, это желание убедить читателя в исключительности миссии их церкви в «земле обетованной», с другой – стремление оградить общину от раскола рассказом об общих тяготах, общем наследии. Такая линия главенствовала в созданной пуританами историографии со времен «отцов-пилигримов» до конца XVII века.

Автором первой печатной истории Массачусетса был Эдвард Джонсон – соратник начинаний Уинтропа, но личность менее значительная, Его «Чудотворное Провидение Сионского Спасителя в Новой Англии» вышло в свет анонимно в Лондоне в 1654 году. Эта хроника значительно уступает предыдущим. Свои фанатические религиозные воззвания автор обращал к критикам «евангельского порядка по слову Божию» в Новой Англии и к диссидентам типа Анны Хатчинсон, первой женщины-проповедника в Новой Англии и, по сути, провозвестницы феминизма. Частые риторические отступления делают чтение хроники Джонсона трудным. Не занимая ответственного поста, подобно Уинтропу или Бредфорду, писатель не сумел увидеть и показать панораму общего развития колонии.

Во второй половине XVII века повышенный интерес к становлению американской культуры проявил основанный здесь в 1636 году Гарвардский колледж, а затем и университет. Уильям Хабберд, выпускник Гарварда, написал историю Новой Англии. Но его книга не удовлетворила пуританских ортодоксов. Натуралистическое толкование многих моментов, отказ изобразить Новую Англию «землей обетованной», сквозящее между строк нежелание видеть в каждом случае непосредственное вмешательство Провидения лишили Хабберда поддержки пуританской олигархии. Хотя он получил свой гонорар (книга писалась по заказу), его труд увидел свет лишь много лет спустя.

Задачу отстаивать «истинное учение», пользуясь примером североамериканских колоний, взял на себя один из столпов теократии – Инкриз Мазер, когда-то бывший в числе первых выпускников Гарварда. В свое время он находился в рядах армии Кромвеля, а по возвращении в Массачусетс занял место президента Гарвардского университета. Как воплощение пуританской учености он преподнес общине свою точку зрения в сочинении под названием «Краткое описание положения Новой Англии от основания этой колонии до настоящего времени». Этот опус имел форму письма английскому другу Мазер останавливал внимание на том, что переселенцы появились в «пустыне» Новой Англии по зову своей религии и благодаря ее поддержке подчинили себе индейцев и природу. Памфлет – а именно такой характер носит небольшой по объему труд Мазера, – кроме паствы, адресуется и лондонскому правительству Инкриз Мазер отмечал, что успехи сыновей истинной церкви в Америке приносят немалый доход королевской казне.

Не удовлетворенный предшествовавшими хрониками, Мазер призывал к созданию «первой подлинной истории Новой Англии». Эту задачу взялся выполнить его сын – преподобный Коттон Мазер.

Инкриз Мазер

Выходец из Бостона, Коттон Мазер был человеком необычайной учености и энергии. Именно его восприимчивость к жгучим проблемам современности привела к победе поселенцев над эпидемией оспы, к установлению регулярных отношений с индейскими племенами. Он воспитал в поселенцах Новой Англии чувство исторической полноценности, ощущение собственного участия в глобальном цивилизационном процессе наравне с британской прародиной, заглушил убогий провинциализм и восславил возможности разума. Ко времени его смерти (1728), верные его заветам, жители американских колоний утвердились в понимании собственной причастности к общецивилизационному развитию Запада.

В 1702 году из-под пера Мазера-младшего вышло сочинение «Духовная история Новой Англии», изданная в Лондоне. Мазер начинал книгу библейскими пророчествами о заселении американских земель. Свои взгляды автор изложил в предисловии, в котором подчеркивал, что во всех исторических сочинениях первое место следует отдавать истории церкви, а не светских институций. Религиозное рвение Коттона Мазера достигло апогея в главе «О чудесах невидимого мира», где этот университетский эрудит выступал с оправданием печально знаменитой массовой «охоты на ведьм» в Салеме.

Средневековый фанатизм проступает и в главе «О божьих войнах», Здесь Мазер клеймит всех отступников, призывает кару небесную на новые религиозные секты, оправдывает гонения на

еретиков и безжалостное истребление индейцев. Подлинное уныние вызывает у Мазера безразличное отношение современников к борьбе за чистоту нравов и торжество истинной веры. В заключительных абзацах своей громоздкой истории он находил главную опасность не где-нибудь, а в размягченных сердцах сограждан, которые готовы смириться с неизбежным в таком случае вырождением. Надеясь на Бога, Который Один знает, что будет в итоге со страной, Мазер тем не менее не удерживается от меланхолии.

В книгу «Духовная история Новой Англии» включены биографии проповедников, описаны войны с индейцами, в ней приведены все очевидные для автора свидетельства «вышнего вмешательства». Повествование ведется в неизменно наставительном тоне. Труд Коттона Мазера был последней попыткой удержать расходящееся по побережью пуританское население общими догматами и памятью о деяниях отцов. С этой целью автор использует любые аргументы – как земные, так и «небесные». В некотором смысле это был последний бой ортодоксального пуританского священства за унитарную Новую Англию.

Коттон Мазер

Вместе с тем стоит особо подчеркнуть, что И. Мазер и К. Мазер вошли в историю как организаторы «охоты на ведьм» в Салеме в 1682 году. По обвинению в колдовстве (закон, позволяющий применять против ведьм смертную казнь, был

принят в Массачусетсе в 1641 году и явился, таким образом, американской версией законодательных актов католической Инквизиции) были повешены девятнадцать человек, а восьмидесятилетний старец – забит камнями. Около сотни подозреваемых в колдовстве (среди них и дети) были брошены в тюрьму. Надо сказать, что Коттон Мазер издал особый труд, посвященный распознаванию ведьм и способам борьбы с ними.

В 1701 году Инкриз Мазер – живое воплощение пуританизма в его крайней, фанатической форме – был вынужден оставить пост президента университета. Это событие знаменует начало конца пуританской теократии в Новой Англии. Продолжатель дела отца, К. Мазер был одним из последних представителей религиозной элиты, которая без малейшего сомнения ссылалась на перст Божий в объяснении любого факта истории Америки.

XVIII век предложил свою версию толкования прошлого, свою концепцию формирования американской культуры. Наряду с традиционными историографами – священниками, во всем видящими волю Провидения и осуществление «божественного промысла», – теперь за перо взялись представители новых сил, рождающихся в колониях: плантаторы, адвокаты и другие представители светских профессий.

Так, например, дневник Сэмюэла Сьюолла, написание которого относят к 1673–1729 годам, отразил происшедшие в Америке изменения. Видно, что суровые проповеди, постоянно встречающиеся на страницах Бредфорда и Уинтропа, оказываются уже неуместными, «несовременными». Практичность и деловитость Сьюолла, главного судьи Массачусетса, явились показателями новых веяний. Достаточно сказать, что Сьюолл единственный из трибунала признал несправедливость салемского приговора, а в качестве судьи всегда выступал за возможно более гуманное отношение к индейцам и неграм.

Образ жизни

Оптимальным подходом к рассмотрению картины культурного развития американских колоний до завоевания независимости является выделение трех отчетливо обозначившихся регионов – пуританской Новой Англии, принадлежавшего лендлордам Юга и торговых срединных колоний. В каждой их этих областей культурное развитие имело, безусловно, ярко выраженную специфику.

Поселенцев в Новой Англии изначально было немного, но уже первые сто человек образовали плотно спаянную коммуну. Они были своего рода воском в руках своих религиозных лидеров.

Однако нельзя забывать, что именно пуритане принесли на новый континент культурную *доктрину равенства для всех.*

В первые годы после прибытия новопоселенцев на «Мэйфлауэре» в Америку (1620) и учреждения праздничного Дня Благодарения в честь благополучного исхода путешествия пуритане еще не порывали связей с единоверцами, оставшимися в Англии. Люди, идеи и страсти путешествовали по океану в обе стороны. В этом смысле американская Новая Англия еще практически ничем не отличалась от Старой Англии.

Явлением огромной важности для формирования американской культуры явилась роль пуританизма как первого радикального движения, с самого начала возобладавшего в северных американских колониях. И поразительно то, что свое американское «приключение» первопоселенцы начали с подписания специфического «социального контракта», основанного главным образом на церковных установлениях. Поколение Кромвеля проявило себя на новых территориях с той же жесткостью, если не жестокостью, с которой оно в самой Англии отвергало «легкомысленный» блеск предшествующей елизаветинской эпохи – времени британского Ренессанса. По субботним и праздничным дням никто не смел и пальцем пошевелить, чтобы сделать какую-нибудь полезную работу – вся община дружно слушала Библию. В семнадцатом веке никто не посмел бы открыть поблизости от Бостона театр. Пьянство и адюльтер приравнивались к смертным грехам.

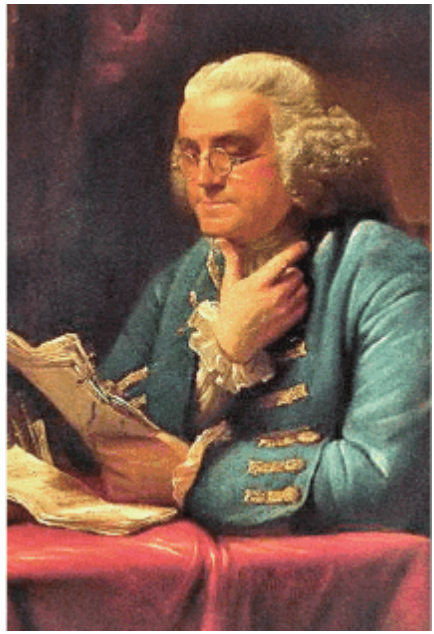
Послабления наступили после 1691 года, когда в Америку хлынули преследуемые в Европе пресвитериане и гугеноты. Постепенно – к восемнадцатому веку – волна католиков, шотландцев и ирландцев, ослабила «дисциплину субботы», открыла возможности, например, для продажи рома. В основной законодательной хартии появилась статья, согласно которой наличие собственности, а не принадлежность к пуританской церкви стало условием получения права голоса, а значит, и гражданства.

Обладающие завидной родословной и материальным достатком южные семьи жили в абсолютно иной атмосфере. Радостное восприятие жизни, неукротимое стремление не отстать от моды, подражание лондонцам в стиле жизни и мировоззрении делали крупные родовые гнезда лендлордов очагами европейской культуры, в основном светско-гуманистической и, во всяком случае, далекой от религиозного фанатизма, Здесь процветала охота на лис, танцы, питейные соревнования, скачки, петушиные бои, азартные игры. Различие двух регионов молодой Америки объяснимо. На Юге высокая культура расцветала благодаря

дешевому труду рабов, на Севере гигантские усилия ради выживания ставили под сомнение саму возможность легко и без натуги решать все жизненные вопросы.

Третий тип адаптации к колониальным условиям жизни представляют собой срединные колонии, выросшие вокруг Филадельфии и Нью-Йорка. Тон здесь задавали квакеры – английские сектанты, отрицавшие церковные таинства и священство, настаивавшие на возможности союза человека с Богом безо всяких посредников, говорившие о необходимости нравственной чистоты, ненавидевшие войны, стремившиеся деятельно помогать ближнему. Квакеры создали эталон простой и мудрой жизни, в которой нравственное совершенствование ценилось выше, чем осознание собственной греховности, как на Севере. Веление внутреннего света, горящего, по мнению квакеров, в каждом человеке, значило для них больше, чем суровые ограничения. В каждодневной жизни квакеры избегали танцев и шумных увеселений, но не осуждали их у своих южных соседей или в собственных растущих городах. Идеалом квакеров также было равенство; но в своем спокойном и человечном обращении к Богу они не походили ни на истовых пуритан Новой Англии, ни на поглощенных модными идеями вирджинцев. Проповедуемое ими уважение к инакомыслящим много значило для становления американской культуры и цивилизации.

Квакерская столица Филадельфия стала центром религиозной терпимости и благоразумия. Здесь была создана первая в Америке библиотека, первый юридический журнал, первая медицинская школа и госпиталь. На всей обширной территории североамериканских колоний Филадельфия явилась научным центром, в котором изучались естественная история, астрономия, математика, физика. И бежавший из Новой Англии Бенджамин Франклин недаром избрал в качестве места своего проживания «город братской любви» – Филадельфию. Тогда-то она и стала культурной и духовной столицей североамериканского мира.



Бенджамин Франклин

К началу восемнадцатого века жизнь колоний была колоритным смешением высокого и низкого, высокоумного и примитивного – к такому мнению приходили путешественники, навещавшие заокеанские владения Британии. На полках библиотек южных плантаторов стояли редкие французские книги. Элегантность царила на званых филадельфийских обедах. В Бостоне смело рассуждали о мировых проблемах. В то же время фермеры, пионеры осваиваемых глубин континента, существовали едва ли не в первобытных условиях, и задача выжить исключала даже намеки на культурную рафинированность, характерную для усадеб патрициев атлантического побережья.

Как уже говорилось, образцом высокой культуры служила Англия – имеется в виду прежде всего Англия XVII века, эпохи буржуазной революции, свергнувшей короля, но лишь утвердившей власть Бога. А это означало, что первой отвлеченной дисциплиной в школах и нарождавшихся колледжах была теология.

Британия дала Америке отправную точку культурного развития – в аспектах социального устройства, политической организации, основных культурных устремлений. Но местные обстоятельства сразу же начали оказывать свое мощное воздействие, модифицируя и изменяя первоначальные установки. Разумеется, основой идейного развития колоний долгое время

служило богословие. Священники еще вели свою паству, выступали судьями, являлись авторами книг, учителями школ и колледжей, интерпретаторами главных проблем североамериканской жизни и основными авторами законов. На полках старых библиотек стояло внушительное число трактатов о первородном грехе и наказании грешников.

Однако постепенно, в дальнейшем, теологическая продукция в значительной степени утрачивала влияние на культурную жизнь Америки. Некоторые религиозные авторы начали говорить о самом бренном мире, и эта линия имела несомненное продолжение в книгах об индейцах, о предотвращении кораблекрушений, о ведении боевых действий. И хотя американская литература, философия, общественная мысль приобретали все более ярко выраженный светский характер, все же исторически сложилось так, что у основания ее стояли священники.

Проповедники и судьи

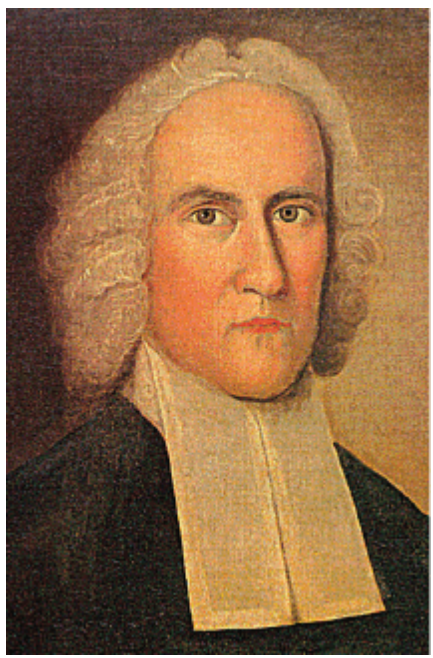
Последователи англиканской церкви на юге, в Вирджинии, ревностно сохраняли основы своей веры; французы на севере и западе, как и испанцы в Мексике и Южной Америке, были преданными католиками. На родине они не смели протестовать против воли и мнения своих епископов, против эксцессов Инквизиции, против могущества иезуитов. В Англии они оставили ненависть короля Якова (Джеймса) I, пообещавшего «вышвырнуть их из страны». Впереди горели костры в селениях пока еще мирных, не ожидавших вторжения индейцев, маячила угроза вымирания неприспособленных к местным условиям европейцев от голода, Но и виделась перспектива жизни без епископов.

Исподволь созревавшее желание представителей разных народов обрести свободу вероисповедания никак не преуменьшает заслуг третьего президента Америки, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона, юриста и общественного деятеля Патрика Генри и борца за суверенность страны Сэмюэла Адамса. В культурном коде Новой Англии четко просматривается основа американского национального мифа – представления о должном образе жизни, полные выпуклых образов и ярких сцен приспособления иммигрантов к новым условиям.

Достойным продолжателем провозглашенной Мазером идеи самоутверждения юной американской нации явился выходец из Коннектикута Джонатан Эдварде, Эта интеллектуальная звезда

Йеля сочетала темперамент необычайной силы с глубинным анализом явлений и процессов, захвативших североамериканские колонии в XVIII веке.

Теологические работы Эдвардса читали от Голландии до Бейрута, где его книги в XVIII веке переводили на арабский язык, Благодаря Эдвардсу Америку перестали рассматривать как окраину мира; за страной начали признавать особенный статус и достоинство. Не стоит забывать, что всем этим Америка обязана своим великим проповедникам, образованность и страстность которых опровергали представления о «провинциальности» заокеанских жителей. Позднее Фихте назвал Эдвардса самым оригинальным мыслителем страны.



Джонатан Эдвардс

Разумеется, это была еще «донаучная» стихия теологического теоретизирования. Но, тем не менее, неистовые теологи заставляли работать типографские машины североамериканских центров учености, побуждали европейцев с уважением вчитываться в написанные здесь произведения, утверждая положение американцев в авангарде великого века Просвещения. И, в конечном счете, для становления Америки стал важным не чудовищный всплеск фанатизма, действительно имевший место, а дух рассудительности и практицизма, участие всех прихожан в обсуждении безграничного спектра вопросов, от религиозных до сугубо практических. В конце концов, массачусетские судьи были

не большими фанатиками, чем их современники Генрих VIII в Лондоне и Кальвин в Женеве, не говоря уже об эксцессах испанской Инквизиции, Важно отметить, что судьи Новой Англии достаточно быстро остановили поток обличений и приговоров, например, в процессах «ведьм», найдя в себе смелость оправдать абсолютное большинство заподозренных в колдовстве и тем самым заложив основы толерантности, которая стала значить в Новом Свете больше, чем при дворах феодальных владык Европы.

Культура печатного слова

Показательной с точки зрения «новых тенденций» была «История Вирджинии» Роберта Беверли, появившаяся в 1705 году, и особенно ее второе издание (1722 год). Вирджинский аристократ, много путешествовавший по Европе, Беверли писал на хорошем континентальном уровне. При этом он враждебно относился к большинству губернаторов колонии и симпатизировал индейцам: его аргументированные мнения звучали диссонансом уже установившейся традиции, «История Вирджинии» Беверли отличается критичностью взгляда. Заказ на книгу был сделан придирчивым лондонским издателем, чей скепсис усилил недоверие Беверли к ранним хроникам.

«История Вирджинии» Роберта Беверли

Остин-холл Гарвардского университета

Подобным же светским духом характеризуются сочинения другого богатого вирджинца – Уильяма Бирда, владельца крупнейшей в колонии библиотеки в четыре тысячи томов, Его версия основания Джеймстауна в «земле обетованной» звучит иронически: он говорит, что новопоселенцы, как истинные англичане, сначала построили простенькую церковь, которая обошлась в пятьдесят фунтов стерлингов, а сразу же после – таверну стоимостью в пятьсот.

«История пограничной линии» Уильяма Бирда была создана на основе личных наблюдений автора, члена комиссии по размежеванию Вирджинии и Северной Каролины. Бирд олицетворял аристократическую верхушку штата. Его презрительное отношение к скваттерам – свидетельство его однозначной классовой позиции. Бирд хорошо знаком с жизнью южных колоний. И сколько бы он ни иронизировал по поводу менталитета соотечественников, его собственное мировоззрение остается истинно английским: недаром он бросает взгляд на Запад, недаром его беспокоит продвижение французов вниз по долине Миссисипи.

Имперская политика увлекала и губернатора Нью-Йорка Кедволадера Колдена, автора книги «История пяти индейских племен». Автор развивал идею союза с ирокезами в борьбе против притязаний французов на западные территории. Попутно он пропагандировал выгоды пушной торговли.

Спустя девять лет, в 1736 году, воспитанник Гарвардского университета Томас Принс опубликовал первый том «Хронологии Новой Англии», Появление этого труда ознаменовало важный шаг в изучении прошлого колоний. Ценным качеством работы Принса было скептическое отношение к сведениям предшественников. Это позволяет говорить о нем как о зачинателе критического

направления. Впрочем, новаторство Принса должно быть принято с определенными оговорками. Как и авторы средневековых европейских хроник, он выстраивал свое повествование от сотворения Адама и, лишь пройдя долгий «библейский» путь до Колумбова открытия, принимался описывать факты истории Северной Америки. Он помещал в книгу лишь те события, достоверность которых ему казалась несомненной. Получившаяся хронологическая таблица содержала минимум комментариев.

У современников Принс успеха не имел: он не оправдал ожиданий своих подписчиков: «Хронология Новой Англии» показалась им лишь тщательной переработкой известных трудов, последовательностью скрупулезно отобранных и выстроенных выдержек из текстов предшественников. Труд Принса остался незаконченным, но он положил начало внимательному и поступательному обзору происходившего. Его заслугой было также включение американской истории в общую цепь мировых событий.

К середине XVIII столетия усилилось внимание к изучению истории Юга со стороны ученых вирджинского колледжа. Глава колледжа Уильям Стит, священник с европейским образованием, в 1747 году опубликовал «Историю первоначального открытия и заселения Вирджинии». По уровню исследования источников сочинение Стита занимает особое место среди колониальных анналов. Он подал историю Вирджинии с точки зрения английских вигов – либералов, извечных противников королевской власти и политической партии тори, приверженной короне. Стит представил прошлое Вирджинии как осуществление гражданских свобод, как постоянную борьбу за восстановление древних конституционных прав англичан против узурпации со стороны короля и амбициозных губернаторов. Автор вирджинской истории был невысокого мнения о предшествующих исторических сочинениях.

Описанием жизни в колониях занимались также Джон Каллендер из Род-Айленда, Уильям Смит из Нью-Йорка и Сэмюэл Смит из Нью-Джерси.

Экономическое и социальное развитие Северной Америки, приведшее к становлению класса буржуазии, равно как участие в совместных военных действиях против французов и испанцев, вызвало к жизни объединительные тенденции, выразившиеся, в частности, в склонности нового поколения историографов рассматривать развитие колоний в целом, как единого организма. Показательна в этом контексте книга Уильяма Дугласа – двухтомник «Общий исторический и политический взгляд на Британские колонии в Америке», в котором сделана по существу

первая попытка дать общий обзор всех английских владений за океаном. Этот труд выходил отдельными выпусками в течение пяти лет, с 1747 по 1752 год. В намерение Дугласа входило посвятить каждой колонии отдельную главу, снабдив книгу топографическим описанием и завершив ее политическим и коммерческим прогнозом. Но он не сумел осуществить свои замыслы. Несмотря ни на что, попытка дать обобщенную картину нарождающегося союза колоний, как и ряд важных сведений экономического и социального характера, сохраняет за трудом Уильяма Дугласа определенные достоинства.

Первым стимулом исторических описаний Америки было стремление привлечь на новые земли поселенцев и капиталы. Преследовались также информационные цели – рассказ о новом мире и попытка защиты укоренившейся структуры колониальной администрации. Все это диктовало и выбор частных тем, и угол зрения на описываемые события.

В дальнейшем рост стремящейся к власти американской буржуазии потребовал идеологического оправдания ее претензий. Это предопределило наступление нового этапа в американской историографии.

Религиозное ожесточение

Можно сказать, что на некоторое время в Америке установилось равновесие между тремя основными мировоззрениями. Однако благостное восприятие мира оказалось недолговечным. Если победившие в Англии сторонники пуританина Оливера Кромвеля, свергшие короля, вступили в период пусть относительной, но все же стабильности, который продлился до смерти Кромвеля в 1658 году, то их американские единоверцы оказались во власти прежде всего внутреннего ожесточения: принципы жизни становились все жестче, и послаблений, казалось, было неоткуда ждать. Вдобавок богобоязненные жители Массачусетса ощущали, что находятся во враждебном окружении.

В условиях фактической полувоенной блокады пуритан поведение почти каждого новопоселенца было на виду, и потому жестокое давление со стороны глав религиозной общины, настаивавших на непременном соблюдении каждым человеком общих для всех правил, не встретило и не могло встретить сопротивления. Постепенно пространство интеллектуальной жизни, личной и культурной свободы сузилось донельзя. Всякий оригинальный подход к решению той или иной мировоззренческой или бытовой проблемы стал восприниматься

как злостное отклонение, а веротерпимость обратилась в грех. В Америке не распространилось движение левеллеров (уравнителей), но осадная жизнь и без того делала примерное равенство фактом жизни.

Однако полутюремное существование не могло длиться вечно, и ситуация стала меняться с разделом все более расширяющейся общей земли, превращением крохотных поселков в города, с прибытием носителей новых идей из Европы. Географические границы, расширяясь, способствовали и раскрытию духовных горизонтов. Словно в ответ на это, в ортодоксальной среде еще больше усилилось внутреннее ожесточение. Женщина-священник Анна Хатчинсон подверглась обвинениям в восьмидесяти грехах и была лишена права религиозного руководства.

Еще один пастор, о котором также уже упоминалось, Роджер Уильяме, вынужден был бежать и основал собственную общину (членам ее он, в традициях того времени, обещал спасение) в новом городке Провиденс, в колонии, которая получила название Род-Айленд, Менее сильные и уверенные в своей правоте диссиденты вынуждены были подчиниться.

Начавшиеся во второй половине семнадцатого века религиозные столкновения продолжались в Массачусетсе до 1780 года. В этой лидирующей во многих отношениях колонии укрепилась тенденция к авторитарному правлению, а идеи религиозной и иной терпимости утрачивали популярность. Однако существовали и исключения. К таковым можно отнести уже упоминавшегося Джона Уинтропа. Политическая карьера Уинтропа началась с избрания его губернатором Массачусетса сроком на один год. Уинтроп покорил многих граждан своим мягким и дружелюбным характером. Его правление пришлось на время, когда страх перед анархией приобрел массовый характер, и, предпочитая толерантного Уинтропа радикально настроенным соперникам, жители Массачусетса избирали его снова и снова. Но и на него падала зловещая тень всеобщей взаимной ненависти. В конце своего жизненного пути старый губернатор с грустью вспоминал о годах страха и жестокости.

В общем и целом изначально популярное убеждение в приверженности «отцов-пилигримов» идеям свободы понемногу стало казаться исторической ошибкой. Лишь два деятеля колониального периода были безусловно последовательны – это Уильям Пени и Роджер Уильямс, Первый сделал Пенсильванию территорией религиозной свободы. В упрек второму можно поставить то, что в качестве первого шага к свободе он требовал безусловного отречения от англиканской церкви.

Моральная атмосфера в североамериканских колониях была напряженной. О культуре обыденной жизни можно судить по дневникам и завещаниям (часто это были своего рода автобиографии) того периода, Мы узнаем из этих документов, например, что на протяжении двадцати двух лет празднование Рождества было отменено. Брачные церемонии далеко не сразу заняли место в частной жизни.

Собрание квакеров

Превосходное свидетельство – завещание некоего Роберта Кейна, документ, на создание которого ушло пять месяцев. Обстоятельно написанный текст прекрасно показывает, как стремительно менялась моральная обстановка в колониях вслед за укреплением позиций переселенцев и в зависимости от происходившего в Англии, от соперничества Лондона с другими европейскими столицами.

Бостонский купец Кейн начал трудовую жизнь помощником мясника. Затем он занялся торговлей и был обвинен колониальным судом в получении слишком больших доходов при продаже конской сбруи, гвоздей и золотых пуговиц. Судебное разбирательство – нехристианское, безжалостное, придерживающееся нечестных стандартов – причинило Кейну немыслимую душевную боль. К делу была привлечена церковь, и она нашла, что обвиняемый позорит имя Господне. Купец отстаивал свою правду как мог, и в результате состав суда не смог прийти к единому мнению. Однако очевидно, что пуританское преклонение перед богатством не сработало на этот

раз. Между прочим, если бы Кейна осудили, то деньги его отошли бы Гарвардскому университету.

Предок Карнеги и Рокфеллера обличал свое лживое и нечестное время. Он писал, что ненавидит суеверия пап и прелатов, ложный анабаптистский (анабаптисты – еще одна секта, распространенная в Европе с XVI века) энтузиазм, идею значимости кровного родства, нечестные приемы и незрелые мнения, которыми руководствовались косные священники и судьи. Все это, по его мнению, порождало злостные ошибки, ведущие, в конце концов, к поруганию Божьей чести и правды.

Надо еще раз подчеркнуть, что особое место в жизни североамериканских колоний занимали процессы над «ведьмами». В пуританском Массачусетсе повесили тридцать пять колдуний. Это темная, печальная страница американской истории. Но нельзя считать, что лишь пуритане практиковали столь страшные расправы над обвиненными в колдовстве: подобные процессы имели место везде в Европе, и в католических, и в протестантских странах. Примечательно, что такие казни относятся преимущественно не к «темным» или Средним векам, а к эпохе Проторенессанса – к концу тринадцатого века (не говоря уже о том, что преследование колдуний поминается в Библии).

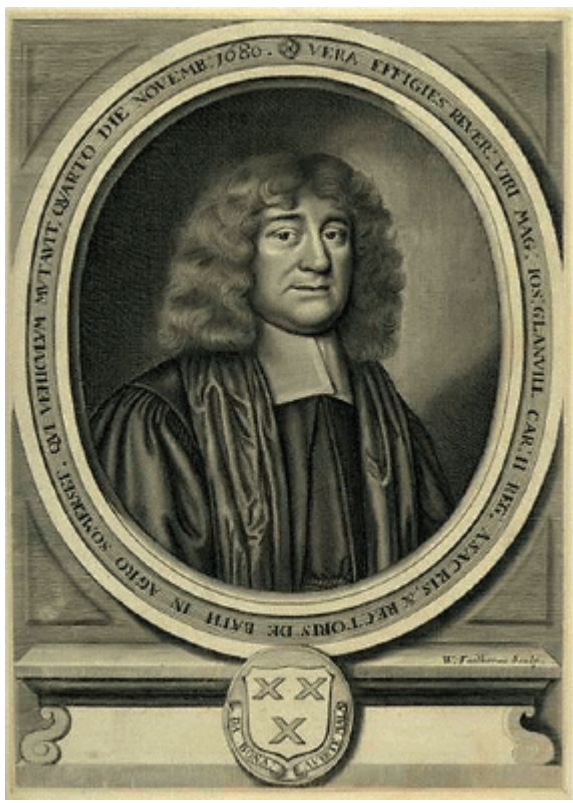
Разумеется, процессы над ведьмами имели в свое время научное или, скорее, квазинаучное обоснование. Существовали десятки мыслителей, искренне веровавших в силу колдовства и ведовства и стремившихся, помимо всего прочего, изучать данный феномен. К ним относился англичанин Джозеф Гленвил, священник, публицист и философ-идеалист, Основной пафос его произведений – борьба со свободомыслием и атеизмом современников. Одним из несомненных свидетельств присутствия Бога в бытии Гленвил полагал наличие в мире людей со сверхъестественными способностями. Отвергнуть колдовство для него и сходным образом мыслящих теологов – значит отвергнуть Библию.

Разумеется, Гленвил не был одинок. Живший в то же время врач и натуралист сэр Томас Браун, известный своими опытами в биологии, был убежден в том, что наличие колдуний – безусловная часть бренного мира. Размышления над человеческой природой, анализ пороков того времени побуждали Брауна и его единомышленников объяснять темные тайны бытия злой волей отдельных людей.

Между тем Гленвил был членом Королевского общества в Лондоне и принимал активное участие в его работе, прославился исследованиями добычи свинца и трудами по естественной

истории. Он с яростным упорством защищал науку, видя в ней лучший путь в лучшее будущее. В двадцать четыре года он написал эссе «О тщеславии догматиков», в котором природа подавалась как предмет постоянного исследования, как творение Божественного провидения – Божественного архитектора, Героями для него служили Галилей, Гассенди, Харви, Декарт.

И таким передовым мыслителям, как Гленвил, и людям попроще колдовством казалось многое из того, что на самом деле являлось попыткой рационалистического познания мира: хироманты и их «коллеги» – геоманты, гидроманты, аэроманты, некроманты – искали причины человеческих несчастий и выстраивали последовательные системы квазинаучных занятий. Таким странным, порой варварским способом наука как бы начинала разгадывать тайны бытия.



Джозеф Гленвил

Пуританское мировоззрение было неоднородно: в нем уживались терпимость к личным взглядам, концепция демократических прав каждого на участие в государственном управлении, требования социальной справедливости, с одной стороны, и уничтожение «колдунов» и «колдуний» – по сути,

просто людей, выглядевших не так, как все, и предававшихся малопонятным занятиям. Словесный призыв к радости жизни совмещался с требованиями аскетизма, постоянного «высшего служения», узким морализмом, преследованием инакомыслящих. Последние черты надолго въелись в историческую память Америки, подпитывая нетерпимость и жесткое коллективное подчинение догмам.

Нравы Новой Англии

В царстве религиозной определенности неизбежно появлялись и привлекали всеобщее внимание своего рода «еретики». Совершенно не обязательно они принадлежали к низам общества, выходили из бедной или даже нищей среды: бывали среди них люди и высокого звания, больших богатств. Примером может служить некий Томас Мортон, обосновавшийся в пригороде Бостона Квинси. Великий американский писатель Н. Готорн запечатлел образ этого выдающегося американца в двух новеллах – «Мерри-Маунт» и «Надежда Мортона».

Мортон обидел Массачусетс своим веселым нравом (многие, правда, говорили о его «диком» нраве). Например, он праздновал языческое Первое мая (так называемые «майские иды»), избирал «майскую королеву». С другой стороны, продавал стрелковое оружие индейцам. Его трижды арестовывали, высылали в Англию, а он упорно возвращался в свою Америку. А находясь в метрополии, публиковал критические выступления, содержавшие оценку деятельности американских соотечественников, суровой религиозности пуритан, жестокости господствующей идеологии религиозных пуристов, строгости их обычаев. Хотя сам даже предсвадебный обмен кольцами считал уступкой католикам, «тайным папизмом».

Умеренный достаток, который сумели обеспечить себе бедные переселенцы после того, как им удалось пересечь Атлантику, составил материальное основание культурного прогресса, естественным образом последовавшего за первым периодом выживания, закрепления, строительства основ. Начальный период запомнился в истории эксцессами самоуверенных пуритан, но напомним, что последняя колдунья в Салеме взошла на эшафот на двадцать лет раньше, чем прекратили карать за колдовство в Англии, за шестьдесят лет до приостановки машины Инквизиции в Испании, за столетие до последней публичной экзекуции в Германии. Наступал век разума, один из светлых периодов человеческой истории. Его идеалы во всей полноте реализовались в североамериканских

колониях.

Иллюстрация к рассказу Натаниэля Готорна «Мерри-Маунт»

Поселенцы сделали свою жизнь безопасной, обрели средства к существованию и досуг, сделали атлантическое побережье удобным для существования по европейским правилам. И человеческий разум сразу же ответил, отдав предпочтение естественным наукам перед теологией, освободив полет не отягощенного ежедневными страданиями разума. Идеи Френсиса Бэкона о возможности для человека посредством наблюдения и эксперимента овладеть тайнами природы получили в Америке XVIII века широкое распространение. Ряд ученых североамериканских колоний был принят в Королевское ученое общество. Отметим вирджинских врачей и ботаников Дж. Клейтона и Дж. Митчела, состоявших в переписке с Карлом Линнеем. Иностранными корреспондентами Американской академии были Линней, Бюффон, Кондорсе, Рейналь, Лавуазье.

Академия созывала конференции, обсуждала доклады, помогала созданию музеев. В 1739 году в Филадельфии были заложены ботанические сады. Символом этого периода развития американской культуры навсегда стал Бенджамин Франклин, находившийся на равной интеллектуальной и культурной высоте со всеми наиболее примечательными учеными своего времени. Переписываясь (наличествуют письма на трех языках) с наиболее просвещенными умами Европы, Франклин делал чрезвычайно благодатное дело – он ставил молодую Америку вровень с передовой западной культурой и наукой. Основанная им типография немедленно знакомила американцев с плодами европейской мысли. Идеи самого Франклина легли в основание американских университетов, которые встали вровень с лучшими учебными заведениями за океаном.

Оригинальной чертой развития культуры североамериканских колоний было довольно быстрое развитие исторической науки. Написанная Бредфордом история «отцов-пилигримов», как уже говорилось, отвечала научным требованиям своего времени. Самой высокой оценки до сих пор заслуживает уже упомянутая история Вирджинии, созданная У. Ститом (1747). В то время, когда Т. Принс в Массачусетсе постарался по-особому взглянуть на историю Новой Англии, с ним достойно соревновался Т. Хатчинсон. Можно с достаточным основанием утверждать, что в этой области американские ученые середины XVIII века стояли «с веком наравне» и не отставали от британцев, идеалом которых были Дэвид Юм и Уильям Робертсон.

Через столетие после заселения Америка стала приобретать эстетически выдержанный вид. Здесь не было такой массы нищего городского пролетариата, которую можно было легко встретить в Лондоне или в Париже. Владение собственным домом стало для второго поколения свободных американцев распространенным правилом. Стремление украсить свои поместья и особняки способствовало расцвету архитектуры. Нью-Йорк, бывший Новый Амстердам, выделялся аккуратными кирпичными домами голландских поселенцев, окаймленными камнем каналами и ухоженными садами. На Юге крупные землевладельцы взывали к гению великого архитектора позднего Возрождения Андреа Палладио, возводившего здания с обширными и пропорционально выдержанными колоннадами. Классицизм оказался любимым стилем американской «хлопковой аристократии». Бостон рос, подобно любому крупному промышленному городу Западной Европы. Стильные предметы роскоши производились в XVII–XVIII веках в Новой Англии и в срединных колониях, однако все же не на Юге: здешние богатые землевладельцы предпочитали покупать предметы искусства и ремесел в заокеанских магазинах, Американская живопись колониального периода прямо следовала за английскими образцами, чем объясняется господство портретного жанра и изобразительный язык. Богатые купцы прибрежных городов, оживая под кистью первых профессиональных художников, как бы смотрели в вечность, Это увековечение персон господ заказчиков продолжалось еще долгое время. Четверо художников получили общеамериканскую известность: Уэст, Копли, Пиль и Стюарт. Правда, их лучшие годы прошли в Лондоне, где на живопись спрос был гораздо больше.

Джон Сжглтон Копли. Портрет миссис Даниэль Дениссон Роджерс. 1784

Основой культурной традиции в колониальной Америке были школы и университеты. Нет сомнения, что в данном случае американцы шли по стопам англичан. Примерно две сотни выпускников Кембриджа и Оксфорда прибыли на постоянное место жительства в Америку, где их ждала достойная работа в учебных заведениях.

Подлинным очагом распространения культуры в колониальной Америке оказалась книжная торговля. В течение изумительно короткого времени читающая публика получала издания Монтескье, Вольтера и Руссо, а также, разумеется, английских классиков-современников, таких как Мильтон и Свифт. Публиковалась и античная классика во главе с Сенекой и Овидием. К середине восемнадцатого века Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чарльстон и Ньюпорт уже имели собственные публичные библиотеки. Большинство американцев умели читать и писать. Первая газета «Общественные происшествия» родилась в 1690 году, а наиболее заметный успех имела солидная четырехполосная бостонская «Ньюслеттер», основанная в 1704 году.

К началу революционной эпохи каждая из колоний имела одно или несколько периодических изданий. Первый судебный

процесс, посвященный вопросам свободы печатного слова, состоялся в Нью-Йорке в 1734 году. Речь шла об оскорблении газетой «Джорнэл» губернатора провинции. И, что характерно, власть проиграла на этом процессе. Это был знак, что новые идеи возобладали в культурной эволюции североамериканских провинций.

Век Просвещения в Америке не ознаменовался такими эпохальными достижениями, как выпуск Энциклопедии во Франции. Но эта эпоха вывела «окраину мира» на уровень жизни и мышления, господствовавший в самых развитых странах Европы. Только это позволило американским колониям начать войну за независимость.

Восемнадцатый век

К XVIII веку грамотность и даже ученость стали отличительной чертой жителей английских колоний, расположившихся вдоль Атлантического океана. На севере пуритане шли в церковь с записной книжкой в руках. Магистрат Массачусетса должен был законодательно уменьшить число лекций, чтобы не отвлекать население от житейских дел. Разумеется, идеологические споры порождали и крайности, время от времени способствуя формированию фанатизма, подобного преследованию салемских «ведьм».

В начале века население североамериканских колоний достигло 162 тысяч, но это еще не была единая общность. Каждая из тринадцати колоний имела собственное этническое лицо. В каждой существовали своя Ассамблея (знак английской политической традиции) и губернатор, назначаемый в Британии и обязанный наблюдать за исполнением местной хартии. Почти повсеместно было уже ощутимо недовольство основной массы поселенцев могущественными лендлордами, владельцами бескрайних земельных участков. Это отношение сказалось в восстании против аристократов в Вирджинии, возглавленном Бэконом.

Король Карл Второй отчужденно смотрел на колонии – у него было достаточно проблем в Англии, прежде всего постоянная вражда с парламентом. Но король Яков (Джеймс) Второй постарался сделать тринадцать колоний «единым целым». Важно было и то, что влиятельный премьер-министр Роберт Уолпол (второе и третье десятилетие восемнадцатого века) *не придавал колониальной политике большого значения:* его больше интересовало внутриевропейское соотношение сил.

Поступательному культурному развитию Америки

препятствовали постоянные конфликты на границах. Индейцы, которых сгоняли с их собственных земель, проявляли естественную враждебность. За место под солнцем на американском континенте боролись французы, новоприобретенные владения стремились отстоять испанцы.

В этот период центром идеологии толерантности во всех сферах, в частности, и в культуре стала самая влиятельная северная колония – Массачусетс. Уже с последнего десятилетия семнадцатого века здесь воцарилась терпимость ко всем, кроме католиков. Последние, однако, тоже не испытывали особых ограничений в Пенсильвании и в Род-Айленде. Однако повсеместно африканские рабы по-прежнему считались неоспоримой частной собственностью и подчинялись особым законам. Чуть выше по социальной лестнице стояли мужчины и женщины, которые были обязаны отработать долг за переезд в Америку. В этой категории были и так называемые «контрактные жены» (о последней категории говорил в 1705 году Роберт Беверли, называя цену «покупки» такой жены – 100 фунтов стерлингов).

Культурное смешение уже было ощутимо: в страну продолжали въезжать не только англичане, но жители Уэльса, голландцы, французы, немцы. Началась волна шотландско-ирландской иммиграции. Едва ли не впервые в исторических источниках слышатся жалобы на то, что в Джорджию въезжают пришельцы, не соответствующие уже установившемуся здесь культурному уровню, стоящие несколькими ступенями ниже. В Америке начинает явственно проявляться французское влияние – особенно в таких городах, как Детройт (от фр. détroit – пролив), Мобил, Новый Орлеан. Испанская культура сказывалась в организации жизни в Сан-Антонио, с активной католической миссией в Аламо.

Доминирующим социальным типом по-прежнему оставался «человек границы», выживавший в отчаянной борьбе с дикой природой и «дикой страной» во всех проявлениях: от столкновений с индейцами до отражения нападений диких животных. То было время, когда техника еще не пришла на помощь первопоселенцу. Столетием позже Ральф Уолдо Эмерсон воспоет этот период и порожденный им идеал человека, полагающегося на себя, удовлетворяющегося самым необходимым: так рождался своеобразный американский этос.

Американская культура: история и наука

Именно на этом этапе начинает возникать феномен,

впоследствии ставший собственно американской культурой. В самом конце семнадцатого века Бенджамин Томсон восславлял жизнь простых американцев в эпической поэме «Кризис Новой Англии», а пуританская поэтесса Анна Бредстрит, восхвалявшая людей с «американской душой», успешно подражала сочинениям француза-гугенота Дю Бартаса, особенно его поэме «Неделя творения». Бредстрит положила начало традиции имитации английских и французских произведений на американской почве, продемонстрировала готовность зарождавшейся литературы ориентироваться на лучшие европейские образцы. Эта традиция дожила до XIX века. Отдельные события и размышления с этого времени становятся основой интеллектуальной рефлексии, а значит – самоосмысления нации в духе поиска идентичности.

В XVIII веке в Америке формируется собственная историческая школа: история осознается и как наука, и как основное проявление национального самосознания. Ведущим историком крупнейшей колонии Вирджинии становится Роберт Бирд, которому в равной степени было присуще как литературное мастерство, так и способность к анализу. Как уже упоминалось, Роберт Беверли сделал исторический обзор Вирджинии, а в Новой Англии на том же поприще выступил судья Сэмюэл Сьюолл со своим «Дневником».

К этому же периоду относится начало оригинального американского изобразительного искусства. Оказалось, что отсутствие профессиональных школ, училищ, академий имеет и свою положительную сторону не имея объектов для подражания, американские художники нашли свой неповторимый, исходящий из собственного мировоззрения путь. Предметом изображения чаще всего становилась та или иная персона – в живописи расцветает портретный жанр, произведения которого стали собираться почти как драгоценности.

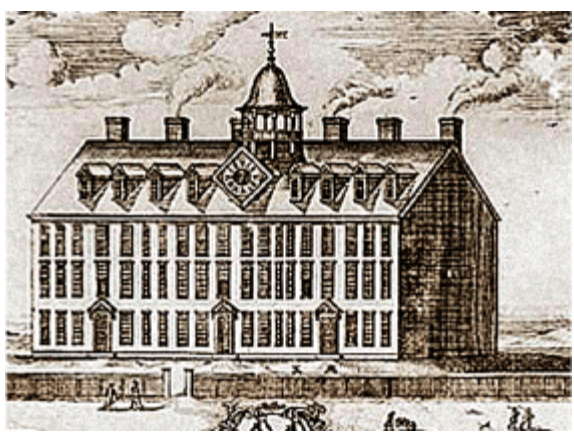
Музыка на этом этапе чаще всего была церковной, распространеннейшим жанром являлись хоралы, а заказчиками – церковные хоры. В музыкальном исполнительстве звучало много зарубежных произведений, но постепенно обозначилась и собственно американская манера, Все более зрелыми и постепенно все менее похожими на английские становились народные песни.

Вот что особенно важно: в XVIII столетии открывается эпоха собственно американского образования. Надо сразу сказать, что школы возникли в Америке довольно рано. Их открытие было ответом на обострившуюся общественную потребность в грамотных людях, которые могли бы освоить девственный континент. Укажем, что не позже, чем через полтора десятилетия

после высадки первых поселенцев в Массачусетсе, за рекой Чарльз, открыт Гарвардский колледж, довольно быстро ставший университетом. В первый год в нем учились только шестеро студентов. Еще раз подчеркнем, что он стал первым американским колледжем, основанным в 1636 году согласно голосованию генерального суда колонии.

На дальнейшем культурном развитии отразилось европейское Просвещение. Университетский бум в Европе приходится на конец XVII века – и это сразу же сказалось на американской жизни, на американских контрпартнерах европейских научных центров. Особо следует отметить открытие уже упоминавшегося колледжа Уильяма и Мэри (1696). Он был основан в Вирджинии под патронажем и контролем англиканской церкви. Чуть позже пуритане Севера организовали Йельский колледж, выросший из первоначальной школы в Сейбруке, переведенной через семнадцать лет в Нью-Хейвен. Этот колледж был создан благодаря финансовому дару Элиу Йеля, долгое время служившего в Восточно-индийской компании в Мадрасе. Все эти учебные заведения со временем обретали статус университетов.

В восемнадцатом веке к первым американским университетам добавились еще пять: Принстон, Колумбия, Браун, Ратжерс и Дартмут.



Йельский колледж

Следует отметить, что с самого начала высшие учебные заведения Америки открыли свои двери сторонникам различных религиозных взглядов, не замыкаясь в рамках одного направления.

Разумеется, программа американских колледжей «списывалась», в основном, с Оксфорда и Кембриджа, или «Оксбриджа», а это в XVIII столетии означало господство

латинского языка как международного научного. Данная особенность не могла продержаться долго в Америке с ее конкретно-практическими нуждами и отсутствием необходимости в умножении абстрактных знаний. В те времена абитуриента американского университета волновали практические задачи развития его фактории, земельного угодья или торговой компании, а не интеллектуальный обмен с заокеанскими коллегами. Лишь обеспеченные единицы могли обратиться к занятиям столь экзотичным, как, скажем, история или политические науки.

Первая кафедра истории была создана в Йеле. Сама историческая наука нашла достойного адепта в лице преподавателя Гарварда Дж. Спаркса, взявшегося поднять уровень историографии в Америке. Но и с практическими науками были сложности. Очень медленно механика, физика, химия, сельское хозяйство стали внедряться в качестве дисциплин в американские университеты. Однако постепенно сложилась ситуация, при которой население имело не меньше, а больше возможностей для образования, чем в метрополии – что отметил, в частности, великий английский историк Гиббон. Это многое объясняет в формировании поколения, следующего после «отцов-основателей» республики. Вышеназванные колледжи приглашали студентов в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, поначалу планируя выпускать преимущественно священников, идущих по стопам своих преподавателей. По окончании колледжа выпускникам еще не выдавали дипломов или каких-либо других удостоверений об окончании университета – эта церемония становилась практически возможной только через несколько лет.

Тринадцать: отдельно или вместе?

Об объединении колоний думали немногие. Адептом этой идеи на английском троне являлся король Яков (Джеймс) Второй, а в колониях – основатель Пенсильвании Уильям Пени. Но практиком, а не мечтателем-теоретиком оказался житель Филадельфии Бенджамин Франклин.

Надо сказать, что личность Франклина оказалась ключевой в культуре Америки. Именно с ним связано возникновение понятия американской науки. Член английского Королевского общества, он принес славу Америке, провозгласив в 1743 году наступление момента, когда в ученом мире должна быть создана еще одна академия – Американская. Идея была реализована в следующем году. Организация под именем «Американское философское общество» вошла в историю. Его целью декларировалось

содействие всем философским экспериментам, которые проливали свет на природу вещей, были направлены на обретение человеком власти над материей и увеличение удобств и удовольствий жизни.

Франклин провел серию почти самоубийственных опытов, стремясь понять природу молнии, а также множество других экспериментов. Он стал первым подлинно равным светочам Европы корифеем американской науки и культуры, воплощением «века Просвещения» на дальнем берегу Атлантики. Его вклад в физику, океанографию и метеорологию ценен до сих пор. В сфере электричества введенные им термины «заряжать», «позитивный», «негативный», «батарейка» находятся в употреблении до сих пор. Франклин был первым, кто изучил Гольфстрим, указал на природу штормов, заложил основы гидродинамики, построил множество кораблей и мостов. Разум в применении науки, эмансипация от королей и священников как цель человеческой жизни – вот что составило основу его материалистического, рационалистического мировоззрения. В американской культуре он сделал важнейший шаг к секуляризму – отделению теологии от науки.

В 1754 году по инициативе Франклина был созван конгресс представителей колоний в Олбани. На этом конгрессе ученый предложил свой «план Союза» – собственно, план объединения колоний, поддержанный делегатами будущих штатов. В 1757–1762 годах Франклин представлял в Англии Пенсильванскую ассамблею, защищал интересы Джорджии в 1768, Нью-Джерси – в 1767 и Массачусетса – в 1770 годах. Таким образом, в Англии он стал представителем интересов всех североамериканских колоний.

Контрольные вопросы

1. В чем сущность пуританства как основы американской культурной традиции?

2. Каковы основные формы адаптации к колониальным условиям жизни до завоевания независимости?

3. Опишите условия рождения американского этоса.

4. В чем состоит роль Бенджамина Франклина в становлении американской нации и политической культуры?

Глава третья
Революционная волна

Стремление к независимости

Революционная война за независимость американских колоний всколыхнула все слои общества. В результате победа революции утвердила буржуазный строй; на американском континенте образовалось новое суверенное государство. Тема войны за независимость стала центральной и преобладающей в литературе, науке, публицистике.

Возникли две противоположные друг другу исторические парадигмы. Многие историки стали проявлять меньше интереса к колониальному прошлому и сконцентрировались на изначальных тенденциях к самостоятельности, подчеркивая борьбу колоний против гнета английских властей. Их идейные противники описывали время колониального подчинения в розовом свете, смягчали насильственный характер деспотической власти метрополии.

В те времена в памяти жителей новой страны были еще свежи причины, по которым они были вынуждены покинуть родину. Так, в Шотландии многие крестьяне лишались своих наделов из-за «очистки земель» в конце XVIII – начале XIX вв. Некоторые из них отправлялись в поисках счастья за океан.

В целом наблюдался рост буржуазного национализма. Он сказался в подчеркивании национальных отличий и, прежде всего, особенностей американской истории, то есть, по сути,

являлся следующим шагом к обретению Америкой собственной идентичности.

Идеи Просвещения

Основному тексту Декларации независимости предшествует волнующая преамбула, в которой говорится о том, что все люди рождены равными. Вместе с тем зададимся вопросом: можно ли твердо указывать на то, что причиной провозглашения независимости были именно идеи Просвещения?

Исследователь Жак Барзун, анализируя Декларацию и исторические предпосылки ее возникновения, пишет, что формально идея того, что крупная современная нация, сформировавшаяся в результате взаимодействия нескольких поколений переселенцев и их потомков, имеет право управлять собой, руководствуясь просветительскими принципами, не реализуемыми в «старом» мире, действительно соотносится с идеологией Просвещения. Безусловно, подобный посыл есть порождение своего времени, и такая интерпретация выглядела политическим идеалом для просвещенных европейцев. Истина, однако, выглядела несколько иначе, Американское население в 2,2 миллиона человек являлось еще очень «непросвещенным», людям была свойственна грубость во взаимоотношениях друг с другом и в целом – в образе жизни, а темперамент основной массы колонистов не соответствовал теориям философов. Американцы сражались с индейцами, обманывали и истребляли их, отбирали их земли, На территории колоний трудились 200 000 африканских рабов… С точки зрения самих колонистов, главным мотивом борьбы за независимость был экономический – борьба против лондонской монополии на североамериканскую торговлю.

Жесткая политика метрополии не могла в конце концов не спровоцировать естественную реакцию – и бурные социальные волнения охватили Северную Америку. Усилившийся нажим из Лондона затронул интересы широких слоев населения. Запрет на переселение за Аллеганские горы ставил вне закона и бедняков, искавших счастья на западе материка, и земельных спекулянтов, посягавших на территории, объявленные королевской собственностью. Оказались обманутыми американские ветераны Семилетней войны: еще вчера им обещали богатые земли Огайо, а сегодня одним росчерком пера отняли эту надежду. Новые навигационные и другие законы, и особенно Акт о сахаре, больно ударили по прибыльной для американских купцов торговле с Вест-Индией. Удвоенные пошлины на ввоз промышленных

изделий из Англии привели к небывалой дороговизне.

Колонисты оказали открытое сопротивление жесткой политике Великобритании. Ничто не могло удержать тех, кто стремился на нетронутые земли американского Запада. Торговля с Вест-Индией продолжалась тайно. Английские товары подвергались массовому бойкоту. Метрополия, желая пресечь нарушение имперских законов, в 1764 году решила расквартировать в Северной Америке 10 тысяч солдат, с тем чтобы треть расходов на их содержание оплачивали сами колонии. Это означало новое увеличение налогов. Поборы еще больше возросли с принятием в 176 5 году так называемого Закона о гербовом сборе, согласно которому для любых деловых операций, в том числе всех коммерческих сделок, нужно было покупать разрешительные государственные марки.

В знак протеста против подрывавшего американскую экономику ввоза чая из Великобритании переодетые индейцами члены организации «Сыны свободы» захватили в Бостонском порту три британских корабля и сбросили в море 342 сундука с чаем. Толпа на Бостонской пристани радостно приветствовала земляков.

Колонии ответили взрывом возмущения. Важным событием, вызвавшим общую реакцию американцев, явилась резолюция законодательной палаты Вирджинии от 30 мая 1765 года, *объявившая гербовый сбор незаконным.* Законодательная палата Массачусетса последовала примеру вирджинцев и, кроме того, предложила созвать межколониальный конгресс для обсуждения создавшейся ситуации. Откликнулись восемь колоний. Конгресс, собравшийся в октябре того же года, выявил две точки зрения:

одна половина колонистов предлагала ограничиться протестом против налогообложения на том основании, что колонии не имели своих представителей в английском парламенте, другая требовала вообще не признавать его власти. Верх одержали умеренные, и их позицию отразила принятая Конгрессом декларация.

Чтобы утихомирить взбудораженную Америку, английское правительство предприняло тонкий политический маневр – гербовый сбор был отменен. Но смысл этой уступки довольно скоро стал ясен: взамен колониям был дан законодательный акт, подтверждавший верховные права короны, а еще год спустя (1763) вступили в силу так называемые акты Тауншенда (лондонского министра финансов), с лихвой компенсировавшие английские потери от отмены гербового сбора. Эти акты устанавливали высокие пошлины на ввозимые в американские порты краски, бумагу, стекло, свинец, чай, что опять-таки фактически являлось еще одним новым налогом.

И тогда движение протеста вспыхнуло с новой силой. Все колонии поддержали призыв вновь объявить бойкот английским товарам, прозвучавший на городском митинге в Бостоне 28 октября 1767 года. Два месяца спустя законодательная палата Массачусетса заявила, что отвергает право английского парламента вводить пошлины. Было решено, что впредь не должно проводиться никакого налогообложения без участия палаты общин. Девизом реформаторов стали слова: «No taxation without representation»[1]. Палата также обратилась к законодательным органам других колоний с предложением объединить усилия для борьбы против непомерных поборов. На призыв Массачусетса тотчас же откликнулась Вирджиния. Таким образом, движение против актов Тауншенда возглавили две крупнейшие колонии Северной Америки, и оно приняло весьма широкий характер.

Имперское правительство метало громы и молнии. Призывы к бойкоту английских товаров были объявлены «подрывными действиями».

Королевские губернаторы получили приказ распустить те колониальные выборные органы, которые проявят неповиновение, а все бунтарские элементы подвергнуть репрессиям. Первой была распущена законодательная палата Массачусетса. Та же участь ожидала всех, кто рискнул бы выразить солидарность с ней.

Зависимость от законов метрополии становилась все более тягостной для южных плантаторов. Лишенные права на поиски наиболее выгодных рынков сбыта своей основной продукции – табака, они были вынуждены продавать его английским купцам.

При этом плантаторы в целях повышения своих доходов расширяли посевы и усиливали эксплуатацию рабов. Но все их усилия оказывались безрезультатными, ибо цены на табак, устанавливаемые в Лондоне, падали быстрее, чем росло его производство. Промышленные изделия, завозимые из Англии, год от года дорожали. Такой характер обмена привел к образованию и непрерывному росту задолженности американских плантаторов английским купцам. Она достигла колоссальной по тому времени суммы – свыше 4 млн. фунтов стерлингов.

Большинство депутатов вирджинской Ассамблеи бесстрашно проголосовали 16 мая за четыре резолюции, прозвучавшие дерзким вызовом королевским прерогативам. Документ гласил, что население Вирджинии может облагаться налогами лишь по постановлению своего выборного органа самоуправления и подлежит юрисдикции местных судов, а также имеет право на совместные с другими колониями действия в защиту своих законных интересов. Одновременно была составлена и принята соответствующая петиция королю Георгу III. Губернатор Беркли распустил палату, но она *не подчинилась приказу.* Члены палаты отправились в таверну «Рейли», продолжая заседание. Было принято обращение с призывом бойкотировать товары, обложенные королевскими налогами.

В результате ввоз товаров из Англии начал катастрофически уменьшаться, что ударило по прибылям британских купцов. Под их нажимом корона была вынуждена отступить. Пришедшее к власти новое английское правительство, возглавляемое лордом Нортом, решило не доводить дело до крайности, а добиваться своей цели постепенно, более осторожными мерами. В течение трех последующих лет метрополия, не желая рисковать, не предпринимала репрессий. Однако подобная политика удовлетворяла далеко не всех – прежде всего в Америке. Вперед вышли те, кто считал объектом борьбы отнюдь не только налогообложение и таможенные сборы, а изменение характера отношений между Англией и Америкой в целом.

Выступления граждан в поддержку лозунга «No taxation without representation».

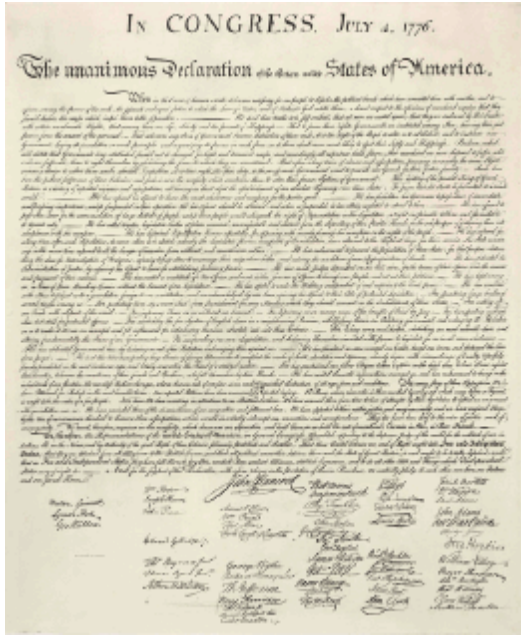
Начало революции

Расквартирование английских войск в Бостоне привело 3 марта 1770 года к кровавой стычке. Солдаты открыли стрельбу по возбужденной толпе. Горожане ответили призывом к оружию. В Бостоне и окрестных населенных пунктах начались волнения. Эти события знаменовали собой начало массового активного сопротивления колонистов, назревание вооруженного конфликта.

Попытки властей метрополии пресечь сопротивление Лондону встретили серьезный отпор. В июне 1772 года английский корабль «Гэспи», специализировавшийся на ловле контрабандистов, подвергся нападению в порту и был сожжен. В Лондоне в том же году было принято постановление, согласно которому жалованье губернаторам, чиновникам и судьям в колониях должна была выплачивать королевская казна: таким образом британские власти намеревались укрепить свой авторитет в глазах представителей местной власти. Подобная мера, преподнесенная в качестве облегчающей для американских налогоплательщиков, на самом деле ничего не меняла в их положении, так как расходы на содержание администрации по-прежнему покрывались за счет поборов.

Американские купцы, промышленники и плантаторы на попытку метрополии упрочить свою власть в Северной Америке ответили созданием собственных независимых органов управления в лице комитетов связи. Первый из них был учрежден в Бостоне, а вскоре они появились почти во всех городах Массачусетса. Примеру крупнейшей колонии Севера последовала самая большая колония Юга – Вирджиния. В марте 1773 года здесь был создан такой же комитет. Вирджинская

законодательная палата направила другим колониям предложение установить постоянную связь и объединиться для совместных действий. К удивлению скептиков, этот призыв встретил широкую поддержку. В течение нескольких месяцев во всех колониях, за исключением Пенсильвании, возникли комитеты связи. Так появилась политическая организация, которая объединяла революционные силы Северной Америки и способствовала усилению ее тяги к независимости.



Декларация независимости

Декларация независимости

Не более сотни слов потребовалось тридцатитрехлетнему адвокату Томасу Джефферсону чтобы выполнить поручение вирджинской Ассамблеи и вместить в Декларацию независимости самые передовые идеи европейской и американской общественной мысли своего времени. И вот уже развенчано навязанное религией представление о человеческом существовании как непрерывном страдании, вознаграждаемом в загробной жизни. Нет, люди не подвластны некоему предопределению, обрекающему их на покорность и смирение. Они в силах изменить к лучшему жизнь на земле и должны делать это сообща, ибо являются от рождения равными, и никому не дано посягать на принадлежащие каждому из них неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Провозглашение этих принципов означало отказ от феодально-абсолютистской идейной традиции. Сделав этот единственный шаг, политическая культура Америки выросла неизмеримо. Стремление к независимости представляло собой революционную трактовку и реализацию идей Просвещения и, прежде всего, учения о царстве разума, основанном на естественном равенстве людей, на свободе частной жизни личности. Джефферсон при этом решительно исключил из перечня оснований гражданских прав обладание собственностью, заменив его стремлением к счастью. Эта коррекция в огромной степени определила прогрессивное значение Декларации, ибо законодательно наделила равными правами всех людей, независимо от их имущественного положения.

Развивая идею равноправия, Декларация провозгласила *народ единственным вершителем своей судьбы.* Только согласие граждан на то, чтобы ими управляли, является основой власти правительства, и граждане вправе изменить или уничтожить форму правления, если сочтут, что она противоречит их стремлению к безопасности и счастью. Социально-философская часть Декларации носила общий, теоретический характер, что предопределило возможность различных толкований практического приложения изложенных в ней принципов. Это подтверждают предпринимаемые вот уже на протяжении двух столетий попытки США придать Декларации «умеренный» смысл.

Спустя почти столетие после принятия Декларации президент США А. Линкольн говорил, что Джефферсон, в сложившейся напряженной обстановке борьбы за национальную независимость своего народа проявивший хладнокровие, способность к предвидению и мудрость, введя в обычный революционный документ абстрактную истину, действенную во все времена и для всех народов, достоин великой чести.

Сила воли, которая, в конечном счете, помогла американцам выиграть Войну за независимость, была наилучшим образом описана англичанином Берком. Эдмунд Берк старался убедить английскую палату общин примириться с бунтующими колониями. Дальновидный политик пытался объяснить, что колонисты – вовсе не повстанцы, что они просто выражают свой протест по поводу лишь одного пункта – права налагать налоги, на котором, как они думают, базируются все их свободы, Однако увещевания не возымели действия: английская аристократия и купцы хотели денег, и мысль об уменьшении доходов казалась им нестерпимой.

По существу, Война за независимость (1775–1783) распалась на три периода, или три кампании, каждая из которых имела

свою завязку, кульминацию и развязку. Это, во-первых, операции 1776 года, достигшие высшей степени напряженности в битве при Трентоне; во-вторых, сдача армии Бургойна при Саратоге в 1777 году; в-третьих, кампания 1781 года, завершившаяся победой американской стороны при Йорктауне.

Э. Лейтц. Вашингтон форсирует Делавэр. 1851

Одним из первых решений Конгресса было создание регулярной армии под предводительством Дж. Вашингтона. Войско было вполне боеспособным, с успехом противостоя регулярной британской армии уже в первых сражениях.

15 мая 1776 года Континентальный конгресс – временный орган управления колоний – постановил образовать новое государство – независимые от метрополии республики, или штаты. Война закончилась парижскими мирными переговорами, в результате которых Англия признала независимость Конфедерации штатов и государственные границы будущего США Под мирным договором поставили свои подписи представители главных воюющих держав – Англии, Франции и Испании. Статья первая признавала независимость тринадцати Соединенных Штатов.

Показательно, что интернациональный контингент европейских защитников американского дела возглавляли француз, немец и поляк, Молодой маркиз де Лафайет, командовавший французскими добровольцами, показал себя решительным борцом за дорогие его сердцу республиканские принципы. Фредерик фон Штойбен, капитан в Германии, стал генералом в Америке и олицетворял собой методичность, дисциплину, спокойную рассудительность и мужество.

Национальный герой польского народа Тадеуш Костюшко отдал американской революции все свои знания артиллерийского офицера.

Культурное значение Американской революции

В борьбе за национальную независимость Америка противостояла Британии с ее неприглядно и вопиюще несправедливыми королевскими законами, согласно которым поспешно обвиненных пороли и вешали, а вся процедура судопроизводства все больше и больше напоминала самодурство и произвол. Несоразмерность преступления и наказания даже в самой Англии, не говоря уже о колониях, вдохнувших воздуха свободы, приобретала облик бессмысленной жестокости.

В «Общем взгляде на Британскую Америку» Томас Джефферсон остановился именно на этих вопросах, даже не касаясь проблемы королевской власти: он считал, что характеристика формы правления в складывающихся условиях – вопрос вторичный, главное – борьба за независимость Северной Америки. Целью американцев, говорилось в трактате Джефферсона, является их благополучие, а поскольку они достигают его собственным тяжким трудом, то и вправе сами определять свой политический статус.

Другой пламенный патриот, трибун и идеолог борьбы за свободу – Патрик Генри – также обращал внимание на изначально мирные намерения американцев, которые предпочитают наращивать свое материальное благосостояние, а не воевать. Но увы, пишет Генри жители колоний сделали все, что могли, чтобы предотвратить надвигающийся шторм. Действительно – они обращались с петициями, увещевали, молили, буквально распростерлись перед троном… И – никаких результатов, Петиции отклонены, увещевания отвергнуты, мольбы спровоцировали новое насилие и оскорбления. У жителей колоний нет больше никаких оснований для надежды. Если они желают быть свободными, если хотят сохранить в неприкосновенности те бесценные привилегии, за которые так долго боролись, – они должны сражаться! Призыв к оружию, Богу и небесным силам – вот и все, что осталось, считает Генри. Можно сколько угодно жаждать мира, но что делать, если его нет? Следует отдавать себе отчет, что война фактически уже началась. И эта война – за свободу, Пусть она стоит дорого, но жить в цепях, в рабстве, в зависимости – значительно хуже. Свобода или смерть! – таков был девиз Патрика Генри, подхваченный многими тысячами его последователей.

Свои требования заокеанские мятежники изложили в 28 пунктах воззвания к английскому правительству. Собственно говоря, все претензии были широко известны в Англии. Да и, как отмечал Жак Барзун, речь в Декларации независимости шла о протесте против злоупотреблений власти, а не о пересмотре ее как таковой. То же самое можно сказать о бесчисленных памфлетах, пламенных речах, коллективных письмах, отчаянных резолюциях, постановлениях легислатур (местных форм парламентской власти).

Патрик Генри выступает перед Ассамблеей Вирджинии.

Забегая вперед, подчеркнем: пуповина, связывавшая Америку с Англией, не порвалась после обретения независимости. Наоборот: в основу американской внешней политики изначально, с момента провозглашения независимости Соединенных Штатов 4 июля 1776 года, были положены такие «англосаксонские» по своему первоначальному происхождению принципы, как соблюдение прав человека, демократизация, либеральные экономические реформы. Это – результат осмысления «отцами-основателями» философских постулатов века Просвещения. Философы и теоретики, как, например, англичанин Джон Локк, высказывали максимы, которые были развиты и конкретизированы американскими пропагандистами и последователями просветительской идеологии – Томасом

Джефферсоном, Джеймсом Мэдисоном и их единомышленниками.

Таким образом, политическая культура Америки XVIII века оказалась выше, чем в странах Старого Света. Можно упрекнуть Америку в сравнительно малом количестве – или даже отсутствии – оригинальных писателей и поэтов. Двумя ранними авторами, чьи творения снискали определенную популярность, являлись уже упомянутая Анна Бредстрит и Эдвард Тэйлор. Однако уже после революции появляется первая по-настоящему талантливая американская пьеса – сентиментальная комедия Ройолла Тайлера «Контраст». Отметим также, что до 1760-х годов в колониях не существовало ни одного профессионального театра. Не было ни актеров, ни певцов, ни танцоров, ни настоящих сценических площадок. Причиной неприятия театра было убеждение церковных властей, что зрелища поколеблют нравы общества. Но какие-то формы зрелищ все же, видимо, существовали: в противном случае зачем бы, скажем, властям Бостона запрещать в 1750 году все театральные действа?

Революционеры во многом оставались под властью церковных ограничений. Конгресс Конфедерации в специальной резолюции запретил такие «экстравагантные» зрелища, как азартные игры, конские бега, петушиные бои и все пьесы и шоу. Вспомним, что еще недавно все эти формы развлечений были в целом ряде колоний вполне легальными. Но как бы в противовес запретам процветало самодеятельное искусство – всевозможные постановочные коллективы, народные, концертные, церковные хоры и т. п. Скажем, «Моравские братья» в Пенсильвании с энтузиазмом играли Баха еще при жизни композитора – каждый год в Бетлехеме проводился фестиваль его музыки, и это было массовое мероприятие.

Война за независимость добавила своеобразия формам массовой культуры. Так, в репертуаре военных оркестров непременно имелись марши. Главнокомандующий Джордж Вашингтон приказал своим офицерам обеспечить войскам достойную музыку. По неизбежной иронии судьбы тон задавали пленные англичане, знакомые с композиторским творчеством Гайдна, Генделя, Баха, Пурселя, Арна. Разные народы привносили в музыкальную культуру черты национального своеобразия: французы и итальянцы тяготели к опере, немцы (прежде всего гессенские военнопленные) передавали мелодический дух Германии, англичане демонстрировали развитие уже знакомых американцам жанров.

Гордость американской культуры

Гордостью – и, возможно, высшим достижением североамериканских штатов – стало возникновение целой плеяды образованных людей, чьи достоинства проявились в ходе революции и в последующие десятилетия. Эти идейные борцы, вне всякого сомнения, «созрели» после волны революционной литературы, классиком которой стал Томас Джефферсон. Он обращался к английской истории, отмечая, что народ, в свое время переселившийся из континентальной Европы на Британские острова, когда-то оторвался от германских племен, однако те не претендовали на высшую власть над «колонизаторами» островов. Те же завоеватели, которые в XI веке узурпировали права тогдашних «новых британцев», в конце концов были изгнаны.

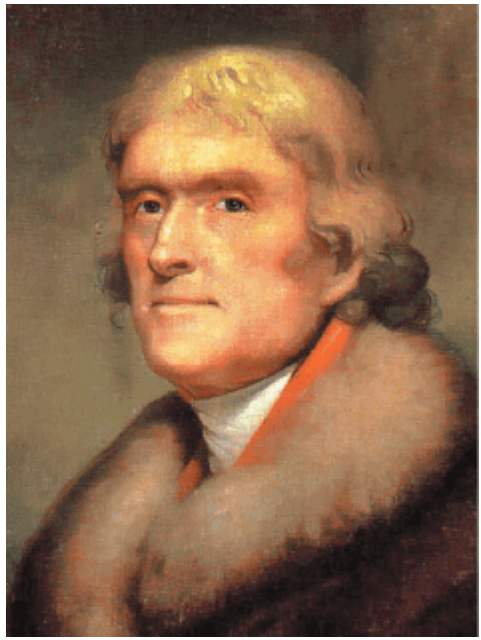
Приведенный исторический пример, изложенный в соответствии с представлениями Джефферсона об описанных событиях, звучал весьма убедительно для американцев и недвусмысленно указывал на их собственную цель – добиться столь же независимого положения в Новом Свете. В трактате об этом говорилось прямо. Еще раз зафиксируем внимание: Джефферсон считал, что раз Америка была завоевана и в ней основаны поселения, укрепленные и защищенные собственными силами поселенцев, а не британского общества, то эти поселенцы, сумевшие постоять за себя, имеют и неотъемлемое право на определение формы собственного государственного устройства.

Джефферсон перечислял случаи, когда метрополия навязывала американским колонистам свою волю, ставя последних в полную зависимость от своекорыстной политики Англии. Он писал, что отдельные ситуации могли бы быть восприняты как нечто преходящее, но целая серия репрессивных действий, с определенного момента проводимых британскими властями, слишком очевидно демонстрировала наличие сознательного, систематического плана обращения колонистов в рабов короны.

Движущей силой общественного прогресса Джефферсон считал главным образом систему общественного образования. В распространении знании он видел залог достижения счастья отдельной личности и необходимое условие благосостояния государства. В отличие от многих либеральных мечтателей своего века, Джефферсон и в этой области требовал систематических мер и целенаправленных действий. По его мнению, инициативу должно было взять на себя правительство, теперь уже не английское, а американское, и в связи с этим он в 1778 году вынес на рассмотрение вирджинской Ассамблеи свой «Билль о большем распространении знаний».

Во введении к законопроекту определялась основная задача: просветить в максимально большой степени умы широких народных масс. Определяя причину необходимости демократизации системы просвещения, Джефферсон подчеркивал, что и она в угоду английским интересам была в значительной мере трансформирована с тем, чтобы служить тирании. Заявляя, что меры по расширению и углублению образования явились бы самым эффективным политическим средством против угрозы тирании, он развивал этот тезис.

Итак, просвещение, с точки зрения Джефферсона, – единственное средство предупреждения тирании, тогдашнего варианта тоталитаризма. Имелось в виду просвещение народа в целом. Джефферсон активно оперирует понятием «счастье». «Счастливейшим» народом для него является тот, который обладает внятной, устойчивой, справедливой системой законов и имеет умное и честное правительство. Но чтобы обеспечить оба фактора, нужно определенным образом готовить интеллектуальную элиту общества. С целью сделать обучение независимым от исходных условий – средств, происхождения или других случайных обстоятельств, которые могут помешать одаренному человеку реализовать себя на благо общества, – целесообразно ввести бесплатное либеральное образование для способных детей, чьи родители не в состоянии оплачивать дорогие школы. А раз большинство граждан не имеют возможности получить образование и обеспечить его своим детям, необходимо, чтобы это было сделано за счет государства, чтобы счастье, как писал Джефферсон, распространилось на всех без исключения граждан.



Томас Джефферсон

Еще одно сочинение Джефферсона – «Заметки о Вирджинии» – обязано своим появлением необходимости рассказать миру о том, что представляют собой бывшие английские колонии. Секретарь французского посольства в Филадельфии Франсуа де Марбуа попросил Джефферсона «представить» Европе Вирджинию – крупнейший американский штат, Джефферсон не пожелал ограничиться поверхностным описанием. Он сделал все, чтобы показать европейцам богатства и многообразие природы своего родного края, нравы и обычаи его населения, выразить свои мысли о судьбах Вирджинии и всей Северной Америки. Обширные познания автора, талант писателя и возвышенные идеи философа-гуманиста вызвали к его «Заметкам» непреходящий интерес многих поколений.

Европа, считал Джефферсон, таит для молодого американца определенные опасности. Основа общественных зол и моральной деградации – неправильное воспитание. Он предостерегает друзей от желания дать детям европейское образование: там им будут привиты любовь к наружному блеску, преклонение перед аристократией и монархией.

Как вспоминали современники, Джефферсону были свойственны простота, приветливость и доброжелательность, позволявшие видеть в нем не только великого, но и доброго человека. Живя в Европе в качестве американского посла во Франции, Джефферсон встречался с поэтом и драматургом,

секретарем Французской академии Мармонтелем, великим химиком Лавуазье, философом Кондорсе, известным либеральными взглядами герцогом Ларошфуко. Частым было общение с аббатом Морелле, переводчиком «Заметок о Вирджинии». В салоне мадам Неккер, чей муж безуспешно пытался спасти политический режим Франции при помощи экономических реформ, Джефферсон восторгался талантами юной дочери хозяев – будущей романистки госпожи де Сталь. Часто он бывал также в салонах мадам де Гольбах, жены известного энциклопедиста, автора «Системы природы» (много лет назад прочтенной Джефферсоном), мадам Гельвеций и, пожалуй, в наиболее охотно посещаемом салоне графини де Тессе, где имелась большая ботаническая коллекция. Чтобы пополнить содержащиеся в ней сведения, Джефферсон составил – что потребовало больших трудов – каталог американских растений.

Увлечение Джефферсона европейскими науками носило прагматический характер, ибо он считал, что при республиканской форме правления наука приобретает большую важность, чем при других режимах. В столь молодом государстве, как Соединенные Штаты Америки, научные достижения, прежде всего передовые технологии и способы производства, должны применяться для улучшения ведения хозяйства. Интерес Джефферсона к изобретениям был неукротим. Новые механизмы штамповки денег, дублирования письменных текстов, усовершенствования в военной технике, шагомер – все интересовало американского посла, Лучшие из нововведений пересылались им за океан.

Предметом гордости Джефферсона были американские успехи в технике. В частности, Томас Пейн, автор знаменитого памфлета «Здравый смысл», в 1787 году привез в Париж модель своего железного моста, Вместе с ним прибыл Джеймс Рамсей («величайший гений механики», по словам Джефферсона). Посол Соединенных Штатов патронировал прибывших, добиваясь признания их изобретений Французской академией. Однако его усилия – притом, что он был самым популярным послом при французском дворе – часто оказывались тщетными из-за медленного хода королевской правительственной машины.

Несмотря на частичное предубеждение против европейского образования, Джефферсон в «Поучениях американскому отцу, отправившему сына в Европу» писал, что возвращение американца домой подобно полету пчелы, набравшей меда. Джефферсон составил подробный перечень того, что должен увидеть в Европе молодой американец. Свой список он начал с

достижений сельского хозяйства. Затем следовали мануфактуры, хотя доскональное изучение их Джефферсон считал пустой тратой времени, ибо Соединенные Штаты, по его мнению, не станут промышленной страной. Далее, писал он, нужно внимательно осмотреть сады и парковое хозяйство. Большого внимания заслуживает, с его точки зрения, европейская архитектура, поскольку при двойном приросте населения страны раз в двадцать лет общество должно заботиться и о том, чтобы удваивалось и количество зданий – и чтобы это происходило по законам хорошего вкуса, с учетом последних направлений в искусстве строительства. Политике, по мнению Джефферсона, также следует уделить внимание, но лишь в той мере, в какой она способна помочь в улучшении участи народа.

За время пребывания в Европе еще более расширился кругозор и самого Джефферсона, обогатился его духовный мир. Большое впечатление произвела на него встреча с Жоржем Луи Леклерком Бюффоном (1707–1788), естествоиспытателем, популяризатором науки. Общался он и со знаменитым скульптором Жаном-Антуаном Гудоном (1741–1828), главой французской скульптурной школы эпохи классицизма.

Много усилий приложил Джефферсон, выполняя заказ вирджинских законодателей – создать проект здания легислатуры штата. За образец был взят великолепно сохранившийся с римских времен «квадратный дом» («Мезон Карре») в Ниме. Античная лаконичность адекватным образом выражала идею американской гражданственности. Построенный в Ричмонде Капитолий оказал влияние на архитектуру общественных зданий в США, Согласно отзыву современника, француза Ларошфуко-Лианкура, здание было прекрасным, благородным и на тот момент самым крупным в стране.

Капитолий в Ричмонде

Будущее культуры

В 1784 году Вирджинская Ассамблея приняла решение

установить памятник Джорджу Вашингтону и поручила организовать это дело Томасу Джефферсону. Тот выбрал лучшего среди современников мастера – француза Ж. А. Гудона. По просьбе Джефферсона, в буквальном смысле оставив статуи королей незаконченными, художник взялся за создание скульптурного портрета Джорджа Вашингтона. По выражению американского писателя и публициста Гектора Сент Джона де Кревекера (1735–1813), изваяние составило эпоху в искусстве. За 25 тысяч ливров Гудон к 1785 году создал скульптуру на пьедестале. Вскоре скульптор прибыл в Филадельфию. Интересно, что при обсуждении проекта памятника встал важный вопрос: изобразить американского героя в античном – или в современном стиле? Выбор сделал сам Вашингтон: он предпочел современный стиль, а не античность.

Это решение знаменательно. Новое государство – это всегда и непременно новая культура. Желание видеть свою страну и нацию единой и в культурном, и в идейном плане завладело правящим слоем американцев со времен революции и Войны за независимость, Один из героев этой войны – Джон Джей – в 1797 году писал, что главная задача внутренней политики – полная «американизация» всего народа. Томас Джефферсон полностью присоединился к этому мнению. Наиболее упорные и настойчивые усилия в этом направлении предпринимались вплоть до конца девятнадцатого и начала двадцатого века.

Ж. А. Гудон. Памятник Вашингтону

Америка готовила свое культурное будущее. Атака против старых устоев была начата без промедления. Национальная Ассамблея выступила с предложением о пересмотре действующего законодательства. Джефферсон педалировал необходимость пересмотра всех законов в соотнесении с требованиями разума и идеей благополучия населения.

Следовало, прежде всего, определить отношение государства к церкви. В условиях, когда значительная часть жителей не принадлежала к господствующей англиканской церкви, нетерпимость последней, ее яростное преследование «еретиков» накладывали мрачный отпечаток на всю общественную жизнь. Наконец, многие священнослужители и после начала Войны за независимость проповедовали покорность монарху, выступали против отделения колонии от Англии. Проявив себя открытым врагом революции, англиканская церковь вызвала ненависть большинства поселенцев.

В преамбуле к биллю на эту тему, написанной с необыкновенной страстностью, Джефферсон обрушился на лицемерие, коррупцию, фальшь, тиранию – продукт взаимодействия церкви и государства, Главную свою мысль он выразил в словах о том, что *личные пристрастия и мнения* людей не подведомственны гражданскому правительству и не подпадают под его юрисдикцию. Соответственно, в билле торжественно заявлялось, что члены законодательного собрания Вирджинии постановляют: нельзя заставить человека поддерживать какой-либо религиозный культ, посещать место богослужений или священнослужителя; человек не подлежит также насилию, ограничениям, оскорблениям, какому-либо обложению или другим гонениям за свои религиозные убеждения или веру все люди пользуются свободой исповедания и имеют право высказывать свои взгляды по религиозным вопросам, и обстоятельство это ни в коей мере не может уменьшить или расширить их гражданские возможности или как-либо отразиться на них. Таким образом, американская культура идейно подготовилась к признанию множества новых религиозных систем.

Вирджинский «Статут о религиозной свободе» приобрел широкую известность в освободившихся американских штатах и в Европе. Он был переведен на французский и итальянский языки, включен в новую «Энциклопедию», послан большинству европейских правительств. В стране, куда устремились представители всех мировых религий, это идейное новшество

определило дружественное приятие инакомыслия и *любой другой веры.*

При формировании самостоятельной американской культуры речь зашла о трехступенчатой системе образования. В школах первой ступени предусматривалось бесплатное трехгодичное обучение. Здесь учащиеся помимо чтения, письма и арифметики должны были овладевать ремеслами. Предлагая давать детям элементы технического образования, авторы билля на много лет опередили европейскую систему с ее традиционным подходом, при котором главенствовало классическое преподавание, оторванное от реальной жизни. Жители восставшей революционной страны сочли необходимым ввести обязательное изучение истории, чтобы события американской жизни и опыт других времен и народов помогали воспитанию граждан-патриотов. Говоря о значении этого предмета в обучении школьников, создатели новой культурной парадигмы подчеркивали, что, давая оценку прошлому, история сделает граждан способными судить и о будущем.

Ассамблея в Ричмонде предусматривала создание в Вирджинии двадцати школ второй ступени. Они, как и начальные, должны были содержаться за счет государства. Для шестидесяти-семидесяти наиболее способных учеников предлагалось установить особую стипендию, а затем, в ходе трехгодичного отсева, выделить кандидатов на третью ступень для дальнейшего обучения. Создатели новой американской культуры не были лишены наивности. Считалось, что посредством такого отбора ежегодно будут появляться двадцать гениев, которым надлежит предоставить все возможности совершенствоваться в избранных ими специальностях. Лучших ждал колледж Уильяма и Мэри, который следовало, согласно законопроекту, преобразовать в университет, являющийся собственностью штата.

Поручить государству заботу о воспитании молодежи, сделав ее поборницей передовых убеждений, поставив науки и искусство на службу обществу, – эту цель вирджинский просветитель Джефферсон считал жизненно важной, и взгляды американских реформаторов оказали глубокое влияние на развитие общественной мысли, системы образования, в целом на становление новой американской культуры. Характерно, что в колледже Уильяма и Мэри профессоров богословия, греческого, латинского и восточных языков заменили преподавателями права и управления, анатомии и медицины, современных иностранных языков.

Особым звеном намеченного реформаторами пути

просвещения являлось создание содержавшихся на государственные средства общественных библиотек. Считалось желательным их создание в каждом штате, ибо, как говорили просветители, ничто иное не может принести столь большой пользы за столь малую цену. Надо заметить, что часть библиотек являлись передвижными. Ряд законодателей, видевших и в этом проекте угрозу, способную привести к «брожению умов», упорно противились его принятию. Борьба длилась долгие годы, но новая американская культурная парадигма возобладала. Ее адепты вели борьбу настойчиво и последовательно. Большое значение их усилий состояло в том, что с тех пор принцип ответственности общества, государства, а не церкви за воспитание граждан стал одним из существенных пунктов программы действий прогрессивных сил Америки и ее новой, демократической культуры.

В молодом государстве создавалась иная, более либеральная, чем европейская, судебная система. Америка решительно выступила за реформу суда, за изменение обычаев, порожденных устаревшими британскими судебными статутами. Нужно сказать, что подготовка билля, известного отныне под названием «О соотношении преступлений и наказаний», потребовала большого труда. Множество сводов законов, как древних, так и современных, были проштудированы создателями новой судебной культуры. В музеях колониальных ассамблей хранятся сделанные ими пространные выписки и экземпляры юридических трактатов с заметками на полях, свидетельствующими о весьма критическом подходе авторов новой судебной системы к законодательному наследию, доставшемуся Северной Америке.

Это был труд гуманистов, стремившихся широко воплотить в жизнь передовые идеи Просвещения. Свою задачу они видели в упрощении судопроизводства, устранении разночтений, служивших пищей для крючкотворства. Главное же, как написано в преамбуле к законопроекту о судебной реформе, заключалось в том, чтобы *свести к определенной системе весь ряд подлежащих возмездию преступлений и дать соответствующую им градацию наказаний.* Согласно этой концепции, наказание – зло само по себе, и его применение оправдано лишь в одном случае: когда оно эквивалентно добру в том смысле, что его воздействие гарантирует от повторения преступления в будущем. Из этой посылки делался вывод, что наказание должно быть крайним средством, Характерно требование отмены смертной казни за все преступления, кроме государственной измены и предумышленного убийства.

Франклин и другие

Если говорить о личностях, повлиявших на облик молодого государства, то после Джефферсона следует назвать имя признанного Европой общественного деятеля, филадельфийца доктора Бенджамина Франклина, Возможно, национальная память Америки не оценила его вклад по достоинству. В очерках по культурному строительству США сохранены лишь несколько плоских сентенций из созданного им «Альманаха бедного Ричарда» и некоторые яркие факты из его «Автобиографии». Значительно более объемно представляли себе гений Франклина его современники во Франции. Образ философа-ученого, героя Войны за независимость стал олицетворением культурного вклада молодой республики в мировую историю.

Александр Гамильтон

С портретов смотрит на нас убеленный сединами Бенджамин Франклин – прославленный мыслитель, изобретатель, опытный дипломат, энергичный сторонник объединения колоний и не менее решительный противник рабства. Мировоззрение пенсильванского мудреца выражало рост национального самосознания Северной Америки, и ему предстояло остаться в памяти человечества наиболее выдающимся американским представителем прогрессивной для того времени идеологии. Гигант культурного строительства молодой страны, Франклин

был, пожалуй, первым, кто начал говорить о судьбе независимой Америки в целом, не разбивая ее на штаты. Он первым оценил демографию, добился урегулирования грантов на земельные участки, выработал гуманную стратегию обращения с индейцами. Он закрепил ориентацию на Францию и ее культуру как обязательную предпосылку самостоятельного американского развития.

Наряду со «старейшиной» Франклином, американскую политическую и социальную культуру строили такие талантливые люди, как Гамильтон, Мэдисон, Джей, Галатин. Интеллектуальные способности Александра Гамильтона также свидетельствуют, что «новые люди» Америки явились ее неожиданным культурным достижением. Мечты Гамильтона об *«Америке городов»* воплотились в историческом будущем страны. Плеяда вирджинских общественных деятелей (Джефферсон – Мэдисон – Монро) способствовала формированию образа Америки как просвещенной страны.

В мире идей после революции наиболее значимое место стала занимать интеллектуальная дуэль между сторонниками укрепления американской государственности, борцами за принятие федеральной конституции, восставшими против приверженцев концепции прав отдельных штатов, и их противниками. Статьи Мэдисона и Гамильтона составили целый том под общим названием «Записки федералиста». Этот шедевр политической культуры американской республики до сих пор остается идейной базой Соединенных Штатов.

Два компонента

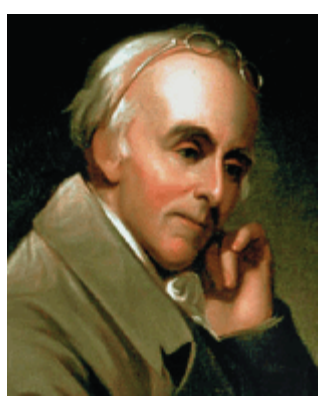
Европейцы еще продолжали смотреть на Североамериканские штаты скептически, но те к концу XVIII столетия уже создали условия для отныне стабильного культурного прогресса, хотя и не повсеместного и не ровного. Главным условием движения вперед было закрепление двух элементов американской культурной истории: 1) одна часть американского населения продолжала неуклонно продвигаться на запад, осваивая новые и новые территории; 2) вторая часть закрепилась в приатлантических штатах, где цивилизационный прогресс продолжался уже полтора столетия, создавая университеты, газеты, условия для писательского творчества и философских размышлений.

Несмотря на меры по ограничению произвола деятелей церкви, а может быть, и благодаря им, религия в США продолжала оставаться мощной интеллектуальной силой. Она охватывала все расширяющиеся массы населения. Америка (как и

Англия в это время) переживала рост религиозного чувства. Продолжались широковещательные споры об осознании греха и признании божественной милости. Этот период в американской культурной истории носит название «Великого Пробуждения». Такие проповедники, как Джордж Уайтхед, Джонатан Эдварде и «мать» Энн Ли, собирали немыслимые аудитории – до 24 тысяч человек Верующие распевали гимны и в экстазе катались по траве. Движение «трясунов» охватило всю Новую Англию – от Гарварда в Массачусетсе до Коннектикута и Нью-Йорка. Образованные люди не видели смысла в подобных проявлениях веры, но демократические принципы не позволяли нарушить право верующих на самоопределение.

Члены религиозных сект жили исключительно трезвенной жизнью, строили особые дома, в ряде случаев создавали специфический, близкий к общинному жизненный уклад. Именно тогда была заложена традиция широкого народного религиозного энтузиазма, которая остается живой и действующей по настоящую пору (микрофон и телевизор в XX веке только укрепили эту традицию).

Для образованного класса граница между XVIII и XIX веками была временем расцвета науки и появления изящных искусств. Страна приобрела – довольно неожиданно – целую плеяду весьма талантливых художников: Гилберт Стюарт, Дж. Копли, Чарльз Пиль, Ральф Ерл, Бенджамин Уэст. Не прекращалась и тесная связь с английским искусством. Американцы писали исторические полотна, портреты, ландшафты – все это запечатлело страну в ранний период после обретения независимости, сохранив память этих лет.



Бенджамин Уэст

Другим значительным шагом американской культуры было развитие естественных наук Своеобразным лидером в данной

области выступило Американское философское общество, основанное в Филадельфии Бенджамином Франклином. Членами общества являлись представители прикладных наук, медицины, механики. Сам Франклин, напомним, уже получил к тому времени европейское признание как ученый. Теперь в Европе Филадельфию узнавали на карте. Одной из заметных фигур стал астроном и физик Дэвид Риттенхауз, который проявил себя и в математике. Сразу после принятия Декларации независимости он немедленно обратился к Пенсильванской Ассамблее с просьбой построить обсерваторию, предлагая свои услуги в качестве астронома. Предложение это было принято, но военные расходы заставили отложить строительство.

Филадельфия была не менее благосклонна к еще одному своему гражданину – подписавшему Декларацию независимости доктору Бенджамину Рашу, также преподававшему в Королевском колледже (ставшем Колумбийским университетом в Нью-Йорке). В 1770-х годах Раш опубликовал первый учебник по хирургии. К началу революции в колониях было 3500 врачей, но только один из десяти имел ученую степень, Весьма тесными были связи американцев с шотландским Эдинбургом – одним из мировых центров тогдашней медицины.

Американские врачи раньше многих других указали на важность химии для медицинской теории и практики, на связь болезней с нервной системой. Раш возглавил хоспис (медицинское учреждение, в котором больные не только лечатся, но и живут) для пожилых. Он героически себя вел во время эпидемии желтой лихорадки. В упрек ему можно поставить лишь злоупотребление кровопусканием – однако во все века разные врачи имеют право на свои пристрастия.

Культура истории

Война за независимость побудила историков иначе взглянуть на развитие бывших колоний, на их превращение в независимое государство, В условиях переосмысления предшествовавшего периода (да и всей колониальной эпохи) стал ощущаться недостаток документального материала. Один из активных его собирателей, Джеред Спаркс, утверждал, что ранние документы хранятся в Лондоне, в архиве правительственного отдела торговли и поселений, и следует непременно изучать их. Теперь пилигримы исторической науки поплыли на восток, в Великобританию, как на историческую прародину.

Один из пионеров новой американской культуры – Френсис Хоукс – вывез из бывшей метрополии массу документов,

касающихся истории Вирджинии и Мэриленда, а другой, Бертоли Кэрол, воспользовался европейскими сведениями о Южной Каролине. Посланец Нью-Йорка Джон Брокхед извлек из европейских архивов 80 томов документации, В 1837 году вышел первый том «Американского архива», а к 1853 году – еще восемь томов этого издания. Быстро стало расти значение Библиотеки конгресса, но крупнейшим центром сбора исторических документов продолжал оставаться Бостон. Также и Гарвардский университет гордился своей коллекцией исторических свидетельств истории Америки.

Как показатель культурного подъема в это время появились работы по истории отдельных американских штатов, в частности, труд Белкнэпа о Нью-Гемпшире, Прауда – о Пенсильвании, Трамбала – о Коннектикуте, Мино – о Массачусетсе, Берка – о Вирджинии, Рамсея – о Южной Каролине, Уильямсона – о Северной Каролине. Между тем локальный подход к национальной истории перестал удовлетворять многих взыскательных авторов. В обстановке формирования национального рынка и роста американского государства стало расти и стремление к написанию единой обобщающей истории Соединенных Штатов.

В 1805 году Эбиэль Холмс опубликовал «Американские анналы». Это двухтомное сочинение представляет собой, по сути, сухое изложение фактов с редкими вставками авторских суждений. К сожалению, здесь нет широкой культурной оценки растущего государства. Придерживаясь консервативных взглядов, Холмс сдержанно, если не сказать более, относился к американскому Просвещению.

Культурный прогресс был очевиден для всех. В 1810 году вышел первый том «Общей истории Соединенных Штатов Америки» Трамбала. Надо сказать, что общественность встретила его довольно сдержанно, и продолжения этого исследования не последовало. Юрист из Коннектикута Тимоти Питкин в 1828 году выпустил двухтомную «Политическую и гражданскую историю Соединенных Штатов», которая также не удовлетворила современников. В первые тридцать лет XIX века лишь немногие из американских историографов добились национальной известности. К ним необходимо отнести прежде всего главу «романтической» (или «ранней») школы Джорджа Банкрофта (1800–1891).

Джордж Банкрофт

В следующий период (вторая четверть XIX века) историческая наука сделала еще один шаг вперед. Романтизм в Америке возник под влиянием одноименного явления в Европе, но отличался от него многими чертами. Банкрофт и его последователи «героизировали» американскую революцию, представляя ее как путь к высшей ступени развития, и тем самым поставили США во главе мирового прогресса. Такое изображение американского опыта вело к утверждению особого пути Америки, ее национальной исключительности.

В 1834 года Дж. Банкрофт, как уже говорилось, начинает выпуск десятитомной истории Соединенных Штатов, пользовавшейся исключительной популярностью. Еще при жизни автора она выдержала 26 переизданий. Впервые история США была представлена цельной, последовательной, объединенной общей идеей. Несомненной заслугой Банкрофта было обращение к документам: он расширил круг источников – это был важный этап развития американской историографии, – и следующие школы рождались уже на основе его трудов, их осмыслении и критики.

С культурологической точки зрения Банкрофт начал новый этап в развитии американского исторического самосознания. Выпускник Гарварда, он продолжил образование в германском Геттингене, после чего вернулся в Америку. В период борьбы президента Джексона (основателя демократической партии) с Национальным банком Банкрофт стал на сторону демократов и с тех пор не раз занимал важные государственные посты: он был морским министром, послом в Англии и Германии. Но общенациональную известность ему принесла именно десятитомная «История Соединенных Штатов со времени

открытия американского континента».

Подчеркнем то, что сочинение Джорджа Банкрофта было *исследованием.* Работа Банкрофта пользовалась исключительной популярностью как лучшее для своего времени описание и оценка прошлого страны. Четыре первых тома охватывали колониальный период ее развития. В первом прослеживались европейские попытки закрепиться на североамериканском континенте. История успешных в этом отношении предприятий доводилась до 1666 года. Описывая отчаянную борьбу переселенцев за существование, Банкрофт выводит из этих обстоятельств рождение «американских принципов религиозной свободы», Так Банкрофт определяет корни американской культуры.

Второй том оканчивался 1689 годом. В обнаруживаемых разногласиях колоний с губернаторами и властями метрополии Банкрофт видел зародыш национальной революции. Восстание Бэкона дало ему пример национального стремления к независимости. В девственных лесах Америки, писал он, исподволь росла сила, противопоставляющая себя европейским тираниям.

Финал третьего тома приходился на 1748 год. Автор несколько отошел от рассмотрения событий в колониях. В центре внимания он поставил движение в глубь материка, направленное на освоение новых земель. Много места уделено описанию индейского окружения. Четвертый том доводил изложение американской истории до окончания Семилетней войны. Последние десятилетия колониальной истории Банкрофт рассматривал только в плане подготовки борьбы за независимость. Изложению хода революции посвящены остальные тома; здесь повествование гораздо более детализировано, чем в предшествующих частях.

Несомненной заслугой Банкрофта было обращение к документам: он расширил круг изученных источников, хотя брал оттуда, в основном, лишь нужные ему подтверждения той или иной идеи. Критика сочинения Банкрофта, предпринятая учеными последующего поколения, без труда определила слабости его метода. Они проявились в отрывочном изображении колониального периода, многие важные моменты оказались пропущены. Так же слабо показано внутреннее развитие колоний, взаимоотношения с метрополией прослежены поверхностно, первая половина XVIII века почти не отражена. Критики осуждали тон повествования, зачастую высокомерный и назидательный и в целом не соответствующий демократическому настрою американской культуры.

Очевидной слабостью Банкрофта было принесение в жертву

задуманному сюжету глубокого и методического изучения каждого явления, в частности, ряда исторических событий. Историк «подгонял» колониальное прошлое к рамкам предложенной им схемы, не заботясь о получившемся искажении. Идеализация суровой и жестокой борьбы переселенцев, изображение этой схватки за жизнь как некоего осуществления высших идеалов, как крестового похода за демократические свободы – все это в конечном счете подчеркивало одну идею – идею американской национальной исключительности.

Как уже упоминалось, концепция исключительности американского пути развития в закамуфлированной форме выдвигалась и ранее, в религиозных писаниях хронистов, когда Америка подавалась «землей обетованной». Но лишь с укреплением буржуазной государственности эта система взглядов проявилась в отчетливой форме, и прежде всего, конечно, в сочинениях Банкрофта. Идея исключительности в конечном счете послужила не только орудием укрепления и освящения устоев буржуазного государства, но и обоснованием территориальной экспансии в середине XIX века.

Современник Банкрофта, тоже бостонец и питомец Гарварда, Джон Палфри издал пять томов «Истории Новой Англии». Палфри создал редкую по своему пиетизму книгу. Историк будто специально отказался от права самостоятельной оценки тех событий, сопровождая их изложениями официальных мнений и суждений современников. Даже истории борьбы с ведьмами не вызвали в нем желания осудить средневековые суеверия. В середине XIX века Палфри словно извлек из глубокого прошлого язык и традиции хронистов. Некоторую ценность его труду придал вывезенный из Англии архивный материал, а также тщательное изучение документальных хранилищ отдельных штатов. Но удивительное отсутствие скептицизма и критицизма ставило сочинение Палфри ниже современного ему уровня исторического исследования, и он вскоре был подвергнут нападкам со стороны представителей «критической школы».

В то время как историческая работа Банкрофта принесла автору успех и общенациональную известность, другой историк, Ричард Хилдрет (1807–1865), пребывал в неизвестности и откровенной нужде, из которой он искал выход на дипломатической службе, приняв пост консула в далеком Триесте. Идея создания общей истории возникла у него еще в Гарварде, но первый том вышел лишь двадцать с лишним лет спустя, в 1849 году Хилдрет в шеститомной «Истории Соединенных Штатов Америки» отошел от традиционного восторженного восхваления достоинств представителей

высадившихся на побережье религиозных сект. Он поставил своей целью развенчать «мыльные пузыри» золотого века, якобы исполненные сказочных достоинств и чистоты, Он указал на противоречие между «божественным предопределением» и требованиями разума, не жалел слов в критике суеверий и теократии Новой Англии.

Коттон Мазер не пользовался его симпатией, а позицию Мазера в оценке «эпизода с ведьмами» Хилдрет неприкрыто резко осуждал. Интересна оценка, данная им «славной революции» в Англии и ее значению, Хилдрет отмечает последовавшее усиление буржуазных элементов в парламенте, считает расцвет меркантилизма следствием революционных событий. Историк называет тиранию нового парламента более губительной, чем королевский абсолютизм.

Там, где признанные авторитеты находили гармонию и медленную эволюцию, Хилдрет видел ожесточенную борьбу и насилие. Историк не обнаруживал склонности к описанию военных действий и этим резко отличался от коллег-современников. Уважения заслуживала непримиримая борьба Хилдрета с рабовладением. Он был известен скорее как автор антирабовладельческой повести «Белый раб», чем как создатель исторического сочинения. Надо сказать, что аболиционистские (антирабовладельческие) убеждения Хилдрета сказались также и в его «Истории». По этой и другим причинам данное сочинение явилось вызовом многим традициям – в особенности распространенным в штатах Новой Англии. Американские культурологи обвиняли его в отсутствии «философского подхода». Идейные противники отказали ему в звании профессора Гарвардского университета. Но это лишь еще более ожесточило историка.

В конечном счете критицизм Хилдрета одержал победу над неумеренной риторикой Банкрофта. Его труд вызвал у пришедших на смену поколений больше доверия и признания. Трезвая историческая самооценка нации, сделанная устами ее лучшего представителя, постепенно стала цениться больше цветистых самовосхвалений.

Контрольные вопросы

1. Какие принципы и идеи Просвещения легли в основу политической культуры Америки в ходе борьбы за независимость?

2. Какие периоды можно выделить в Войне за независимость Конфедерации штатов?

3. Какова роль Томаса Джефферсона в создании Декларации независимости?

4. Каковы идеи Томаса Джефферсона в области демократизации системы просвещения?

5. Перечислите основные идеи вирджинского «Статута о религиозной свободе».

6. В результате каких реформ принцип ответственности государства, а не церкви за воспитание граждан стал одним из существенных пунктов программы новой демократической культуры Америки?

7. Назовите представителей плеяды общественных деятелей, способствовавших формированию образа Америки как просвещенной страны.

8. Охарактеризуйте рубеж XVIII—XIX веков как время расцвета науки и появления изящных искусств.

9. Назовите представителей основанного в Филадельфии Американского философского общества.

10. Каковы особенности становления исторической науки Америки как нового этапа в развитии американского исторического самосознания?

11. В чем, по мнению Джорджа Банкрофта, корни американской культуры?

Глава четвертая
Независимая страна

Гордость новой Америки

Люди ранга и склада Томаса Джефферсона и Джона Адамса не могли рассчитывать на культурное лидерство в колониальной Америке. Независимая страна, полностью оценив их таланты, уважая предпочтения, вознесла их на вершину национального признания. Приход к власти новой элиты неизбежно поставил вопрос о более современных этических и моральных нормах в отношении к религии, образованию, искусству, экономике, науке, политике, литературе. Следующим шагом в самоощущении независимого североамериканского государства было наличие посольств и консульств, регулировавших культурные и политические сношения Америки с другими странами. Особо тесными стали связи с Францией, являвшейся главным союзником США в борьбе с Великобританией и на рубеже XVIII–XIX веков переживавшей наполеоновскую эпопею. Символом теперешней ориентации может быть назван майор Пьер Шарль л'Анфан, французский архитектор, участник Войны за независимость, назначенный главным архитектором будущей столицы 9 марта 1791 года и создавший генеральный план столицы молодой независимой Америки.

Эскиз планировки столицы США Вашингтона, представленный Пьером Шарлем л'Анфаном Джорджу Вашингтону 19 августа 1791 года и переработанный в 1792 году Эндрю Элликоттом.

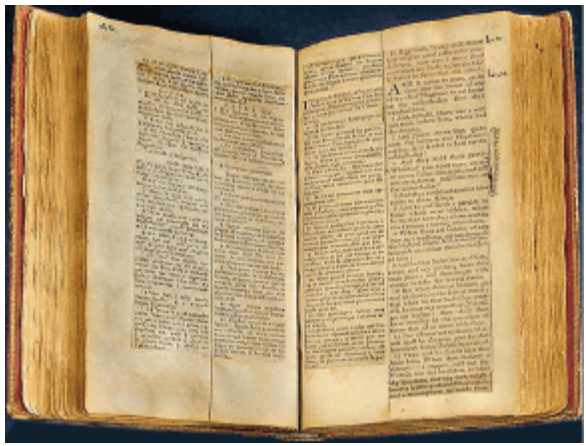
Взаимоотношения с Францией сказались, например, в том, что Людовик XVI подарил Гарварду ботанический сад, содержавший экзотические растения из королевской коллекции. Именно французы осуществили несколько путешествий по молодой стране и оставили примечательные описания. Американцы в некоторых случаях действовали чрезвычайно целенаправленно. Так, Американская академия искусств и наук приняла решение следовать скорее французскому, чем английскому, духу и вкусу и ориентироваться на французскую Академию, а не на Королевское общество.

Четыре важнейших обстоятельства на рубеже XVIII и XIX веков более всего повлияли на становление американской культуры: 1) успехи естественных наук во всей Западной Европе; 2) начало индустриальной революции в Англии; 3) французская философская мысль XVIII века; 4) интеллектуальные последствия Великой французской революции, Совокупное воздействие указанных факторов изменило интеллектуальный климат Америки. Научный скептицизм стал символом веры поколения мыслителей, политических деятелей и социальных лидеров, пришедшего к власти в пору обретения государством независимости, Ночь теологического закрепощения уступила место ясному и оптимистическому видению мыслителей, веривших в совершенствование природы и прогресс общества. Теократия ушла в исторические глубины, Лютеране, кальвинисты, пуритане, англикане – все они отошли от жестких церковных обычаев и традиций, освобождая мысль для научных исканий.

Место прежних активных религиозных верований заняла философия деизма, согласно которой Бог (в более радикальных версиях названный «Мировым разумом») когда-то действительно сотворил мир, природу, задав физические параметры ее развития, но в дальнейшем перестал вмешиваться в происходящее в мире. Деисты не верили в чудеса и отвергали саму возможность встречи человека с Богом, познать которого человек может, с их точки зрения, только с помощью разума, а не путем мистического откровения. Учение распространилось в XVII–XVIII веках и сыграло значительную роль в развитии европейского секуляризма и атеизма, а также политического свободомыслия. Деистами являлись Джефферсон, Дж. Адамс, Вашингтон, Мэдисон, Франклин, Пейн. Характерно, что автор Декларации американской независимости обращался к «богу Природы».

Интересно рассмотреть философские и культурные взгляды Джефферсона в контексте его детских воззрений. Идеализм Платона, популярного в то время, начисто отвергался

Джефферсоном. Идеи древнегреческого ученого, считал он, базируются на мистической подоснове, непостижимой для человеческого разума, и поэтому некоторые из направлений христианской религии, воспринявшие идеи Платона, и держат паству в тумане отвлеченных догм.



Библия Джефферсона с его пометками.

Сократа Джефферсон воспринимал только в изложении Ксенофонта, а наиболее превратным его толкованием считал именно пересказ Платона. Сенека, по мнению Джефферсона, был выдающимся моральным философом. Учение Иисуса из Назарета он рассматривал как одно из ответвлений античной мысли, считая, что Эпиктет и Эпикур давали законы управления собой, а Иисус дополнил их учение обязанностями в отношении других, Христианство воспринималось Джефферсоном как этап в развитии философской мысли. Такие «искусственные» наслоения, как обожествление Христа, придание ему чудесной силы, Воскресение и т. п., он относил к произволу «ультрахристианских сект», исказивших учение благожелательного моралиста, которым в действительности являлся Иисус. Благодаря сектантам, продолжал рассуждать Джефферсон, фанатизм слишком долго удерживал господство над человеческим разумом.

Победный марш естественных наук от одного океана до другого в Соединенных Штатах Америки возглавил вышеупомянутый Бенджамин Франклин, еще при жизни, во всяком случае в Европе, увенчанный лаврами. Его коллега Б. Раш снискал признание своих открытий у лиц столь далеких от Америки, как русский царь и прусский король. Математическую науку на мировой арене достойно представлял Н. Баудич из Массачусетса, йельский профессор Б. Салливен возглавил химические исследования, ведущим орнитологом своего времени

оказался Дж. Одюбон из Огайо, ботаником – К. Рафинеск Два важнейших изобретения более всего повлияли на американскую цивилизацию: машина для прядения хлопка и пароход. Жажду первопроходцев Льюиса и Кларка удовлетворяли далекие путешествия на Запад, благодаря которым были составлены карты дальнего Северо-Запада американского континента.

Идейные искания американских мыслителей объединило унаследованное независимой Америкой от колониальных времен Американское философское общество, участие в котором принимали представители всех штатов. Дебаты в обществе велись на самом высоком для тогдашнего мира уровне. Членами его являлись многие европейские научные светила.

Идея прогресса теперь уже окончательно завоевала умы думающих американцев. Это означало окончание пуританской монополии на свободу мысли, внушало восходящей буржуазии оптимизм и в целом знаменовало уверенность в будущем континента. Никакая идея не казалась слишком смелой. Труды восторженного сторонника прогресса француза Кондорсе были немедленно переведены в Соединенных Штатах (1796). Высшим национальным выразителем этой идеи в США был вначале все тот же Бенджамин Франклин, а затем и Томас Джефферсон, Последний, как уже отмечалось, явил собой блестящий образец всесторонне талантливого «гражданина мира», принятого в Париже как вестник новой цивилизации. В самой Америке он до поры до времени служил образцом античного республиканизма, ренессансного гуманизма и творческой эффективности нового континента. Джефферсон верил в возможность постоянного совершенствования человека и человечества, он, как уже говорилось, в высшей степени содействовал модернизации системы образования в США.

Благословением для Америки было то, что потрясения Войны за независимость, социальный и политический шок не только не ослабили художественно-артистические силы нации, но вызвали их заметный расцвет. В творческих исканиях мастеров молодой республики чувствовалась жизненная сила, исторический оптимизм, очевидный талант и безусловная оригинальность.

При этом следует помнить, что в Америке не было слоя богатой наследственной аристократии, которая в европейских странах традиционно опекала художественные таланты. Взамен в США возник массовый читатель и ценитель искусства – что было новым и давало творческий импульс. Посетители театров и читатели книг – вот за счет кого росли литература и искусство молодой страны. Предопределяющей ход культурного развития была сама обстановка, в которой творили писатели и художники

новорожденных Штатов. Господствовали рационализм, гуманизм, демократизм, практицизм. В науке доминировала склонность к обобщениям, в культуре – обращение ко всем областям жизни. Вовлечение в общественную жизнь огромных народных масс, участвовавших в революции, пробудило интерес как к отвлеченным идеям, так и к проблемам социального существования. Это была новая обстановка, отличавшая США от большинства стран Европы, не говоря уже об остальном мире. Например, именно здесь оказалось возможным столь широкое, значимое для всех членов общества движение за реформу пенитенциарной (тюремной) системы, за отмену рабства, за распределение земли.

Освещая различные аспекты культурного своеобразия развивающейся страны, необходимо отметить, что здесь воцарился космополитизм особого рода. США осознавали себя частью общемирового процесса. События повсюду в мире – в Англии, во Франции, в Италии и других странах – касаются Америки; говорить об исключительности Штатов возможно было прежде всего в том смысле, что этот «град на холме» стал демократическим маяком для всего населения земного шара. В Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне европейские газеты выписывали и читали не для получения сведений о том, что происходит «где-то там», не как некий свод заокеанских курьезов, а как информацию о происходящем на фронтах продвижения человечества по дороге прогресса и всемирного единения.

В революционные времена некоторые формы искусства подверглись испытанию на общественную значимость. Так, Уильям Данлэп (1766–1839), справедливо названный «отцом американского театра», успешно отстаивал право драматического действа на существование в демократическом обществе. Драма, доказывал он, может стать способом поддержания республиканских идеалов и фактором улучшения социального устройства страны. В дебатах, последовавших в пенсильванской легислатуре, Р. Моррис указывал, что рациональное, поучительное развлечение, дающее талантливому человеку шанс проявить себя, совершенствует общественные нравы, усиливая тенденцию к разоблачению пороков. С пьесы Уильяма Данлэпа «Отец» (1789) начинается история американского театра, с самого своего основания включавшего в себя больше элементов шоу чем традиционно принято в европейском. Девизом Данлэпа, автора пятидесяти пьес, были, что характерно, слова: «Свобода, наука, мир, благополучие, моя страна». Соратниками и сторонниками Данлэпа стали близкие джефферсоновскому демократизму Дж. Баркер и М. Ноа.

Обложка к трагедии Уильяма Данлэпа «Андре».

Хью Брекенридж

Обращение к реализму стало свойственно не только драматургам, но и писателям наступившей эпохи независимости. На «правом» фланге рождающейся великой литературы стоял выпускник Гарварда и выходец из Бостона Ройал Тайлер (1757–1826), изобразивший американскую реальность с определенно консервативных позиций Севера. Тайлер писал в предисловии к

своим сочинениям, что его проза – попытка удовлетворения потребности широких масс в художественном вымысле, тесно сплетающемся с обстоятельствами реальной жизни. Его герои вспоминают, что в начале их жизненного пути книга ассоциировалась с жителем прибрежного города и семьей священника. В конце же этого пути книги стали желанны и в кругу фермеров хинтерланда (территории, простирающиеся в глубь континента от береговой зоны морей и океанов), и в среде тех, кто осваивал и расширял границы, мостил дороги и строил каналы.

«Левый» фланг американской словесности был представлен Хью Брекенриджем, который дал «физиологический портрет» современной ему Америки. Отчасти он подражал Сервантесу, отчасти являлся бытописателем, и его героями были фермеры в приграничном районе Питсбурга, а читателями – такие же фермеры по всей стране. Демократические права и свободы нашли в нем своего певца. Однако значительно радикальнее Брекенриджа мыслил Чарльз Браун (1787–1842), прямой предтеча Купера и Готорна. Выходец из семьи квакеров, Браун, зная европейские языки, жадно следил за литературным процессом в Европе, Знаменем его был рационализм, побеждающий в борьбе с предрассудками. Возможно, это был первый американский автор, которого читали такие европейские авторитеты, как В. Скотт и П. Шелли.

Революционный переворот расколол надвое сообщество американских художников. Одна его часть выступила с аристократическими претензиями, вторая восприняла демократические идеалы. Среди последних наиболее заметным является Чарльз Пиль (1741–1828), создавший портреты лидеров революции. Именно он был организатором первой публичной выставки в Америке и убедил отцов города Филадельфии создать художественный музей. В конечном счете именно Филадельфия стала местом организации Академии художеств, целью которой было культивировать изящные искусства в Соединенных Штатах Америки. Соперником Пиля в области живописи стал Джон Трамбал (1740–1809) из Коннектикута. Знаменитые сцены из истории Войны за независимость были запечатлены для потомства именно этим бывшим полковником революционной армии, который стал автором психологически глубоких портретов.

Территориальное удвоение страны

Насколько тесно была связана Америка с происходящим в

Европе, показывает случай, относящийся к периоду наполеоновских войн. Исторически сложилось так, что некой обширной областью на американском континенте – впоследствии эта область получила название Луизиана – владели французы, затем испанцы, после этого снова французы. Наполеон жаждал упрочить свои позиции в Северной Америке, однако начал с острова Сан-Доминго, ныне известного как Гаити. На Гаити его армию встретили местные жители, сражавшиеся, как принято говорить, «с отчаянием обреченных». Они разрушили дороги, отравили колодцы, среди французов началась эпидемия желтой лихорадки. И через год болезнью и партизанской войной был уничтожен весь наполеоновский экспедиционный корпус – 20 000 человек. Впервые наполеоновские войска потерпели поражение.

Наполеон уже не видел возможности удержать силой и Луизиану, его планы великой западной империи в Сан-Доминго потерпели крах в борьбе с чернокожим губернатором острова Туссеном Лувертюром погиб французский генерал Леклерк со своей армией. Между тем обстановка в Европе снова накалялась. Для осуществления экспансии в Средиземном море Наполеону нужны были корабли, те самые, которые он готовил к броску через Атлантику. Как кость в горле, на пути осуществления его средиземноморских планов стояла находившаяся во владении англичан Мальта, но еще больше – Гаити. Спор из-за маленького острова, имеющего большое стратегическое значение, перерос в общий конфликт стародавних конкурентов. Европа снова оказалась на краю военного вулкана. В масштабе глобального противоборства Франции и Англии вопрос о Луизиане приобрел локальное значение. Французам, кроме всего прочего, необходимо было заручиться американской поддержкой, раз они не желали усиления позиций Англии в Северной Америке. И 11 апреля 1803 года первый консул в Сен-Клу поставил точку: «Нет больше места нерешительности и размышлениям. Я отказываюсь от Луизианы».

Подписывая договор о покупке Луизианы, американский представитель Ливингстон сказал, что в долгой политической жизни страны этот шаг представляет собой самое благородное свершение. С этого момента Соединенные Штаты *заняли место среди ведущих держав мира.* Благодаря одному росчерку пера территория США фактически удвоилась, и Америка стала практически необоримой.

Субъективно президент Джефферсон, видимо, рассчитывал, что эта акция усилит средний слой населения, класс фермеров, но объективно путем проведения ряда правительственных мероприятий он способствовал по существу ускоренному

экономическому развитию страны. Результат значительно превысил ожидаемый. Вместо устья Миссисипи с Новым Орлеаном и частью Флориды США получили огромную Луизиану. Овладение ею превзошло самые смелые проекты идеологов американской экспансии на запад континента.

На следующий день после получения известия о покупке Луизианы на далекий Запад отправилась экспедиция Меривезера Льюиса (1774–1809), личного секретаря и близкого друга Джефферсона. Политик и ученый, Джефферсон всю свою жизнь поддерживал исследователей американского континента. Самый известный из его прежних протеже – упоминавшийся уже Джордж Кларк (1770–1838), исследовавший верхние притоки Миссисипи. На сей раз целью экспедиции был Тихий океан, обследование огромных пространств от Миссисипи до Калифорнии, Президент Джефферсон безоговорочно доверял лейтенанту Льюису. Он посылал его в экспедицию и как президент США, и как президент Американского философского общества.

Теперь Льюис и Кларк отправились к западным пределам континента, и привезенные ими образцы диковинной флоры и фауны усилили интерес всей страны к западной половине Америки. В конце июня 1803 года Джефферсон удалился в Монтичелло, где его дом заполнили трактаты – описания различных районов Луизианы – и географические карты. Через месяц из-под его пера вышло «Исследование о границах Луизианы».

В индейской политике Джефферсона в 1803 году ничего не осталось от гуманистической программы Просвещения. Теперь он провозглашал, что индейцев больше не нужно приглашать селиться на здешних землях. Напротив, их следует принудить к эвакуации. В 1804 году Конгресс дал президенту право «предлагать» индейцам земли за Миссисипи вместо их исконных поселений.

Карл Бодмер. Акварельный рисунок вождя одного из воинских обществ, 1834

Расширение государства на запад – после приобретения Луизианы – грозило совершенно подорвать политическое значение новоанглийских штатов. Среди федералистов Севера возникали проекты отделения, образования Северной Федерации. Смерть Александра Гамильтона (1755–1804) и политическая кончина вице-президента Аарона Бурра (1756–1836), потерпевшего от Гамильтона сокрушительное поражение на выборах губернатора Нью-Йорка (оскорбления Гамильтона понудили Бурра вызвать соперника на дуэль, где Гамильтон и был убит, однако политическая карьера победителя-убийцы на этом фактически закончилась), ослабили силы и надежды заговорщиков.

Просветители

Думая об укреплении национального единства, президент Джефферсон, в частности, разработал проект национального университета. После обсуждения с ведущими американскими учеными президент через сенатора Догана вынес законопроект о создании университета на обсуждение сената. Однако предложение не вызвало энтузиазма законодателей.

Все же созданный в 1819 году Вирджинский университет – главный памятник просветительской работы Джефферсона. Обучение в университете охватывало широкий круг дисциплин – древние и современные языки, математику и физику, право, управление, гуманитарные науки, литературу. Джефферсону принадлежала не только законодательная инициатива, но и материальное обеспечение, архитектурное планирование, создание системы обучения, выбор дисциплин и все прочее.

Вирджинский университет впоследствии выпустил из своих стен немало известных людей, в том числе писателя Эдгара По и президента Вудро Вильсона.

Как отличалась страна от той, какую Джефферсон видел в юности! Эти перемены были не только внешними. Для поклонника философии Просвещения ускоряющийся ритм создания промышленных центров на севере означал начало нового пути. Капиталистическое развитие Америки оставляло все меньше возможностей размышлять об альтернативах. Мир, в котором имелось пароходное сообщение между Нью-Йорком и Канадой, являл собою уже другую реальность.

Дело не только в омрачавших пейзаж дымных трубах. Всегда в истории любой страны эпохи высокого идейного взлета и крайнего напряжения творческой мысли с их неизбежными разочарованиями временного характера сменяются периодами относительной апатии. После подъема политической мысли, характерного для эпохи революции и периода становления государства – с 1776 по начало 1800-х годов, постепенно наступал период относительного упадка. Буржуазный практицизм, вопросы дебета и кредита сменили революционный, новаторский дух предыдущей эпохи.

Постепенно правительство и Конгресс отказались от формулировки четкой политической доктрины, довольствуясь прагматической всеядностью. Путь, на который встала страна, уводил прочь от республики землевладельцев с приблизительно равным достатком. Америку второго десятилетия XIX века уже не интересовал вопрос «монархия или республика». На повестку дня встали реальные проблемы банковской ставки, постройки дорог, проведения каналов, роста и обогащения – то, что именуется развитием капитализма. Тон историческому развитию Америки задавала уже не южная Вирджиния, а индустриальные северные и центральные штаты, поддерживавшие рост западных поселений. Идеолог просвещенного гуманизма, Джефферсон самим ходом историко-экономического развития был осужден на фактическое одиночество в своем вирджинском поместье.

Отойдя от кипения политических страстей, Джефферсон посвятил себя чтению классической литературы, которое наполняло его душу восторгом, математическим истинам и здравой философии, равным образом безразличной к надежде и страху, дававшей ему утешение. В переписке с Джоном Адамсом, возобновленной после нескольких лет жизни в Монтичелло, Джефферсон дал своему корреспонденту совет, который говорит о его собственных жизненных правилах. Он призывал Адамса не стремиться к отдыху и с радостью встречать препятствия, которые

ставит перед ним жизнь. Любовь к отдыху, по мнению Джефферсона, все шире разрастается в человеческой душе и ведет к отказу от физических упражнений, расслаблению разума, индифферентности ко всему окружающему, а в конечном счете – к анемичности тела и апатии ума, наиболее далеко отстоящим от счастья. Принципы философии счастья, по мнению Джефферсона, полнее других выразил Эпикур; согласно его учению, твердость является одной из четырех основных ценностей, без которых счастье невозможно. Встречать и преодолевать препятствия, а не бежать от них подобно трусам – вот поведение, характеризующее человека истинно счастливого.

К письму Адамсу Джефферсон, извиняясь за несколько лапидарный стиль, прилагал написанное двумя десятилетиями ранее краткое изложение столь почитаемой им философии Эпикура и сумму своих жизненных правил. Характерно, что моральные принципы он выводил из физических свойств Вселенной. Так, в фундаменте этической системы Джефферсона лежат представления о том, что Вселенная вечна, ее части, великие и малые, взаимосвязаны и взаимозависимы, существует лишь материя и пустота, движение внутренне присуще материи, которая обладает весом и падает. Далее следует утверждение о том, что существуют боги – создания более высокого порядка, чем ЛЮДИ; они наслаждаются в своей сфере собственными радостями, не касаясь забот смертных. Для смертных же высшая цель жизни – счастье, его основание – достоинство, мера достоинства – полезность. Существует и удовольствие, по своей природе активное и беспечное. Подлинная радость человеческой жизни – беспечность и отсутствие боли. Идеальное и искомое состояние, по Джефферсону – не испытывать телесной боли и волнений ума, быть благополучным, беспечным, спокойным. Чтобы достичь спокойствия ума, должно избегать желания и страха, двух главных болезней разума. Человек в своих действиях свободен. Его достоинства заключаются в благоразумии, выдержке, твердости и справедливости, Им противостоят глупость, желания, страх и ложь.

При помощи стоического мировосприятия Джефферсон хотел избежать моральных издержек, прежде всего разочарования, сохранить здоровое, спокойное и оптимистическое отношение к жизни. Характерно, что Джефферсон не обращался к религии. Религия для него была скорее суммой жизненных правил поведения. В одном из писем он писал, что всегда судил о религиозности других по их жизни, и предлагал судить себя по тому же критерию.

Из эпистолярного и литературно-публицистического

наследия Джефферсона позднего периода его жизни встает портрет отнюдь не разочарованного и опустошенного государственного деятеля на досуге, а образ гармоничной, мужественной, целеустремленной, полной больших замыслов личности. Он говорил, что ведет свой челн, руководствуясь надеждой впереди, оставляя позади страх.

Разумеется, просветительская деятельность Джефферсона – далеко не единственный пример целенаправленной культурной активности. В галерее Монтичелло в первые десятилетия XIX века было собрано довольно много скульптурных и живописных портретов исторических и государственных деятелей, ученых. Напротив бюста Джефферсона стоял Гамильтон, а Вольтеру и Тюрго противостояли венценосные Наполеон и император Александр. Со стен смотрели портреты Колумба, Ньютона, Локка, Бэкона, Вашингтона, Адамса, Франклина и Мэдисона. Помимо висевших в зале портретов государственных деятелей, в Монтичелло имелась художественная галерея, где посетители могли любоваться картинами трех великих мастеров: Рафаэля («Святое семейство»), Рубенса («Бичевание Христа»), Пуссена («Вознесение»). Такой подбор, между прочим, отражал вкусы Джефферсона, которому была по душе возвышенная, спокойно-величавая и безгранично богатая оптимизмом жизненная философия мастеров. Проникновенность Рафаэля, полнота бытия Рубенса, задумчиво-патетическая тональность Пуссена больше всего трогали его.

Посетители галереи с интересом рассматривали также экспонаты небольшого палеонтологического музея.

Самые многочисленные жители культурных оазисов Америки – книги, громоздившиеся на огромных стеллажах. Личное книжное собрание Джефферсона послужило основанием Библиотеки конгресса, ныне одной из крупнейших в мире (в 1814 году накопленные Джефферсоном за пятьдесят лет жизни книги отвезли в одиннадцати фургонах в сожженный англичанами Вашингтон). Джефферсон оставался президентом Американского философского общества – практически американской Академии наук – вплоть до 1814 года, когда он попросил избавить себя от этой «синекуры». Его вкладом в работу Общества явилась критика философии Юма и Блекстона, разбор философии эпикурейцев, сравнительный анализ классификаций органического мира Линнея, Кювье и Блюменбаха, описание и характеристика американских и сибирских ископаемых, разбор новой испанской конституции, работы по математике, стандартам мер и весов, языкознанию.

Джефферсон словно предсказывал появление таких фигур,

как президенты Эндрю Джексон и особенно Авраам Линкольн, которые возглавили страну, выйдя отнюдь не из чопорной Новой Англии, а из гущи поселенцев Запада.

Новые веяния охватывали Америку, страна уже забывала о своем прошлом суверене – английском короле, росло третье поколение американцев, не знавших британского господства. Архитектура становилась одним из наиболее востребованных в Америке искусств.

Окончание Ренессанса и новый Ренессанс

К концу XVIII века эпоха неоспоримого доминирования замечательной плеяды людей американского Ренессанса в обществе и в культуре окончилась. Снизился общий интеллектуальный ценз общества, центром внимания стал поселенец, живущий на границе цивилизованного мира. Избрание в 1828 году президентом демократа – генерала Эндрю Джексона – было знаковым. Европейски-космополитический лоск уступил место грубоватой силе строителя и фермера, героя индейской границы, оторвавшегося от европейской пуповины.

Война всколыхнула все слои общества, каждого человека поставив перед выбором и способствовав росту гражданских чувств. Созидательная энергия Америки получила стимул, обращенный, в конечном счете, к росту материальной и духовной культуры – однако эта духовность была уже другого толка.

Независимость принесла смену общественных идеалов, эстетических норм, условий формирования культуры. Науки и искусства получили долговременный и стабильный стимул к развитию. Внешний мир – от столиц Старого Света до китайских портов – шире и шире открывался для молодого государства. В страну устремились новые потоки эмигрантов, теперь уже не связанные обязательной лояльностью к английской короне и более свободно раскрывающие свой культурный потенциал. Отступило консервативное, угодливое; вперед выступило смелое, энергичное, своеобразное.

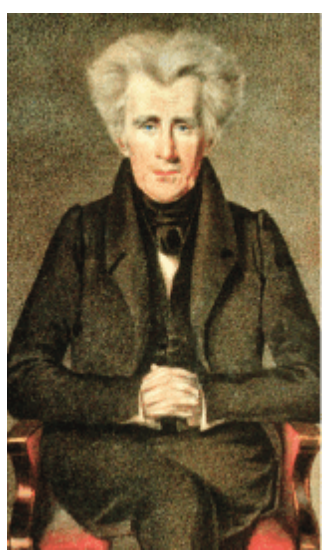
Теология отходила на второй план, мощные идеи революционного периода завладели общественным вниманием. Те, кто не был востребован в узких рамках колониального уклада, смело вышли на национальную арену независимой государственности. Основание единой столицы объединенных штатов содействовало формированию в умах американцев нового культурного миропорядка, в таком контексте секулярного (секуляризм – программное отделение власти церкви от власти государства) и основанного на самых просвещенных принципах

века. Исчезновение с национальной сцены королевских чиновников высшего звена (губернаторов, военачальников, судей, крупных землевладельцев) привело к возвышению прежде стоявших на вторых ролях торговцев, фермеров, городских буржуа, средних землевладельцев. Это, несомненно, демократизировало всю систему общественных отношений в Соединенных Штатах, привнесло в культуру те элементы демократизма, которых и следовало ожидать от самой большой республики своего времени.

Укрепление двухпартийной системы

Невозможно представить себе американскую цивилизацию без двухпартийной системы. В своем современном виде она возникла и укрепилась до Гражданской войны. В 1828 году возникла демократическая партия, а в 1858 году – республиканская.

Основатель демократической партии – президент Эндрю Джексон – заявил в 1834 году, что избираемый всем населением президент представляет весь народ Соединенных Штатов, а каждый конгрессмен – лишь малую часть этого народа. Тогда возмущенный Дэниэл Вебстер, великий оратор, правда, не сумевший победить в президентской гонке, ответил, что Конституция не говорит таким языком, Конституция нигде и никогда не называла президента представителем американского народа, по меньшей мере прямым и единственным.



Эндрю Джексон

Именно этим разногласиям Соединенные Штаты и обязаны созданию двухпартийной системы – одного из важнейших оснований политической культуры страны.

Для того чтобы показать перспективу развития идей Эндрю Джексона, укажем, что у представляющего «новых демократов» профессора Вудро Вильсона в конце девятнадцатого века уже не было колебаний. Он твердо стоял на стороне доктрины, заложенной более чем полустолетием назад генералом-президентом Джексоном, то есть на стороне тех, кто видел в федеральной власти выразителя общенациональных интересов.

Ей, федеральной власти, и решать назревающие проблемы современности. Президент сам их должен конкретизировать в условиях кризиса, Он может взять столько власти, сколько ему покажется нужным. Именно он характеризует баланс сил в определении пределов гражданских свобод, в фиксации законов, в характеристике морального подхода к главным общественным проблемам. Президент является единственным лицом, определяющим внешнюю политику страны. И если народ его поддерживает – он неуязвим, так как вся страна проникается единым пафосом и действует через посредство президентских прерогатив.

В культурном и политическом становлении Америки феноменальное значение имела периодическая печать. Органы периодической печати во множестве возникали во всех штатах, северных и южных, старых и новых. В начале XIX века в США выходило около *четырехсот газет.* Между ними шла жесткая политическая борьба. Скажем, Гамильтон поддерживал нью-йоркскую «Газету Соединенных Штатов», а его оппонент Джефферсон – филадельфийскую «Национальную газету». Именно в периодических изданиях пробовали перо те, кто позднее составил славу американской литературы. На страницах обсуждались все возможные проблемы, впервые стали появляться научно-популярные статьи. Если ежедневная пресса с неизбежностью плотно завязла в текущей политике, то еженедельники и ежемесячники делали упор на литературу, поэзию, на огромное множество идей, за несколько десятилетий перекочевавших из кабинетов избранных в умы простых горожан.

Определенную роль в культурном развитии Америки сыграло быстрое развитие мореплавания. Из дальних стран по ту сторону Тихого океана бостонские капитаны привозили предметы восточного искусства, бесчисленные вазы, статуэтки, шелк – и, разумеется, увлекательные рассказы о чудесах неведомых цивилизаций. Твердыня пуританизма могла выдержать многое, но не это бесконечное расширение идейного поля, не эту

безграничность нового знания, прямо связанного с практикой. С другой стороны, накопление богатств у купцов, формирование целых купеческих династий – Адамсов, Бруксов, Паркменов, Тикноров, которые для образования своих детей способны были пойти на многое, – увеличивало потенциал культурного развития страны.

Историческая культура

Главное место в американской историографии постепенно стал занимать гарвардский историк Френсис Паркмен (1823–1893), посвятивший свою долгую жизнь изучению англо-французского соперничества в Северной Америке. Обладая высоким литературным мастерством, Паркмен после многих лет длительного и кропотливого труда создал полуторавековую эпопею военной истории колониального времени. Он представил столкновение Франции и Англии как борьбу королевского деспотизма с конституционной свободой. Характеризуя английские колонии как более совершенные предгосударственные образования, Паркмен подчеркивал, что преимущества в соперничестве на североамериканском континенте были на стороне Англии, ставшей на путь капиталистического развития, а не у абсолютистской Франции, и этим объяснял окончательную победу английских колоний.

Паркмен трактовал исторический процесс в стиле, близком английскому историку Карлейлю, – отдавая предпочтение выдающимся личностям, направляющим ход мирового развития. Паркмен не избежал «антропологического» объяснения конечной победы англичан. В работе «Старый режим в Канаде» он сравнивал «англосаксов» и «французских кельтов». По его утверждению, в германской расе преобладает мужское начало, и потому она наиболее приспособлена к самоуправлению, в отличие от более импульсивных французов, которых всегда восхищает оппозиционность сама по себе и которые, в конечном счете, попадают под ярмо деспотизма. Расистские «аргументы» Паркмена были восприняты теоретиками «тевтонского» происхождения американских социальных институтов.

Френсис Паркмен

Историки романтического направления господствовали в американской историографии до последней четверти XIX века. Романтизм в Америке возник под влиянием одноименного явления в Европе, но отличался от него многими чертами. Банкрофт и его последователи «романтизировали» американскую революцию, представляли ее как путь к высшей ступени национального развития и тем самым ставили США во главе мирового прогресса. Такое изображение американского опыта вело к утверждению особого пути Америки, «американской исключительности». Уже первое поколение «романтиков» нашло своего критика в лице упомянутого выше Ричарда Хилдрета, расходившегося с представителями «раннеромантической школы» по важным вопросам. В дальнейшем романтический историзм в Америке пришел в упадок.

Новый тип иммигрантов

Голод в Британии середины 1840-х годов, вызванный загадочной болезнью картофеля и усугубленный некомпетентностью британского правительства, повлек за собой массовое переселение в Америку ирландцев, озлобленных политикой Лондона и ожесточенных в отношении англичан. Это привело к образованию в США первого крупного этнического меньшинства, политически весьма активного, консолидированного и готового противостоять англосаксонской культуре.

В этой обстановке сформировались предпосылки возникновения межнациональной розни, так как в те времена население Америки вовсе не было расположено воспринимать как

часть американского общего наследства религиозные убеждения и культурные особенности переселенцев, уже в момент прибытия склонных к противостоянию. Взрывной темперамент бесшабашных ирландцев-католиков наткнулся на жесткое противодействие большинства населения страны, традиционно подозрительного в отношении католицизма. В мае-июле 1844 года произошли первые массовые акты насилия в отношении ирландцев. Родилась проблема различия этносов – постоянная американская проблема с тех пор и до наших дней.

Лишь к середине XX века большинство американских протестантов признало, что католичество не противоречит идее американской национальной идентичности. Свидетельством этому было избрание первого католика – Джона Кеннеди – президентом Соединенных Штатов.

Ирландцы лишь слегка «разбавили» весьма впечатляющую однородность американского общества. К тому времени американцы уже привыкли смотреть на себя как на бунтарей, потрясших основы Британской империи. В отличие от ирландцев, трудолюбивые немцы из самых разных государств не объединенной еще Бисмарком Германии продемонстрировали удивительную способность вливаться и ассимилироваться в новом мире. Значителен был и приток переселенцев из скандинавских стран – европейского оплота протестантизма в мире. Неудивительно, что в Америке эти трудолюбивые граждане не встретили неприязни, Примерно до 1880 года основная масса иммигрантов прибывала в Америку из Британии, Германии, Скандинавии. То был последний массовый поток представителей сравнительно мало антагонистичных наций, легко совместимых с уже установившимся на осваиваемом континенте социально-культурным порядком. В будущем к государственному монолиту подступила иная этническая стихия, но до этого момента пока еще было далеко.

Проблема самоутверждения независимого государства представляла уже чисто исторический интерес. Страна росла в направлении долины реки Миссисипи, а затем – в необозримую даль до побережья Тихого океана. Вопросы независимости Америки, джефферсоновской демократии, определения места государства в атлантическом мире отступили на второй план перед трансформацией континентального масштаба. Направление, в котором формировался интеллектуальный климат, проходили философские изыскания, художественное творчество и литературные поиски, радикальным образом изменилось.

Техническая революция делала путь на запад материка

отличным от овладения атлантическим побережьем. По рекам и каналам дымили пароходы, а на повестку дня выступило новое феноменальное изобретение – железная дорога. Демократия президента Эндрю Джексона (руководил страной в 1828–1836 годах) качественно отличалась от демократии Вашингтона – Джефферсона прежде всего тем, что в руках растущего населения Америки были значительно более мощные инструменты овладения природой. В этом контексте преувеличить воздействие промышленной революции на культурное развитие страны просто невозможно. Изменились интеллектуальные интересы, эстетические пристрастия, инструменты распространения идей, социальные институции, особенно в области образования. Новое для Америки – сталелитейные предприятия, строительство железных дорог, огромные текстильные производства – трансформировали как классовый состав населения, так и его вкусы, пристрастия. Возник знаменитый американский «средний класс», носитель идей стабильности, упорядоченной передачи опыта, стремящийся усовершенствовать социальную систему и оптимизировать образование.

С другой стороны, в каждом из штатов были приняты законопроекты, позволяющие облагать налогами новые состояния: так появлялись средства для строительства школ и колледжей. Америка становилась богаче и могла позволить себе многое из того, что было недоступно менее удачливым странам.

Росли города. За полвека Нью-Йорк удесятерил свое население, достигнув полумиллиона жителей. В неведомых прежде городах Цинциннати и Чикаго жило больше горожан, чем во всей Америке эпохи начала независимого существования. Городская культура давала импульс формированию национального самосознания. Массовое производство не могло не отразиться на вкусах и пристрастиях всего народа. Первые проявления консьюмеризма (философии потребления) ощутимы были именно здесь – практически на самой дальней границе западного мира.

Традиционный порядок рушился со скоростью локомотива, пересекающего долину Миссисипи. Телеграф, с одной стороны, и более совершенные печатные машины, с другой, подняли книгопечатание и весь журналистский бизнес на новую высоту. Появилась газета стоимостью в пенни. Образовался невиданный по масштабу инструмент распространения социальных и научных идей, а дух научного приключенчества и феноменальных побед над природой стимулировал исконный оптимизм пионеров – основу их культурного существования.

Еще раз подчеркнем важность обширнейшего притока новых

американских граждан, исповедовавших все возможные верования, следовавших всем возможным обычаям и традициям. «Плавильный тигель» Америки работал на полную мощность, но ясно было также, что новые волны поселенцев оказывают влияние на самую душу государства. Число иммигрантов-неанглосаксов побило все прежние рекорды, и характер страны стал соответственно меняться. Золото Калифорнии и свободные земли великих прерий притягивали наиболее энергичных представителей всех рас и народов. Впервые католики обрели видное общественное положение в базово протестантской стране, впервые принципы свободы вероисповедания с необходимостью реализовались в конкретных условиях жизни миллионов людей. В культурном развитии Америки впервые в полную мощь проявились те обстоятельства, что в стране отсутствовала объединяющая всех монархия, что здесь не было класса аристократии, который владел бы политической властью и диктовал все особенности жизни – от норм морали до моды в одежде. И, напротив, по стране бродили сонмы никому неведомых лекторов, пропагандистов, проповедников, работали сотни издательств, выходили в свет тысячи независимых периодических изданий. В каждом городе были общественные школы, в крупных городах появлялись музеи. Почти каждый год страну сотрясали выборы губернаторов, судей, работников легислатуры и т. п.

Чарльз Диккенс

Таким путешественникам, как Чарльз Диккенс, это месиво не внушало симпатии, европейски дисциплинированные умы не воспринимали американскую мозаику и мало чего ждали от нее в

смысле культурных достижений. Но трудно было отрицать и огромную живительную силу народа, сумевшего в несколько десятилетий освоить колоссальные просторы; народа, обладающего мужеством, предприимчивостью, трезвостью суждений, способностью к компромиссу, желающего блага своим детям – и не жалеющего средств для воспитания и образования нового поколения.

В первой половине XIX века в американской культуре произошел примечательный слом: вчерашние восторженные поклонники всего французского (рационализм, атеизм, вера в разум, убежденность в происходящем прогрессе) начали менять кумиров. На первый план вышел новый образец для подражания – Германия Канта и Гете, германская «критика чистого разума», германский романтизм, германская система образования. Именно в Германию устремился поток американских студентов, разочарованных католической реакцией мыслителей типа Жозефа де Местра, проповедовавшего необходимость императорской власти и ненавидевшего революцию. В моду входила германская трансцендентальная философия, и вместе с ней – такие поклонники немецкой культуры, как англичанин С. Т. Кольридж, такие певцы феодального романтизма, как Т. Карлейль.

Лидирующим в культурном и экономическом отношениях регионом Америки продолжали оставаться Северо-Восток, Новая Англия и срединные штаты. Отсюда шли все культурные нововведения, в огромных городах этого региона формировались литературные вкусы и художественные пристрастия. Здесь воцарилась прикладная наука, в местных университетах росли те, кто давал Америке новые идеи, нес новое слово.

Им предстояло доказать, что политическая демократия и индустриальный подъем совместимы – это была принципиально новая постановка вопроса по сравнению с аграрной политикой Джефферсона, – и что демократия универсальна и жизнеспособна даже в том случае, если несет значительное социальное расслоение.

В созидании культуры нового типа наука объединялась с американской деловитостью. Селекция семян, система орошения, овладение пространством при помощи железных дорог, рационализация фабричного производства, новые невиданные станки – все это резко меняло культурное лицо страны, впервые обнаружившей благо массового производства. Природа стала полем битвы, познание ее законов способствовало продвижению целой нации вперед. Именно наука дала вполне рядовому американцу подлинно революционное представление о мире как арене постоянного приложения разума, непрерывной

оптимизации человеческих действий, неустанного продвижения в борьбе с уязвимостью и нищетой.

Северо-Восток выходит вперед

В результате целого ряда идейных преобразований и смены приоритетов связь с английским и французским Просвещением очевидным образом ослабла. Прежние духовные ориентиры – Лондон и Париж – уступили место германским университетам. Если теперь американцы и читали Карлейля и Колриджа, знакомясь с передовой английской мыслью, то параллельно они сверялись с германскими ориентирами, особенно с прессой и встречавшимися в немецких источниках комментариями. Своеобразным лидером американских германофилов в это время стали профессор Тикнор из Гарварда и уже упомянутый историк Джордж Банкрофт. Германское влияние на американскую культуру проявлялось через произведения Гете, Шиллера, Канта, Гердера – во всей их поэтической и философской силе.

Именно в это время в полной мере сказалось то обстоятельство, что Соединенные Штаты никогда не имели своего Средневековья и американцам были чужды Вальтер Скотт или герои Виктора Гюго. Жителям Штатов было бессмысленно искать в своей истории аналоги Айвенго или Мальборо, Нельсона или Наполеона. В то же время романтизм немцев привлекал силой непосредственного чувства.

Как уже говорилось, Северо-Восток стал богатейшим регионом независимой страны, и именно здесь университеты формировали современного человека. Неудивительно, что и литература, дитя достатка и досуга, возникла именно здесь, причем это уже был корпус по-настоящему оригинальных произведений.

Нужно при этом отметить, что быстрая индустриализация Америки, особенно Севера, вызвала крушение прежних, традиционных устоев жизни, а значит, и культурную реакцию. Один из властителей дум современников, Генри Торо, демонстративно ушел от дымных труб в леса. Другие художники, мыслители начали борьбу с бездушным индустриализмом, не покидая индустриальных центров. Американские писатели решительно заняли место основных поставщиков интеллектуального продукта для американских читателей. Если еще в 1820 году лишь треть печатаемого в США принадлежала американским авторам, то в середине века эта цифра достигла уже восьмидесяти процентов: Америка обрела когорту писателей и журналистов мирового уровня.

Невероятный успех сочинений Фенимора Купера и Натаниэля Готорна сделал их звездами мировой величины, а американскую литературу в целом поднял до высшего уровня современности. Где еще в мире автор мог похвалиться миллионным тиражом своих книг, подобно Гарриет Бичер Стоу с ее «Хижиной дяди Тома»? Это был результат и подъема благосостояния, и роста культурного уровня в стране. Молодые люди в городах могли теперь делать культуру смыслом своей жизни – для этого уже существовали объективные обстоятельства, среди которых были вышеупомянутые материальные факторы. Возникла также и профессиональная литературная критика, имеющая перед глазами мировые стандарты, а не колониальную упрощенность прежних поколений.

Следующая культурная эпоха проходила под девизом «Прочь имитацию». Это раньше американские дома строились на европейский манер, на книжных полках стояли зарубежные авторы, а собственно американские вкусы определялись «прошлым и далеким». Но ведь дух творит везде, где он жив. И художник должен иметь свои, а не заемные идеалы. Таким собственным эстетическим идеалом для американских деятелей искусств стало сочетание красоты, удобства жизни, величия мысли и удачного ее выражения. Начиная с 1820-х годов столица страны – Вашингтон – стала в массовом порядке покупать картины и скульптуры, украшая новую республику.

Гарриет Бичер-Стоу, 1811–1896. Писательница, аболиционистка, автор всемирно известного романа «Хижина дяди Тома». Гравюра, 1853

Деятели культуры порой существовали между Новым и

Старым Светом. Так, Эммануэль Готлиб Лойтце провел детство в Филадельфии, но затем вернулся на родину предков, в Дюссельдорф, и стал своего рода культурным послом Соединенных Штатов, принимая у себя американских художников. Он охотно и плодотворно писал картины из американской истории, эпизоды Войны за независимость. По возвращении в США он получил комиссию на украшение только что отстроенного в Вашингтоне Капитолия.

Фенимор Купер

Быстрое распространение поселений в западном направлении и стремительный идейный рост влияли на культурное созревание нации, Американские писатели руководствовались общим правилом, согласно которому им не следовало имитировать европейские образцы. Собственно, в этих словах и заключался манифест американской зрелости, Из-за «европейской пуповины» он не мог появиться и быть осознан ранее; но возник, когда США, отстояв свою независимость во второй войне с Англией (1812–1814), стали еще более успешно конкурировать с ней в промышленности, науке и культуре.

Очевидная независимость и самостоятельность американской культуры сказалась, возможно, прежде всего в выборе тем, столь оригинальных у Фенимора Купера, Вашингтона Ирвинга, Натаниэля Готорна. Тематическое своеобразие принесло писателям удачу. Если бы они начали состязаться с Бальзаком и Вальтером Скоттом, «европеизируя» свои сюжеты, то их шансы, скорее всего, были бы невелики. Но они обратились к оригинальным сюжетам, незнакомым европейским гениям, – и тем заложили прочный фундамент на долгие десятилетия.

Под пером Фенимора Купера (1789–1851) возникла галерея образов, по которым мир безошибочно «узнавал» и узнает Америку: пионеры, индейцы, граница, дикая природа, работорговля, шпионы, пираты, необычные женщины. Америка выступила в индивидуальном обличье, ей открылась собственная судьба, а американская культура способствовала смягчению острых углов жизни, воспитывала, образовывала, представляла страну чужеземцам.

Джон Уэсли Джарвис. Джеймс Фенимор Купер, 1822

Именно тогда на столах американцев рядом с Библией появился «Кожаный чулок» Фенимора Купера. Мир быстро признал значение нового культурного феномена. Английский писатель Уильям Теккерей считал Купера ровней Скотту и Гюго. Позднее Джозеф Конрад назвал Купера своим учителем. Существуя в той же системе ценностей, реалист Бальзак провозгласил, что Скотт – писатель «от истории», а Купер – «от природы». Возможно, важнее оценок великих мастеров была возникшая – и не исчезающая с тех пор – любовь всего читающего мира к американским героям Купера. Новая американская литература поселила в душах жителей старого мира чувство симпатии. Теперь уже все знали об энергичных и добрых людях, осваивающих новый континент. Вместе с Чингачгуком завоевывала симпатии и американская демократия.

Первые шаги искусства

А рядом зрела национальная живопись. Восхитительный живописец Калеб Бингхэм (1811–1879) выставил в 1845 году свою картину «Торговцы мехами» в Американском союзе художников (Нью-Йорк) наряду с полотнами на схожую тему индейцы и меха. Американская публика впервые увидела далекий штат Миссури, трапперов границы, нередко женившихся на индианках. Меховой торговлей занимались, уже путешествуя на пароходах, а не на каноэ. В Нью-Йорке Бингхэма называли «певцом Запада», сумевшим воплотить дух коренных жителей Миссури, Теперь на Атлантическом побережье говорили: после Купера и Бингхэма

появилось нечто, что отличает американскую культуру от прочих.

Заострим внимание: Бингхэм учился в Филадельфии, здесь покупал приглянувшиеся предметы искусства, копировал классику, искал свой стиль. Получив признание, художник вернулся в Вашингтон, где создал три портрета Генри Клея – одного из ведущих политиков своего времени.

Калеб Бингхэм. «Сборщики меха плывут вниз по Миссури», 1845

По-настоящему «американским характером» характеризуется живопись другого мастера – Уинслоу Гомера (1836–1910), в работах которого чувствуется психологическое напряжение и типичная для реалистов острота художественного фокуса. Пик его известности пришелся на более поздний период – на время после Гражданской войны.

Только самые первые произведения изобразительного искусства в США имели библейские сюжеты. В отличие от Европы, классическая мифология и античная история не пользовались здесь широкой популярностью. Предпочтительнее были натюрморты, портретная живопись, пейзажи. Художник Томас Коул (1801–1848) заметил, что живописцы, пишущие здешние ландшафты, имеют несравненное преимущество перед приверженцами традиционной европейской образности. Природа здесь действительно была нова для искусства – никакой чересполосицы, никакого вмешательства человеческих рук – и ждала своих певцов, Такие художники не замедлили явиться.

Любимым местом Коула была долина Гудзона, почти девственная в те времена. В 1839 году он стал главой нью-

йоркского объединения «Поклонники Аполлона», позже переименованного в Американский художественный союз. Здесь постоянно проводились аукционы, собирались любители американской живописи, тогда еще пребывавшей в колыбели.

В эти же годы Коул основал и «Школу реки Гудзон», помогавшую обрести свою аудиторию оригинальным американским талантам – таким, например, как Фредерик Эдвин Черч (1826–1900), обессмертивший водопад Ниагару в одном из самых знаменитых полотен («Ниагара», 1857), Картина производила настолько поразительное впечатление, что в одиночестве экспонировалась в специальном зале Нью-Йорка. Ее называли лучшей, возбуждающей всю полноту чувств работой, созданной американцем. Именно с этого времени Ниагара стала своего рода эмблемой Америки, привлекающей массы туристов. Но Черч не стремился к этой цели. Его идея была иной: художник как бы стоит в одиночестве перед «восьмым чудом света», пораженный силой природы. Радуга дает водопаду своеобразное новое измерение. Даже Чарльз Диккенс, скептически, как уже упоминалось, относившийся к идее американской культуры в целом, заметил, что созерцание полотна породило в нем ощущение близости к Создателю.

Томас Коул. Водопад Каатерскил. 1826

Галереи Нью-Йорка с успехом продавали полотна Фредерика Эдвина Черча. Благодаря его поразительным ландшафтам стала очевидна подлинная мощь американской природы.

Америка давала художникам возможность увидеть

невообразимые природные чудеса и феномены. Живописец Мартин Джонсон Хед (1819–1904) увидел и воплотил изысканную прелесть ферм атлантического побережья (Род-Айленд, Нью-Джерси), и на его полотнах запечатлены безграничные луга и светлые ручьи, небольшие стада коров, Высокое небо у американских пейзажистов никогда не бывает грозовым, свет льется отовсюду. Все располагает к безмятежному размышлению. Не зря эту школу назвали «люминистами» (от латинского lumen – «свет») – любителями изображать потоки света.

Очередным шагом вперед стала восхитительная картина Джорджа Калеба Бингхэма «Сборщики меха плывут вниз по Миссури» (1845). Прелестное раннее утро, контраст между деревьями и рекой, угасающий туман, две ярко одетые фигуры. Здесь царствует миф о простой, счастливой деревенской жизни. В Нью-Йорке картину купили за жалкие 75 долларов; сейчас она украшает национальную галерею.

Подчеркнем, что в некоторых странах, в частности в Америке, разговор о национальной школе в изобразительном искусстве возник после вспышек освободительного движения или войн за независимость. Достоинство народа, осознавшего себя свободным, требовало выражения в эстетической сфере. К тому же во второй половине XIX столетия реализм помогал осознать самоценность и огромную значимость обычной жизни, прекрасной, несмотря на несходство с античной историей или мифом.

Так было и с художниками, жившими в Соединенных Штатах Америки. Ясный ум и преклонение перед реальным миром, его красотой, изменчивостью, простотой и поэзией сформировало мировоззрение Джеймса Эббота Мак-Нейла Уистлера (1834–1903). Мальчиком он жил в России, отец работал на строительстве железной дороги между Москвой и Петербургом. Юный Джеймс посещал занятия в Петербургской Академии художеств. После смерти главы семьи вдова и сын вернулись на родину. В 1855 году Уистлер переехал в Париж. Там он познакомился и сблизился с Эдуардом Мане, выставлялся вместе с ним в Салоне отверженных, организованном Наполеоном III в 1863 году. Резкая реакция публики, не желавшей принять новое искусство, раздражала новаторов, начинавших вести себя с буржуа вызывающе, с оттенком презрения, Добавилось и то, что произведения Уистлера были разруганы английским искусствоведом Рескином. В описании Анри Перрюшо (книга «Жизнь Мане») Уистлер выглядит как «эксцентричный джентльмен, нарочито манерный, не лишенный заносчивости: нетерпеливо поигрывая моноклем и немного гнусавя, он

пересыпает свою речь язвительными репликами; пронзительный хохот еще подчеркивает нарочитую нагловатость его слов». А искусство его было вдумчивым, поэтичным и очень искренним, Эти качества проявились прежде всего в портретах современников – причем постепенно для Уистлера цветовые соотношения стали не менее важными, чем психологическая характеристика модели. Недаром некоторые портреты названы по соотношению цветов, а не только по имени изображенного на них человека («Портрет мисс Сайсли Александер. Композиция серого с черным», «Портрет мистера Карлейля. Гармония серого с зеленым»).

Эдвин Черч. «Ниагара», 1857

Джеймс Уистлер. Принцесса с веером

В творчестве Джона Сингера Сарджента (1856–1925) эстетика психологического портрета уживалась со следованием традиции парадных изображений, поверхностных, но роскошных. Особенно интересны работы, на которых Сарджент изображает детей: непосредственные и полные очарования, они написаны ярко, живо, порой даны в мимолетном, сиюминутном повороте и движении.

Художник пробовал одну манеру за другой, переключаясь с салонной живописи на импрессионизм, с этюдной манеры на жанровые картины. Пожалуй, такое вживание в открытия современности можно назвать основным художественным принципом американской живописной школы.

Эпоха словно толкала художников к восприятию и осмыслению открытий, сделанных коллегами. А Сарджент был предрасположен к такой адаптации еще и тем, как складывалась его жизнь. Выходец из состоятельной семьи (отец его был врачом), юноша, рано проявивший способности к рисованию, сначала учился в Риме у Карла Уэша, американца немецкого происхождения, затем поступил во флорентийскую Академию художеств, после этого переехал в Париж, учился в Школе изящных искусств, затем перешел в студию модного портретиста Каролюс-Дюрана. Путешествие от одного живописного языка к другому отразилось на его работах: мы то видим «импрессионистские» полотна в духе Мане или Уистлера, то с

удивлением обнаруживаем на портретах приемы, свойственные великому испанцу Веласкесу то вдруг наблюдаем след увлечения Пюви де Шаванном. А в портретах заметна близость к английским прерафаэлитам – а отсюда один шаг до ар-нуво или модерна.

Сарджент – салонный художник, признанный парижским жюри в 1878 году, член Национальной Академии Нью-Йорка, Королевской Академии художеств Лондона, кавалер французского ордена Почетного Легиона. И хотя он иногда слишком увлекался внешними эффектами (блеском драгоценностей или фактурами дорогих тканей), его моделям все же присуща элегантность и неподдельное изящество. Американской национальной школе живописи вообще свойственен легкий налет иронии, с которым художники относятся к «сильным мира сего»: богатые заказчики изображены такими, какими являются на самом деле, порой они выглядят самовлюбленными, хищными, туповатыми, неискренними. Зато и современники-интеллектуалы предстают перед нами во всей сложности психологических особенностей – как знаменитый писатель Роберт Льюис Стивенсон на портрете работы Сарджента.

В американском искусстве шла ассимиляция важнейших открытий в живописи. С одной стороны, художники заимствовали язык романтизма, создавая условные работы, окрашенные мистическим чувством, Быть может, в американском искусстве даже раньше, чем в европейском, начали оформляться зачатки символизма. С другой – нарождалось реалистическое направление, которое выразилось в живописи художников «Школы реки Гудзон» («Гудзонской школы»). Название школе дало место, где живописцы любили делать этюды. Конечно, только на Гудзоне они не сосредотачивались, ездили по штату Пенсильвания, Нью-Йорк, пользуясь живописностью Новой Англии. Причем в целом ряде случаев романтическое, символико-мистическое и реалистическое начала в их работах сливались – как в творчестве Санфорда Робинсона Гиффорда (1823–1880), писавшего виды великой реки на закате, на восходе, в солнечные дни и в дождь, добиваясь живой выразительности каждого созданного образа.

Как уже говорилось, основателем «Гудзонской школы» был ученик великого английского пейзажиста У. Тернера Томас Коул, который совмещал необузданные эмоциональные порывы, романтические, мистические настроения с тщательным, педантичным следованием «натуре». Считается, что честь открытия красоты реальной американской природы – ну во всяком случае, в Новой Англии, – принадлежит именно ему. Коул

даже построил себе поместье на берегу Гудзона с тем, чтобы быть в полном смысле «ближе к природе», ни на минуту не отвлекаясь от своей величественной и мощной модели.

А поместье Фредерика Эдвина Черча, одного из учеников Коула, находилось на другом берегу. Черч интересовался не только мирными, располагающими к созерцанию окрестностями Гудзона. Он много путешествовал по стране, не останавливаясь перед опасностями, и в результате перед взорами ошеломленной публики представали то вулканы, словно готовые начать извергаться, то айсберги северных вод, то Ниагарский водопад, ужасающий и притягивающий в своем величии. На некоторых холстах живописец показывает и природную катастрофу – как, например, извержение вулкана в Андах, вызывавшее у современников ассоциации с социальными катаклизмами, происходившими тогда в американском обществе.

Символическое начало в пейзаже присуще и Альберту Бирштадту (1830–1902). Он родился в Германии, в 1832 году его семья переехала в США, а учиться будущего художника отправили в Дюссельдорфскую Академию художеств. С 1857 года живописец принимал участие в американских художественных выставках, а когда ему исполнилось тридцать лет, стал действительным членом Национальной Академии дизайна в Нью-Йорке. Огромные полотна с изображенными на них горами, пиками, похожими на башни, горными озерами, лесами, Сьерра-Невада, «красные леса» Калифорнии в исполнении Бирштадта вызывали в 1860-х годах всеобщее восхищение.

Бирштадт сосредоточился на изображении природы американского Запада – во многих местах дикой, не освоенной людьми. Часто он рисовал и писал индейцев в их исконных условиях жизни: по-своему и этот художник отдал дань поиску «естественного человека», свойственному романтикам. Критики порой упрекали живописца в злоупотреблении оптическими и цветовыми эффектами, но для него это было органичным проявлением творческого темперамента, а не стремлением к быстрому успеху.

К «Школе реки Гудзон» был близок Роберт Скотт Дункансон (1821–1872). Его популярности в США способствовала монументальная роспись, выполненная им в одном из общественных зданий Белмонта, Позже, завоевав прочную популярность, Дункансон путешествовал по Канаде и Европе, был в Италии, Англии, Шотландии. К молодым примыкали и мастера, принадлежавшие к старшему поколению, как Алван Фишер (1792–1863), начинавший как классицист, но почти сразу избравший романтическую живопись и пейзаж как наилучшее

средство самовыражения. Знакомство с творчеством художников парижского Салона сделало Фишера «американским парижанином» – так звали его современники. К французской и английской традиции тяготел и Джон Кенсетт (1816–1872), учившийся в Париже и в Лондоне, избравший для своей живописи окрестности Нью-Йорка. Замечательны сделанные им виды Ниагары: художник очень тщательно выстраивал пространственные отношения в своих работах, благодаря чему возникает на них особое ощущение объема.

Той же цели добивался и Чарльз Кодман (1814–1900), последовательный романтик, приверженец синтеза романтического и реалистического начал. Что же касается Джеспера Кропси (1823–1900), то он, так же как и Кенсетт, находился под сильным влиянием английской традиции – только не Тернера, а Констебля. Не забудем, что революция в пейзажном жанре произошла не где-нибудь, а в Англии, чье воздействие на культуру Америки огромно. У Констебля Кропси научился более непосредственному видению и воспроизведению натуры, реалистическим световым эффектам, его работы более жизненны, чем у многих современников, иногда даже трогательны. То же самое можно сказать и о работах Дэвида Джонсона (1827–1908), соученика и единомышленника Кропси, или Джона Денисона Крокера (1822–1907), который был не только живописцем, но и ювелиром, и владельцем ресторана. Причем на всех поприщах он достиг успеха – известный пейзажист «Гудзонской школы» и портретист, он руководил сетью закусочных и патентовал новые приспособления для приготовления пищи.

Чарльз Кодман. Пейзаж, 1830

Было бы трудно говорить об американской национальной школе, если бы художники не организовывали, как это всегда было принято в Европе, своих студий, ателье, мастерских и не давали бы уроков любителям и профессионалам. Так, художник

Джон Касилир (1811–1893) учился у Ашера Дюрана и у Джона Кенсетта. У своих учителей он заимствовал подход к пейзажу прежде всего горному – топографическую точность, узнаваемость, сопряженную с эмоциональностью. Ашер Браун Дюран (1796–1886) был прекрасным гравером (его гравюры использовались для денежных купюр) и профессионалом высочайшего класса, что лишний раз подтверждается его членством и в Нью-Йоркской Художественной ассоциации, и в Национальной Академии дизайна. Как и Крокер, Дюран был удачливым бизнесменом, но в некоторые периоды жизни оставлял дела и занимался только живописью – в основном портретной, но также и пейзажной. А в конце жизни и вовсе оставил бизнес, целиком посвятив себя искусству. Что же касается Уильяма Холбрука Берда, то он занимался изобразительным искусством, работая в пейзажном жанре.

В целом жажда обрести национальную пейзажную школу стала ведущей чертой культуры США. Одним из наиболее талантливых художников этого направления стал Уинслоу Гомер. Это был первый американский живописец мирового уровня. Начал он свою карьеру газетным иллюстратором (сотрудничал в «Харперс Уикли»). Влекла его к себе и фотография. Первая известная работа Гомера – «Долгий завтрак» (1869).

Уже упомянутый выходец из Массачусетса Альберт Бирштадт начал в 1859 году писать серию пейзажей Дальнего Запада – каньоны, прерии и горы. Его работы оказали несомненное воздействие на Европу, воспламенив ее артистическое воображение. Замечательно, например, полотно «Среди гор Сьерра-Невада в Калифорнии» (1859). По мнению газеты «Бостон Пост», Бирштадт изображал американскую природу такой, какой она была на самом деле. Его картины с успехом выставлялись в Берлине и Риме. Под воздействием его живописи возникали идеи космического, планетарного толка, вроде выраженной Джоном Салливаном: он писал, что очевидное предназначение американцев и состоит в освоении континента, данного самим Провидением для все новых миллионов жителей. Через посредство Бирштадта европейцы начали знакомиться и с обожаемым им Тернером.

В США постепенно появлялись меценаты национального искусства, Это Альбин Адамс из Уотертауна или группа финансистов строительства дороги «Сентрал Пасифик». Тем временем историк Паркмен возвестил всему миру о суровой и естественной поэзии диких уголков Америки.

Страна любила природу. Йеллоустонский национальный парк был одним из первых проектов сбережения в первозданном виде

облика наиболее живописных частей Америки. А затем последовало решение сохранить под именем Йосемитского национального парка калифорнийскую Сьерра-Невада. В Нью-Йорке Фредерик Лоу Олмстед, ландшафтный архитектор, спроектировал и создал для горожан Центральный парк.

Эмерсон

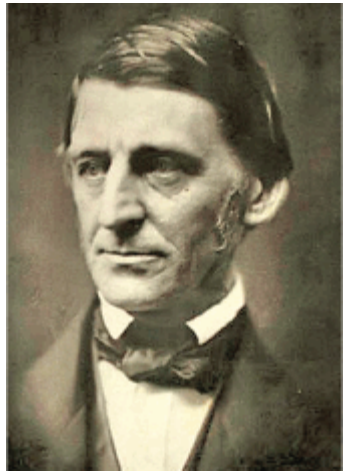
Молодой поросли будущих американских гениев были близки *принципы индивидуализма.* Грядущие таланты Америки переключились на изображение природы, обратились к внутренним ресурсам искусства в надежде *создать национальную культуру, основанную на уникальности американского исторического и духовного опыта.* Лидером этого движения, человеком разносторонне талантливым, был Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882).

Своего рода вторую декларацию американской независимости – на сей раз интеллектуальной – Эмерсон провозгласил в 1837 году. Он писал, что на исходе третьего десятилетия века период культурной зависимости, долгого ученичества, скрупулезного и внимательного освоения опыта других стран подходили к концу. Миллионы американцев, вступивших в жизнь, не могли уже насыщаться, так сказать, остатками зарубежных пиршеств. Происходили такие события, которые воодушевляли на самостоятельное творчество. И появлялись небывалые ранее творческие подходы, делались открытия, зовущие к новому творчеству. Порыв к созиданию отражал спонтанное и органическое чувство добра и справедливости, воцарившееся в душе и разуме американцев.

Со всей страстью Эмерсон, провозгласивший зрелость американской культуры, призывал к решению мировых проблем человека – здесь, на американской земле, вырабатывая собственный подход к мирозданию, а не легковесно подражая иным нациям, не совершая «обязательные» путешествия в Европу, не занижая значимость собственного американского опыта.

Первоначально Эмерсон готовил себя к карьере унитарного священника (унитарная церковь отличалась исключительной терпимостью). Но впоследствии на него оказала глубочайшее воздействие философия великого француза Мишеля Монтеня, которая как бы призывала американского мыслителя обратиться к природе. Бесстрастная божественность, распространенная в космосе, побудила Эмерсона внимательно присмотреться и к восточным религиям, в частности, к индийской Вишну-Пурана. Достижение спокойной безмятежности стало его задачей и

принципом.



Ралф Уолдо Эмерсон

В середине 1830-х годов Эмерсон написал своего рода манифест, обращенный к лучшим, наиболее культурным людям своего поколения («Обращение Фи Бета Каппа» – в названии употреблено старейшее корпоративное прозвище американских студентов и выпускников колледжей). Он обращался к новому историческому типу людей – поколению «американских ученых». Один из его талантливых единомышленников, Оливер Уэнделл Холмс (старший), и приветствовал этот манифест как интеллектуальную декларацию независимости. Собираясь в одном из городов Массачусетса – Кембридже или Конкорде, духовно близкие молодые люди объединялись вокруг того, что может быть названо первой самостоятельной американской «научно-философской школой». В нее вошли писатели и ученые Генри Торо, Натаниэль Готорн, Оливер Уэнделл Холмс, Орестес Браунсон, Маргарет Фуллер, Теодор Паркер, Джонс Вери, Элизабет Пибоди.

Не все согласились с тезисом Эмерсона, что церковь мертва и все формы священнического служения являются анахронизмом. Но авторитет лидера был огромен. Лучшая часть думающих людей Америки (заметим, что речь идет об интеллектуалах, раздвигающих горизонты цивилизации в старейших штатах, не тратящих силы и энергию на борьбу с дикой природой на западной границе) долго хранила верность естественно появившемуся главе интеллектуального сообщества. Статьи Эмерсона, его эссе и лекции, заложив основы мышления, оказались своеобразным краеугольным камнем американской культуры. Эмерсон был признан лучшим в своем поколении: он

первенствовал как оратор, мыслитель, писатель, в чьих произведениях оригинальные суждения удивительно и талантливо соединялись с принципами восточной космогонии и германской философии.

Эмерсон считал, что признаком культурной зрелости Америки является выход на арену общенационального поэта – Уолта Уитмена. Эмерсон рассылал друзьям «Листья травы» Уитмена с припиской, гласившей, что американцы, находившиеся за границей, могут возвращаться в родную страну, где появилась настоящая поэтическая личность. Самому поэту Эмерсон написал, что созданное им есть самое выдающееся проявление ума и мудрости, высказанное Америкой. И если мир прежде зачитывался Теннисоном, то во второй половине века даже в далекой Японии читали Уитмена. А рядом уже высились такие столпы мировой культуры, как Генри Дэвид Торо, впервые в Новое время сознательно порвавший с суетой и ушедший в леса, бросивший вызов и церкви и государству, призвавший к естественной жизни. Это была талантливая и эмоциональная реакция на наступавший век машин, провоцирующий и усиливавший отчуждение людей друг от друга.

Эмерсон назвал Торо воплощением подлинно американских качеств, Сам Эмерсон был, пожалуй, первым в этом поколении американцев, кто встал вровень с высшими проявлениями мировой культуры своего времени. Он говорил об эволюции в природе задолго до Дарвина и о социальной революции задолго до Спенсера, Маркса и Энгельса.

Эмерсон обладал счастливым талантом объединять людей, и скоро яркое скопление индивидуальностей собралось под эгидой «Трансцендентального клуба». Такая Америка уже никак не могла считаться «провинциальной». Впервые заокеанские умы следили за расположившимся на «Ферме Брука» «Трансцендентальным клубом», где выдвигались идеи всемирного значения. Мир внимал историческому оптимизму Эмерсона и зачитывался глубоким пессимистом-психологом Готорном, вплетавшим оригинальную американскую литературу в общемировой венок поэзии.

Герман Мелвилл

Новую славу американской литературы укрепил гений Германа Мелвилла (1819–1891). Роман «Моби Дик» навсегда останется одной из вершин американской культуры, достойной сагой новоанглийских мореплавателей.

В его творчестве мифы пронизывают все, Причем мифы не

одного народа, страны, материка. Наибольшую роль играет мифология греков и Ветхого Завета. С их помощью Мелвилл решает главную, онтологическую проблему своего творчества – взаимоотношения Человека и Всевышнего. Народы давно ушедших времен, обитатели разных континентов плотно заселяют пространство главного романа Мелвила – «Моби Дик». В этой пестрой толпе действуют персы, греки, египтяне, турки, венецианцы, перуанцы, филистимляне, гавайцы, иудеи, датчане, англичане, голландцы, халдеи, испанцы, жители Азорских островов, мидийцы и даже «златокудрая черкешенка», и исчезнувшие хетты.

Герман Мелвилл

Экипаж корабля «Пекод» – это подлинный интернационал. Плавание «Пекода» – история современного Мелвиллу человечества. Оно начинается с рождества Христова. С самого начала романа автор дает читателю варианты общения человека с Богом. Это моления, проповедь, «рамадан». Писатель никогда не довольствуется только повествованием. Он вновь и вновь повторяет излюбленные мотивы, на основе риторических приемов выстраивая своеобразную структуру произведения.

Все персонажи Мелвилла так или иначе наказаны Богом. Своему главному герою он дает имя библейского царя Ахава. История этого царя также связана с предупреждениями, непослушанием и наказанием. Несколько раз повторяет Бог через пророка Илию об уклонении Ахава с истинного пути. Однако Ахав не внемлет пророчествам, упорствуя, продолжая и даже увеличивая свои прегрешения. В результате – позорная, страшная смерть: Ахав не способен что-либо слышать.

В изображении Мелвилла другой герой, Прометей, обладает как бы двумя сторонами единой личности – это коварный и хитрый, но в то же время заблудившийся, искренний и благородный в своих побуждениях человек. С его помощью легче всего понять капитана Ахава. Внимательное прочтение текста книги позволяет увидеть, что наряду с открытой линией «Книги Ионы» своеобразной формулой умолчания идет другая книга Ветхого завета – «Книга Иова». В конце плавания «Пекод» встречается с кораблем под названием «Рахиль», чей капитан оплакивает своего сына. Библейский миф об Ионе позволяет Мелвиллу сформулировать Идею Служения.

Многослойность присуща всем художественным явлениям в «Моби Дике». И во всем этом есть что-то от шутки.

Метафора в «Моби Дике» присутствует как на макро-, так и на микроуровне. Удивительна метафора «корабль-человек». Сфинкс и пирамиды – устойчивый символ Высшего в творчестве Мелвилла. И убить кита – не значит приблизиться к высшим законам. А мир – это океан, ведь есть какая-то непонятная, таинственная прелесть в море, чье ласковое смертоносное колыхание словно повествует о живой душе, таящейся в темных глубинах.

Свободен ли человек в своих поступках, или он марионетка в руках высших сил? Писатель-философ Герман Мелвилл первым в американской культуре поставил этот вопрос. Энциклопедизм «Моби Дика» поражает. Американская культура сделала с ним важный шаг вперед.

Торо и другие

Ближайшим сподвижником и самым талантливым продолжателем идей Эмерсона стал Генри Дэвид Торо (1817–1862), его ученик, сосед и коллега. Он заручился помощью прогрессивных издателей, готовых печатать его работы, и к нему благосклонно отнеслись жители и власти его родного города Конкорд – даже сборщики налогов, которым Торо отказывался платить.

Торо жил в «естественном мире» – в мире природы Новой Англии, Он отрицал низменность буржуазных взглядов на мир, на индийского Брахму смотрел как на воплощение трансцендентализма. Именно отталкиваясь от естественных ценностей, хотел он начать философское обновление общества, полного несообразностей.

Как и его друг Эмерсон (а впоследствии также и Уитмен), Торо был своего рода *проповедником индивидуализма.* Он

призывал порвать связи с обществом, не способным решить базовые человеческие проблемы, и создать свой собственный мир неколебимой безмятежности. «Уолден, или Жизнь в лесу» – тоже своего рода манифест американской культуры.

Это произведение по сию пору является знаковым для Америки. Перед нами целая философия, предписывающая не сопротивляться течению дней, плыть по течению, погружаясь в глубинные тайны натуры, быть свободным во всем – от дыхания до высоких мыслей. Торо поселился в почти девственном лесу, ведя дневник и «очищаясь» от цивилизации. Благодаря ему *примитивизм* не потерял своей необычайной привлекательности. Он в определенном смысле пошел дальше Эмерсона. Отныне каждое поколение американцев ссылалось на него, если восставало против установленных норм. «Уолден» приобрел вес «новой Библии». Гражданское несогласие черпало из него мотивы вдохновения.

Спокойное, даже вялотекущее действие «Уолдена» революционизировало устоявшееся миропонимание своим отношением к властям, к традиционным нормам, к правилам социально отрегулированной жизни. Это скрытый под листвой дубрав призыв к восстанию против всего, что покушается на человеческое естество. При этом Торо – несомненный поэт. Он облекает свой текст в форму, которую трудно забыть. Аллегория всегда живет в его строках, даже путевые заметки волнуют и радуют.

Генри Дэвид Торо

Американские трансценденталисты изумленно смотрят на созданный Богом мир. При этом их относительно мало волнует

гражданское общество, народ как таковой, личность как величайшая ценность, Стремление постичь связь времен в их философии почти неощутимо, Словно Брахма взял колесо истории в свои руки: прошлое, настоящее и будущее слились в одно, и художник пасует перед социальными вопросами. Он созерцатель и философ, но не революционер и не социальный инженер.

Возможно, на формирование подобного мировоззрения подействовал окружающий мыслителей мир. В Новой Англии ничто особенно не напоминало о седой древности, о легендах и преданиях, клятвах и заветах: вот, по сути, оборотная сторона отсутствия в американской культуре феодального прошлого, которое можно было бы романтизировать, сделав его источником героических мотивов. Народ как таковой лишался величия всемирного деятеля: спокойная, размеренная жизнь гасила великие порывы. Вокруг не было ни замков, ни старинных домов, мир выглядел первозданным, не было и руин, порождающих легенды (при этом, правда, Вашингтон Ирвинг демонстрировал недюжинный юмор, пародируя вечно бродящих в развалинах лирических героев английской поэзии). Даже церкви всюду были недавно построенными.

Особенностью Соединенных Штатов было наличие единого языка с наиболее культурно развитой частью Европы. В отсутствие прав на интеллектуальную собственность американские издатели без малейших колебаний перепечатывали крупных английских авторов, что, с одной стороны, способствовало идейному и духовному обогащению Америки, а с другой – «подавляло» местную литературу, сразу же очень высоко поднимая планку. И, разумеется, для американских литераторов слово английской критики было неимоверно важным. Английские журналы на какое-то время словно овладели судейским жезлом, милуя и карая поднимающуюся до мирового уровня американскую культуру.

Показателем обращенности к литературному миру Лондона может служить, в частности, и то, что выпускаемая с 1841 года американским издательством «Хармер» серия мировых романов в своих шестистах томах содержала лишь восемь написанных американскими авторами. Пиетет перед культурой Старого Света мы видим даже в оригинальнейших произведениях Генри Лонгфелло (1807–1882), создателя «Гайаваты», Восхищение традициями Данте и Шекспира являлось отличительной чертой американской культуры периода до начала Гражданской войны, В области исторической литературы это заметно сказалось в творчестве упомянутого Вашингтона Ирвинга (1783–1859),

создавшего биографию Колумба, влюбленного в Испанию; в работах Банкрофта, поклонника германской исторической школы; в сочинениях Джеймса Мотли, создателя истории Голландии. В годы, когда будущая королева Англии Виктория получала образование, знаменитый английский писатель, историк и политический деятель Томас Бабингтон Маколей рекомендовал знакомиться с историей испанской литературы по работам американца Джорджа Тикнора.

Абсолютное господство романа как ведущего литературного жанра не могло установиться, поскольку умами владели и гениальные поэты – Альфред Теннисон и Виктор Гюго в Европе и Генри Лонгфелло в Америке. Они поражали воображение современников своей лирикой, буйством и причудливостью фантазии.

В Соединенных Штатах Лонгфелло был не менее популярен, чем Теннисон в Англии. Среди его несомненных заслуг – и перевод «Божественной комедии» Данте, и создание той фантастической лирики, которая была не менее популярной, чем индивидуализм Эмерсона.

Важно отметить, что американское общество, менее закоснелое и менее стратифицированное, чем в Старом Свете, становилось все более приспособленным к веку науки, с каждым годом дававшей западному миру удивительные открытия – это свойство Америки все ярче проявлялось с каждым десятилетием. Между 1820 и 1835 годами основные университеты – Гарвард, Принстон, Колумбия, Йель, Дартмут – включили в свое расписание изучение рынка и основ бизнеса, то есть сделали шаг вперед, на который европейцы осмелились лишь через столетие.

Утопический социализм

Америка оказалась уязвимой для развившегося в Европе утопического социализма. Особенно это сказалось на практике формирования социалистических общин: земли было изобилие, она была относительно дешева, а самое главное, здесь уже давно утвердилась традиция снисходительного отношения к любым формам человеческого общежития, в частности, к способам землеустройства отдельных социальных групп, Еще в 1694 году в Пенсильвании возникло «Общество женщин, живущих в глуши». И в начале XVIII века на обширной территории от Мэна на севере до Техаса на юге в Америке начали создаваться различные сообщества, представляющие самые разнообразные идейные течения.

Наиболее известными были образовавшиеся в Новой Англии

общины последователей социалиста-утописта Франсуа Мари Шарля Фурье, отражавшие его влияние на умы новоанглийской молодежи и последователей романтизма. В Новой Англии наиболее известными фурьеристами были Эмерсон, Готорн, Маргарет Фуллер, С. А. Дана. Увлеченные фурьеристы создали «фаланги» (виды поселений) в Брук-Фарме и в Фрутсландсе. Готорн очень живо описал жизнь такой фаланги в «Блисдейлском романсе», произведении, оканчивающемся трагически.

В Нью-Йорке того же направления придерживались Альберт Брисбейн, Хорас Грили, Генри Джеймс. Это были талантливые люди с сильными характерами. Созданные ими десятки общежитий нового типа существовали в разных углах Америки в поисках того, что они называли «Гармонией». Особо отличалась «Новая гармония» в Иллинойсе, для которой формулировал правила талантливый Роберт Оуэн. Он мечтал о городе, построенном и функционирующем по некоей идеальной модели, и постарался создать его в реальном Нью-Ланарке. Рабочие получили хорошие дома, школы, места отдыха. Оуэн устраивал лекции, писал книги и памфлеты, привлекая немалые массы молодежи. Его поселения назывались «кооперативами»; рабочие создавали общие потребительские союзы, пользовались преимуществом общественных закупок.

Социальные инженеры – начиная с Адама Смита, Дэвида Рикардо, Томаса Мальтуса, Дж. Б. Сэя, Фредерика Бастиа, Дж. С. Милля – соглашались в том, что существующая экономическая система фундаментально неверна. Мыслители и практики утверждали, что нашли вечные законы экономической жизни, основываясь на законах природы, – им нужно подчиняться, словно законам гравитации. «Laissezfaire»[2] (принцип невмешательства, доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику минимально) воспевался как базовая основа экономики.

Нужно сказать, что в отличие от религиозных сект «анти-экономические» фаланги просуществовали недолго – всего лишь несколько лет, значительно меньше, чем такие религиозные движения как «трясуны», «амиши», «Моравские братья», не говоря уже о меннонитах, которые выжили, несмотря на давление основной массы общества. У фурьеристов не было объединяющей мощи религиозного порыва, страстной убежденности, истовости, которая отличала христианские секты периода «религиозного возрождения». Отсутствие организационного ядра, единой для всех «догмы» сказалось на том, что фурьеристские фаланги продержались только на первоначальном импульсе. Индивидуализм оказался слабо объединяющим фактором. Строго

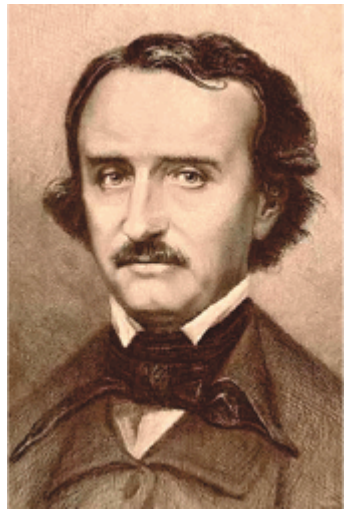
говоря, это движение никак не привлекло *массы.* Одиночки шли к «ферме Брука», квазиреволюционное движение на глазах превращалось в приключение. Группа талантливых людей думала о самоусовершенствовании, но вовсе не о вовлечении народа в общественное движение. Новоанглийские трансценденталисты сами отошли от идеи социального переворота. По целому ряду причин их способности не стали всеобщим достоянием. Страна жила своей жизнью, не приобщаясь к идеям талантливой молодежи. А их героем и идеалом заведомо был одиночка, «герой без толпы», мыслитель, по собственной воле ушедший в глушь – как Торо, как непобедимый охотник Натти Бумпо из романов Фенимора Купера. Эти восхитительные одиночки могли многое, но они не могли указать путь фурьеристским фалангам.

Это было своеобразное и интересное время, совсем не похожее на трепет революционной эпохи. Свежие умы начала XIX века критически относились к ходу мировой истории и нередко убедительно *отрицали исторический прогресс.* Утопия была их мыслительным горизонтом, планы создать идеальное общество заступили место революционного рвения, стремления достичь независимости. Периодические кризисы окрепшей американской экономики ставили в тупик как массы их жертв, пополнявших ряды безработных, так и хозяев предприятий – обескураженных, разоряющихся врагов неизбежного, как оказалось, экономического цикла.

Упадок трудового энтузиазма вел к моральной деградации, но прятаться в девственных лесах американцы уже не могли – как бы их ни звали туда Торо и Купер. Меж тем подъем массового производства вырабатывал у эстетов чувство непреодолимого презрения к материальным основам американского общества. Преобладание цифр над духом, над культурой возмущала многих.

Эдгар Аллан По

Сильнее остальных оказалось влияние на американский культурный мир Эдгара Аллана По (1809–1849). Насколько мощно пробивала себе дорогу глубокая оригинальность американской культуры, видно на примере именно его творчества как документа духовной истории XIX века.



Эдгар Аллан По

Этот американский поэт и писатель, мир его идей и даже его внешность оказали большое воздействие не только на американскую культуру середины XIX века. С большим трудом, преодолевая консерватизм и враждебность, По вторгся в мировую литературу. Возможно, он не смог бы пробиться сквозь крайне нетерпимые оценки критики, когда бы не поразительное музыкальное звучание его произведений, заключающих глубокие философские смыслы. Испытывающий в молодости сильное влияние Байрона, Колриджа, Гофмана, Э. По вписал яркую страницу в эпоху зрелого американского романтизма. Это был период «нативизма» – романтического освоения американской действительности, Американский романтизм в большей мере, чем европейский, обнаруживает глубинную связь с философско-эстетическими принципами эпохи Просвещения. Начало зрелого романтизма условно связывают с потрясшим основы американского общества экономическим кризисом 1837 года. Деятельность ряда демократических литературных журналов, в частности, «Демократик Ревью» О. Салливена, создавала атмосферу творческой свободы, сыгравшей значительнейшую роль в эволюции романтического сознания американских художников.

В ходе зарождения национальной художественной критики как части литературного процесса творчество Э. По было существенным фактором. Пристально вглядываясь в современное американское сознание, писатель был поглощен исследованием психических состояний человека.

По на целый век опережает своих современников, создав строгую эстетическую концепцию, теорию рассказа. Эти идеи

изложены в статьях «Философия творчества», «Поэтический принцип», «Теория стиха», в различных литературных рецензиях.

По писал, что ни в каком произведении не должно быть ни одного слова, которое прямо или косвенно не вело бы к единой задуманной цели. Принято отмечать точность, выстроенность его произведений. Он одним из первых пришел к пониманию необходимости изменения человеческого сознания, включенного в творческий процесс, к идее синтеза, а не противопоставления логического мышления и воображения.

Однако никакие теоретические построения не позволяют разгадать магию прозы и поэзии художника. В его прозе обнаруживается удивительное слияние фантастического и реалистического, пародийного и серьезного. Механизм творчества приводится в движение двумя противоположными силами: скрупулезной деятельностью сознания (черта реалистического мировоззрения) и полетом фантазии, интуиции. При этом По достигает удивительного синтеза, который побуждает к такому мировидению, когда, по словам самого писателя, дерево одновременно и остается, и перестает быть деревом.

Такой подход позже вдохновил писателей и художников символизма, но в середине XIX века это было мощное противопоставление своей творческой самости господствующему рационализму. На пути к символизму возникла еще одна крайность в виде «чистой поэзии», «чистого искусства», но к нему Эдгар Алан По никогда не принадлежал: как бы странно это ни звучало, но он всегда крепко стоял на земле, исходя из подлинно глубокого понимания законов жизни молодой североамериканской республики, из социальной реальности, которую знал и понимал превосходно.

Неудавшаяся жажда действия, презрение к окружающему убожеству, калькуляторскому прагматизму создали в его творчестве конфликт нравственного и эстетического, свойственный определенной традиции художественной культуры Европы, начиная с Сократа, Платона, Аврелия, Августина, далее Оскара Уайльда, Льва Толстого, Шарля Бодлера и др, Кстати, именно Бодлеру Европа обязана знакомством с немеркнущими шедеврами По: «Ворон», «Аннабель Ли», «Город среди моря», «Улялюм», «Эльдорадо» и др.

Бодлер писал, что поэзия По, как и любое высокое поэтическое творчество, вне всяких философских систем постигает раньше всего внутренние и тайные соотношения между вещами. Россия была второй страной после Франции, проявившей глубокий интерес к его творчеству. Русские символисты видели в

нем своего непосредственного предшественника. Им свойственна романтизация личности американского поэта. Особое значение придавалось музыкальному звучанию поэтических произведений. О популярности По в России можно судить по количеству переводов. В частности, «Ворона» переводили С. Андреевский, Дм. Мережковский, К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Галь, В. Топоров и др.

С 50-х годов XIX века печатаются новеллы и рассказы художника. По ввел в литературу жанр малой художественной формы. В его выразительных повествованиях нет ничего лишнего, никаких избыточных элементов, авторская идея всегда раскрывается минимумом необходимых слов. Писатель не отвлекался от основного замысла, создавая своего рода концентрат мыслей, образов и слов. Лишь через столетие американская литература в полной мере оценила краткие рассказы Эдгара Алана По, сделав эту форму одним из излюбленных и популярнейших жанров, Характер, ситуацию, атмосферу произведения писатель никогда не переставал аналитически контролировать, последовательно ведя читателя к раскрытию центральной мысли. Вместе с тем его индивидуальный стиль изобилует приемами романтизма, прежде всего проявляющегося в несомненной тяге к сверхъестественному. По как бы смеялся над примитивностью реализма, постоянно поднимаясь на поэтические высоты и философски обнимая печальный мир. Он сделал шаг к символизму, не теряя при этом связи с собственно американской почвой, с особенной американской культурой.

Эдгар Аллан По стал также основателем детективного рассказа, который в Америке (и не только здесь) ждало большое будущее. Глубокий и скептический ум, характер, идущий всему вопреки, отвергли банальности современности и создали явление мирового значения, собственную эстетическую школу, открыли новые горизонты поэтического воображения. Не зря Гегель, завершая «Философию истории», говорил об Америке как о стране будущего – таланты ее граждан уже обещали сделать это будущее ярким.

Основные особенности американской науки

Через десять лет после электромагнетических опытов Фарадея на американской земле Сэмюэл Морзе изобрел телеграф. Существенно и то, что в период между 1815–1860 годами американские геологи, географы, этнологи, статистики в национальном масштабе объединились в профессиональные сообщества. В 1847 году была создана Американская ассоциация

развития наук, способствовавшая организации и систематизации научных исследований. Естественные дисциплины явно лидировали. Процветали разнообразные научные общества. В 1846 году был основан объединяющий ученых Смитсоновский институт.

Уже известный нам французский писатель Алексис де Токвиль объяснял американское лидерство в прикладных дисциплинах тем, что социальные условия и институты демократии готовили граждан к поискам немедленных и полезных практических результатов. В отличие от этого, европейские общества, построенные по принципу неравенства граждан в общегосударственной иерархии, более располагали к стерильным поискам абстрактных истин, составлявшим содержание гуманитарного знания. Эта тенденция, с точки зрения Токвиля, естественна и неизбежна.

Акцент на теоретизировании, на обобщении не стал органической чертой американской культуры. Долгое время Америка не могла породить ни одного великого интеллектуала-интерпретатора. Но она воспитала огромную массу ученых, которая подходила к фактам жизни без предубеждения и проявляла свой талант в создании полезных вещей. В 1841 году в Вашингтоне был открыт самый большой в Америке зал для демонстрации подобного рода изобретений.

Для примера укажем, что лучшая техника для дантистов уже создавалась в США в первой половине XIX века. Именно американцы выдвинули в это же время идею анестезии. С тех пор страна совершенно очевидно для всех лидирует в этой области.

Однако не будем преувеличивать – всю первую половину позапрошлого столетия Америка в основном импортировала ту чудесную механику, порожденную промышленной революцией, которая впоследствии составила стране славу. Это прежде всего локомотивы, паровые машины, текстильные станки и многое другое. Америке еще предстоял культурный бросок в эру самодостаточности, пока же она, безусловно, зависела от заморских центров развития передовых технологий.

Горожане жаждали комфорта. В американских городах вслед за Европой стали сооружать тротуары, в 1858 году муниципалитет Нью-Йорка начал создание Центрального парка, за ним следовали Филадельфия и Бостон. Полиция впервые надела униформу. Омнибусы побежали по городским улицам.

Важные для культурной судьбы государства выводы сделали американские экономисты. Вопреки господствующим (прежде всего на «фабрике мира» – в Англии) идеям свободной торговли, они выдвинули справедливый тезис, что доктрина, базирующаяся

на психологии гипотетического «экономического человека», автоматически действующего сугубо в собственных интересах, ошибочна с самого начала и опасна в применении к реальной жизни. Ей была противопоставлена доктрина национального интереса. Это означало императивную необходимость в прикрытии тарифами и капиталовложениями слабых или лишь создаваемых отраслей национальной промышленности.

Историческая наука

Выше уже говорилось о трудах и научной школе гарвардского историка Френсиса Паркмена, чей вклад в американскую науку нельзя оценить однозначно: с одной стороны, он отличатся целым рядом совершенных профессиональных приемов, с другой – дал почву для расцвета расизма и национализма. Чтобы понять, как идеи Паркмена развивались и влияли на умы его соотечественников, следует более широко представить себе актуальный для той поры интеллектуальный контекст.

В американской историографии до конца 1870-х годов господствовали традиции романтизма. Лишь в последней четверти века проявились новые тенденции. Взгляд на историю становился более широким, освещение явлений – более многосторонним, внимание сосредоточивалось на социальных и экономических моментах. Продолжалась публикация архивных материалов, налаживалась регулярная, а не разовая, как в прошлые эпохи, связь с хранилищами Англии, Франции, Германии и Испании. Возникали новые исторические общества, активизировалась деятельность прежних. Характерно для этого времени оживление интереса к ранней поре американской истории, к вопросам колониального прошлого.

Образование кафедр американской истории в университетах (первая появилась в Корнелле) положило начало академическому изучению прошлого страны. Напомним, что Банкрофт, Хилдрет и даже Паркмен не являлись университетскими учеными. Увеличение числа профессионалов привело к созданию в 1884 году Американской исторической ассоциации. «Ученые записки» университетов стали регулярно публиковать научные статьи. Расширилась тематика исследований.

Тогда же в Америке зародился биографический жанр, ставший традиционным для здешней литературы. Героем первой биографии стал Джордж Вашингтон. Научным отцом американской исторической биографии стал Джеред Спаркс, создавший жизнеописание Вашингтона в двенадцати томах и Франклина в десяти. Это сделало науку о прошлом популярной

среди читателей. Позже события Гражданской войны (1861–1865) пробудили интерес к истолкованию причин национального кризиса. Опасность развала союза штатов послужила импульсом к исследованию событий, положивших начало этому союзу.

Успехи естественных наук и впечатление, ими произведенное, в последней четверти XIX века заметным образом повлияли на методологию американской историографии. В стремлении обосновать научность метода и, следовательно, достоверность и исследовательскую ценность своих произведений историки разделились на два довольно четко видных направления. *Первое* возвело в абсолют исторический факт, отказалось от широких обобщений и отвергло всякую философию истории. *Второе* видело в развитии общества продолжение и отражение процесса развития природы; для этого направления характерным было перенесение (или распространение, с некоторой модификаций) законов естественной истории на историю общественную. Однако, при всех различиях, оба направления требовали введения в оборот максимального числа фактов и тщательного определения достоверности каждого из них.

Кроме особенного внимания к фактам, «научность» требовала выяснения причинных связей, и в этом отдельные американские историки испытали влияние европейских «романистов» и «германистов», чьи дебаты были широко распространены в то время. Возвращение американских стипендиатов из европейских (преимущественно германских) университетов перенесло в американские колледжи теорию об общности происхождения германских и англосаксонских общественных институтов.

Глубокое влияние на многих американских историков оказало «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Возникший так называемый социал-дарвинизм тоже поставил во главу угла исторических изысканий изучение социальных образований. Колониальный период американской истории подвергся новой интерпретации и в этом смысле. Раздуваемый «романтической школой» пафос уступил место педантичному теоретизированию. Опыт колониальных поселений интересовал представителей «научного подхода» как еще одно ответвление и дальнейшее распространение общественных установлений германских племен, как продолжение движения англосаксов с берегов Рейна через Британские острова на запад.

«Тевтонская» теория происхождения американских институций, основы которой содержатся в учении Паркмена, поддерживалась положениями социал-дарвинизма, требовавшего выведения общественной эволюции из первоначального «зерна».

Характерным представителем сторонников синтеза социал-дарвинизма и «тевтонской теории» был Герберт Бакстер Адамс (1850–1901). Во многих работах, а особенно в «Германском происхождении новоанглийских городов» и «Норманнских констеблях в Америке» он искал и утверждал сходство пуританских общин с их мнимыми прототипами в германских лесах. Герберт Адамс стал главою влиятельной группы историков в университете Джонса Гопкинса. Его убеждение, что все проблемы нужно изучать последовательно – вначале в местном, затем в национальном и в конечном счете в международном масштабе, – приобрели известность и имели многочисленных последователей.

«Тевтонская теория» обернулась откровенным национализмом в книгах Джона Фиске (1842–1901). Фиске объяснял, что центр мирового развития переместился из района Средиземного моря на Рейн, а затем через Атлантику утвердился в долине Миссисипи. Англосаксы якобы приняли от Древнего Рима лидерство в мировом процессе. Некритический характер его писаний, полных бесконечного теоретизирования, был ясен уже современникам. Критикам типа Чарльза Осгуда была очевидна бедность его документальной базы и шаткость общего основания, Известность сочинениям Фиске принесло его умение подать материал в неожиданном ракурсе, выбор наиболее ярких эпизодов и литературные достоинства. Скоропалительные выводы Фиске содержались в его книге «Старая Вирджиния и ее соседи», в которой он всемерно подчеркивал, будто бы решающее значение для образования правящей касты Вирджинии имела эмиграция дворянства из Англии в период между актами 1649 и 1660 годов, когда революция упразднила королевскую власть и страну толпами покидали представители аристократических семейств. На несостоятельность выводов Фиске указал Филипп Брюс. Он в целом опроверг утверждения о происхождении верхних слоев Вирджинии от эмигрантов-дворян.

Порочность методологии Фиске обесценивала его деятельность как одного из основных представителей «научного» подхода. Фиске эволюционировал в сторону крайнего расизма и стал проповедником преимуществ «арийской расы».

Дагеротип

Предшественником фотографии был дагеротип, созданный французом Луи-Жаком Дагером в результате опытов 1827 года. Мода на дагеротипные портреты приобрела в Америке характер страстного повального увлечения. Первая студия производства

дагеротипов в Нью-Йорке возникла в 1840 году, а к 1853 году таких здесь было уже 86, За сезон 1854–1855 годов в Бостоне было сделано 400 000 изображений. Неожиданностью для очень многих горожан стала возможность получить свой портрет всего за два доллара. Цена довольно быстро опустилась до двенадцати центов. И времени тратилось значительно меньше, чем в студии живописца – всего несколько минут. Американский средний класс не упустил возможности запечатлеть себя для потомков.

Натаниэль Готорн писал, что дагеротип способен отобразить характер человека гораздо точнее, чем лучший психологический портрет, Вскоре Уильям Толбот изобрел собственно фотографию, найдя способ печатать негативы – правда, пока еще со стеклянных пластинок. Его «Открытая дверь» (1843) больше говорит о своем времени, чем многие тома. Тогда же начали печататься книги с фотоиллюстрациями, а вскоре хорошее фото успешно конкурировало с посредственными живописными произведениями.

Фотография стала новым медиумом искусства. Фотограф часто останавливал свой взор на том, что обычный человек в жизни игнорировал и воспринимал лишь как художественный факт. Случайный луч света, тень, опустившаяся на тропинку, сверкнувший в песчанике камень – все это волновало фотографа и создавало фотоискусство в собственном смысле слова.

Фотография

Фотография со времени изобретения в 1840-е годы поражала и поражает современников, давая живой образ быстротекущих событий, вызывая небывалый восторг у зрителей. Америка с тех пор практически лидирует в области фотографии.

К 1850-м годам техническая ограниченность фотографии оказалась преодоленной, и сразу стали очевидными ее огромные возможности, Французы первыми (в 1862 году) признали фотографию искусством, и американцы вполне согласились с этим мнением. Правда, художники боялись, что фотокамера убьет изобразительное искусство, но если кто и пострадал, то только портретисты. Фотография была зримым подспорьем реализма.

В годы Гражданской войны в Америке искусство фотографии взметнулось на невиданную прежде высоту. Американцы были на переднем крае прогресса. Пораженный зритель получил неслыханную и немыслимую прежде возможность лицезреть поля битвы и эпизоды жестоких сражений.

Некто Мэтью Брэди создал группу из двадцати фотокорреспондентов для освещения основных событий

Гражданской войны. Самый блестящий из этой группы – Тимоти О'Салливан – фотографировал все, включая погибших солдат, следы мародерства, поле битвы при Геттисберге (штат Пенсильвания), на котором в июле 1863 года произошло решающее сражение между юнионистами (армия Севера) и конфедератами (армия Юга), закончившееся полной победой северян и переломившее ход войны. В конце сражения президент Линкольн произнес знаменитую речь, и этот момент тоже оказался запечатлен фотографом.

Были созданы более чувствительные фотопластинки, увеличилась скорость снимков. Эдвард Муйбридж стал фотографировать движения животных, жизнь природы, смену времен года. Художник Томас Икинс (1844–1916) помогал фотографам, не питая отвращения к «мертвой живописи» (бытовало и такое мнение, ведь сказал же великий скульптор Роден о том, что художник говорит правду, а фотография лжет).

Тимоти О'Салливан. Место гибели генерала Рейнолдса, поле боя под Геттисбергом, Пенсильвания, 1863 год.

Мир думал иначе, чем Роден, и фотоизображения со временем стали полноправной частью высокой культуры. Джекоб Риис создал относительно компактную камеру (1888), и фотография пошла по миру победным маршем. Мы видим бедные районы Нью-Йорка, беды и радости американцев всех слоев общества. Особенно фотоподборки впечатляют в книгах социологов, таких как Риис. Великие живописцы Курбе, Милле, Икинс любили фотографии и делали слайды.

Люди гибнут за металл

В двадцати километрах к северу от Сан-Франциско стоит деревянная крепость, при виде которой екнет русское сердце. Бревенчатые стены, вырубленные амбразуры, знакомые маковки

куполов. Путник, остановись на секунду – это крайняя точка продвижения наших соотечественников, когда-либо удалявшихся от России в глубь Америки: разница во времени с Москвой равна двенадцати часам. Небольшая крепостица, а великий знак полземи прошагали и проплыли наши предки, чтобы остановиться в самой малонаселенной части земли.

Трудно представить, но исторический факт – тогда Калифорния равнялась по численности населения самому малому государству современности, расположенному на атолле Науру. Всего несколько тысяч человек. Даже на русской Аляске людей жило больше.

На дворе стоял 1841 год, император Николай уже опробовал чудо железной дороги и готовился соединить ею две российские столицы. Дотянуться же до крепости в калифорнийской пустыне не виделось никакой возможности, и поэтому было принято решение продать бревенчатый форт. Покупателем выступил некто Саттер (так несколько сот американцев окрест переиначили немецкую фамилию Шуттер). Русские ушли к Аляске, но сохранили память о нечестном поступке – Саттер так и не заплатил за русскую крепость в Северной Калифорнии.

Однако не этим Саттер вошел в историю. В струях пробегавшего по его землям ручейка блеснул однажды металл, издавна заворживший наш мир. Джеймс Маршалл обнаружил золото на берегах реки Американской в январе 1848 года.

Слишком долго искал Колумб и его наследники золото в Америке, чтобы Маршаллу и Саттеру поверили сразу и легко. Девять месяцев понадобилось, чтобы новость пересекла континент. Только 19 августа 1848 года газета «Нью-Йорк Геральд» оповестила о находке восточное побережье. Но и тогда газете, несмотря на всю ее солидность и заслуженную репутацию, не поверили. Лишь когда первое лицо в государстве – президент Полк – 5 декабря 1848 года подтвердил сообщение о находке золота в Калифорнии, воображение людское воспламенилось по-настоящему.

Первое судно с дрожащими от нетерпения золотоискателями причалило к девственному берегу 28 февраля 1849 года. Удивителен путь этого суденышка. Носившее название «Калифорния», оно вышло из гавани Нью-Йорка пустым. Будущие пассажиры бросились к Панамскому перешейку, и вот здесь «Калифорния», обогнувшая мыс Горн, подобрала полторы тысячи самых нетерпеливых.

Если вы, читатель, желаете знать, что было дальше, вспомните о пороках, предательстве, корысти. О тщете человеческой… Однако на проблему алчности нужно взглянуть

объективно. Во всей этой истории есть две стороны.

Первая – слабость человека, та легкость, с которой жажда золота убивала его лучшие качества и свойства. Из месяца в месяц нарастала враждебность американцев к иностранцам. Особенно косо смотрели они на чилийцев, сколотивших солидные капиталы. На приисках недолюбливали бывших каторжников, прибывших из Австралии, а также ирландцев – больших пьяниц и дебоширов. Самыми мудрыми считались немцы. Что касается французов, то они не находили взаимопонимания со всеми другими золотоискателями, кроме мексиканцев. Де Лаперуз сообщает, что уже через два или три месяца на приисках возникли разногласия, взаимное непонимание, вынуждавшие каждого золотоискателя разрабатывать свой участок самостоятельно, в одиночестве утрачивая шансы на, казалось бы, вероятную удачу.

Стремление к обогащению помогало преодолеть все лишения: стоя по пояс в ледяной воде, с головой, открытой обжигающему летнему солнцу, с постоянной болью в спине от изнурительной работы киркой и лопатой, золотоискатели упорно шли к своей цели. В этой борьбе выживали только самые выносливые. К смертельной усталости от работы на россыпях прибавлялись еще и цинга, дизентерия, лихорадка, пьянство, раны от пуль, стрел и ножей. Многие накладывали на себя руки, не в силах перенести трудности и одиночество. Люди становились циничными и безразличными друг к другу. Одной из характерных особенностей золотых россыпей постепенно становился ужасающий, жесточайший эгоизм, охватывавший решительно все души, как писал, исходя из личного опыта, Леонард Кип.

Приведем один эпизод, о котором повествует Дж. Кэрсон. Однажды умер некий золотоискатель, которого все любили. Могила была вырыта в нескольких сотнях метров от лагеря, и пастор прочитал длинную главу из Библии. Дело затянулось, и по ходу похорон окружающие заметили, что в отброшенной земле сверкнуло золото. Пастор остановился, чтобы видеть, что же взволновало его аудиторию. Очень спокойно он спросил: «Золото? Боже правый! Это та земля, которую мы искали». Нет нужды говорить, что в итоге покойник не был погребен в той могиле: его вынули из богатой золотом ямы и вырыли новую могилу, высоко на склоне горы. Корысть застила все другие человеческие свойства. Да, золотой дьявол был силен, и ничто, казалось, не способно было остановить развитие низменных инстинктов.

Но это только одна сторона. История «золотой лихорадки» имеет и другую. Англичанин Т. Уорвик-Брукс пришел к выводу, что Калифорния была дикой страной солнца и цветов, безумных

надежд и отчаяния, грубости, благодаря которой все человеческие недостатки многократно усугублялись, и в то же время страной нежной, почти рыцарской преданности, *где все хорошее, что есть в человеке, становилось лучше.* История «золотой лихорадки» свидетельствует также и о том, что даже последний европейский сапожник и ненужный этому миру китайский кули могли при определенных обстоятельствах открыть в себе бездонную героическую сущность.

Из невежества и ошибок, из глупых материальных устремлений, из заблуждений и абсолютного перекоса сознания *человек творил сагу о самом себе.* Этой истории не видно начала, и ей нет конца. Оседлав очередного Росинанта, глупое человечество по пути к неведомому начинает удивительно умнеть. И часто неважно то, что борется человек с ветряными мельницами; важно, что он борется со всеми силами природы, со всеми вольными и невольными силами зла. В порыве к очередной мечте люди проявляют свою настоящую героическую природу.

Поразительна история охватившей всех американцев страсти – неведомой силы, что выбросила многие тысячи людей на край ойкумены середины девятнадцатого века. Они преодолели все – от желтой лихорадки до желтого безумия. Было ли в истории менее привлекавшее homo sapiens место, чем Калифорния до 1848 года? Представьте себе – всего пятнадцать тысяч человек, которые копошатся у стен брошенных францисканцами монастырей. Там, где ныне пейзаж двадцать первого века, где разместился самый могучий штат современной Америки, они гибли сотнями, но не отступали перед преградами.

В 1848 году здесь не могли избрать шерифа, а сейчас самый густонаселенный штат Америки дает Вашингтону более пятидесяти конгрессменов, самое большое число выборщиков. В 1848 году любой американский президент жил, как минимум, в трех тысячах километров от Калифорнии, а сейчас здесь самое большое число экс-президентов: вот играет в гольф Джеральд Форд, неподалеку живет выписавшийся из клиники Рональд Рейган. В Линда Йорбе родился Ричард Никсон, русскую историю изучают в Стэнфорде, в основанном местным жителем – президентом Гербертом Гувером – Институте войны, мира и революции. Не золото подняло Калифорнию, а те люди, которые за золотом пришли. Далеко не всем им достались тяжеловесные слитки, но они удивительным образом изменили жизнь самой затрапезной окраины западного мира, превратив ее в авангард науки, индустрии, постоянной умственной революции. Все, что делает Америку великой, начинается на земле «золотой лихорадки» – в Калифорнии. Здесь больше нобелевских

лауреатов, чем шерифов накануне «голден раш» – периода погони за желтым металлом.

Гражданская война и ее последствия в культуре

Следующим переломным событием в истории США, равным по масштабу Войне за независимость, стала Гражданская война (1861–1865), вооруженный конфликт между буржуазными штатами Севера и рабовладельческими – Юга. Противоречия между двумя экономическими системами, в основе одной из которых лежало рабовладение (Юг), а другой – свободный труд по найму (Север), к середине XIX века стали вопиющими и вылились в общегосударственное противостояние двух антагонистических лагерей. Важной также являлась и аграрная проблема – экстенсивный, как мы уже видели на примере табачных плантаций, способ обработки земли требовал расширения владений плантаторов; вместе с тем на свободные земли претендовали новые волны иммигрантов, мечтавших получить в США свой земельный надел.

Неприятие рабства росло и в самом обществе – об этом свидетельствует организованная деятельность аболиционистов и поддержка их политики со стороны населения. Ядром борьбы с рабовладением стала республиканская партия под предводительством Абрахама Линкольна, победившего в I860 году на президентских выборах, Выбранная Линкольном линия поведения побудила одиннадцать южных штатов (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас, Вирджиния, Арканзас, Теннеси, Северная Каролина) выйти из состава Союза. Изначальные цели войны – экономическое доминирование Севера – постепенно приобретали иной характер: в ходе конфликта они оказались четко сформулированы как борьба с рабовладением и категорическое требование полной ликвидации этого социального института. 30 декабря 1862 года Линкольн подписал «Прокламацию об освобождении» рабов с 1 января 1863 года. Кровопролитные сражения велись с переменным успехом, однако в конце войны успех окончательно закрепился на стороне северного Союза, южная Конфедерация прекратила свое существование. Правда, на алтарь победы была принесена жертва – жизнь Линкольна: 14 апреля 1865 года на него было совершено покушение, ранение оказалось смертельным, и президент, не приходя в сознание, скончался утром следующего дня.

На американскую культуру оказала определенное влияние политическая проза Абрахама Линкольна. Пост, который он

занял, словно в одночасье, резко расширил его мыслительный горизонт. Слова обращений Линкольна к стране приобретали философский смысл. Он как бы поднимался над схваткой, и звучали его глубокие суждения о насилии, справедливости, трагедии жизни. В противоположность философской высоте Линкольна еще один гений этого периода – поэт Уолт Уитмен (1819–1892) – подошел к анализу жизненных явлений совсем с противоположной стороны. Его видение Америки не воспаряло над эпохами и континентами, а сосредоточивалось на почти невидимых чертах ландшафта, на обычной траве, дороже которой нет ничего в жизни человека. И даже смерть – это всего лишь уход одного человека на фоне бессмертной природы, равнодушно взирающей на мучительную агонию.

А рядом Джеймс Рассел Лоуэлл (1819–1891) в классических «Записках Биглоу», охватывающих войну США с Мексикой и последующий период, обращался не к мировым столицам, а к забытым уголкам Новой Англии. После кровавых полей Гражданской войны Уитмен и Лоуэлл обращались к милым сердцу полям и прудам родного края, чья безмятежность ближе к людскому счастью, чем скрежет клинков на полях боев национальной бойни.

В это же время врач и писатель Оливер Уэнделл Холмс-старший (1809–1894; отец известного судьи Верховного суда США) делал медицинские открытия, спасающие жизнь американских рожениц. Человек мысли и науки, Холмс-старший непосредственно участвовал в культурном подъеме Америки. Поколения гарвардских студентов прошли его школу. Он неутомимо боролся с косностью, утверждая новую тогда дисциплину – гигиену – как безусловное условие жизни американцев, Особенно это было важно в начинающийся индустриальный век, когда промышленные компании в погоне за прибылями поставили часть американского народа в невыносимое положение.

Холмс был певцом гуманизма, он ушел от эпических славословий в мир гуманной прозы жизни, в замкнутое пространство семьи. Недаром для растущей Америки он оказался примером служения обществу. Он не только стремился к физической и нравственной чистоте жизни, но и воспевал ее – как в поэзии, так и в прозе. Его поэмы и вдохновляли читателей, и воодушевляли на общественную активность. Проза его («Самодержец обеденного стола», «За чашкой чая» и др.) исполнена оригинальных размышлений. Холмс ненавидел «заборы респектабельности», за которыми пряталось безразличие к бедам общества, к его потребностям. В культурной истории

американского общества художественные творения и философия Холмса, сторонника идеи поэтического в частной обыденной жизни, стали вехой трезвого *служения человечеству.*

Повесть Холмса «Моя охота за капитаном» рассказывает о поисках отцом своего сына, раненного в одной из битв Гражданской войны. На книжных полках художественные произведения писателя стоят вперемежку с его сугубо научными произведениями, в частности, об анормальной психологии, о шизофрении. Высокий моральный облик бостонского врача повышал общий уровень американской культурной жизни. Генри Джеймс писал, что Холмс демонстрировал «высшую интеллигентность, сопряженную с подлинной скромностью».

Оливер Уэнделл Холмс-младший стал выдающимся судьей, и его деятельность сказалась на культуре правосудия в США. Его впечатляющая работа в деле распространения справедливости подняла культурно-цивилизационный уровень Америки. В отличие от отца он был примерным материалистом, типичным для своего времени. Своими страстными речами Холмс-младший продемонстрировал немалое искусство красноречия и немало страсти в утверждении справедливости, Благодаря ему американская юстиция набирала высоту – подъем осуществлялся и в этой области культуры.

Контрольные вопросы

1. Какие четыре важнейших обстоятельства повлияли на рубеже XVIII – XIX веков на становление американской культуры?

2. Какой политический акт способствовал фактическому удвоению территории США?

3. Охарактеризуйте просветительскую деятельность Т. Джефферсона как пример целенаправленной культурной активности.

4. Какие изменения в социальной стратификации способствовали демократизации общественных отношений в США?

5. *В чем суть расхождений во взглядах основателей демократической и республиканской политических партий – Эндрю Джексона и Дэниэла Вебстера?*

6. Какую роль в культурном и политическом становлении Америки играла периодическая печать?

7. *Какова суть романтического историзма в Америке? В чем состоит роль Френсиса Паркмена в развитии американской историографии XIX века?*

8. Как проявилось воздействие промышленной революции на

культурное развитие страны?

9. Почему жажда обрести национальную пейзажную школу стала ведущей чертой художественной культуры США?

10. Каковы предпосылки создания интеллектуальной декларации независимости Эмерсона?

11. Кого объединяла первая независимая «научно-философская школа» и «трансцендентальный клуб»?

12. Каковы особенности литературного творчества Генри Дэвида Торо?

13. Охарактеризуйте попытки реализации идей утопического социализма в Америке XIX века.

14. Каковы отличительные черты американской историографии последней четверти XIX века?

15. Каковы причины Гражданской войны в Америке?

Глава пятая
Америка городов

После Гражданской войны произошел очевидный спад в области культуры и цивилизации Соединенных Штатов. Военный конфликт вовсе не разрешил всех противоречий, стоявших перед американским государством. Так, чернокожие рабы получили свободу, но не обрели гражданских прав, равных с белым населением. Были введены так называемые «законы Джима Кроу», получившие название по нарицательному имени бедного негра, жителя южных штатов, где чернокожее население по-прежнему подвергалось унижениям и лишалось возможности социальной адаптации. Собственно, это была расовая сегрегация, и ее адепты терроризировали афроамериканское население страны. Штат Миссисипи послал в Конгресс Джона Линча, потомка тех Линчей, которые в XVIII веке принимали законы о казни или избиениях негров-рабов, и этот палач был вице-председателем национального конгресса республиканской партии в 1884 году.

После Аппоматокса

Последняя армия южан капитулировала в апреле 1865 года в сражении при Аппоматоксе. В 1865 году, когда тишина легла на поля сражений Гражданской войны между Севером и Югом, положившей начало беспрепятственному индустриальному развитию, страна стояла на пороге огромного экономического броска. Мечты великих демократов об Америке вольных хлебопашцев оказались обреченными. Правда, крытые фургоны переселенцев еще долго шли к обрывистой линии тихоокеанского побережья, еще манили необъятные просторы по обе стороны Скалистых гор, и по меньшей мере еще одно поколение пришельцев могло рассчитывать на такую полосу земли, какой в Европе владели лишь лендлорды. Однако политической власти уже не суждено было прийти в Вашингтон из лесистой Вирджинии вместе с современными Вашингтоном, Джефферсоном, Мэдисоном и Монро, как не могла она прийти вместе с новым Эндрю Джексоном из поселений на западной границе. Политика творилась в кирпичных особняках городов Северо-Востока. Путь от Америки фермеров до Америки железных дорог и колониальных владений был пройден за считанные десятилетия.

За несколько лет были вырублены леса Среднего Запада, в

долине Питсбурга запылали огни сталелитейных заводов, по бескрайней Миссисипи поплыли дымные монстры-пароходы. Чикаго – место, где еще в 1837 году бродили волки, – через три десятилетия стал одним из крупнейших городов мира.

После окончания в 1865 году Гражданской войны президентской властью в Соединенных Штатах завладели весьма посредственные личности, что, собственно, и сместило конституционный баланс в сторону законодательной власти, Конгресса. Имена королей индустриализации, таких как Вандербильт и Рокфеллер, оплачивающих деятельность конгрессменов, больше говорили американскому уху, чем президенты из ряда Ратерфорда Хейса (1822–1893) и Джеймса Абрама Гарфилда (1831–1881). Хотя вначале казалось, что функцию реформирования страны возьмет на себя республиканская партия Абрахама Линкольна.

Гражданская война оборвала зависимость США от европейских индустриальных центров, дала импульс развитию собственной промышленности. В 1858 году в Америке насчитывалось сто сорок тысяч промышленных предприятий, спустя десять лет их стало в два раза больше. К 1875 году – через десять лет после первого литья в бессемеровском конвертере, осуществленного в штате Мичиган, – в США было уже двенадцать сталелитейных заводов. Стальной магнат Э. Карнеги организовал в Питсбурге грандиозную компанию с капиталом в 700 тысяч долларов. Конкуренты яростно боролись за месторождения железной руды в Мичигане, строили конвертеры в Чикаго, Кливленде и Сент-Луисе. С середины 1870-х годов изобретение холодильника и появление консервной промышленности дали толчок развитию скотоводства и вывели американскую мясную промышленность на мировой рынок Эмблемы мясных консервов Свифта и Армура появились во всех уголках земли. Мелкий предприниматель, фермер и владелец мясной лавки были сбиты с ног одним ударом.

В 1858 году полковник Э. Л. Дрейк пробил в Западной Пенсильвании первую нефтяную скважину. В 186 5 году первый нефтепровод вывел пенсильванскую нефть к пароходам, курсировавшим по реке Аллегани. В это же время создана нефтяная железнодорожная цистерна. Крекинг нефти быстро вырос в целую индустрию, центрами которой стали Кливленд и Питсбург. Основанная в 1870 году молодым дельцом из Кливленда Джоном Рокфеллером «Стандарт Ойл Компани оф Огайо» стала быстро поглощать конкурентов. В этой борьбе не на жизнь, а на смерть велика была роль железнодорожных компаний, и Рокфеллер сумел создать синдикат

железнодорожных и нефтяных дельцов, доставлявших к океану дешевую нефть.

Главные процессы

Два главных процесса радикально изменили лицо Америки. *Первый* — развитие транспортных средств, *второй* — рост городов.

По окончании Гражданской войны в США было тридцать пять тысяч миль железнодорожных путей, их совокупная стоимость приближалась к миллиарду долларов. Семью годами позже железнодорожная сеть удвоилась. Дороги связали два океана, окончилась историческая глава о необозримости Америки. Экспрессы сократили многомесячный путь переселенческих караванов до нескольких суток движения стальных поездов.

Строительство трансконтинентальных магистралей – веха в американской истории. Что же вызвало их к жизни? В Вашингтоне боялись, что удаленные и растущие штаты, не будучи связаны с центрами страны, последуют примеру Южной Конфедерации и выйдут из федерального союза. Религиозные деятели, в свою очередь, сокрушались по поводу падения нравов среди грубых, оторванных от церковной службы пионеров Запада. Их заботил и сбор средств с паствы. А банкиры Северо-Востока видели прячущиеся за Скалистыми горами доходы – и это предопределило появление дорог Миллионы долларов и тысячи безымянных тружеников, проложивших полотно магистралей через долины и горы, над реками и каньонами, – такова основа дорожного строительства Америки.

Церемония в честь стыковки железнодорожных путей

восточного побережья США в Калифорнии, штат Юта, 10 мая 1869

Одно из высших достижений XIX века – трансконтинентальная магистраль от Атлантики до Тихого океана – была создана за несколько лет. «Сентрал Пасифик» с запада и «Юнион Пасифик» с востока встретились в Промонтори Пойнте, знаменуя победу над пространством. Со стороны Калифорнии ветку тянули восточные рабочие, более десяти тысяч китайских кули. Они пробивали тоннели, строили мосты через горные реки, обходили снежные лавины. Навстречу им через бескрайние засушливые прерии тянули ветку переселенцы из Европы, преимущественно ирландцы. Уже 10 мая 1869 года телеграф передал во все более или менее крупные города: «Раз, два, три, сделано!» Трехтысячекилометровая трасса связала американский Восток и Запад.

В считанные годы Америка покрылась плотной сетью железных дорог. Знай строители тех лет об автомобиле и шоссе, которые через полвека обрекут железнодорожные станции на запустение, возможно, накал страстей не был бы таким яростным. Но в те времена прогресс виделся в образе локомотива, прорезающего девственные прерии.

Вдоль главных магистралей выросли города, вытесняя поселения пионеров. В 1800 году аграрные демократы правили пятимиллионной страной, где лишь пять процентов населения жило в похожих на европейские городах. К 1875 году в сорокамиллионных Соединенных Штатах города стали средоточием экономического богатства и политической мощи. В 1870 году мегаполис Нью-Йорк с его миллионным населением один имел больше жителей, чем все американские города эпохи Джефферсона. Небольшая двухэтажная Филадельфия периода континентальных конгрессов стала колоссальным семисотпятидесятитысячным Вавилоном. Еще недавно в деревянном Цинциннати лошади тонули в грязи, а теперь это был каменный гигант с населением в четверть миллиона.

Города восточного побережья становились в эти годы своего рода посредниками между Америкой и Европой. В то самое время, когда с окончанием Гражданской войны культурный прогресс в обожженной войной Америке замедлился, Старый Свет протянул руку помощи. Корабли плыли все быстрее, а электрический кабель прочно связал два величайших континента. Любознательные американцы устремлялись в Германию, сделав ее своей культурной Меккой. В Германии получили образование наиболее яркие умы, и именно отсюда в Америку пришли

влиятельнейшие идеи в историографии, литературоведении, философии, экономике. Плеяда ученых, выпускников германских университетов, вскоре стала передовым отрядом американской науки и культуры, привнося методы Гегеля и Моммзена в научную и культурную жизнь претерпевающей вторую революцию страны.

Бруклинский мост через Ист-Ривер

Первый трансатлантический кабель был проложен в 1866 году. «Ассошиэйтед Пресс» тотчас передала речь прусского короля, биржа узнала о стоимости ценных бумаг в Лондоне. Были изобретены телефон и пишущая машинка. Их звуки вскоре стали самыми обычными среди городских шумов. Началась эра строительства мостов. Флагманом явился Бруклинский мост через Ист-Ривер. Для освоения Запада особое значение имели мосты через Миссури и Миссисипи. Канзас-Сити и Омаха гордились своими стальными великанами. Чикаго построил трехкилометровый тоннель под озером Мичиган. Нью-Йорк, однако, не потерпел конкуренции. Уже в 1867 году здесь открылось движение по сабвею – поднятой на колонны городской железной дороге. Напрасны были жалобы коммерсантов, что шум разгонит покупателей, стенания ревнителей красоты, обличавших бездумное уродство, мольбы кэбменов, видевших конец своей профессии. Сабвей имел поразительный успех, он разгрузил нью-йоркский даунтаун (центр города) и оказался экономически выгодным.

Устойчиво держалось предубеждение американцев в отношении асфальта. Хотя Париж и Лондон восприняли его благожелательно, «янки» (с XVIII века прозвище американцев, изначально – жителей Новой Англии, затем США в целом) долго считали его дорогим удовольствием, предпочитая каменное

покрытие. Зато Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон и Чикаго могли похвалиться бетонными тротуарами. Однако более перспективным оказалось иное употребление этого материала. В 1870 году первые здания из бетона выросли в городе Белвилл, штат Нью-Джерси.

Гэрэнти Пруденшиал

Оригиналы-бизнесмены стали делать огромные окна – стеклянные витрины на первом этаже.

Небоскребы

А архитекторы бились в поиске идеального стиля, и здесь характерен был откат на столетия назад – к готическому искусству. В Нью-Йорке хорошим свидетельством тому была созданная Ричардом Апджоном церковь Троицы в старой части города, Прошло еще значительное время, прежде чем индустриальная Америка встала в авангард всей мировой архитектуры. Но уже вскоре стиль ар-нуво[3] (другие названия – югендштиль, модерн: стиль искусства, распространившийся в Европе и Америке с начала XX века) достиг Соединенных Штатов, где на него отреагировали с волнением. Орнамент прото-ар-нуво был уже создан архитектором Луисом Генри Салливеном (1856–1924). Салливен выразил свое кредо в 1892 году. Он считал, что было бы эстетическим благом воздерживаться от использования орнаменталистики на долгие годы с тем, чтобы сконцентрироваться на строительстве полезных домов, формы которых не требовали бы украшательства. Салливен работал в Чикаго, который тогда отнюдь не был центром архитектурных новшеств. Но страшный пожар 1871 года разрушил огромный

город и заново поставил задачу его строительства. Именно Салливен и дал воплощение идее небоскреба как архитектурного новшества нового времени. Офисные здания в Нью-Йорке уже достигали десяти этажей, но новатор устремился еще выше. Однако сделать это с традиционными материалами было уже невозможно. Потребовалось то, что позже было названо железобетоном – его идея пришла Салливену в 1883 году, когда Ле Барон Дженни построил «Хоум Иншуэрэнс Билдинг». Теперь основными элементами здания стали не стены, а внутренние конструкции. Америка вышла на рубеж одного из наиболее примечательных открытий. И первым подлинным небоскребом следует считать построенное Салливеном здание «Гэрэнти Пруденшиал» в недалеком от Нью-Йорка городе Буффало.

Использование металла открыло новую страницу в мировой архитектуре. Сначала металл использовали при строительстве мостов (как Джон Реблинг при создании Бруклинского моста, 1869–1883), но Салливен породил необоримую идею, которую в архитектуре индивидуальных домов развил в США Генри Ричардсон в 1880-е годы.

Индустриальная эпоха

Американское общество новой, индустриальной эпохи с пренебрежением взирало на шаткие теории раннего этапа развития, казавшиеся теперь провинциальным мечтательством. С расширением страны до Тихого океана и, главное, с наступлением мощного подъема индустрии была сметена наивная вера в землю, плуг и первозданные добродетели свободного пахаря как гаранта власти в североамериканской республике. В городах воцарилось машинное производство, а его магнаты цепко взялись за руль управления растущего государства. Бизнес крупных компаний делал Америку «великой», бизнесмены желали возвышения США как признания мирового индустриального первенства страны в мире.

Однако подчеркнем еще раз, что война между Севером и Югом, война между капиталистами и плантаторами негативно подействовала на поднимающуюся американскую культуру. Пришедшая к власти в период массового капиталистического грюндерства (периода спонтанной организации огромного множества промышленных, строительных, торговых и др. акционерных обществ, банков, кредитных и страховых компаний и проч.) плутократия была далека и от аристократических корней, и от эстетических посылов. Здесь разорвалась нить пусть тонкой, но традиции, вперед вышли агрессивные и лишенные

вкуса дельцы, Культура сделала шаг назад. Нувориши Америки должны были пережить одно-два поколения, прежде чем культурные основы нации снова получили поддержку.

Такие города, как Нью-Йорк, росли в невероятном смешении стилей, в очевидном стремлении выставить богатство напоказ (а зачем иначе, рассуждали вчерашние бедняки, оно нужно?). Рядом с копиями флорентийских дворцов строились «французские шато» и «английские замки», Живописные произведения закупались десятками, позолота превратилась в символ «новой культуры» невиданных состояний. Целый слой европейцев переселился в Америку для того, чтобы осуществлять своего рода культурное «менторство» над владельцами новых состояний. Атмосфера рынка вытеснила атмосферу творчества. Эпоха, когда «жили скромно и думали высоко», решительно сменилась эпохой, в которую «жили высоко и думали скромно». Бессмысленное безделие стало модой, бриллианты начали прикреплять на собачьи ошейники, обедали, сидя в седле, сигареты оборачивались в стодолларовые ассигнации. На раутах рядом с приглашенными сидели… тренированные обезьяны, в бассейнах плавали атлеты, считалось высшим шиком вставлять алмазные зубы. На каком-нибудь шикарном празднестве хор девушек мог выйти из гигантского пирога. Услышав однажды стенания о культурном бедламе, известный владелец медных рудников попросту купил крупнейший в стране музей. Тогда его коллега, дабы не ударить лицом в грязь, приобрел театральную труппу.

Томас Эдисон, говорящий через усовершенствованный им фонограф, 1870-е

В короткий период между окончанием Гражданской войны (186 5) и франко-прусской войной, конкретнее – сражением под Седаном (1870), где прусские войска одержали победу над

французскими, новые хозяева Америки взяли за образец Париж периода Второй империи. Но поражение французов снова сделало центром притяжения Лондон.

Две европейские концепции более всего подействовали на культурную эволюцию Америки. Первая – дарвинизм, вторая – позитивистская философия Герберта Спенсера (1888–1963).

В 70—80-е годы XIX века эволюционная теория Дарвина буквально добила старую теологию. Материалистический дух Америки оказался по-особому восприимчивым к идеям великого англичанина, Эволюционный подход Спенсера к политике и этике как бы подвергал сомнению те республиканские институты, которыми прежняя Америка так гордилась. Он возымел поистине разрушительное воздействие на гуманистическую мысль предшествующей эпохи Эмерсона. В США тираж книг Спенсера был выше, чем во всей Европе, здесь были созданы журналы, посредством которых спенсеризм овладел главенствующими интеллектуальными высотами. Его упрощенное понимание прогресса стало заведомо каноническим.

Впрочем, изобретатели пока затмевали деятелей культуры. В последние десятилетия XIX века Эдисон овладел электричеством, Пульман построил комфортабельные железнодорожные вагоны, Вестингауз создал тормоза, братья Райт дали человеку крылья, Белл – при помощи телефона – уничтожил расстояния, Джордж Истмен, усовершенствовав технологию фотографической проявки и печати, породил массовую фотографию, Шоулз – упомянутую пишущую машинку, а Генри Форд уже собирал свой первый автомобиль.

Джордж Пульман в возрасте 26 лет. Дагеротип, 1857

Культурное самоосмысление

Как уже говорилось, в описываемый период американская культура порождала больше изобретателей, чем ученых теоретиков. Фактом является то, что в Америке во второй половине девятнадцатого века не нашлось мыслителя, который объяснил бы и рационализировал переживаемую эпоху быстрого капиталистического развития, привел бы, образно говоря, хаос к совокупности элементов – ведь это и является основой культурного самоосмысления. Относительным приближением к такому акту культурного строительства была книга Генри Джорджа «Прогресс и бедность», опубликованная в 1879 году. Но это был в значительной мере памфлет, с его контрастом черного и белого, праведного и нечестивого, и с единственной конструктивной идеей упрощенного налогообложения. Заслугой его было все же указание на первостепенную значимость социального вопроса.

Об этом же вопросе как о фундаменте национальной культурной жизни начала напоминать созданная в 1884 году Американская историческая ассоциация. Выпускники германских университетов внесли свежую струю в романтическую традицию, идущую от Банкрофта. Джон Фиске, Френсис Паркмен, Джастин Винзор и Генри Адамс не дали заглохнуть музе истории Клио, они привнесли более совершенные научные методы в историческое ремесло, взялись за реальное осмысление национальной культуры.

Нация, не разгибая спины, осваивала континент, а новые деньги текли в Нью-Йорк. Начинался так называемый «позолоченный век».

Спускаясь к Манхэттену Гудзон распадается на два рукава, вокруг которых стоит современный Вавилон – гигантский Нью-Йорк Оставим мегаполис и поднимемся прямо на север. Через полтора-два часа местность удивит своей естественной первозданностью. Именно здесь, в верхнем течении направляющегося к Нью-Йорку Гудзона, прибрежные земли в прошлом веке поделили между собой состоятельные люди «позолоченного века» американской истории. Именно в этот период грюндерства создавались немыслимые состояния Джона Рокфеллера и ему подобных, На нуворишей не без удивления – и уж точно без восторга – смотрели представители «старых», солидных денежных семейств, некоторые из которых вели свою родословную еще со времен голландских и английских первопроходцев. Солидный и спокойный мир прошлого следовало оберегать – так жили уже многие поколения тех, чьи голландские предки основали Новый Амстердам, переименованный англичанами в Нью-Йорк.

Великий Уитмен скорбел о падении американской культуры: он с горечью писал, что не было никакого смысла в том, чтобы овладеть Техасом, Калифорнией, Аляской, достичь на севере Канады, а на юге Кубы, создать огромное тело, в котором нет или почти нет духа. Единственный великий писатель эпохи, Марк Твен, сделал смыслом своего творчества борьбу с «мамоной». Именно он вместе с соавтором Чарльзом Дадли Уорнером нашел всеми признанный титул эпохи, которым мы уже имели случай воспользоваться – «позолоченный век». Марк Твен при этом создал в мировой культуре образ мира Миссисипи, мира американской границы. Появившаяся же массовая литература – приключения, детективы, фантастика – удовлетворяли невысокому вкусу зарождающегося общества массового потребления.

Но все же Америка «позолоченного века» улучшила общее состояние народного образования. На общественные школы в 1871 году было израсходовано семьдесят миллионов долларов, а через тридцать лет – двести миллионов. Неграмотность отступала: всего семнадцать процентов населения в 1880 году, одиннадцать процентов в 1900 году не умели читать и писать. В 1860 году в США было примерно сто общественных средних школ, а в 1900 году – шесть тысяч. Время было благоприятным и для создания новых университетов. При этом греческий и латинский языки повсеместно уступали место физике, химии, биологии. К концу века получило популярность создание кафедр, специализирующихся на искусстве, литературе, музыке. В 1880 году в Колумбийском университете был создан первый в США факультет политических наук.

В американской культуре появилось понятие, ей прежде не присущее: формирование общественных утопий. В 1887 году Эдвард Беллами в книге «Взгляд в прошлое» дал описание мира, каким он будет в 2000 году. Изображался Бостон, оживленный и процветающий. Мир и благополучие царили повсюду. Причиной грандиозных улучшений стал утвердившийся в Америке социализм (хотя Беллами этого термина избегал). Он пророчествовал, что деньги американцам будут незнакомы, граждане станут пользоваться специальными кредитными карточками, распределяемыми государством и дающими возможность брать невиданные богатства в магазинах. В чем причина процветания? Средства, полезные ископаемые и товары, прежде зря расходуемые в ходе жестокой экономической конкуренции, в счастливом будущем дадут свободу реализации потребностей каждому члену общества.

Именно поэтому бедняки в Бостоне будущего оказались

умиротворенными: теперь они не испытывают враждебности в отношении богатой части американского социума, собственно, бедных более вовсе нет, Каждый член общества работает четыре часа в день вплоть до достижения сорока пяти лет. Остальное время используется для удовольствий и развлечений, ради потребления которых создается настоящая индустрия – о ней думают лучшие умы.

Утопия Беллами «Взгляд в прошлое» немедленно приобрела несказанную популярность, книга стала бестселлером, ею зачитывались. Возникали клубы и общества, занятые социальным прогнозированием, Американские мечтатели, грезившие о социальных усовершенствованиях, никак не могли выработать единую платформу. Возможно, ближе других к этой цели подошел Джекоб Кокси – бизнесмен из Огайо, который предложил потребовать от правительства выпуска значительного объема дополнительных денег и сократить безработицу посредством общественных работ. Он начал мирный поход на Вашингтон – с петицией федеральному правительству. Но до столицы дошли только пятьсот человек. Движение Кокси было остановлено, сам он был арестован.

Но традиция не умерла. С тех пор походы на Вашингтон стали одним из стойких культурных обыкновений Америки – яркое отличие от Европы. Этот обычай получил значительное развитие в 1870-е годы. И собственно социальная окраска американской культуры также стала ее заметной чертой.

Феноменальное богатство единиц и горькая бедность большинства волновала интеллектуалов. Одним из провозвестников новой культуры стал журналист из Сан-Франциско Генри Джордж (1839–1897), вплотную взявшийся за решение этого вопроса. После нескольких статей последовала потрясающая для своего времени книга «Прогресс и бедность», Богатство, полагал Джордж, происходит от несправедливой ренты, и ради восстановления справедливости крупные состояния следует облагать налогом. В этом Генри Джордж следовал за физиократами восемнадцатого века, он испытывал также влияние Джона Стюарта Милля и Карла Маркса.

Эдвард Моран. Торжественное открытие Статуи Свободы. 1886

Идея Единого Налога стала чрезвычайно популярной в США, и Джордж превратился в фигуру национального значения. Он читал лекции и дважды упорно, хотя и безрезультатно, вступал в борьбу за пост мэра Нью-Йорка. Бернард Шоу и Фабианское общество в Британии считали Джорджа равным Марксу. Как ни парадоксально, «Прогресс и бедность» стимулировала аграрную реформу в Австро-Венгрии. Основанная Джорджем Рабочая партия объединила довольно пестрый блок левых сил – профессиональные союзы, социалистов всех направлений, темнокожих американцев, католические круги, издателей нескольких газет (например, «Нью-Йорк Эйдж»). В его политическом штабе обретались такие деятели, о которых Америке еще суждено было узнать в дальнейшем – например, Сэмюэл Гомперс.

Джордж ходил по кварталам бедноты и показывал, где будут площадки для детских игр, а где дома для бедных. При тогдашней детской смертности, переполненных квартирах, жестокой эксплуатации иммигрантов Джорджу не трудно было затронуть трудовой Нью-Йорк за живое. «Общество Генри Джорджа» до сих пор продолжает свои заседания в Нью-Йорке.

Еще один экономист оказал заметное влияние на американскую культуру. Речь идет о Торстейне Веблене, жившем в Чикаго. Здесь он создал «Теорию привилегированного класса». Он развенчивал высшее сословие богачей, говорил о необходимости упрочения положения среднего класса и

популяризировал путь к социальным реформам.

Пришла пора подробнее рассказать и о другом талантливом лидере масс, о котором мы уже упоминали – это прежний гринбекер (участник фермерского движения в США в 1870—1880-х годах), а ныне популист Джекоб Кокси. Обладая недюжинными организаторскими способностями, Кокси создал организацию – «Армию братства Христова», утверждая, что ведет за собой не менее 100 тысяч человек. В майский день 1894 года голодная армия безработных во главе с Кокси и при поддержке Американской федерации труда двинулась к Капитолию с петицией. Он потребовал от Конгресса выпуска дополнительной массы бумажных денег с тем, чтобы строить общественные дороги. Затем «армия» двинулась на Вашингтон. Город охватила паника. На его охрану встали регулярные войска. Кокси и его «штаб» были арестованы полицией… «за ходьбу по газонам», как только они появились в Вашингтоне. Палаточные городки «армии» еще некоторое время сиротливо стояли в окрестностях столицы.

Как демонстрация поход Кокси до некоторой степени, может, и удался, но как политическая акция он явно провалился. Вандербильт и другие начали собирать деньги на строительство на Седьмой авеню Манхэттена воинского арсенала на случай силового исхода социального конфликта. Полиция следила за каждым шагом руководителя забастовки железнодорожников Юджина Дебса (1855–1926), а федеральные службы вошли в помещения профсоюза бастующих. Дебс, выросший в семье немецкого эмигранта, стал фигурой национального масштаба, когда организовал в 1894 году Американский союз железнодорожников, контролировавший 24 железнодорожные компании. Этот профсоюз объединял 150 тысяч рабочих.

Рабочие пульмановского завода выходят на забастовку. 1894 год

Когда профсоюз восстал против массовых увольнений на пульмановских заводах, хозяин, мистер Пульман, ответил забастовщикам, что лишь он может решать, кто и как будет работать. Союз железнодорожников обратился к своим собратьям по классу во всей стране с призывом поддержать чикагскую забастовку. Пульмановские вагоны замерли на рельсах Забастовка на чикагских заводах Пульмана отозвалась по всей Америке. В десятках городов произошли столкновения рабочих с администрацией и полицией. Организация «Рыцари труда», проявив классовую солидарность, пригрозила предпринимателям всеобщей общенациональной забастовкой.

Закрылись фабрики и шахты, прекратился подвоз продуктов. Президент Кливленд обрушил всю силу федеральной машины на забастовщиков. Дебсу и его товарищам 2 июля 1894 года предписанием суда было запрещено вторгаться в «миссию правительства» – доставку почты в почтовых вагонах. Три тысячи штрейкбрехеров взошли на паровозы. Но рабочие перекрыли железнодорожные пути.

События в Чикаго стали напоминать эпизоды гражданской войны, Власти затребовали военную помощь. Военный министр приказал командующему округом генералу Майлсу ввести в дело регулярные войска, Еще через несколько дней, 9 июля, Кливленд указал на общенациональный масштаб стачки и потребовал ее прекращения. Под видом охраны почтовых вагонов войска блокировали вокзалы и пути.

Для рабочего класса Америки пульмановская забастовка стала шагом к пониманию той истины, что суды, капитал и

федеральное правительство действуют заодно и что их общая цель – эксплуатация рабочих, Тем не менее хозяева жизни в стране были напуганы, тем более что параллельно шла радикализация фермеров – недовольные аграрной политикой правительства, они объединялись в союзы и развивали социальную активность.

В 1890 году сражением у ручья Вундед Ни завершилось вытеснение индейцев. Государственное бюро цензов объявило, что в Америке больше нет свободных земель, что понятие «граница» стало историческим. На протяжении двадцати первых лет жизни Теодора Рузвельта население США увеличилось с пятидесяти до семидесяти пяти миллионов человек. Где-то вдали громыхали социальные битвы, рабочие Чикаго впервые вышли на первомайскую демонстрацию, социалисты призывали крушить основы классового общества.

Возглавивший демократическую партию Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) обличал золотой стандарт. Он призывал трудовую Америку объединиться против тех, кто, как он выражался, распял Христа на кресте из золота. Фермеры продавали за бесценок свою землю, железнодорожные бароны превращали поселки в мегаполисы, век пара и электричества ломал прежнюю жизнь, а на берегах Гудзона царила редкостная отрешенность. Эту часть страны словно не касались потрясающие события 1890-х годов – фактическое восстание разоренных фермеров Запада, поход «армии Кокса» на Вашингтон, пульмановская забастовка.

Меж тем обездоленная Америка требовала восстановления своих гражданских прав.

На американской политической арене 1890-х годов девятнадцатого века господствовали «автохтоны» – выходцы из американской глубинки, люди с характером, здравым смыслом, упорством, трудолюбием, марктвеновским остроумием, жаждой власти, не очень хорошо знавшие, что происходит за океаном, но уверенные в том, что этот «внешний мир» Америке и не нужен. Это было время спикера палаты представителей Томаса Рида из штата Мэн, чьи первые американские предки сошли с «Мэйфлауэра», а родители мечтали, чтобы их сын стал священником, Томас Рид, по словам Барбары Такмен, имел характер, интеллект и «брутальное», обостренное чувство независимости – и это было лучшее, что могла дать Америка в политической жизни.

Потребность в борьбе билась у Рида в крови. Он был военным моряком и адвокатом, а в пятьдесят лет, сев на председательское

кресло в палате представителей Конгресса, буквально заворожил американскую публику. Он никогда не произносил лишнего слова, не заботился о синтаксисе, не терял присутствия духа, не спорил с тем, кого считал заведомо слабее, никогда не отступал перед серьезным вызовом. И все, что он говорил, немедленно становилось всеобщим достоянием, немедленно запоминалось, повторялось повсюду. Знаменитыми стали его выражения: «Вся мудрость мира заключается в том, чтобы кричать вместе с большинством» или «Государственный деятель – это скончавшийся политик». Когда конгрессмены Берри и Кертис поспорили, кто из них выше ростом, Рид потребовал, чтобы они поднялись, начал их измерять, а затем воскликнул: «Боже, Берри, сколько тебя еще в карманах?» Рид вставал выступать с таким выражением лица, как будто не очень понимал, где находится. Но мозг его работал со скоростью электрического тока.

Социальное противостояние Рид оценивал с помощью живых образов. Он говорил, что когда идет по Нью-Йорку и видит рядом с принадлежащими купцам домами из коричневого гранита людей, не имеющих, где жить, и вместе с тем обладающих неоспоримыми достоинствами, у него перехватывает горло, и он не испытывает симпатии к людям, живущим в богатых домах. Но вместе с тем он понимал, что в его чувствах много и зависти – и он вовсе не стремился, подобно коллегам, прикрывать свои ощущения звучными названиями, например, «политэкономия». Поразительное и чисто американское красноречие Рида позволило ему уговорить Конгресс построить прекрасную библиотеку – ведь законодатели тоже хотели порой блеснуть цитатами.

Входя в век безграничного индивидуализма и лихорадки накопления, Нью-Йорк периода Гражданской войны и последующих десятилетий стал тем, чем и остался поныне: лидером национального развития. В этом городе те, кто стал образцом преуспеяния, не прятались от соседей, Уильям Астор, о состоянии и земельных угодьях которого можно было говорить лишь подняв к небу глаза, ежедневно появлялся в невзрачного вида одноэтажной конторе на Принс-стрит. Удачливому мультимиллионеру доставляло удовольствие пройтись мимо общественной библиотеки своего имени и других свидетельств благодеяний, оказанных им городу.

В хорошую погоду по аллеям Центрального парка неслись дрожки, и Нью-Йорк знал, что в руках возничего – Корнелиуса Вандербильта – не только пара рысаков, но и сотни миль железных дорог. Третьим мультимиллионером Нью-Йорка был Александр Стюарт, владыка торговой сети. Его мраморный дом

на Пятой авеню долгие годы служил эталоном местного зодчества.

В социальной жизни огромного города царила миссис Астор – именно она составляла списки приглашенных на наиболее престижные суаре и балы. Ее гостями были Вандербильты, Доджи, Гарриманы. Избранных приглашали в особняк Асторов на Тридцать четвертой стрит, где даже Вандербильтов считали нуворишами. Высшим социальным признанием был так называемый Январский бал. Выше был только Господь Бог.

Такой – расколотой социальными конфликтами – подошла Америка к концу XIX века. Она требовала политических деятелей, способных разрешить проблемы индустриального века.

Конвейер и массовое производство

Быстрому расширению производства и его централизации способствовали стандартизация, поток, появление конвейера, который начал применяться и в производстве (скажем, конвейерная сборка автомобилей), и в транспортировке грузов. Даже такие сугубо «индивидуальные» предметы, как обувь и одежда, впервые благодаря конвейеру начинают изготовляться массово и без традиционных предварительных примерок. В результате лишь одно предприятие в Массачусетсе стало производить обуви больше, чем все тридцать тысяч парижских сапожников, Удивление заграничных путешественников вызывали груды одинаковой одежды по относительно дешевым ценам. Европе переход к стандартизации еще предстоял. В Америке же все встало на поток – от очков до роялей.

Но были изобретения, значение которых резко выходило за рамки обыденного. О пульмановских вагонах уже говорилось. Компания Маккормика начала тысячами производить сельскохозяйственные машины, Центр инженерной мысли переместился в цеха заводов Нью-Йорка и Чикаго.

К концу XIX века страна «заболела» «велосипедной лихорадкой». Завидным рекордом 1896 года была доставка на велосипеде почты из Сан-Франциско в Нью-Йорк за одиннадцать дней – со скоростью трансконтинентального экспресса.

Велико было воодушевление выходящих из Музыкальной академии на 14-ю стрит, тогда как парии этой жизни были заняты лишь мыслями о хлебе насущном. Нью-Йорк начала 1880-х годов находился как бы между двумя эпохами: с одной стороны – уходящая в прошлое элегантность Второй империи, с другой – наступающий ему на пятки «век вульгарности». Немного пройдет лет, и город «поползет» вверх – и далеко не все воспримут это

спокойно.

Мир небоскребов

Строители еще украшали верхушки новых могучих зданий элементами классической архитектуры, а входы в них стилизовали под порталы готических соборов, но публика уже не могла с улицы оценить поднебесного благолепия. Главным становился силуэт, его устремленность вверх. Учившийся в конторе Адлера – Салливена в 1890-е годы молодой Фрэнк Райт скептически смотрел на неловкое украшательство бетонных громад. Его поражали необъятные возможности жидкого бетона, готового принять любые формы. Отлитые в бетоне здания Райта начала 1900-х годов смотрятся как модерн и по сей день. Отныне не распростерший крылья орел, а неровный силуэт небоскребов стал символом Америки.

На фоне возведения небоскребов особенно остро воспринимались прочие нововведения. Обсуждался новый танец, скандально интимный вальс, из Калифорнии впервые привозили вино «каберне», у «Тиффани» покупали бесподобные люстры, приглашения подавались на серебряных подносах – и в городе уже появлялись телефоны, а предприимчивая Альва Вандербильт, стараясь затмить Асторов, строила на 52-й авеню Нью-Йорка настоящий замок.

По мере того, как строителей каналов заменяли строители железных дорог, а сборщиков пушнины – работники бессемеровских конвертеров (сталелитейное производство, основанное на функционировании специальных аппаратов для получения стали из чугуна), великий город готовился к новому старту. Еще два десятилетия, и многоэтажность станет абсолютным императивом, но пока свободная земля на Манхэттене занята еще не вся. Он, этот самый необычный в мире остров, купленный некогда у индейцев за 24 доллара, очень скоро стал главным воплощением урбанизма в мире. Состоятельные граждане катались в колясках: вот они берут на север, двигаются по берегу Гудзона к Ривердейлу затем – поворот на восток, через Гарлем к Ист-Ривер, еще один поворот направо – и экипаж уже у северных границ Центрального парка. На противоположной, южной оконечности Центрального парка уже начинали громоздиться все более и более многоэтажные дома. Они еще были украшены каменной резьбой, их подъезды еще похожи на готические порталы, они еще напоминали уголок Лондона.

Само слово «небоскреб» появилось не сразу. Его ввели в язык архитекторы Л. Салливен и Д. Адлер в год чикагской выставки

(1893), представив образцы новых архитектурных сооружений, «нанизанных» на стальной каркас. В архитектуре появилась формула: «Форма следует за функцией», Обстоятельства требовали максимального использования полезной площади в центре городов, и новаторы-архитекторы создали конструкции, в которых вертикаль решительно возобладала над горизонталью.

Америка начала привыкать к новому слову «трест». Короткое и выразительное, оно означало всепоглощающую экономическую силу подчиняющую себе политику. Могущество возникающих трестов трудно переоценить. Сенатор Дэвис (от Миннесоты) 1 июля 1886 года говорил о наступлении нового феодализма с его доменами, необлагаемыми налогами хозяевами, освобожденными от ограничений и наделенными привилегиями. Новый феодализм, как и прежний, объявил войну питающему надежды человеческому духу и предстал в конце XIX века во всем своем всевластии. Этот социальный порядок шагал по земле и завладевал всеми установлениями современности, царя в огромных корпорациях, господствовавших над национальными дорогами. Диктат корпораций в целых областях, власть облагать налогами порождала их циничное презрение к закону, давала возможность низводить наиболее одаренных людей до положения купающихся в роскоши рабов, совращать судей и сенаторов, концентрировать в руках одного человека столь огромные богатства, что Цезарь в сравнении с ним казался нищим. Специально подобранные, оплаченные и искусные в своем деле прислужники мультимиллионеров стремглав летели по зову переданной по электрическим проводам телеграммы на крыльях паровой машины…

Состояния ведущей тройки бизнесменов – Вандербильта, Астора и Стюарта – оценивались в 50–75 миллионов долларов каждое. Культ богатства достиг в эти годы своего пика. Царь – золото – диктовал свои законы. Судья Эдвард Райан из Верховного суда штата Висконсин писал в 1873 году, что перед лицом Америки вставала огромная фигура новой темной силы. Аккумуляция индивидуального богатства казалась большей, чем в любые времена с момента падения Римской империи. Частные предприятия страны создавали огромные комбинации корпораций, владеющие беспримерными массами капитала, смело марширующие вперед – не только ради экономических завоеваний, но для захвата политической власти. Действительно, впервые деньги захватывали поле битвы как организованная сила.

Показательной для атмосферы аморализма буржуазного обогащения является так называемая «война на озере Эри». Ее «героями» были миллионеры Вандербильт, Гулд, Дрю и Фиск.

Последние трое объединились против Вандербильта для захвата контроля над движением по озеру Эри – стратегическому пути со Среднего Запада к Нью-Йорку – воротам в океан. Гиганты бизнеса забыли о малейшем уважении к правовым нормам. Еще более важно то, что об этих нормах «забыли» и представители самой основы правопорядка – в данном случае легислатуры штата Нью-Йорк. В защиту интересов Гулда, Дрю и Фиска законодатели, заседавшие в столице штата – Олбани, внесли законопроект, легализующий обращение выпущенных этими бизнесменами акций на сумму 10 миллионов долларов. Напористый Гулд прибыл в Олбани с чемоданом купюр. Такса была определена четкая: сенатору «средней» честности – пятнадцать тысяч долларов. Один «упорный борец за справедливость» получил семьдесят пять тысяч долларов от Вандербильта и сто тысяч от Гулда. Естественно, при голосовании он высказался в пользу последнего – его «правда» стоила дороже. Но Вандербильт не сдавал позиций. Дело завершилось компромиссом, достигнутым между ним и его конкурентами. Железная дорога и управление ею были поделены на договорных началах.

Страна знала о том, что величайший из миллиардеров Джон Д. Рокфеллер начал карьеру мелким клерком в захолустном городке, что владелец железных дорог Джеймс Хилл поначалу служил продавцом в магазине, что «король стали» Эндрю Карнеги – сын ткача и первые центы заработал мальчиком на побегушках при почте, что газетный магнат Джозеф Пулитцер эмигрировал в США, не имея второй конной пары… Десятки тысяч долларов, нажитые бюргерами «в поте и благочестии», теперь уже не шли ни в какое сравнение с «бешеными» миллионами дельцов I860—1880-х годов. Зависть, сначала скрываемая, быстро переходила в ненависть. Разве имеют они, эти новые владыки жизни, право на всемогущество?

Джон Д. Рокфеллер

Оттесняемой городской аристократии оставалось лишь гордиться своим превосходством в моральной сфере. Сенатор Гор из Массачусетса рассказывал с катоновским красноречием, что за период его общественной деятельности, продолжавшейся немногим более одного выборного срока, он видел, как пятеро судей Соединенных Штатов ушли со своих должностей под угрозой суда за коррупцию и нечестное ведение дел. Гор видел, как председатель комиссии по военным делам потребовал удаления четырех своих помощников, продававших свои официальные привилегии выбора юношей в военное училище. Когда величайшая в мире железная дорога, соединившая два омывающих американские берега океана, была окончена, тот же Гор видел, как национальный триумф и экзальтация обратились в горечь и позор после докладов трех комиссий Конгресса, свидетельствующих, что каждый шаг в этом великом предприятии был связан с мошенничеством. Среди самых высоких лиц, от людей, состарившихся на общественном поприще, Гор слышал бесчестную доктрину, что правильным путем достижения власти в республике является подкуп при помощи должностей, созданных якобы для народа, и что подлинной целью занявших эти должности являлось осуществление собственных амбиций и удовлетворение личных интересов. Сенатор слышал и то, что подозрения падали на доверенных лиц президента.

Мираж владел умами упорно, казалось, ничто не могло похоронить химеру быстрого обогащения. Золотые, нефтяные, скотобойные и прочие лихорадки держали в напряжении всю страну Недоверчивым показывали дворцы Астора, Рокфеллера, Моргана, убеждая, что это результат вовремя услышанного зова

судьбы и удачи, Отсутствие удачи квалифицировалось как признак лености и обделенности талантами: стопроцентный американец, если у него есть голова и руки, просто обязан найти свой миллион. Так рождалась «американская мечта».

Обличители

Далеко не все деятели культуры молча взирали на все более порочную власть капитала. Теодор Драйзер (1871–1945) много времени провел, изучая биографию миллионера Чарльза Йеркеса. Просматривая досье, публикации в филадельфийских газетах, встречаясь с людьми, лично знавшими Йеркеса, писатель преследовал цель создания своего рода национального героя и антигероя в одном лице. Йеркес жил и работал в Филадельфии, Чикаго, Нью-Йорке, то есть в наиболее значимых для новой Америки городах. Он стал прототипом главного героя трилогии Драйзера «Финансист», «Титан», «Стоик».

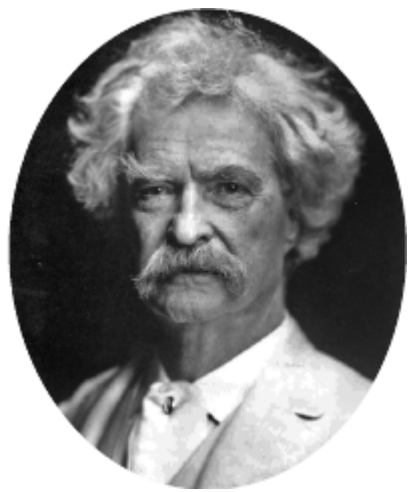
В Америке побывал английский писатель Оскар Уайлд (1854–1900), оставивший свой презрительный отзыв о злобном и глупом народе, в котором большинство не отличалось ни умом, ни другими достоинствами – даже знанием родного языка: слишком многие не умели говорить, пребывая в неладах с грамматикой.

«Позолоченный век» Америки 1870– 1880-х годов (напомним, что это емкое определение принадлежит Марку Твену и Чарльзу Дадли Уорнеру) потрясал чудовищным цинизмом. Здесь снова должен быть упомянут Марк Твен, звезда американской культуры, который описывал это время как эпоху торжества обмана, нечестных сделок, политической коррупции и насилия (недаром подзаголовок книги «Позолоченный век» – «Повесть наших дней»). В те же годы Генри Адамс (1838–1918) анонимно опубликовал свой роман «Демократия», столь же критический в отношении господствующих нравов; особенно жестко Адамс описывал правление администрации президента Гранта.

Ничто в последующем не изменило убийственную оценку периода первоначального накопления, сделанную Марком Твеном и Генри Адамсом. Столь же жесткой была оценка этого времени классиком юмористической литературы Амброзом Бирсом (1842–1914), который жестко охарактеризовал его в «Словаре сатаны». А Льюис Мамфорд (1895–1990) из 1930-х годов оценивал «позолоченный век» как духовную пустыню; он называл период после Гражданской войны «коричневыми десятилетиями», захватившими своей бесчеловечностью весь мир. Так и было: финансовая паника 1873 года распространилась повсюду, порождая безработицу, жестоко подавляемые стачки, движения

обездоленных фермеров. Одновременно шло формирование железнодорожных группировок, стальных и нефтяных компаний и трестов, тех картелей, которые вызывали общенациональную ненависть.

Ощущение социального падения вызвало движения противоположного направления. Впервые в истории прозвучали массовый протест против алкоголя, протест против свободной любви, публичное осуждение абортов. Общенациональный союз женщин за христианскую умеренность неутомимо создавал все новые и новые отделения. Борцы с пьянством сражались с «зеленым змием» в национальных масштабах. В салуны врывались «очистители», круша «притоны греха».



Марк Твен

Некий Энтони Комсток не сомневался в своем предназначении истребить сексуальность во всех ее проявлениях. В 1873 году, когда ему самому было всего двадцать восемь лет, он основал Общество подавления греха и убедил Конгресс принять так называемый «закон Комстока», согласно которому запрещалось посылать по почте любые сведения о контрацептивах. Произошла концентрация противостоящих сил, Жесточайшим врагом Комстока стала Виктория Вудхалл, бескомпромиссно стоявшая за свободную любовь, считавшая аборт приемлемой частью жизни общества. Но силы, стоявшие за ней, не могли остановить очистительную страсть Комстока, который вознамерился ни более и ни менее как избавить Нью-Йорк от греха – и в ряде случаев довел нескольких врачей-гинекологов до самоубийства либо до бегства из «Большого Яблока», как уже называли Нью-Йорк.

Репертуар нью-йоркских театров подвергся тщательному

разбору, и молодой Бернард Шоу (1856–1850) увидел закрытие своих спектаклей, Ревнители благочестия сошлись в том, что Статуя Свободы излишне вольно обнажает грудь. Вплоть до Первой мировой войны книги в публичных библиотеках подвергались тщательному просмотру. И Комсток был в этом шабаше как минимум Савонаролой.

Обратим внимание на появление сект, главенствующей чертой которых явилась борьба с «дьявольским модернизмом». «Свидетели Иеговы» в отдельных случаях изолировали своих членов от окружающего мира, «Армия Спасения» невиданно ожесточилась против пьянства. Под сомнения ставились все моральные максимы, шедшие из Европы. Именно в этом духе был принят папский декрет Ватикана 1870 года. В декрете, в частности, говорилось о непорочности пап в вопросах веры и морали, Папа Пий Девятый недвусмысленно объявил всему миру (и, в частности, американской общине католиков) длинный список «современных ошибок», которые добропочтенные католики обязаны были воспринимать как объекты осуждения.

Время было бурное, и оно оказывало разностороннее влияние на население Соединенных Штатов. Формировалось племя реформаторов, которые обратились к проблемам политических и экономических преобразований. Их влияние во второй половине XIX века возросло, и американскую культуру трудно понять без учета этой весьма своеобразной толпы оригинальных переустроителей человеческого общества, Анархисты размахивали своими бомбами, социал-демократы внедряли в массы марксизм, сторонники восьмичасового рабочего дня выводили толпы на улицы. Они пели песню, написанную в Чикаго в 1885 году:

Нас влечет солнечный свет,
Нас манит природы цвет,
Дать нам все Господь готов,
Не хватает лишь восьми часов.

Хор:
Наша цель ясна —
Восемь часов для работы
И восемь часов для сна.

Пульмановская стачка 1884 года, о которой уже говорилось выше, стала заметным шрамом на теле американской культуры. Обездоленные безработные грозили подорвать основы американского общества. Росла волна общественной ненависти к

«воронам-разбойникам», обретшим за счет эксплуатации невиданные богатства. Все более организованным было движение городского пролетариата. Оно было направлено против преступного функционирования машин и демократической, и республиканской партий, которыми заправляли равно циничные партийные боссы. Это движение начало смыкаться с недовольными бунтующими фермерами, страдавшими от низких цен на сельскохозяйственные продукты и требовавшими от министерства финансов печати серебряной (более дешевой, чем золотая) монеты.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте индустриально-экономические процессы, охватившие США после Гражданской войны.

2. Каковы причины стагнации собственно культурного развития Америки в послевоенный период?

3. Каково влияние эволюционистской теории Ч. Дарвина и позитивистской философии Г. Спенсера на духовное развитие Америки?

4. Что дало основание исследователям считать Генри Джорджа одним из провозвестников новой культуры Америки?

5. Охарактеризуйте первые акции американских профсоюзов (деятельность Джекоба Кокси).

6. Каким военным актом завершилось сражение индейцев?

7. Опишите процесс роста буржуазного обогащения и рождения «американской мечты».

8. В чем состоит критика «позолоченного века» Марком Твеном и Чарльзом Дадли Уорнером?

Глава шестая
Конец XIX века

Дарвин и Спенсер

Как указывалось в предыдущей главе, на культурную эволюцию Америки оказали наибольшее воздействие две европейские концепции XIX века – это, во-первых, дарвинизм, а во-вторых – позитивистская философия Герберта Спенсера. Пришло время сказать несколько слов о существе обоих учений.

Британский естествоиспытатель Чарльз Роберт Дарвин (1809–1882), как известно, являлся автором теории происхождения биологических видов путем естественного отбора. Дарвин, как считал он сам и сторонники его учения, опроверг религиозные представления о сотворении мира и всего живого, раскрыл единство законов происхождения растений и животных, установил генетическую общность человека и человекообразных обезьян, наконец, выявил основные закономерности и механизмы эволюции в природе и механизмы естественного отбора. Главная идея Дарвина в том, что сложная биологическая иерархия, которую представляет собой органический мир, подчинена целесообразности и приспособлению к изменяющимся окружающим условиям. Среди дарвиновских гносеологических (познавательных) категорий – случайность, вероятность, неопределенность, целесообразность и др., среди принципов – историзм, эволюционизм, относительный характер приспособительной целесообразности, Благодаря такому научному аппарату схема исследования биологического мира представала упрощенной и удобной для разного рода обобщений.

Нетрудно заметить, что идея детерминизма и целесообразности оказалась весьма привлекательной для гуманитарных наук, особенно – для социологических исследований и разного рода концепций происхождения и оптимального функционирования человеческого общества (недаром же довольно скоро появились такие концепции, как социал-дарвинизм). В нарождающейся социологии сразу возникла одна из наиболее распространенных метафор – общества как биологического организма, развивающейся системы. Разумеется, оказались востребованы и принципы целесообразности, детерминизма, иерархичности, которые объясняли и структуру общества, и незыблемые законы его развития.

Чарльз Роберт Дарвин

Герберт Спенсер (1820–1903) также был английским ученым. Основным принципом его теории, так же как у Дарвина, являлся эволюционизм, однако не в области биологии: Спенсер с самого начала концентрировал внимание на социуме и социальной психологии. Надо заметить, что труды Дарвина Спенсер высоко ценил и во многом руководствовался принципами, провозглашенными великим современником.

В основе жизнедеятельности общества, по Спенсеру, лежат индивидуализм и свобода конкуренции. События должны происходить естественно, любой вид социального планирования вреден, поскольку препятствует свободному развитию индивида, ведет к вырождению и выдвижению худших за счет лучших. Государство не имеет права вмешиваться в человеческую жизнь; каждый может и обязан выживать за счет собственных ресурсов и резервов; нельзя, например, помогать бедным, поскольку это лишает их стимула к выживанию и борьбе за лучшую долю. Очень вредна и тенденция государства и общества вмешиваться в воспитание детей. Спенсер критиковал и колониальную экспансию – ведь она ведет к усилению государственной бюрократии. Зато межгосударственные войны, с его точки зрения, весьма полезны для установления политической и иерархически-классовой структуры общества, Таким же мощным стимулом является и труд.

Философия Спенсера основана на постулате, что цели у каждого человека – осознанно или нет – примерно одинаковы: это достижение материального благополучия и стремление проникнуть на вершину иерархии. Именно поэтому возможна эволюция, происходящая неизбежно и независимо от желания

людей. В основном развивается некое «вещество жизни», которое и руководит человеческими поступками, являясь основанием индивидуальных воль. «Вещество» движется, интегрируясь в разнообразные социальные структуры, движение рассеивается, и с течением времени «вещество» переходит из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной, связной разнородности. При этом и само движение также претерпевает сходное превращение, В итоге система достигает равновесия, эволюция заканчивается. Если равновесие нарушается, начинается распад, который приводит к новой эволюции. Таким образом, единицей развития общества является цикл, сходный с биологическим: если, например, растение появляется, развивается и умирает, то примерно так же функционирует и некая отдельно взятая человеческая общность.

По всему этому ясно, что история для Спенсера – не продукт сознательного творчества социальных групп или отдельных личностей, а результат эволюции, происходящей, повторим, вне зависимости от желаний и воли людей. Социальные факторы – это, прежде всего, структуры и функции, усложняющиеся по мере формирования и развития, Социальные институты – механизмы самоорганизации совместной деятельности людей, способствующие социализации человека.

Видно, что одним полюсом для Спенсера является надындивидуальные силы, «социальный организм», «вещество», а другим – индивидуализм каждой человеческой особи. Явное противоречие не занимало сторонников теории британского социолога: согласно Спенсеру – как, впрочем, и так понятому Дарвину, – и в природе, и в обществе выживает сильнейший, и это в высшей степени правильно, закономерно и справедливо. «Право сильного», так много значившее для американцев, стремившихся к осуществлению «национальной мечты», таким образом, оказывалось научно подтверждено.

Изменение потока иммиграции

В последние два десятилетия XIX века (и в первые два – XX) англо-саксонский источник иммиграции начал оскудевать. Пасынки Британии отныне устремлялись в Канаду и Австралию. Поток переселенцев через Атлантику становился иным по этническим компонентам: отныне это выходцы из Центральной и Восточной Европы, из Австро-Венгрии и Российской империи, из бедных южных областей объединившейся Италии. И новые иммигранты-восточноевропейцы на рубеже XIX и XX веков начинают, безусловно, доминировать. Напомним, что указанное

время – последний период иммиграции, не ограниченной американскими государственными правилами и квотами, поскольку богатеющая Америка тогда еще нуждалась в трудовых ресурсах для освоения прерий и работы на растущих заводах.

Герберт Спенсер

Восточноевропейцы в последние десятилетия XIX века и в первые десятилетия XX изменили внешний вид страны – прежде всего «физиономию» огромных городов Восточного побережья и таких растущих мегаполисов, как Чикаго и Детройт. Вклад новых этнических меньшинств в культуру, экономику и повседневную жизнь Соединенных Штатов огромен, причем он сказывался и после введения ограничений на въезд представителей иных национальностей в страну. Современная Америка немыслима без архитектуры Мис ван дер Роэ, вертолетов Сикорского, музыки Стравинского, Берлина и Бернстайна, книг Стайрона и Льосы, картин Шемякина, балетного мастерства Барышникова, вокала Фрэнка Синатры и Дина Мартина, гениев Голливуда, начиная с Чарли Чаплина и заканчивая Скорсезе и Спилбергом.

Америка не только создала благоприятную среду для творческой свободы, но воздействовала своим примером на те страны, из которых сюда прибывали представители всевозможных этнических сообществ.

Напомним, что в конце XIX столетия изобретатели все еще затмевали деятелей культуры: в последние десятилетия девятнадцатого века Эдисон овладел электричеством, Пульман построил комфортабельные вагоны, Вестингауз создал тормоза, Белл – телефонную связь, Истмен – массовую фотографию, Шоулз – печатную машинку и так далее.

Какого бы критического отношения ни заслуживала Америка, следует признать, что эта страна давала больший шанс простому человеку, чем социально менее гибкая и чопорная Европа. Как уже говорилось, владелец крупнейших сталеплавильных заводов Эндрю Карнеги был сыном безродного ткача и провел свою юность посыльным на телеграфе, На таком же телеграфе работал другой гений – Томас Эдисон, покоривший электрическую энергию. Другой титан электротехники – Чарльз Штейнмец – бежал в США от преследований в Европе за социалистические убеждения. Крупнейший железнодорожный магнат Джеймс Хилл начинал помощником в деревенском магазине. Богатейший человек страны – Джон Рокфеллер – поначалу, как уже указывалось, служил помощником продавца в комиссионном магазине. Марк Твен был лоцманом на Миссисипи. Пулитцер – столп журналистики – прибыл в США без гроша в кармане. Ни в одной стране Европы они не сумели бы занять положения, уготованного им в Америке.

Наука

Уже говорилось, что в Америке второй половины девятнадцатого века не нашлось мыслителя, который объяснил бы процессы, происходящие в стране, и дал бы им реалистическое толкование, указав социальную перспективу. Модный в хорошем обществе утопизм, разумеется, не в счет Книга Генри Джорджа «Прогресс и бедность», опубликованная в 1879 году, при всей важности сделанного в ней указания на первостепенную значимость социального вопроса, конечно, никакого анализа философских или мировоззренческих обоснований бытия не содержала.

Зато на эти темы, полагая их фундаментом здания национальной культуры, начали задумываться члены созданной в 1884 году Американской исторической ассоциации. Мы уже видели, что практически на всех этапах американскую культуру крепила историческая мысль. Национальная научная традиция выделила два типа историков. Одни осуществляли скрупулезное исследование разрозненных фактов и на его основании приходили к тому или иному заключению. Другой тип историков вначале обдумывал ситуацию, находил собственное объяснение и после этого бросался к фактам, чтобы либо подкрепить, либо «убить» свою гипотезу.

Известный нам Банкрофт, несомненно, принадлежал к первому типу ученых, а Вудро Вильсон (1856–1924) – ко второму. Он скорее, словно поэт, был личностно связан со своей

концепцией, а *не удалялся от нее на критическое расстояние.* И поскольку Вильсон вкладывал в свою работу всю душу, его творчество интересно и как проявление его внутренней жизни, и как эволюция владевших его разумом идей.

В одной из статей 1895 года будущий президент Америки Вильсон описывал свой историографический и в целом аналитический метод. Да, говорил он, историк обязан работать с фактами, но что именно, если разобраться, является фактом? Самая твердая материя рассыпается при критическом прикосновении к ней. На самом же деле историческая истина являет собой комплексное понятие, приближающее нас к терминам почти из византийской теологии, Историческая истина – не более чем метафора, имеющая видимую и невидимую часть, Будучи честным перед собой, историк должен признать, что не получает истину «в фунтах или унциях», в некоторых материальных несомненных проявлениях, – скорее, он обретает ее в своих *впечатлениях.* Вильсон и сам написал это слово курсивом, развивая мысль, что честный по отношению к себе историк всегда желает получить *как можно более полное впечатление.* Это и позволяет специалисту дать подлинную картину реальных событий, а не изображать некое театральное действо; стремиться, по мнению Вильсона, следует к манере Рембрандта, а не Рубенса. И подлинная картина всегда будет получена при помощи работы воображения, а не анализа фактографического материала. Факты могут обманывать, собственное чувство – никогда.

Томас Вудро Вильсон

Вильсон стал президентом, обладая стройным и логичным историческим мировоззрением. В его основе лежало

представление об эволюции политических институтов, необходимости их постоянного приспособления к меняющимся социально-экономическим условиям, Вильсон считал, что Америка находится в критическом состоянии потому, что существует разрыв между новыми экономическими реалиями и прежними политическими формами. Бурное экономическое развитие, считал Вильсон, привело к уничтожению относительного социального равновесия, к полному «стиранию» величайшей социальной силы Америки – ее среднего класса. Если стихия свободного рынка будет и далее гулять по американскому обществу, то ни к чему иному, кроме как к социальному взрыву, это привести не может. А социальный взрыв плох не только потому, что катастрофичен: государство – не машина, государство – живой организм, и любое революционное вмешательство отражается в долгих болезнях его «тела». Настоящий закон общественного развития, с точки зрения Вильсона, это бесконечное приспособление, тонкое исправление, даже «латание дыр». Вудро Вильсон был одним из авторов концепции государства как агента социальных реформ, регулятора экономической, да и всей общественной жизни.

На рубеже

В связи с изменением духовных процессов американского общества и как неизбежная их проекция в описываемый период началась эволюция обеих главных американских политических партий. В результате республиканская стала преимущественно партией богатых, а демократическая – бедных. Зачинателем этого разграничения оказался Теодор Рузвельт (1858–1919). Этот находившийся в вечном движении человек, энергичный политик, почти ровесник Вильсона, стоял вместе с последним среди сторонников реформ в Балтиморе в 1896 году, когда было предложено упорядочить подоходный налог, ввести национальную систему кредитования фермеров, национализировать железные дороги, установить восьмичасовой рабочий день в промышленности, увеличить денежное обращение за счет неограниченной чеканки серебряной монеты. Рузвельт и Вильсон встречались несколько раз, неизменно выказывая друг другу взаимное уважение. Рузвельт стал весьма популярен в народе, в один прекрасный момент он превратился чуть ли не в национального героя – во всяком случае фигуру общенационального масштаба, – но всегда с трудом находил взаимопонимание с властвующей элитой страны, с представителями наиболее материально обеспеченной части

общества. Он был, если так можно выразиться, «ницшеанцем на практике», жил «на пределе», энергично, страстно, словно романтически неуемный искатель приключений, славы и правды, а не трезвый и холодный политик.

Теодор Рузвельт

Несмотря на идейный климат и философию «выживания сильнейшего», Америка не забывала о том, что среди оснований силы всегда находилось и знание. Время, как мы уже подчеркивали, было благоприятным для создания новых университетов. Постепенно семьи обеспеченных, да и в прямом смысле богатейших граждан, начинали стремиться к тому, чтобы их дети получали не прикладные инженерные, а изящные и «возвышенные», свободные от «презренного материализма», общекультурные специальности. Наследникам крупных состояний не было нужды посвящать всю свою жизнь приумножению богатств – достаточно было лишь контроля со стороны наемных профессионалов-финансистов, Постепенно приходило время свободного интеллекта. Собственно, эти процессы протекали по аналогии с европейскими.

Поэтому к концу девятнадцатого века получило всеобщее распространение не только повсеместное расширение номенклатуры инженерных специальностей, но и создание кафедр, специализирующихся на изучении изобразительного искусства, литературы, музыки, на анализе международной ситуации и ее перспектив. Так, в 1880 году в Колумбийском университете был создан первый в Соединенных Штатах факультет политических наук.

Высшее образование достигло в Соединенных Штатах

мирового уровня в начале XX столетия, когда дети вождей «позолоченного века» призвали европейских преподавателей, создали фонды и обратили университетскую науку почти в индустрию. Впервые Гарвард, Принстон и Йель стали посылать своих выпускников в Белый дом, а университетское образование стало синонимом принадлежности к лучшему обществу Укажем на эффективность американской системы образования – за первую четверть XX века уже четыре американца получили Нобелевские премии, правда, все-таки в области прикладных наук, имевших более длительную и продуктивную традицию развития в Америке.

Окончилась пора исключительного американского ученичества, хотя по-прежнему престижным считалось и получение образования за рубежом. Теперь уже Америка смотрела на германский Гейдельберг и французскую Сорбонну, но прежде того на английские Оксфорд и Кембридж как растущая мировая держава. Теперь лучшие умы Америки, гордость ее культуры – Герман Мелвилл, Фенимор Купер, Торо и Эмерсон, Лонгфелло и Уитмен, Марк Твен и О'Генри – не считались «провинциалами», напротив, были известны и почитаемы в Европе. *Американская культура и наука вышли на мировой уровень и во многих сферах повели Европу за собой.* Эдисон и Маркони, братья Райт и Генри Форд были тому живым свидетельством и доказательством. Пришла пора Америке показать себя в образовании и политике.

В 1908 году идеолог прогрессизма Герберт Кроли создал своего рода манифест культурного пробуждения – «Обещание американской жизни», в котором сопоставил философский замах американской революции и жалкое воплощение великих идеалов. Книга имела великий очистительный смысл. Основанный Кроли журнал «Нью Рипаблик» стал сборным пунктом представителей американского либерализма. А культурными героями «восстания» против серости, самодовольства и несправедливости оказались писатели Джек Лондон (1876–1916) и Эптон Синклер (1878–1968). Их атака на буржуазные стереотипы имела оздоровительный эффект, в плане, с одной стороны, духовного оздоровления американского общества, с другой – для формирования новых культурных горизонтов Америки.

На национальной арене

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков перед американцами встал вопрос: как совместить джефферсоновский идеал равенства и гигантские возможности, данные бурно

развивающимся капитализмом узкому кругу лиц? Довольно трудно было отрицать появление в великой республике отдельно взятых «королевств», принадлежащих банкиру Джону Пирпонту Моргану, владельцу нефти Джону Рокфеллеру стальному королю Эндрю Карнеги и другим денежным мешкам.

Дело несколько смягчали непрекращающаяся иммиграция, дающая неорганизованную человеческую массу, готовую на любую заработную плату, благодаря чему считалось, что страна выступает благодетельницей для париев Европы, и постоянный индустриальный рост, позволявший повышать жизненный уровень если и не всего американского населения, то все же значительного его сегмента. Американский тигель мог несколько ослабить давление в своем социальном плавильном котле, но для этого требовалась мудрая федеральная власть и постоянное внимание к грозящим обострением вопросам.

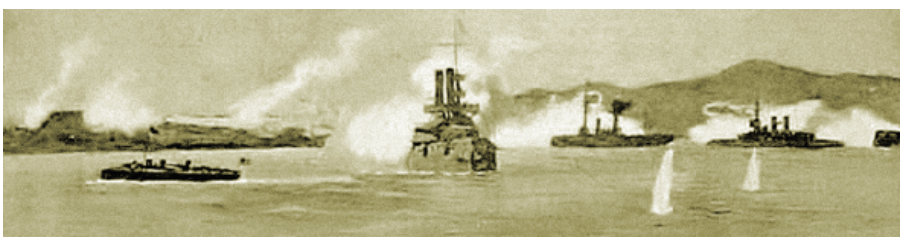
Переходя от политической теории к злободневной практике, Вудро Вильсон начал внимательно следить за решаемыми и нерешенными проблемами американской жизни. Между окончанием Гражданской войны в США (когда Вудро Вильсону было восемь лет) и началом Первой мировой войны (когда Вильсону исполнилось пятьдесят восемь) Америка претерпела колоссальную эволюцию – если не назвать происшедшие изменения прямо революционными. Часть порожденных этой эволюцией проблем была решена, но значительное количество еще ожидало своего решения. Постоянные размышления привели Вильсона как аналитика к выводу, что президенты стали частью официально существующего прикрытия нерешенных социальных проблем, а не собственно действующим авангардом политической системы страны.

В нем жило предчувствие перемен. Его книги переиздавались, у него постоянно брали интервью. В предисловии к пятнадцатому изданию своей книги «Правление Конгресса» Вильсон отмечал ростки нового на американской политической арене: будирующий эффект испано-американской войны; изменение общественного настроения в пользу империализма; уже происходившее – и еще более предстоящее – расширение функций исполнительной власти.

В основе империализма лежит политика создания масштабных экономических империй, основанных, в частности, на владении колониями. Государства, подверженные идеям всемирной экспансии, борются за мировую гегемонию, стремятся к повсеместному захвату рынков, собственно, создают новый вариант империй, основанных на развитии мировой финансово-экономической системы. Наблюдается господство

транснациональной финансовой олигархии, монополий и корпораций как антитеза частному капитализму.

Испано-американская война (1898) была первой крупной военной акцией США как мировой империалистической державы. После взрыва американского корабля «Мэн» в Гаване 15 февраля 1898 года и под предлогом поддержки национального восстания на Кубе против Испании США объявили ей войну. В ходе боевых действий были захвачены исконные испанские владения с XVI века – Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины. Согласно Парижскому миру, завершившему войну, Испания отказалась от прав на свои бывшие колонии, а они, в свою очередь, оказались в двойственной ситуации: с одной стороны, были провозглашены «свободными государствами», с другой – оказались под контролем США.



Корабль «Мэн» в Гаване

Думающая Америка не погрузилась в не характерные для нации сомнения и самокопание, а начала мозговую работу – как выйти из создавшегося социально-экономического кризиса. Вудро Вильсон был не единственным, кто задумался над этими проблемами, но он был и не простым толкователем происходящего, а уже признанным экспертом по конституционному строю, по политической истории, по вопросам прерогатив исполнительной и законодательной власти. Его мнение немало значило уже в национальных масштабах.

Ключевым словом в Соединенных Штатах стало «реформа». О реформах говорили везде. Варианты реформирования обсуждались в массовой печати. Тон стали задавать экстремисты – довольно пестрое собрание реформаторов, называвших себя прогрессистами, двинулось на все форпосты прежних устоев.

Демократы жаждут реванша

Политические партии активно боролись за власть. Однажды на выборах демократы выставили кандидатуру некоего А. Хьюита, игравшего на обывательском страхе перед «грядущим анархизмом». Хотя Генри Джордж, автор книги «Прогресс и

бедность», не призывал к баррикадам, Хьюит, мысливший, как казалось, в том же направлении, требовал и от демократов, и от республиканцев остановить приход «кровавого хаоса».

В другой ситуации для победы над демократом Стивеном Гровером Кливлендом (1837–1908), дважды занимавшим пост президента страны, республиканским идеологам-стратегам нужно было показать, что последний наделен двумя грехами: он поклонник снижения тарифа, следовательно – проводник интересов Англии (рассчитано на отрицательную реакцию промышленников и жителей ирландского происхождения, традиционно ненавидящих англичан) и сторонник выпуска золотой монеты (рассчитано на бедных фермеров Запада, уже начавших свою отчаянную и бессмысленную борьбу за расширение выпуска серебряных денег). Демагогия, основанная на том, что снижение тарифа лишит американских рабочих хорошей зарплаты, буквально затопила страну.

В 1890 году никому не известный капитан А. Мэхэн, человек, как потом выяснилось, необычайно высокого роста, худощавый и стройный, с узким лицом, глубоко посаженными бледно-голубыми глазами и песочного цвета усами, написал в «Атлантик Мансли», что американцы должны начинать смотреть за пределы своих границ, хотят они того или нет, В пику осторожной политике президента Кливленда Мэхэн в статье под названием «Гавайи и наша будущая морская мощь» утверждал, что господство на морях является судьбой Америки, главным элементом ее будущего процветания и поэтому захват расположенных в центре великого океана владений является императивом. Теодор Рузвельт, приглашенный выступить в военно-морской академии США, восхищался Мэхэном беспредельно.

И не только он. Прибыв в Англию, Мэхэн был приглашен королевой на официальный государственный обед, где сидел рядом с принцем Уэльским, а затем отбыл на борт королевской яхты, где тысяча (!) адмиралов и капитанов провозгласили тост в его честь. Напомним, что Мэхэн тогда представлял страну, чей военно-морской флот был меньше чилийского, не говоря уже об испанском.

В Соединенных Штатах началась настоящая битва между сторонниками активной внешней политики и противниками вовлечения в опасные авантюры. Последних возглавил президент Гарвардского университета, весьма внушительная во всех смыслах (около двух метров ростом) фигура – ректор Чарльз Уильям Элиот (1834–1926), к тому времени уже четвертое десятилетие правивший Гарвардом и в итоге своей деятельности

трансформировавший всю университетскую систему в Америке. Он был упорным борцом против всех наступательных доктрин, которые, с его точки зрения, неизбежно порождали класс влиятельных военных, что абсолютно негативно воздействовало бы на американское общество. Элиот зашел так далеко, что назвал сторонников агрессивной внешней политики Теодора Рузвельта и его политического соратника Генри Кэбота Лоджа (1850–1924) дегенерировавшими сыновьями Гарварда. Идеалом поведения для Элиота был джентльмен, который в то же время является демократом. Он ввел в университетское расписание предметы, прямо касающиеся современности, организовал новую выборную университетскую систему, собрал преподавателей, которые составили славу Гарварда.

Гарвард, небольшой колледж прежних лет, к этому моменту превратился в огромный по тем временам (почти две тысячи студентов) университет. Система свободных выборов преподавателей позволяла приглашать в университет педагогов первой величины, скажем, историков Фредерика Тернера и Эдварда Чаннинга, философа Джорджа Сантаяну.

Демагогия заменяет политическую культуру

К концу 80-х годов обе главные американские партии отреклись на словах от трестов. В республиканской платформе 1888 года значилось, что представители партии объявляют о своей оппозиции всем комбинациям капитала, организованным в виде трестов. Демократы не отставали, заявляя, что если позволено существовать трестам, то интересы народа преданы. Высокопарная и пустая риторика не могла скрыть того факта, что за спиной обеих партий стояли столь «презираемые» могучие финансово-промышленные организации.

Перед урнами для голосования политиканы-республиканцы громко говорили о морали, о продажности ничтожных демократов, равной лишь их глупости, о процветании страны в будущем, о работе для всех и блокаде дешевого труда иммигрантов, а главное, о тарифе, защите американской промышленности и «кредо» патриотизма. Неорганизованный и малограмотный рабочий класс Америки в основном и попадался на эту пропаганду.

Еще один несомненный претендент на политическое лидерство Америки – Теодор Рузвельт – стал и лидером исторической науки. Рузвельт создал четырехтомное исследование «Покорение Запада» (1889–1896), Хотя он и отождествлял себя с германской школой научного исторического

анализа, на самом же деле в тот период, когда научная историография в США лишь зарождалась, он скорее являлся талантливым любителем-дилетантом. Он спешил высказать свои мысли, талант его лежал в области создания убедительной общей картины, в анализе отдельных эпизодов, в красочности описаний, в одухотворенности текстов. В общем, главным было впечатление от его книг, а не сухая нарочитая скрупулезность, отвращавшая публику от исторической науки. Излишний «германский» академизм, увы, лишал историю по праву принадлежавшего ей места в общественной жизни.

Здесь стоит рассказать о еще одной появившейся тогда в США (1891) политической силе – Народной партии, основывавшей свою программу на идеях популизма. Сформулировать его доктрину трудно, если вообще возможно; во всяком случае, никому до сих пор этого не удавалось, Популизм возник как стихийное народное движение в борьбе против многообразных форм господства монополистического капитала и во многих странах имел свои модификации. В любом случае популизм, консервативный, недоверчивый ко всему новому или тому что выходит за рамки узконациональных интересов, ставит на первое место понятие народа и его интересов, а не такие категории, как государство, мир, даже индивид, защищая интересы массового, «маленького», обыкновенного человека. Функция популизма – охранительная и корректирующая; при всей своей примитивности он иногда играет положительную роль как сдерживающий амбиции государства фактор. В США возникновение как популизма, так и Народной партии связано с массовыми беспорядками в среде фермеров.

Народная партия собрала свой конвент в Омахе. Это было типичное «западное» сборище, изобиловавшее эмоциями и бравадой, но лишенное серьезной организации. Надо всем витала проблема «дешевых», доступных денег. Запад требовал за свою пшеницу и мясо звонкую серебряную монету. Пожалуй, наиболее примечательной была критика республиканской и демократической партий. С полным на то основанием указывалось, что обе они глухи к страданиям ограбленного народа, что нация находится на грани морального, политического и материального краха, поскольку продукты труда миллионов нагло похищены ради создания колоссальных состояний немногих, и это явление – во всяком случае в таком масштабе – не имеет прецедентов в истории человечества. После таких обличений простое требование свободной чеканки серебряных денег звучало едва ли не оскорблением здравого смысла, Неудивительно, что, несмотря на страстную критику

существующего порядка, Народная партия так и не получила массовой поддержки.

Напомним, что речь идет о 1890-х годах, о периоде наступивших грандиозных перемен, в ходе которых Америка превратилась из сельскохозяйственной страны в индустриальную сверхдержаву, когда феноменальная индустриализация вызвала острые социальные проблемы, когда американцев начали глубоко интересовать события за пределами национальных границ. На повестке дня стоял важный политический, мировоззренческий, социальный вопрос, тесно связанный с проблемой американской идентичности: превратится ли великая республика в колониальную метрополию, обойдет ли Америку стороной искус империализма?

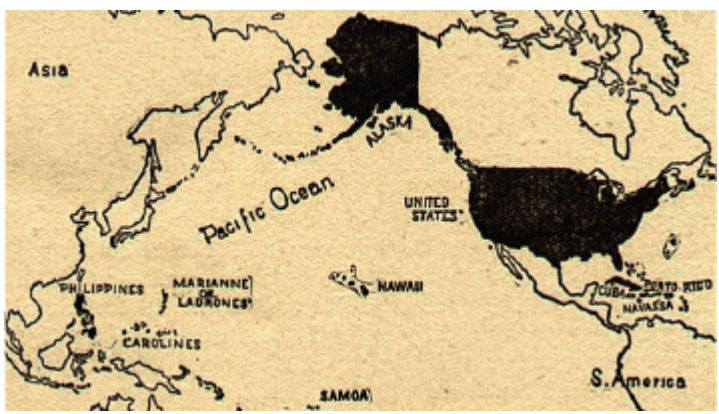
Геополитика

Здесь снова стоит обратиться к исторической концепции Вудро Вильсона. Культ героизма удивительным образом совмещен у этого христианского, по существу, историка с пламенной проповедью «опасной» жизни, начатой Фридрихом Ницше, нашедшей отклику таких заглавных фигур эпохи, как Теодор Рузвельт, Джон Хэй, Генри Адамс, Альфред Мэхэн. Жизнь полна опасностей, и не стоит избегать их – это недостойно человека, это недостойно нации. Вильсон считал, что сила каждого народа сказывается тогда, когда он попадает в центр урагана, и эти слова историка можно смело приписать любому из плеяды молодых империалистов. Некоторые войны, продолжал далее национальный лидер, обновляют нацию, зовут ее к великому будущему. Даже главный златоуст империалистов Теодор Рузвельт не смог бы сказать лучше.

К ноябрю 1898 года Вудро Вильсон стал одним из известных геополитических интерпретаторов. Он утверждал неизбежность перемены во взглядах на американский изоляционизм. Президент Джордж Вашингтон красноречиво выразил постулаты спасительного в ту пору изоляционизма в прощальном послании 1796 года; но тогда Соединенные Штаты были в состоянии младенчества. Теперь же, покорив весь континент, Америка выросла из детских одежд. Англичане указали на эту дорогу давно – еще в восемнадцатом веке великий Беркли предрекал, что путь великой державы лежит на запад североамериканского континента.

Все началось с покупки Луизианы и Флориды, продолжилось войной с Мексикой за территории Калифорнии и Техаса (1846–1848; в результате военных действий США приобрели площади,

на которых впоследствии образовались штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада и Юта), принесшей Соединенным Штатам огромные территории. Промежуточным звеном явилась покупка Аляски (1867), которая навсегда положила конец попыткам России распространить свое влияние на тихоокеанском побережье Северной Америки и стала важным шагом в укреплении положения США в азиатско-тихоокеанском регионе. Между прочим, и присоединение к США территории Флориды – бывшей испанской колонии – во втором десятилетии XIX века было, правда, скорее захватом, Западная Флорида вошла в состав Америки потому, что таково, как провозгласили американские политики, было желание ее населения. Однако реальная причина заключалась в ином: коренное население Флориды давало приют беглым чернокожим рабам, желавшим освободиться от рабства на плантациях. Затем в составе США оказалась и восточная часть области.



Карта, показывающая увеличение территории Америки.

Кто мог сказать, где и когда закончится этот процесс? В двадцатом веке политика, предупреждал Вильсон, будет обладать новыми чертами, о которых американцы должны думать заранее. Вильсон был уверен, что теперь, когда западная граница Америки находится на Тихом океане, страна просто нуждается в новых границах, в ареале великих океанских просторов. Новый тип воображения должен воспламенить молодое поколение, обязанное повернуть центр своего внимания и деятельности через океаны, на восток евразийского континента.

Реформаторы и, как они сами себя именовали, «разгребатели грязи» восстали против сонного прозябания нации, они выступили против того, что Уильям Аллен Уайт назвал союзом бизнеса и правительства, действующего в интересах бизнеса. Прогрессизм взмыл как кредо лучших сил страны: решение

расовой проблемы, антитрестовое законодательство, реформа железнодорожных тарифов, законы в отношении детского труда, налоги на наследство и на прибыль, компенсации рабочим, санитарный контроль над пищевой промышленностью, охрана окружающей среды, создание национальных заповедников – вот что было выдвинуто на передний край социальных преобразований.

Самое американское изобретение

В сентябрьский день 1892 года на улицы Чикаго выехала странная повозка, которая двигалась, хотя впереди не было лошади. Толпа вокруг вскоре стала непомерной, и Уильяму Моррисону из Демойна, что в штате Айова, пришлось просить полицию помочь ему пересечь центр города. Мотор его «повозки» был электрическим…

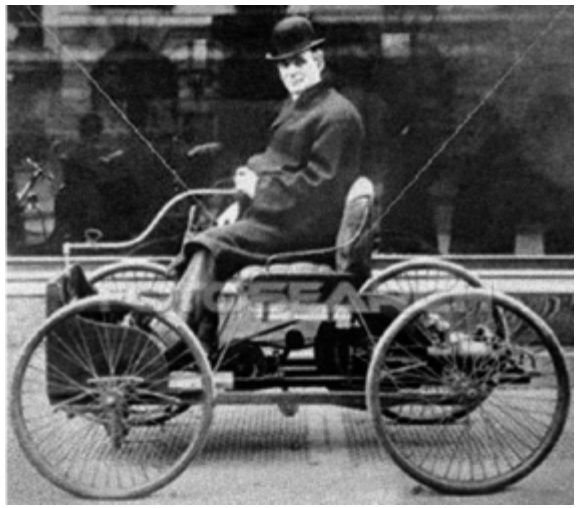
По-настоящему ответить на вопрос, кто изобрел автомобиль, достаточно сложно. Если определенно то, что пароход изобрел Фултон, а паровоз Стефенсон, то с автомобилем не все так просто. Изобретение, которое за два первых десятилетия буквально изменило Америку, не имело явно выраженного создателя.

Быть может, его породило само время, потребовавшее нового транспортного средства. В 1890-х годах в бесчисленных сараях и ангарах Америки множество упорных механиков отдавали все свое время поискам верного технического решения. Среди них были производители велосипедов, опытные железнодорожники, специалисты по механическим куклам, безнадежные создатели «вечного двигателя». Каждый искал инженерных решений исходя из собственных первоначальных профессиональных навыков. Тогда Генри Форд работал на электростанции, Пирс производил клетки для птиц, велосипеды и холодильники, Студебекер трудился на вагонном заводе, Элвуд Хейнс – в газовой компании, Стэнли занимался фотографией. Их мысль билась в направлении создания небольшого мотора, вращающего колеса.

Летом 1891 года Чарльз Дурие (1861–1938) заставил двигатель вращать колеса, но побоялся привести машину в движение на дороге, чтобы публика не засмеяла его. Через год, уже вместе с братом Фрэнком, специалистом по приборам, они вывели машину «в люди», и она поехала. Проблемой было ее остановить – не существовало ни регулятора скорости, ни тормоза. На следующий год скорость автомобиля дошла до вполне приличной отметки – 15 километров в час. Дурие до 1925 года усовершенствовал свои машины, но великое изобретение

пошло иным путем.

Еще один изобретатель, Элвуд Хейнс (1857–1925), нуждался в авто практически – путь мастера газовой фабрики до работы был далек и извилист. Хейнс купил в 1893 году небольшой бензиновый мотор и начертал схему привода к колесам. 4 июля 1894 года, в День независимости, его повозка вышла на улицы городка Кокомо (штат Индиана) и никто, вопреки ожиданиям, не смеялся. Скорость этого протоавтомобиля вдвое превышала пешеходную.



Генри Форд на своем первом автомобиле

В Детройте Генри Форд (1863–1947) делал цилиндры из старой газовой трубы, многие важные детали из дерева. Подаренный отцом участок земли – родитель таким образом стремился вернуть сына к труду на земле – так и остался незасаженным.

… Двое суток не спал изобретатель, прежде чем запустил мотор. Шел дождь, но Форд откинул капюшон. Его снедало волнение. Он вывел машину на аллею и включил мотор. Колеса начали вращаться. Ощущалась вибрация, но деревья проплывали мимо, и это было серьезно…

Совокупными усилиями изобретателей в 1895 году в Соединенных Штатах было не менее 300 автомобилей. Главная трудность состояла в том, чтобы завести мотор. Удручала сложность использования педалей и рычагов, которые с печальным постоянством выходили из строя. Гаражей не было, железные чудовища стояли преимущественно в стойлах и пугали лошадей. Дороги – грязное месиво осенью – могли вывести из себя самого беззаботного автолюбителя. Разносились призывы

создать магистрали, «достойные великой республики».

Между январем и маем 1899 года дорожные компании с колоссальным капиталом в 388 млн. долларов были созданы в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и Филадельфии для решения единственной задачи – производства удобного в эксплуатации автомобиля. Примерно восемьдесят компаний решали эту задачу.

Уже тогда началась борьба между бензиновыми и электрическими моторами. Последние были чище и комфортабельнее; казалось, что будущее за ними. На Автомобильном шоу Нью-Йорка в 1900 году электромобиль, казалось, выигрывал соревнование, но очень скоро бензиновые моторы взяли верх. Революционное изобретение Рудольфа Дизеля – двигатель внутреннего сгорания (топливо воспламенялось не от внешнего источника зажигания, а от нагретого сильным сжатием в цилиндре воздуха), запатентованное в 1893 году к началу 1900-х получило всеобщее признание. В течение последующих десяти лет произошел колоссальный рывок – 78 тысяч автомобилей было выпущено в США уже в 1905 году. Америка впервые – и навсегда – обошла Британию по числу автомобилей.

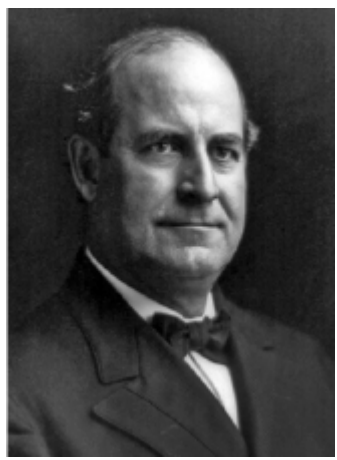
Обратим внимание, что именно в 1890–1910 годы рост трестов был колоссален. В этот период увеличилась роль банкиров, выступивших «координаторами» концентрации богатств. Наиболее выдающимся «координатором» явился Джон Пирпонт Морган. Президенты и те не могли чувствовать себя выше того положения, какого достиг Морган на Уолл-стрит, на нью-йоркской фондовой бирже.

Культура демократии

…В июле 1896 года на конвенте в Чикаго перед пятнадцатитысячной аудиторией Уильям Дженнингс Брайан (I860—1925) произнес речь, получившую название «Речь о кресте из золота». Пока еще не известный большинству представитель штата Небраска вначале говорил об абстрактных и возвышенных идеях, а не о будничных вопросах, по поводу которых препирались его предшественники, но постепенно зал замирал. И уже в полной тишине прозвучали слова о том, зачем этот человек вышел на трибуну. Он отстаивал необходимость защищать дело, по его мнению, столь же святое, как и дело свободы – гуманизм… Сторонники гуманизма, подчеркивал Брайан, обращались с петициями, которые были с презрением отвергнуты; умоляли, но на их мольбы не обращали внимания; просили, но в ответ получали издевку. Закончилось время просьб, уговоров, петиций. Пора бросить вызов! Гуманисты нового поколения нуждались в

новом Эндрю Джексоне, чтобы начать бой против организованного богатства. В ответ на слова о том, что огромные города стоят на стороне золотого стандарта, они предлагали сжечь эти города, но оставить фермы, и тогда города вырастут снова. Но если исчезнут фермы, то трава вырастет на улицах каждого города страны – они не поднимутся вновь. За сторонниками аграрной линии развития страны стояла масса тружеников. Людоедские требования золотого стандарта, по сути, *налагали на голову трудового люда терновый венец, а все человечество богачи вели к распятию на кресте из золота, украденного у народа.*

Эта речь сразу сделала Брайана лидером демократической партии, Но президентом на волне зарождавшегося империализма стал Теодор Рузвельт. Рузвельт окружил себя людьми, главный «порок» которых, по мнению Платта, был в том, что они – откровенные «реформисты». Рузвельт смотрел на дело значительно шире, видя в этом мнимом пороке благо. Он старался заполучить идеи от тех, кого считал экспертами в своей области, чтобы затем переработать эти идеи. При этом он не боялся того, что его собственные взгляды менялись, используя все яркое и талантливое в себе и окружающих людях для реализации поставленных целей. Рузвельт охотно обращался к профессорам Колумбийского, Йельского, Корнеллского университетов. Дальнейшая политическая традиция XX века в США широко восприняла этот опыт. Благодаря Рузвельту начал складываться характерный стиль Америки новейшего времени, который не чужд социальным наукам. Приближая к власти американских профессоров, Рузвельт содействовал социальной и этнической мобильности, вносил гибкость в те дела, где твердолобое упрямство усугубляло антагонизм классовых отношений.



Вдохновленные творчеством Редьярда Киплинга, благословлявшего «нести бремя белого человека», Рузвельт и его сторонники мечтали о мировом господстве Америки. Правда, познакомившись с Киплингом лично, Рузвельт несколько в нем разочаровался: писатель с откровенным презрением отозвался о Нью-Йорке. Восхищение идеями мировой аристократии потускнело в глазах Рузвельта, когда к этой аристократии не причислили его самого. Но, в конце концов, родственные натуры сошлись, и Киплинг в порыве добрых чувств посоветовал ему оставить политику и занять место в британской колониальной администрации, где его ожидает великое будущее.

В речах и программе Рузвельта впервые в американской истории о мировом лидерстве страны говорилось не отвлеченно (как о примере, наглядном образце, абстрактной цели, достижимой где-то и когда-то в неопределенном будущем), а в совершенно конкретном смысле. Об этом Америке говорил ее самый яркий молодой политик, очевидным образом претендовавший на национальное лидерство. Теодор Рузвельт вызвался определить, что есть наиболее примечательного и главного в американском характере, и пришел к выводу, что американский дух привлекает не низменная доктрина легкости жизненного пути, а идеал напряженной жизни, исполненной упорства, труда и усилий, работы и борьбы.

20 марта 1899 года Уильям Аллен Уайт написал в «Эмпория Газетт», что *американцы, будучи в подавляющем большинстве своем англосаксами, разделяют судьбу коренных британцев, а это значит, что они могут управлять собой и как следствие этого их ожидает мировое владычество.* Им будут принадлежать острова, моря, океаны, континенты. Такова судьба избранных. Так, утверждал Уайт, написано на скрижалях истории и так будет.

В январе следующего, 1900 года на подиум сената поднялся сенатор от Индианы Альберт Беверидж, и Америка услышала голос, позвавший ее к мировому могуществу. Беверидж отметил, что внутренние улучшения были главной чертой первого столетия развития страны, а овладение и развитие других земель должно стать доминирующей чертой второго столетия. Политик объявил американцев богоизбранным народом, предназначенным Создателем для конечного крестового похода и возрождения мира. Эта божественная миссия должна принести Америке все возможные доходы, всю возможную славу, все возможное человеческое счастье. Американцы трактовались как опекуны мирового прогресса, хранители справедливого мира, посланцы

истории, которым оказано высочайшее доверие – преодолеть дикость, озеленить пустыню человечества. Исторический долг – забыть скептицизм и стяжать великую славу, твердо взяв руль, направив самую гордую, самую чистую, самую способную нацию истории, идущую благородным путем, к преобразованию жизни на земле. Беверидж, словно какой-нибудь проповедник Средневековья, призвал слушателей положиться на Господа, забыть о любви к мамоне и комфорту, портящим кровь народа, чтобы хватило мужества пролить эту кровь за флаг и имперскую судьбу.

Будни искусства и науки

Во время визита в 1882 году в Соединенные Штаты Оскар Уайлд даже не пытался притвориться, будто представляет Америку как настоящий или будущий рай искусств. Он (как и многие проницательные путешественники) видел родовые черты американцев – приземленных и трудолюбивых, далеких от артистических полетов фантазии. Критическая мысль в Америке не должна была быть излишне язвительной – не переходящей грани, которую четко ощущали Марк Твен и Амброз Бирс. И направление критической мысли тоже могло быть вполне определенным – социальные реформы. Американцев, имевших моральные принципы, прежде всего волновали злоупотребления большого бизнеса, жестокость колониализма, коррумпированная политика, условия жизни бедняков, перспективы молодежи и права афроамериканцев.

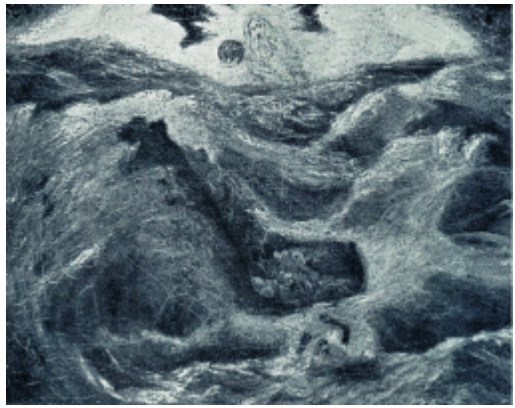
Собственно артисты, мыслители, ученые чувствовали себя находящимися в изоляции в собственной стране, относившейся со страстью лишь к овладению земельными участками и строительству железных дорог. «Поглощенные искусством», если могли, предпочитали жить за границей. «Утонченные» американцы уезжали в Европу, и это превращалось в своего рода традицию.

Наибольшей известностью пользовался бывший адвокат, обнаруживший у себя талант поэта и скульптора – Уильям Устмор Стори (1819–1895), живший с 1860-х годов в Италии. Вокруг него сформировался художественный кружок, состав которого постоянно менялся. Поэт Стюарт Меррил (1863–1915) прожил большую часть жизни во Франции, где приобрел славу символиста, причем французского, а не американского. Для новой плеяды американских ученых практически обязательным стало пребывание в германских университетах. В середине своего жизненного пути Генри Джеймс (1843–1916), американский

писатель и критик, один из крупнейших романистов и теоретиков англоязычной литературы, избрал в качестве постоянного места жительства Англию. Его брат Уильям получил превосходное европейское образование.

Те же, кто оставался на американских берегах, упорно следили за европейскими процессами, изучали новые явления, стремились следовать заокеанским стандартам. Их интересовала не грубая проза американской жизни, а утонченная мистика европейского искусства. Однако еще раз укажем и на работы Коула, Черча, Ашера Дюрана. В Америке хватало места и одиночкам – таким, к слову, как художник Альберт Райдер (1847–1917), которого не интересовали ни величие ландшафта, ни дежурные портретные сюжеты. Райдер был одним из лидеров символизма в американской национальной живописной школе. Он учился в Национальной академии рисунка (1871), бывал в Лондоне, путешествовал по Франции, Испании, Италии и Швейцарии и в основном был самоучкой, Сначала он писал главным образом наивно-идиллические пейзажи. Его самобытный романтико-символистский стиль сформировался сравнительно поздно, продемонстрировав слияние позднего романтизма с символизмом. Райдер являлся страстным почитателем Э. А. По, часто вдохновлялся образами Библии, Шекспира и Вагнера. Впрочем, многие композиции Райдера представляют собою простые натурные мотивы, которые превращаются в смутные и тревожные фантомы – с фигурами и предметами, буквально тонущими в плотных слоях краски.

Идущим вопреки стереотипам общепринятого был архитектор Генри Хобсон Ричардсон (1838–1886). В 1859 году он окончил Гарвардский университет, в 1865 – Школу изящных искусств в Париже, с 1865 работал в Нью-Йорке, затем в Бруклине. Ричардсон мастерски использовал массивные, внушительные формы европейского романского стиля для создания подчеркнуто солидных, эффектных, иногда как бы навеянных романтическими легендами зданий, но при этом все его постройки имели четкую функциональную организацию, а некоторые проекты строгой простотой своих фасадов предвосхитили чикагские рационалистические здания 1880– 1890-х годов. Деревянные дома Ричардсона (Брайент-хаус в Кохассете, Массачусетс, 1880) положили начало «готовым проектам» компактных и удобных жилищ. Создавая элегантные архитектурные формы, Ричардсон стремился отойти от примитивного копирования французских архитектурных оригиналов. Его здания были буквально нарочито тяжеловесными, но пропорционально спланированными, с большими окнами.



Альберт Райдер. Пророк Иона. 1890

Простор архитектору давал появившийся в Соединенных Штатах небоскреб. Теперь заботиться о карнизах и прочих деталях стало просто смешно. Функционализм резко вторгался в грандиозное национальное строительство.

Как уже говорилось, в 1890 году произошло важное для американской культуры событие: оказалась достигнутой западная граница, американский мир получил ясно очерченные пределы. Но периодически, вплоть до 1906 года, на земельные аукционы попадали огромные участки практически дикой земли. Поэтому понятие границы и ее своеобразная культура еще существовали. Писатель Уолтер Прескотт Уэбб воспел эти дикие края, могущество непокоренной природы. Жизнь на ранчо все еще требовала револьвера. Тема индейцев, согнанных со своих земель и не покорившихся, продолжала волновать художественные натуры.

Совсем другой была ситуация к востоку от Миссисипи. Здесь начинала царить индустрия, и города становились неукротимым магнитом для вчерашних фермеров. Да и не только для мужчин, но и для женщин, девушек – о чем блестяще рассказал Хэмлин Гарланд (I860—1916) в «Розе датского поместья». Пионер-аристократ джефферсоновской школы начал ощущать непреодолимый зов мегаполиса. Здесь были лучшие возможности для образования, здесь (особенно на Северо-Востоке, в Новой Англии) очевидным образом проявлялся более высокий жизненный уровень. В определенном смысле это была часть Старой Европы со всеми преимуществами цивилизации. Именно поэтому нескончаемый поток кибиток на Запад стал делать странные пируэты; теперешние пионеры внезапно выбирали более устойчивые формы жизни.

Здесь, на Северо-Востоке, мысль и художественное горение

были более интенсивными. Музеи и выставочные залы Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии равнялись на мировые образцы. В этих городах работали симфонические оркестры мирового уровня, существовали популярные мужские и женские хоры. Именно в это время университеты стали вытеснять колледжи – не только по названию (как было в США в 1950-е годы), а и по сути. Речь зашла об огромных, прекрасно оборудованных учебных заведениях мирового уровня, о массовом наборе студентов, о возникновении аспирантуры в таких университетах, как Колумбийский, Чикагский, Джонса Гопкинса, Корнеллский, Йельский. Начиналось почти массовое создание университетов и на Ближнем Западе Америки. Интеллектуальный уровень этого региона неуклонно повышался.

Студент Колумбийского университета

Особую роль в указанном процессе сыграл Джон Берджесс, участник Гражданской войны, Он окончил Амхерст и поехал в Германию изучать систему высшего образования, а затем отправился в Париж, где подробно исследовал принципы работы Высшей школы политических наук. Уже упоминавшийся президент Гарварда химик Чарльз Элиот добавлял в Гарвардский колледж одну школу за другой, превращая его в великий университет. Студентам здесь разрешалось самостоятельно выбирать желательные для изучения предметы. Элиот жестко настаивал на необходимости лабораторных исследований, и именно его стараниями была оформлена степень бакалавра – что и помогло, помимо всего прочего, ликвидировать обязательность латинского языка. Также Элиот помог основанию Йельского

центра образования, университета Джонса Гопкинса, нескольких медицинских колледжей. Находясь под влиянием германской науки, он создал американскую ученую степень «Ph. D.» (докторская степень).

Американский дипломат и историк, один из основателей Корнеллского университета Эндрю Уайт (1832–1918), преподаватель новой и новейшей истории и автор ряда исторических сочинений, мечтал о «храме науки», в который принимали бы всех желающих без ограничения и без платы, и немало сделал для университета Нью-Йорка. В Принстоне Вудро Вильсон способствовал модернизации и возникновению нового передового университета. При помощи Джона Рокфеллера Уильям Рейни Харпер создал еще один гигант образования – Чикагский университет, где комбинировались изучение наук и исследовательская работа. Харпер, собственно, был исследователем Библии и к прикладной науке относился не без скепсиса. Но он создал так называемый «верхний колледж» – последние два года обучения, когда студенты изучали методы исследования. Так теория и практика в американских университетах слились в единый процесс, что отличает их и по настоящее время.

1890-е годы стали важной вехой формирования университетской науки в США, успешно действующей и по настоящее время. Но важно отметить и следующее. В 1880– 1890-е годы возникло очень впечатляющее число специализированных научных отделов – они упорно вторгались в академическое расписание, как бы фрагментируя традиционные отрасли знания. Это потрясло основы обычных, традиционных дисциплин. Особенно досталось гуманитарным наукам, В гуманитарных науках «исследование» стало обозначением метода, заводящего в неверные дебри. Началась *погоня за фактами,* пострадали принципы обобщения. Вот история, рассказанная Николасом Мюрреем Батлером (1862–1947), профессором, президентом Колумбийского университета, крупным университетским деятелем того периода. Когда он в свои студенческие годы взял курс греческой драмы, профессор начал свою первую лекцию словами: «Это наиболее интересная пьеса нашего автора: в ней можно найти все исключения из греческой грамматики», Уже на одном этом примере видно, что гуманитарные науки оказались в загоне, их привлекательность будто намеренно разрушалась, над ними открыто смеялись как над не имеющей практической значимости софистикой. Меж тем в расписаниях крупных университетов значилось немало гуманитарных курсов, и самым прискорбным было то, что их преподавали не гуманитарии.

Студенты 1890-х годов утверждали, что гуманитарные дисциплины тем не менее не утеряли своего очарования, своей интеллектуальной значимости, хотя и превратились в нечто, неподотчетное «здравому смыслу».

Колумбийский университет

Популизм в действии

Среди обеспокоенных представителей правящего класса развился популизм, проявлявшийся в их программах через готовность пойти на некоторые жертвенные усилия «ради обеспечения нужд» широких масс народа. Характерной была деятельность миллионера Эндрю Карнеги, решившего обеспечить страну публичными библиотеками. Другие народные благодетели лелеяли сходные планы во имя общественной пользы. Они создавали клубы, театры, общественные заведения. Томас Купер начал такую деятельность в Нью-Йорке уже в 1859 году. В 1890-е годы выделилось так называемое «Движение Чатоквы» (по названию озера и города в штате Нью-Йорк). Здесь представители Епископальной методистской церкви создали свой главный общенациональный центр.

Другие организации сосредоточивались на сельскохозяйственных районах, посылая туда группы лекторов, организовывая библиотеки, клубы, летние школы, дискуссионные турниры. Постепенно подобная деятельность прекращала быть прерогативой церковных сообществ. В дело вмешались драма и театр, стало популярным широкое обсуждение культурных событий года, приглашение на встречи с простыми читателями университетских звезд и влиятельных журналистов. «Движение Чатоквы» устроило обзор своей деятельности за тридцать пять лет – все лето ведущие интеллектуалы, ветераны просвещения и науки буквально кружили голову всей нации. Скажем, Уильям Джеймс (1842–1910), психолог, философ, автор теории

«радикального эмпиризма», сторонник идей «прагматизма» или «инструментализма», принявший приглашение методистов, обращался к многотысячной аудитории и целую неделю зажигал своими речами многотысячную толпу в Чатокве.

Еще одним центром американской культуры стала работа кружка под руководством Элберта Хаббарда (1859–1915), издателя журнала «Филистимлянин». Злые языки утверждали, что первостепенной задачей Хаббарда был сбор денег. Но его верные приверженцы придавали движению нужную массовость и общенациональную популярность.

Поэт и социалист-реформатор Уильям Моррис назвал свою организацию, тесно связанную с Англией, «Келмскот Пресс». И Хаббард, и Моррис выпускали огромное число брошюр, в которых, собственно, воспевали достижения человечества, осуществленные за последние десятилетия. Массовая популярная культура только выигрывала, получив неиссякаемый и практически бесплатный источник. Речь шла и о высоком искусстве, и о конкретных новациях – например, в плане дизайна домов представителей американского среднего класса, становящегося мощной силой в стране с выборной политической системой. Главное, что на бесчисленных митингах, конференциях и встречах обсуждалась проблема реформы американского общества – в том числе и в области национальной культуры.

Молодежь

В 1893 году в Чикаго в районе Джексон-парка состоялась Всемирная Экспозиция Колумба – одна из самых авторитетных выставок в истории. Здесь был всесторонне продеменстрирован тот уровень цивилизации и культуры, которого страна достигла к тому моменту. Характерно создание в период Экспозиции Колумба молодежных организаций международного плана. В 1899 году состоялся Всемирный фестиваль молодежи в Булонском лесу под Парижем. Началась эпоха литературы для молодежи, появились писатели, специализирующиеся на работе для новых поколений. Наступающий век был назван «веком молодых».

Особое внимание государства и общества привлекал процесс получения молодежью среднего образования. Здесь критическим оценкам не было числа. Была осуждена «закостеневшая» школьная структура. Получило хождение мнение, что дети имеют право на уход от бесталанных учителей и включение в группы подлинно «озаренных» педагогов.

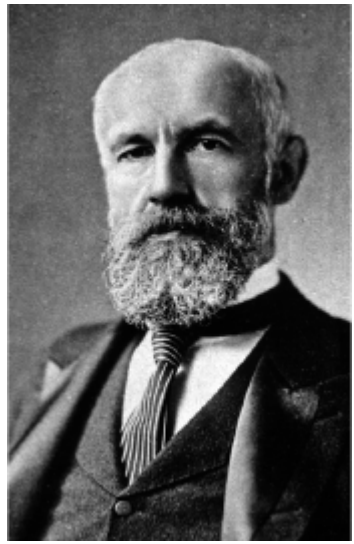
Джон Дьюи с группой своих чикагских друзей из

университета начал создавать школы, декларируемой задачей которых было освобождение от указанных пороков. Целью была эмансипация, создание прогрессивных школ. Ученик, считали реформаторы, должен иметь право избирать для себя главное направление. Конструктивная идея заключалась в том, чтобы не запоминать море фактов, а обсуждать их. Учитель должен быть не устрашающей силой, а гидом в море прекрасного и полезного, необходимого для решения нынешних и будущих проблем. Дьюи утверждал, что мыслительный процесс порождает процесс научного подхода к жизни и миру. Всемерно рекомендуемой книгой была переведенная с французского «Наука и гипотеза» Анри Пуанкаре. «Проблемный подход» стал восхваляться как самый передовой.

С другой стороны наступали скептики: преувеличенное внимание к детям лишает их естественного роста и нормального развития. О каком мыслительном процессе можно говорить с едва читающими школьниками? Это направление сделало упор на детские сады. Его представители выступали за раннее развитие, программы которого создавались бы талантливыми людьми. Автором лучшей из таких программ была итальянский врач Мария Монтессори (1870–1952), профессор Римского университета, преподававшая едва ли не по всему миру. Она привлекла внимание к образованию умственно отсталых детей. Американский популярнейший журнал «Маклюр» неизменно публиковал ее работы.

Собственно, сторонники обеих теорий, по сути, делали одно дело, пропагандируя индивидуализм в прогрессивной школе.

Появлялись «познавательные игрушки». Все интересовались познавательными играми. Причем дети должны были играть без подсказки и помощи взрослых, учась «самодисциплине». Настоящий удар по такой логике был нанесен накануне Первой мировой войны бихевиористами (представителями социально-психологического направления, согласно которому основное внимание в изучении человека и общества уделялось внешне фиксируемому поведению, а не недоступному для наблюдения сознанию), сумевшими убедить американское общество в том, что детская разумность предопределена и имеет пределы на всех рубежах детского развития. Это нанесло удар по популярным идеям воздействовать на ребенка в очень раннем возрасте. Школы Монтессори стали воссоздаваться в США только в 1950-е годы.



Стэнли Хам

Что касается юношества, то здесь наиболее влиятельными были идеи американского психолога Стэнли Холла (1864–1924), который соглашался с Ж.-Ж. Руссо в тезисе о позднем развитии интеллекта – своеобразном втором рождении подростка, которое часто сопровождается душевными страданиями и стрессом. От рождения до семи лет ребенок – фактически маленькое животное. И он нуждается в «негативном образовании» – то есть в контроле. С восьми до одиннадцати лет ребенок – «маленький дикарь», эгоистичный и склонный к подражанию. Упражнения, а не книги воздействуют на него. И только на следующей стадии развития подросток нуждается во всем потоке знаний и идей. На этом этапе следует остановить совместное обучение двух полов.

Эти идеи оказали огромное воздействие на воспитание детей в США, Стэнли Холл рассматривал среднюю школу как «университет для бедного населения», а вовсе не место подготовки к настоящему университету, Он стал в 1888 году президентом Университета Кларка и придал особое значение психологии. Для преподавания современной психологии в 1909 году из Вены был приглашен доктор Фрейд. Раздельное образование юношей и девушек стало отличительной чертой американского культурного развития – причем надолго.

Историческая наука

Важным этапом культурной жизни Соединенных Штатов было возникновение так называемой имперской школы изучения истории. Собственно говоря, появление этой школы было связано

с применением методов позитивизма и социального дарвинизма (научных, по терминологии XIX века, методов) к раннему периоду американской истории.

После обвинений в чрезмерном интересе к военной и политической истории, выдвинутых представителями новой волны – конституционалистами и социал-дарвинистами, – методология «раннеромантической» школы была отвергнута. Банкрофту и большинству его современников инкриминировалось, с одной стороны, увлечение поверхностной стороной явлений, с другой – чисто местническое, узкое поле видения, при котором имело место абстрагирование процесса развития колоний от европейской и мировой сцены. Финальное событие – американская революция – трактовалось историками «имперской школы» не как «венец американизма» (общераспространенная точка зрения), а как *эпизод в истории британской колониальной империи.* Историки этого направления, несомненно, испытывали влияние британской историографии; появление «имперской школы» именно в конце XIX века было связано с вступлением мировой капиталистической системы в стадию империализма, с усилением внешнеполитической активности США.

Первым и по времени, и по значению в ряду историков «имперской школы» стоял Герберт Осгуд (1855–1918), поставивший перед собой задачу показать историю колониального периода не как ряд событий, имевших локальное значение, а как естественное продолжение истории Европы. Еще в годы учебы в Германии он испытал влияние методологии Леопольда фон Ранке (1795–1886) – знаменитого немецкого историка. Вообще европейская образованность многое объясняет в «широком» подходе Осгуда. Отличительной чертой его метода было строгое следование источникам и преимущественный интерес к хронике политических установлений. Осгуд начал с анализа имперской политики Лондона, прежде всего торговой. Два его труда – трехтомный «Американские колонии в семнадцатом веке» и четырехтомный «Американские колонии в восемнадцатом веке» – и ныне представляют ценность как наиболее полные обобщающие работы по истории колониального времени.

В первых двух томах капитального исследования «Американские колонии в семнадцатом веке» Осгуд анализировал частные владения в их ранней и в наиболее поздней форме, излагал историю корпоративных колоний Новой Англии. В третьем томе рассмотрена система королевских провинций и показан имперский контроль над ними. Повествование

заканчивалось 1689 годом. В дальнейшем Осгуд обратился к значительно менее изученной полосе американской истории – первой половине XVLI столетия. В результате из-под его пера вышел четырехтомник «Американские колонии в восемнадцатом веке», который охватывает семидесятилетний период, с 1690 по 1763 год, когда Англия, ведя ряд последовательных войн с Францией, усиливала давление на свои владения, стремясь извлечь из обладания ими максимальные экономические и стратегические преимущества.

Осгуд видел в развитии колоний две фазы. Первая – это система жалованных колоний, время, когда колонии принадлежали торговым компаниям и частным лицам. Вторая – превращение колоний в королевские владения. Переход от одной фазы ко второй завершился на рубеже XVII–XVIII столетий. К революционному периоду колониальные институты – наследие и отросток английских государственных форм – прошли полный круг развития и в критический момент показали свою зрелость. Осгуд особое внимание уделяет возникновению и умножению форм межколониальных связей. Расширение королевских прерогатив к началу XVIII века стимулировало укрепление единства колоний. Наибольший интерес представляет разработка проблем именно этого времени – первой половины XVIII в., ранее несправедливо опускавшегося. Но Осгуд рассматривал развитие колониального общества в узком аспекте: усложнение административного аппарата, контроверсии губернаторов и провинциальных выборных органов.

У Осгуда явственно преобладали два мотива: первый – что имперская политика становилась все более жесткой, второй – что сопротивление колоний оказывалось все более упорным. Автор останавливался на каждой колонии отдельно, пытаясь показать ход событий, каким он представлялся из Лондона. Подчеркивается растущее значение срединных колоний и особенно Нью-Йорка, автор высоко оценивал усилия нескольких американских деятелей во главе с Франклином – попытки связать колонии воедино. Характерным для Осгуда был интерес к политическим и военным делам, к вопросам торговли, в противовес акценту его предшественников на религиозный аспект жизни колоний. Этой стороны Осгуд касался только как предмета забот политической власти.

Осгуд не избежал влияния теории «границы». Он рассматривал первый этап продвижения на запад в духе, близком идеям Тернера, но вносил свои модификации, скажем, сообразуя это движение с имперской политикой Лондона.

Оба главных сочинения Осгуда лишены всего, что, по его

мнению, не касается государственной политики и системы государственных учреждений. Вопросы экономического развития, продвижения скваттеров, не говоря уже о классовом анализе колониального общества и внутренней борьбе колоний, опущены вовсе. Действие экономических и социальных сил, определивших развитие колоний, прошло мимо его внимания; этим исследования Осгуда отличаются даже от работ близких ему коллег, например, Макса Вира (1864–1943).

Стиль Осгуда намеренно бесстрастен. Аналитические построения перемежаются со строгим повествованием, полемичность отсутствует.

Исключая обобщающие главы, где Осгуд обнаруживает свое литературное мастерство, его книги написаны для специалистов, для сведущих и заинтересованных читателей. В профессиональном кругу американских историков Осгуд занял видное место как неутомимый и скрупулезный исследователь оригинальных источников, как пример многолетней аналитической работы над «сырым» в историографическом отношении материалом. Этим материалом были преимущественно официальные документы: инструкции губернаторам, жалованные грамоты, доклады вышестоящим инстанциям, статуты, хартии, протоколы законодательных собраний, правила коммерческих сделок, отчеты таможни, судебные акты, межколониальная переписка. Благодатный источник многих предшествующих историографов – мемуары, дневники, письма (а позднее – газеты) – почти совершенно отвергаются Осгудом и цитируются лишь в редких случаях. Зато хранилища Британского музея и архивов Даунинг-стрит были тщательно изучены им. Как сообщает биограф Осгуда Фокс, историку пришлось перечитать более тысячи манускриптов, большинство из которых никем до него не рассматривалось.

Феминизм

Первые колледжи и университеты для женщин появились в Соединенных Штатах в 1830-е годы. Но массовое движение в этом направлении началось на несколько десятков лет позже. Имена зачинателей движения – Вассар, Смит и Уэллесли; они были пионерами не только на Северо-Востоке, но и во всей стране. Двадцатью годами позже к ним присоединились Брин Мор, Бернар и Редклиф. Нужно специально отметить, что движение за женскую эмансипацию значительно обогнало в Америке европейские страны. Общенациональный конвент за права женщин состоялся в 1848 году в Сенека Фолз; ничего подобного

Европа не знала.

Едва ли не главной причиной такого развития ситуации был самый активный вклад женщин в освоении североамериканского континента, Это дало им моральное право претендовать на участие в политической и культурной жизни страны. Американские женщины хотели максимума – голосования на национальных выборах. Право голосовать женщины получили в штате Вайоминг в 1869 году. Борьба интенсифицировалась в 1870-е годы. Противники избирательного равноправия женщин начали сдавать позиции в 1890-е годы. Колорадо последовало Вайомингу в 1893 году, Юта и Айдахо – в 1896 году.

Много в те годы говорилось о Лиззи Борден, которую в 1892 году обвинили в убийстве отца и мачехи. Молодая сельская учительница жила в родительском доме, находясь под постоянным давлением отца-пуританина и его второй жены, которые были с ней жестоки. В один прекрасный момент обоих нашли зарубленными топором. Полиция арестовала Лиззи, которую судил суд присяжных – и оправдал.

Культурная обстановка в США была соответствующей. Американские писатели всегда изображали американских женщин здравомыслящими, твердыми, ответственными, трудолюбивыми. Страна полностью признала роль женщин в освоении Дальнего («Дикого») Запада. В конце девятнадцатого века читатели Генри Джеймса, Уильяма Дина Хоуэлса (1837–1920), известного американского прозаика, одного из самых влиятельных критиков своего времени, друга Генри Джеймса и Марка Твена, и Джона Уильяма де Фореста (1826–1881) целенаправленно боролись с ограничениями прав женщин. Судья Оливер Уэнделл Холмс в трех новеллах дал психологическую оценку американской женщине, Теодор Драйзер создал незабываемый образ сестры Керри в романе «Сестра Керри», а Джордж Дюморье написал роман «Трильби», посвященный судьбе певицы, сумевшей самостоятельно построить свою судьбу.

Лиззи Борден

Символизм, абстракционизм, натурализм

1890–1900 годы в американской художественной культуре представляют собой некое единство и носят обобщающее название «девяностые годы», Популярна была эстетика декадентства, символом которой стал французский поэт-символист Артюр Рембо; подражание ему создало в Америке театры, которые существуют по сию пору в частности, в Нью-Йорке («Юбу-театр», например). Главная идея этой плеяды театральных деятелей – эстетика разрушения, упадка, гибели всего. Их подлинное имя – декаденты. К слову, так и назывались их бесчисленные небольшие журналы.

В девяностых годах теоретизирование по поводу изобразительных искусств обрело новую значимость. Роджер Фрай (1866–1934), его современник и единомышленник Клайв Белл и другие художники утверждали, что живопись представляет собой просто сочетание различных цветов, а скульптура – синтез объема и линии. Лишь сочетание этих элементов ведет к подлинному мастерству. Любой объект искусства в пределе своего развития тяготеет к дизайну. Подлинно художественная работа не может быть выражена словами. Неверно видеть в подлинных произведениях искусства иллюстрацию некоей идеи. Знаменитая картина Уистлера, изображающая его мать, сидящую в кресле, справедливо носит отчуждающее название: «Сочетание черного и серого № 1». Эти слова говорят о влиянии доктрины абстракционизма, которое сам автор мог не вполне осознавать. Но именно так *урождается абстракция,* в которой художественное изображение может не напоминать предметы и явления

реального мира.

Джеймс Уистлер. Сочетание черного и серого № 1

Американские поэты и прозаики *девяностых годов,* будь они декадентами или символистами, пришли к выводу, что создание художественных ценностей, адекватных поэтическому видению мира, обязывает изменить язык художественного творчества. Так, творчество символистов требует языка, который намекает, а не определяет. Декаденты искали определений, которые, по их словам, дезорганизовывали чувственную сторону восприятия.

Натурализм явил собой широкое течение, противоположное символизму. В наиболее яркой форме натурализм проявил себя в жанре романа, где личности и предметы описаны знакомыми обычными словами, На протяжении данного периода натурализм уводил читателя из мира прекрасного в места роковой печали и раненого человеческого сердца, Но натуралисты не старались занять авторскую позицию, при которой они дистанцировались бы от художественного изображения. Напротив, близость к объекту, сопереживание ему позволяли читателям новых романов требовать долгожданных социальных реформ. Так, изображение американским романистом и социальным критиком Синклером Льюисом (1885–1951) чикагских скотобоен, в конечном счете, заставило президента Теодора Рузвельта провести расследование и создать федеральную Администрацию чистой пищи. Это было близко к бальзаковскому определению творчества – «социальная зоология». Под тем же лозунгом в Соединенных Штатах творили Фрэнк Норрис (1870–1902), Хэмлин Гарланд, Эптон Синклер

(1878–1968).

Сексуальная революция

Именно в эти годы начинается изучение сексуальных инстинктов, Пионером выступил доктор Денслоу Льюис со своим трудом «Гинекологические предпосылки сексуального акта». Именно в девяностые годы получила первоначальный импульс тенденция, которая в 1950-е стала всеобщим помрачением.

Исключительную роль сыграл в этом процессе, как ни странно, не кто иной, как персидский поэт Омар Хайям. В 1900 году Скотт Фитцджеральд (1896–1940) перевел его рубай – философские четверостишия, распространенные в восточной поэзии. В век невиданного поклонения материальному Омар Хайям превознес простую истину: по-настоящему человеку нужны только поэзия, вино, телесная близость и порыв духа – пусть даже он имеет место в темной пещере. Бестселлер конца XX века «Радость секса» ведет свою подлинную историю с девяностых годов.

Эмансипация женщин шла параллельно с сексуальным интересом общества. Лозунгом стала идея «свободной любви». Количество разводов возросло многократно. Крупнейшие университеты значительно увеличили численность женщин-преподавателей своих курсов.

Освобождение от религиозных табу и распространение сексуальной свободы изменило американский мир. В романах появилась невиданная чувственность, действие перешло из душных домов на восхитительную природу.

В обществе более открыто, чем прежде, обратились к здоровому образу жизни. Гигиена стала одним из наиболее обсуждаемых предметов социальной жизни. Водопровод был у всех на устах, описание разнообразнейших удобств заполонили страницы популярных изданий, Универмаги популяризировали искусство обольщения, Из Парижа пришла новость: хорошо одетая женщина вовсе не обязательно должна быть затянута в корсет. Женщинам открылся мир велосипеда и тенниса. В школах стали преподавать гимнастику. Вдоль дорог зашагали бойскауты – члены организации для подростков. Зимой дамы катались на коньках; из Скандинавии пришли лыжи.

Карикатура на эмансипацию по Омару Хайяму

Скорость поселилась среди новейших изобретений – локомотивов, автомобилей, велосипедов, самолетов, кинокартин. Поезда мчали со скоростью 100 миль в час. Автомобили еще отставали. В 1901 году поэт Вилфрид Скавен Блант записал в дневнике, что он «мчался» со скоростью 15 миль в час и благодарен судьбе за столь воодушевляющий опыт, Через девять лет Блант пересек на самолете Ла-Манш.

Оборотная сторона социальной медали – резкий рост психических заболеваний, немыслимо высокое потребление новых медицинских препаратов. Оказалось, что нечто в индустриальной цивилизации Америки противостояло бешеному натиску на умы и сердца. В обширном эссе «Цивилизация, ее истоки и средства излечения» Эдвард Карпентер (1844–1929) указал на примитивизацию жизни, на обеднение ее заповедных основ. Прежде невиданный поток истерии требовал врачебного вмешательства. Депрессия стала болезнью века, пилюля – новым символом американской культуры и жизни, а универсальным средством лечения от стрессов – прием наркотических веществ. Довольно хорошо известны «воззвания» Алистера Кроули, который воспевал радость экспериментов с «белым порошком» (кокаином) в комбинации с черной магией.

Реформаторы и декаденты

Трудно представить себе, что на одном общественном полюсе может располагаться энтузиазм бесчисленных реформаторов, а на другом – мыслители, убежденные в том, что цивилизация встала на последний круг своего развития; что уважение к индивидуальным взглядам может так легко соседствовать с безграничными формами насилия в предельно несправедливо

устроенной жизни.

Конец XIX века ознаменовался четырьмя крупными войнами и множеством мелких конфликтов. Главной для Соединенных Штатов была очередная война с Испанией (1898 года) – на сей раз за Филиппины, Кубу и Пуэрто-Рико.

А меж тем ученые, подобные Уильяму Гиббсу (1863–1941), работали в Пеле над законами термодинамики, закладывая основания физической химии, значение которой обнаружилось значительно позже, Американский физик-теоретик Дж. Б. Сталло выявил неснимаемое противоречие между общепринятыми в физике идеями и физической реальностью.

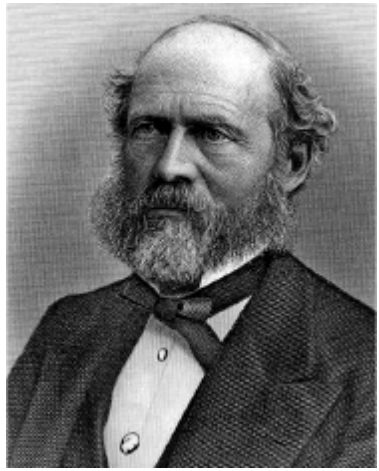
Такие толкователи современности, как Генри Адамс, были поражены кризисом эволюционной теории – и не тем, что она была отвергнута, но дебатами по поводу нового научного инструментария. В 1903 году Адамс сказал, что сорок лет назад люди – во многом благодаря Дарвину – полностью овладели природой, вышли в космос земной жизни. Теперь же, с удивлением продолжал он, люди не верят ни одному объяснению, сомневаются в имеющихся фактах. Все понятия перевернуты. Каждое обобщение, убедительное сорок лет назад, ныне может быть отринуто, Активнее всего опровергнут сам Дарвин…

Работам биолога Грегора Иоганна Менделя (1822–1884) понадобились многие десятилетия, чтобы получить общественное признание. Дальнейшее развитие эволюционной теории Ламарка было встречено в штыки… Сдавались даже верные приверженцы объяснившего многое в дарвинизме. В частности, поэт и философ Сэмюэл Батлер (1835–1902). Выход «Происхождения видов» Батлер встретил как наконец-то сформировавшуюся теорию, объясняющую эволюцию всего живого на Земле, как мощную замену «примитивных» постулатов Библии. И тогда Батлер обратился к сатирической утопии, целью которой было крушение двух культурных идолов века – Прогресса и Уважения. Он назвал церкви «музыкальными банками». Грех по Батлеру – это быть слабым и бедным, и сочувствия эти особенности жизни не заслуживают.

Но у Дарвина остались и верные ученики и последователи. Лютер Бербанк в Калифорнии создал лучший сорт картофеля и основал авторитетнейший с тех пор журнал «Сайенс».

Показателен интерес к ранним культурам человечества, столь ярко проявившийся у Джеймса Фрезера (1854–1941) – в его знаменитой книге «Золотая ветвь». Само название отвергает чистую научность: это было фактически собрание мировых мифов. Так, ярко и мощно, начала работу новая дисциплина – культурная антропология. В девятнадцатом веке Эдуард Барнетт

Тайлор (1832–1917) – английский этнограф, исследователь первобытной культуры, и Льюис Морган (1818–1881), американский этнолог, отдали ей все свои силы и талант. Они были под огромным впечатлением от факта, что сходные мифы рождаются в самых отдаленных местах планеты. А ведь ранее мифы считались олицетворением невежественных предрассудков и не рассматривались как научное доказательство! Лишь романтики и поэты-символисты черпали в них вдохновение.



Льюис Генри Морган

Такие американцы, как Генри Адамс, в поисках нового мировидения активно посещали страны, подобные ближневосточным, а затем отправились и на Дальний Восток – места, «не разрушенные» цивилизацией, естественные по балансу сил природы и человека. Правда, еще дальше забирались европейцы – Артюр Рембо, Поль Гоген, Роберт Льюис Стивенсон.

Музыкальная культура классического плана не была в девяностые годы популярна среди образованного класса американцев. Но великий немецкий композитор Рихард Вагнер со своим «Кольцом Нибелунгов» пробудил многих на североамериканском континенте. Идея того, что любовь к золоту погубит мир, получила массовое распространение именно благодаря искусству. Вагнер стал популярен в Америке среди художников, скульпторов, архитекторов, критиков. Это был переворот не только в музыке, но и в культурной жизни в целом.

Падение политической культуры

Политическая арена Америки конца XIX века была весьма своеобразной. Увы, факт, что поставляемые стране

республиканской партией президенты были посредственностями, не подлежит сомнению. Даже самый восторженный из американских историков не нашел бы достаточно оснований для уважительных слов в адрес президентов Гаррисона, Артура, Гарфилда, Хейса. Водораздел между демократами и республиканцами, всегда достаточно узкий, в эти годы стал особенно неубедительным. Если Белый дом большую часть последних десятилетий XIX века являлся республиканским поместьем (прорыв сделал лишь нью-йоркский демократ Г. Кливленд), то в палате представителей в основном преобладали представители демократической партии.

Одно время критерием партийной принадлежности пытались сделать отношение к внешнему тарифу (республиканцы выступали за тарифное ограждение национальной промышленности, демократы – за дешевые импортные товары). Однако тарифный билль Вильсона, принятый в 1894 году, смял и это различие. Лишь хвала и хула давно минувших лет, битва Севера и Юга служили делу партийного разграничения. И если в экономическом смысле наблюдался фантастический бросок Соединенных Штатов вперед, к мировому первенству, то в политическом развитии страны образовался тридцатилетний застой.

Теодор Рузвельт написал эссе «Подлинный американизм», в котором утверждал, что единство интересов народа приведет к снижению общественной значимости расового и этнического происхождения. Рузвельт выдвинул концепцию «честного курса», согласно которой для каждого жителя Америки проблема борьбы с расовой и религиозной нетерпимостью должна стать самым важным вопросом общественной жизни. Рузвельт был большим оптимистом, чем Лодж, в отношении новой иммиграции, серьезно изменявшей этническую картину многокомпонентной Америки. Он верил в действенность «плавильного тигля», создающего обобщенный, цельный и единый тип «хомо американус», Лодж смотрел на прилив иммигрантов из Восточной Европы панически, пребывая в ужасе от захлестывающей большие города Восточного побережья эмигрантской волны, тогда как Рузвельт верил, что все эти ново-пришельцы будут со временем ассимилированы. Правда, и он полагал, что некоторые новые иммигранты – бунтари из Восточной Европы, азиаты, чудом добравшиеся до американских берегов, нищие из европейских стран – способны отравить общий плавильный котел. Он не без опасений смотрел на гигантский Нью-Йорк, где к началу XX века три четверти населения составляли иммигранты и прямые потомки иммигрантов.

Феноменальные достижения XIX века

Что было главным событием только что окончившегося XIX века? Большинство сошлось на том, что самый мощный эффект дало применение электрической энергии. Буржуазии в зените ее могущества мир казался прекрасным, а XIX век – лучшим периодом в истории человечества. Как писал один из современников, законы стали более справедливыми, музыка – более приятной, книги – умнее, в домах больше счастья… Сердце каждого становилось одновременно и более справедливым и более мягким, ибо искусство, промышленность, изобретения, литература, знания и управление – все двигалось в триумфальной христовой процессии вверх по холму славы.

Мир изменялся на глазах. Наиболее впечатляющим был период 1885–1905 годов. Новым американский мир сделали телефон, фонограф, недавно изобретенная разновидность пианино, электрическая лампочка, фотоаппарат, печатная машинка, велосипед, двигатель внутреннего сгорания, искусственные волокна, кассовый аппарат, затемненное стекло «Тиффани», уничтожавшие вредителей пестициды, такие как ДДТ. Памятником новой эре американской культуры стали два потрясающих моста: Бруклинский в Нью-Йорке (архитектор Джон Реблинг) и мост через Миссисипи у Сент-Луиса (Джеймс Эдж).

Даже относительно незначительные изобретения американцев меняли их мир. Речь идет о бумажном пакете, приобретшем всеобщую популярность, о производстве бумаги из вторичных отходов, о подешевевших газетах. Бумага просто захлестнула американский мир, и это имело огромные культурные и социальные последствия.

Леви-Строс одел американцев в синие джинсы с медными заклепками, Жилетт определил способ американского бритья. Липтон создал чайные пакеты, Хайнц полил сосиски кетчупом, Нестле дал утренний кофе, Эдисон осветил ночной мир американских городов. Магазины «Вулворт» охватили всю страну стандартными изделиями. Пульман по-прежнему заботился о спальных вагонах. Страна начала сносить потрескавшийся мир старых домов. Пулитцер на восемь дней побил немыслимый рекорд Жюля Верна – вокруг света… менее чем за 80 дней. В газетах стали популярными карикатуры, и вскоре книги комиксов распространились повсеместно. Появилось понятие «желтая журналистика» («желтая пресса»), А в Гарварде Уильям Джеймс учил студентов-интеллектуалов не смешиваться с толпой.

Но именно толпы наполняли ставшие популярными выставки, особенно организованную в Чикаго в 1893 году. 25

миллионов посетителей рассматривали продукты 46 стран, размещенные в 150 помещениях. Эта выставка делала Столетнюю экспозицию 1876 года в Филадельфии скромной. Главная культурная идея чикагской экспозиции – четырехсотлетие американской цивилизации, металл и машины заменяют дерево и ручной труд. В павильоне свободных искусств посетитель мог ознакомиться с четырехсотлетними изменениями в американской культуре. Здесь передовые американские эксперты предложили миру свои концепции религии, положения в мире женщины, проблемы молодежи. Посетителя вводило в шок море электрического света – особенно в павильоне электричества. Столько света – и не от солнца! Это было сродни чуду. Выставку стали называть «Белый город».

Колесо обозрения на чикагской выставке

Не всеми это было позитивно воспринято. Семья президента Гаррисона категорически отказалась нажимать на выключатели из опасения сжечь выставку. Но даже по каталогу экспозиции было понятно, что наука уже стоит впереди промышленности.

Нужна была Первая мировая война, трагическая, перевернувшая все буржуазное миропонимание, чтобы в полной мере оценить девятнадцатый век, сопровождая его уход печальными славословиями. Впрочем, и тогда, до войны, имелось достаточно пессимистов. Уильям Дженнингс Брайан полагал, что увеличивающееся влияние богатства приведет к росту безразличия в отношении неотъемлемых прав человека. Президента Корнеллского университета Шермана тревожило то,

что в будущем экзальтация, поклонение материальному и погоня за деньгами станут главными благами жизни. Профсоюзный босс Сэмюэл Гомперс более всего боялся конкуренции заграничной дешевой рабочей силы, Многие полагали, что самая большая опасность будущего – алкоголь, Президент Йельского университета Хедли предостерегал прежде всего от индивидуализма, епископ Глочестерский – от «самовосхваляющего тщеславия», писатель А. Конан-Дойль – от несбалансированной, экзальтированной, погрязшей в сенсациях прессы. Многие боялись растущей искусственности человеческих отношений, и только епископ Кентерберийский на вопрос, какие беды он ждет в будущем, ответил: «Не имею ни малейшего представления».

Контрольные вопросы

1. Как меняется характер иммиграции в последние два десятилетия XIX века?

2. В чем сущность концепции государства как агента социальных реформ Вудро Вильсона?

3. Каковы результаты геополитической стратегии Америки середины и второй половины XIX века?

4. Требования каких социальных преобразований выдвинули американские реформаторы конца XIX века?

5. Как создавались первые автомобили и американская автомобильная индустрия?

6. В чем особенность стиля государственного управления Т. Рузвельта, который лег в основу политической традиции США?

7. Какими чертами характеризуется развитие искусства и науки конца XIX века?

8. Под влиянием каких тенденций стал изменяться статус дисциплинарного знания (прежде всего гуманитарного) в системе университетского образования конца XIX века?

9. Каково основное содержание развития педагогической науки и практики конца XIX – начала XX веков (деятельность Джона Дьюи, Марии Монтессори, Стэнли Холла и др.)?

10. С какими тенденциями в развитии науки и социальной политики связано формирование «имперской школы» изучения истории конца XIX века?

11. Охарактеризуйте процесс рождения феминизма в США.

12. Опишите инженерно-технические и духовные достижения американской культуры конца XIX века.

13. Какие тревожные ожидания характеризовали

общественное сознание Америки на рубеже веков?

Часть II

Глава седьмая
Новый век

Через пятьдесят лет машины будут делать всю основную работу предоставляя людям возможность заниматься любовью, учиться и быть счастливыми.

«United States Review», 1853

Три периода

Эпоха неожиданного подъема в американской культуре последних десятилетий XIX и начала XX века делится на три периода. В течение *первого* — примерно с 1870 по 1885 год – были поставлены под вопрос все прежние истины и выдвинуты новые, более передовые подходы, выводящие Америку из «позолоченного» века, по существу позорного для страны. США словно пробудились от засилья капитала, причиной которому являлись уступки джефферсоновской демократии олигархам в годы Гражданской войны и в последующий период, когда железнодорожные бароны и капитаны индустрии низвели американские государство и культуру до механизма удовлетворения потребностей правящего класса.

Второй период – девяностые годы и позже, с 1885 по 1905 год – характерен сменой прежнего пафоса и этоса. Своего рода восхищение миллиардерами, за несколько лет ставшими владыками страны, сменилось общенациональной критической позицией, выраженной теми журналистами, писателями, общественными деятелями, которые были настроены против царства доллара и стали «макрекерами» – «разгребателями грязи». Культурные образования в этот второй период оказались под мощным давлением новой жизни, новых условий. Появились дешевые и достаточно качественные популярные ежедневные газеты, представлявшие собой смесь государственной пропаганды, описания преступлений и скандалов. Однако параллельно возникали новые эстетические нормы, давшие почву для третьего периода (1905–1911).

В *третий* период, когда молодое поколение, стимулируемое изобретениями и изменениями окружающей реальности, дало американскому искусству фундаментально новые цели,

потребовавшие новых художественных форм, как раз и произошло *духовное и интеллектуальное обновление страны.* Возникла Америка Элтона Синклера и Джека Лондона. На высшем политическом уровне обновленные США олицетворяли Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, которым предстояло возглавить американский политический механизм в качестве президентов страны, устремленных к прогрессу.

Этот трехэтапный поворот в американской жизни породил, без преувеличения, огромную волну популизма, также зародившегося примерно в 1870 году и поднявшегося во весь общенациональный рост уже в новом веке. Интересно, что в Европе этот же период получил название «бель эпок»[4], или «время банкетов», которое вскоре обернулось подъемом социал-демократических движений.

Говоря о первом этапе, следует сказать, что «джентльмены» скорбели: всеобщее избирательное право для мужчин приравняло богатых людей к «черни», численность которой, естественно, была много раз больше. После шести первых президентов-аристократов (от Вашингтона до Куинси Адамса) к власти в США, по мнению элиты, не приходил ни один человек «из порядочной семьи». И так думали не только богачи, но и многие культурно не обделенные граждане. Обеспеченные и образованные люди «ушли» в свои усадьбы, уступая путь напористым выходцам из низов. Философ Эмерсон писал, что «самые достойные, умеренные, способные и образованные замкнулись в защите своей собственности». Англичане удивлялись: у богатых американцев нет чувства «ноблесс оближ» – положение обязывает. Речь идет о президентах типа Эндрю Джексона, едва ли не бравировавшего отсутствием городской культуры. Выражение «О. К.» – результат неграмотного прочтения английского словосочетания «all correct»[5] – характеризовало уровень президентского образования. Это был своего рода показатель доморощенных культурных оснований поведения партийных боссов и экономических владык. Наконец американцам стало стыдно – страну начало, как говорится, «корежить» от собственного бескультурья.

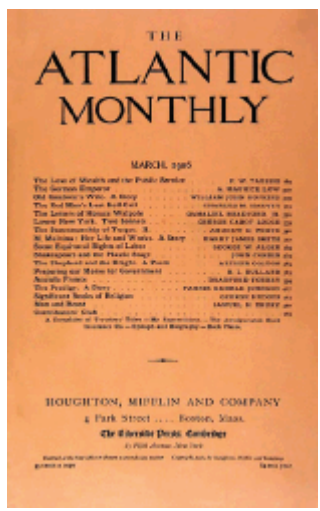
Особенно неприятно было смотреть на себя со стороны – глазами европейцев. Тем более что Европа достигла известных высот, особенно это касается Англии, России, Франции, Германии. Для Америки в указанный период решающим вновь оказалось влияние первой.

В новом, двадцатом веке Англией в культурном смысле «правил» квартет авторов: Герберт Уэллс, Гилберт Кит Честертон, Гилер Беллок, Бернард Шоу. А в поэзии царил Редьярд Киплинг.

Ни одна страна Запада не имела такого созвездия талантов. И вновь, в очередной раз, в английской тени зрела все более могучая Америка. Благотворно сказывалось преимущество общего языка. В американских школах и университетах читали и изучали представителей английской литературы, следили за английским искусством, старательно имитировали лучшие заокеанские образцы.

Мегаполисы и оппозиция

Но все же расцвет американской культуры, как и в любой другой стране, был возможен лишь на фоне и в контексте общего подъема страны. А подъем здесь был сугубо материальным – на фоне господства «позолоченного» богатства. Города по примеру Нью-Йорка росли в невероятном смешении архитектурных стилей, в очевидном стремлении выставить богатство напоказ. Жизнь в «позолоченном» веке не была интеллектуальным раем.



Обложка журнала «Атлантик Мансли»

Но жизнь не стоит на месте. Постепенно, как мы уже говорили, ее течение стали определять обиженные фермеры Запада. Оппозиция среди демократов не ограничивалась Брайаном, защищавшим их интересы. В одном из номеров элитарного журнала «Атлантик Мансли» за 1893 год демократ и принстонский профессор Вудро Вильсон буквально набросился на автора статьи, носящей название «Всего лишь литература». Вильсон негодовал по поводу критики «литературного элемента» в лекционных курсах. С его точки зрения, низведение языка до роли простого общения или оперативно-производственной

«машинной лексики» было результатом примитивного взгляда на человека как на простой объект социального производства или, в другом смысле, жертву социальных обстоятельств. Для Вильсона такая постановка вопроса была изначально примитивной, Литература, считал он, может обойтись без точных наук – и даже вообще без науки (хотя это может ее обеднить), но наука без литературы невозможна. Наука – это жизненный материал, а не сама жизнь. Она становится бессмертной только тогда, когда ученые работают по убеждению и руководствуются воображением.

Культурное восстание

Культура не терпит лжи. Любой голый король рано или поздно понимает, что он гол; все «позолоченное» в конце концов обнаруживает, что всего-навсего покрыто дешевой позолотой. Так случилось и в Америке после нескольких «позолоченных» десятилетий. Примерно с 1870-х годов началось оздоровление – и чем далее, тем более. Наступил, как мы уже говорили, первый период подъема американской культуры.

Оно было настоящим культурным восстанием против правящего самодовольства, против удушающего влияния «этики рынка», против вульгарности торжествующего материализма. Попытка найти позитивный выход на передний край американской мысли первым в наступающем двадцатом веке удалась писателям мирового класса – Синклеру Льюису, Шервуду Андерсону (1876–1941), Теодору Драйзеру (1871–1945). Именно они нанесли самый серьезный удар как по лжи правящей «элиты богатства», так и по самодовольству американского среднего класса, Страстная борьба представителей подлинной американской культуры за подъем последней подняла общий уровень страны. Она соединила интеллектуальную жизнь Соединенных Штатов с вечной тягой человечества к возвышенному.

Об этом говорит и появление первоклассных поэтов – Карла Сэндберга (1878–1967) и Эдгара Мастерса (1869–1950). Именно их поколение стало в очередной раз разбивать суждение об Америке как о провинциальной стране, не имеющей собственной оригинальной культуры, неспособной оценить гения, принципиально ориентированной на усредненное видение, на материальное обогащение, пуританской по своему темпераменту, лишенной подлинной философской глубины.

Теодор Драйзер

Энергия Америки, наконец, вступила в видимый союз с культурой, освещающий покорение североамериканского континента. Наконец-то огромные американские университеты освободились от провинциальной робости. Ректору Принстонского университета Вудро Вильсону конечно же, льстило общенациональное внимание. Победив в президентской гонке, он соответственно озаглавил свою инаугурационную речь: «Принстон на службе у нации». Задача университета, говорил ректор, не готовить претендентов на хорошо оплачиваемые должности, а создать кузницу специалистов, полезных своему обществу. Планируя задачи Принстона, его сотрудники планируют будущее страны. Задача образовательных учреждений – не замыкаться в частных проблемах узкого круга, а служить всему обществу. В свою очередь, со сменой эпох задачи нации становятся все более сложными, а ее интересы простираются за пределы США Страна нуждается в эффективных и просвещенных людях Университеты должны давать их, пытаясь создать в своих недрах атмосферу, которая была бы максимально далека от узколобого эгоизма. В университете не преследуются интересы, которые являются личными интересами: он создан для того, чтобы служить стране и человечеству.

Так американские университеты стали главными моторами культурного подъема американского общества.

Десятилетие кубизма

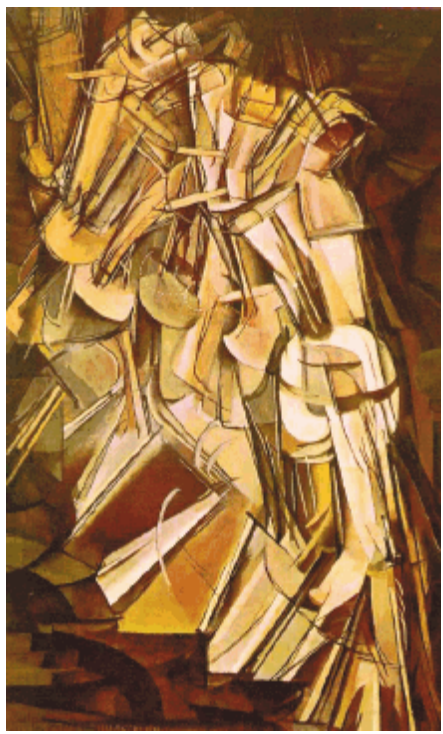
На втором этапе подъема американской национальной культуры иным стал не только университетский мир. Если девяностые годы XIX века смотрели на мир свысока, отрицая его законы и лишь исподволь познавая его правила, то примерно в 1905–1908 годах культурная панорама Америки изменилась. Прекратились речи о декадансе, упадке, – несмотря на очевидный талант декадентствующих поэтов. Америку подстегивал подъем европейских искусств. Новое дыхание открылось у американских деятелей культуры, родившихся в 1870-х годах. Напомним, что парижский «Салон отверженных» (1874), на котором показали свои картины художники-импрессионисты, продемонстрировал, как работает целая плеяда художественных гениев, пусть и не сразу признанных, но уже к 1890-м годам получивших заслуженную известность.

Теперь, в начале 1900-х, Америка оказалась под впечатлением Мане, Моне, Писарро, Сислея, Ренуара, Дега. Примерно восемь лет понадобилось импрессионистам для получения общественного признания в североамериканской республике. Затем наступает триумф постимпрессионизма, переходящий в XX век.

С точки зрения культурной революции радикальный поворот от импрессионизма и даже постимпрессионизма произошел в 1908 году, когда искусство Пабло Пикассо и Жоржа Брака получило название кубизма. Один из известных критиков определил ситуацию как «сумасшествие живописи». Речь шла о творчестве Гляйзесе, Делонэ, Метцингере, Озенфанте, Леже, Северини, Файнингере, Руссоло, Гризе. Теперь и в американских салонах, равно как и в национальных музеях, экспонировались шедевры импрессионизма, постимпрессионизма и кубизма.

Кубистские картины оказали сильное и длительное воздействие на мебель, архитектуру, градостроительство. Важно указать и на состоявшуюся в Нью-Йорке так называемую «Выставку в Арсенале», открывшуюся 17 февраля 1913 года под названием «Международная выставка современного искусства». В здании заброшенного Арсенала экспозиция оказалась потому, что организаторам были не по карману обычные престижные залы, такие как «Мэдисон-Сквер-Гарден». В залах были размещены полотна Ван-Гога, Гогена, Сезанна, Сера, Матисса, Пикассо, еще десятка художников. Состоялся своего рода массовый десант лучшего европейского искусства на американский континент. Гвоздем программы и причиной главного скандала стала «Обнаженная, спускающаяся по лестнице» Марселя Дюшана – одна из самых свежих работ, не принятая на очередной Салон независимых в Париже. Старомодные американцы были

шокированы, Теодор Рузвельт, посетив экспозицию, заявил: «Это не искусство!». Но в целом экспозиция спровоцировала общенациональную дискуссию – на этот раз вовсе не «тотально враждебную», как это было прежде. В конце концов Рузвельт дал в прессе обзор выставки и неожиданно вежливо-высоко оценил ее (вплоть до парадоксальной финальной фразы, в которой говорилось, что подобное искусство может быть создано только лунатиками). Но, тем не менее, показанное удовлетворило интерес нью-йоркцев, а затем экспозицию увидела и публика Бостона и Филадельфии. 150 тысяч американцев посетили выставку, тем самым обнаружив тягу к мировому прогрессу.



Марсель Дюшан. Обнаженный, спускающийся по лестнице (№ 2). 1912

Вступившая в индустриальную эпоху Америка усиленно строилась, и в определенном смысле «архитектура решала все». В архитектуре кубисты выступали за плоское и пустынное. В этой эстетике оказались кстати и возможности бетона как материала, и идея массового строительства, что и привело к возникновению американской национальной версии стиля «арт-деко» (от названия Международной выставки современных и декоративных искусств и ремесел, состоявшейся в 1925 году в Париже, на которой в полном объеме были представлены достижения

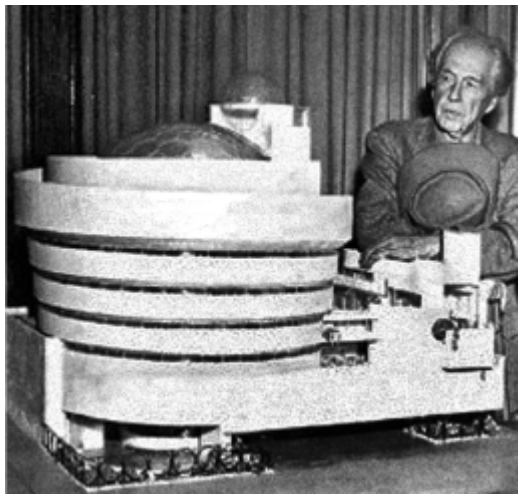
декоративно-прикладных искусств того времени. Сам термин, правда, возник еще позже – в 1966 году, во время возрождения выставки в парижском Музее декоративных искусств). Появившийся стиль окончательно победил в архитектуре Америки к 1915 году. На указанных экспозициях посетители убеждались, что Соединенные Штаты и в этой области выходят на мировой уровень. Действительно, нагляднее всего в этом убеждала американская архитектура.

Стимулировало архитекторов и то обстоятельство, что неподалеку от большинства американских населенных пунктов проходила железная дорога, которая вела к городам, нуждавшимся в сталеплавильных печах, в мартенах и бессемеровских конвертерах, где производилась качественная сталь. Луис Салливен в Чикаго в 1890-е годы залил стальные прутья бетоном, «бросив» этажи зданий не параллельно, а перпендикулярно земле.

Архитектура встала в авангарде американского культурного ускорения, В полной мере проявился талант величайшего американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Он начал свое служение зодчеству в офисе Луиса Салливена, которым он бесконечно восхищался и чей небоскреб «Гэрэнти Билдинг» в Буффало считал произведением завтрашнего дня. Вместе с Салливеном Райт стал играть особую роль в архитектуре. Фасады ставшими классическими зданий являлись теперь неукрашенными, простыми, и не они определяли облик зданий – в этом проявлялся принципиальный разрыв с огромным периодом в истории архитектуры. Райт полностью разделял утверждение Салливена о том, что форма следует за функцией.

Райт постарался создать то, что он называл «органической архитектурой», гармонично связанной с окружающим миром. Его ранние творения – так называемые «дома прерий» – действительно отражают дух прерий Среднего Запада, где все «вертикальное» видно исключительно хорошо. Пик на данном этапе – так называемый «Роби Хауз», созданный в Иллинойсе в 1907–1909 годах. О симметрии здесь забыто, но само строение – органическая часть окружающего ландшафта. Райт не просто ставит перед собой задачу воздвигнуть здание: «органическая архитектура», о которой он много говорил, страстно полемизируя с противниками, захватила его сознание и стала символом культурной интеграции Америки в художественные формы будущего. Прежние архитектурные стили Райт обвинял в том, что они способствовали возведению зданий, каждое из которых являло собой лишь нечувствительные совокупности отдельных частей. «Органическое строение», эта воплощенная

современность, дышит и живет вместе со своим владельцем и с окружающим пейзажем – так писал сам архитектор в 1910 году.



Фрэнк Ллойд Райт у макета Музея Гуггехайма.

Райт стал всемирно знаменит в 1910 году, когда вышла книга о его архитектурных решениях. В Европе с ним соперничали Вальтер Гропиус и Адольф Мейер. Все они предчувствовали появление нового, фактически международного стиля.

Десятилетие кубизма породило подлинно международный стиль огромных бетонных домов, прародителями которого стали Тони Гарнер, Беренс, Огюст Пере, воспевшие индустриальный бетон и предсказавшие его блистательное будущее. Напомним, что тогда железобетон был новым материалом, однако и в те годы люди осознавали, что благодаря строительству в американских мегаполисах ему принадлежит будущее.

Воодушевляющее культуру искусство в данном случае – как и во множестве других – находилось под мощным влиянием науки. В определенном смысле развитие кубизма в начале XX века шло, так сказать, параллельно физике своего времени. Изучение атома, в свою очередь, имело свои параллели в современном искусстве. Автомобили и авиация создавали символы видимой силы и скорости. Фотография показывала землю сверху как некое геометрическое целое. Движение поездов, автомобилей, аэропланов изменило сам облик Земли, видимой теперь уже быстро движущимся человеком.

Кино

Дэвид Гриффит (1875–1948), ныне признанный

общечеловеческий гений, изобрел серию технических приспособлений, которые заложили основу появления десятой музы – Кино, завладевшей очень скоро сердцами миллионов американцев. Среди четырехсот новшеств Гриффита – съемка издалека, затемнение и осветление кадра, увеличение снимаемого объекта и др. И хотя этот человек сам не преуспел как актер и режиссер, все же за пять лет неукротимого изобретательства он технически вооружил американское кино современными средствами записи, наставив его на путь мировых побед. Гриффит начал снимать с самого необычного угла зрения, в своей студии «Биограф», предоставив голливудским режиссерам невиданные доселе возможности. Дело теперь было лишь в талантливых сценаристах. Безоблачные горизонты Южной Калифорнии довольно скоро сделали ее столицей мирового киноискусства. Маленький городок (1903), а затем и район Лос-Анджелеса (1910) под названием Голливуд стал притягивать мировых мастеров, задавая тон, моду стиль, диктуя свои эстетические законы. В 1911 году «Nestor Company» открыла здесь первую киностудию, расположенную на углу бульвара Сансет и улицы Гоунер. К 1920-м здесь уже действовали киностудии «Метро-Голдвин-Майер», «Парамаунт Пикчерс», «Уорнер Бразерс», «Двадцатый Век Фокс»… Все эти названия известны нам и сегодня, Голливуд стал центром американского – да что там говорить, и мирового – кинематографа, развилась мощнейшая инфраструктура.

Дэвид Гриффит

В эти же годы в особый вид искусства также выделилась и фотография. Произошел второй рывок в ее развитии, после

которого она, безусловно, стала частью высокой американской и мировой культуры, Особенно велик вклад Альфреда Штиглица (1864–1946) и его помощника Эдуарда Штейхена. Именно они сделали фотографию самостоятельным графическим искусством, «отделив» ее от живописи и придав качества, привлекшие миллионы поклонников. В ноябре 1905 года, вместе со своим ассистентом и другом, известным фотографом Штейхеном, Штиглиц открыл «Малую галерею Фото-Сецессиона» в доме 291 на Пятой авеню в Нью-Йорке. Галерея стала известна под названием «291», Вскоре она превратилась в один из важнейших центров нью-йоркского художественного авангарда: в ней регулярно устраивались выставки произведений современных фотографов, а с 1907 года и модернистских художников, как европейских (Матисс, Сезанн, Пикассо, Бранкузи), так и американских (Вебер, Хартли, О'Кифф и другие). В середине 1910-х годов Штиглиц активно поддержал движение нью-йоркских дадаистов. Хозяин не только устраивал экспозиции, но и сам читал лекции. Штиглиц первым снял сцены в снегу, во время дождя, ночью… В то же самое время Гриффит неустанно изобретал новые подходы к новорожденной музе.

Без фотографии и кино, без этого сплава техники и интеллекта, американская – да и мировая – культура с этого времени уже немыслима.

Джон Марен. Бруклинский мост. 1912

Очень скоро фотоателье «Кодака» разместились повсеместно. Счастливая улыбка стала непременным атрибутом американского фото.

Штиглиц был не только поклонником фотографии, но и великим пропагандистом современного ему высокого искусства в целом – откуда бы оно ни приходило на стенды в галерее «Арсенал». Живопись он любил не меньше фотографии, выставлял в Соединенных Штатах Сезанна, Матисса, Тулуз-Лотрека, Руссо, Пикассо, Северини, а также скульпторов Родена и Бранкузи. Теперь трудно поверить, но факт – американская публика того времени была почти повсеместно враждебно настроена к европейским гениям, и требовались мощные усилия, чтобы преодолеть ее косность.

Рядом с европейскими висели полотна американских мастеров, среди которых выделились Джон Марен, Артур Доув, американский художник российского происхождения Макс Вебер. Как и импрессионисты, они брали свои сюжеты непосредственно из окружающей их жизни, Они как бы «забыли» об истории, мифологии, аллегориях. Только в портретах допускался психологизм. Новаторов увлекал «коллаж» – на холст наклеивались печатные и прочие фрагменты вещей. Все это вело (уже в 1920-е годы) к абстрактному искусству.

XX век вторгся в прежнюю эпоху личностей и начал затмевать ее понятием массы. В американском портрете к этому времени исчезает лицо человека. Искусство начинает изображать людскую общность, в среде которой теряется индивидуальность отдельной личности. Она еще существует, но уже как бы анонимно. А взамен на полотнах появились десятки, сотни, тысячи лиц, неразличимых в своем однообразии, Искусство стало отражать проклятие наступившей эпохи, фиксируя «ошибки» времени, ускорившего свой бег. В следующие годы в живописи и в театре победил экспрессионизм, отражающий скорость и ненадежность времени, пошатнувшиеся устои общества.

Итак за символизмом и в целом модернизмом 1880—1890-х годов последовали постимпрессионизм, кубизм, экспрессионизм, наконец, абстракционизм – и так вплоть до 1920-х годов. Представители новых течений зло высмеяли ушедшие в прошлое викторианский стиль и бидермейер, которые роднила любовь к тихой, размеренной, исполненной достоинства благородно-буржуазной жизни, и способствовали общему уходу зрителей от романтических иллюзий. При этом нужно сказать, что публика, читающая газеты, довольно резко отличалась от прежней, только осваивавшейся на новом континенте.

Пока царствовала «бель эпок» – до 19 И года, – американские мастера и любители могли свободно путешествовать по миру (чаще всего в Европу, в Париж). И культура носила на себе определенный космополитический оттенок, к которому потом

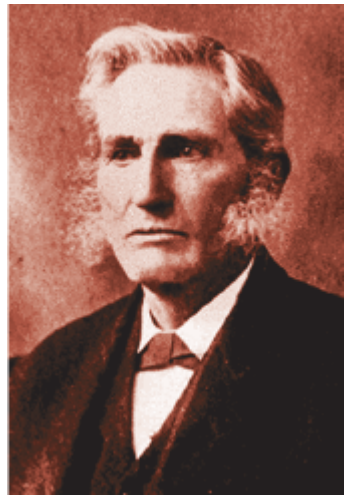
мир не скоро вернулся. Америка постепенно уходила от конструктивизма, направляясь к деконструктивизму. Слово «деконструкция» стало общеупотребимым. В 1920-е годы Америку «ведут» историк, биограф и литературный критик Литтон Стрейчи (1880–1932) и социальный философ Ирвинг Бэббит. Но все же кубизм еще многие десятилетия был определяющим стилем американского искусства, влияя на всю культурную жизнь страны.

Популизм на новом этапе

Термин «популизм» возник в самом начале XX века как обозначение общей для всего западного мира тенденции, но в особенном смысле – как одна из характеристик американской культуры наступившего двадцатого века, Только в Америке популизм принял характер сознательного и массового движения, которое так и называлось. Началом процесса было изображение в романах 1890-х годов «реального мира» и общей тяги к эстетическому уходу в лучшую реальность. Родоначальниками популизма в Америке были те, кто попытался определить негативную роль общества, давящего на индивидуума. Это были Лестер Уорд, С. Х Кули, Джордж Мид. В Европе победили аналитики новой науки – социологии (начиная с Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, требовавших «социальных фактов»).

Социальные науки стали отныне частью американской жизни. Появилась социология всех процессов – науки, искусства, театральной драмы, сексуальности, уголовных преступлений. В Америке со всей серьезностью восприняли слова одного из гуманитариев о том, что необходимо анализировать проблему, а не исторический период. Это означало, что следует исследовать социальную ситуацию, а не некую последовательность событий.

Экономические и социальные вопросы стали центром внимания американских историков, собственно, шедшими вслед за европейцами – историком культуры и философом Люсьеном Февром, историком Вильгельмом Дильтеем и др. Реформированный жанр исторических описаний надолго получил первенство в американской культуре и науке.



Лестер Уорд

Это был очень важный момент в эволюции американской культуры – когда социология как бы возглавила историографию. Началась эпоха презрения к генерализации в исторической науке. Темой исторических сочинений стало исследование узких и совершенно конкретных тем. Теперь личности стали подаваться как маловажные, а к социальным ситуациям добавились процессы, ставшие предметом изучения. Великая личность стала ничем, роль играли только массы. И специалистов интересовало теперь не то, что было прежде, не «событие», а широко очерченные условия жизни. Это был важнейший за 2500 лет мировой историографии переворот, и в Америке он был чрезвычайно ощутим.

Отныне американская публика не искала «героев» на страницах исторических произведений, вот отчего сочинения зарубежных авторов (прежде всего Маколея, Мишле и Моммзена) перестали волновать здешнего читателя. Зато отныне занимала внимание история частной жизни, история дружбы, история ревности, история пуговиц или витрин – всего, что может быть определено совершенно конкретно.

Отныне американская историческая работа могла быть посредственной или превосходной, но в любом случае в ней уже не содержалось элемента воображения или своеобразного видения. В американской историографии произошла замена на ретроспективную социологию, Отсутствовал «интерес» как таковой – только эмоционально скудное описание деталей. Конкретность и скучная честность заменили великую поэму исторического пути человечества. Божественное провидение, марш Свободы, классовая борьба перестали быть волнующей

драмой, а стали лишь скучным мотором истории. Немецкий историк Карл Лампрехт говорил своим коллегам в Сент-Луисе, что прогрессивная, то есть поэтому и агрессивная, точка зрения является по определению социопсихологической – и только она достойна многих лет исследования.

В Америке объективно существовали предпосылки для такого поворота. Уже в 1870 учебном году Уильям Джеймс, получивший филологическое и медицинское образование, создал первую в Гарвардском университете психологическую лабораторию. За Гарвардом в страсти к психологии последовали другие университеты. Когда в 1890 году из-под печатных прессов вышел двухтомник Джеймса «Принципы психологии», это произвело впечатление научного прорыва. Психоанализ победил в Америке, и победил надолго. Наиболее важным утверждением Джеймса было его определение разума как, прежде всего, некоторого «потока».

Америка поворачивается к психоанализу

Два европейца оказали самое большое воздействие на американскую культуру – Зигмунд Фрейд с его психоанализом и Альберт Эйнштейн с теорией относительности. Теперь европейское влияние распространялось не на интеллектуалов-любителей, а в целом на зрелую элиту западного мира. Но случилось и нечто еще более важное.

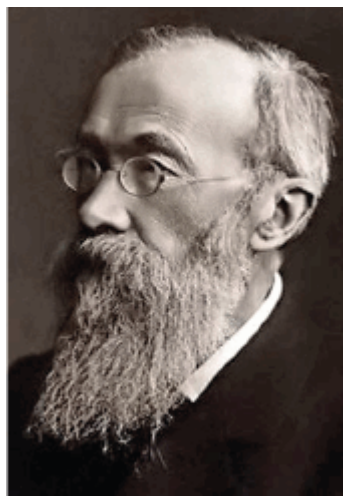
В Америке стали верить в поток, в процесс, в медико-психический поворот, но не в прежний «исторический факт». Новая концепция отрицала всякие суждения об отдельных «идеях», проистекающих из чувственного опыта. «Поток сознания» стал едва ли не главным определением американского психоанализа – Уильям Джеймс показал, что отношения между идеями складываются именно так Эту мысль развили ученики, последователи, единомышленники, которые, в частности, объясняли, что чувства связаны с мерцающими волнами мысли, некоторые из которых не имеют связи с образами. Другой функцией разума Джеймс назвал эмпирическую философию, не имеющую собственной системы.

Несогласные – большинство американских ученых – стали подчеркивать личные и органические факторы, другие стали называть себя бихевиористами, полагающими, что все мысли происходят от функций тела и от поведения.

Реакция ученого мира на психоанализ была самой разнообразной, Так, значительная часть немцев повернула к структурализму, а вторая ее часть увлеклась гештальт-теориями,

согласно которым все живое реагирует на импульсы ради потребностей собственного приспособления. Австрийцы же остались верны психоанализу Зигмунда Фрейда, который быстро обретал мировое влияние. Его учение развивали К. Юнг, А. Адлер, А. Ференци и другие, которых волновала теория бессознательного.

Профессор Стэнли Холл познакомил Зигмунда Фрейда с Уильямом Джеймсом в университете Кларка в Массачусетсе в 1909 году. У них была продолжительная беседа. Джеймс был исполнен почтения перед австрийским светилом и нес его саквояж. Оба выразили друг другу взаимное уважение, хотя Джеймс все-таки не был расположен придавать столь исключительное значение сексуальному началу в человеке и человечестве. Джеймс не верил в это единственное объяснение: мир, считал он, слишком богат, чтобы в объяснениях его исходить из единственного фактора. Либидо он рассматривал в предельно широком смысле. И в целом нужно сказать, что в Америке большинство философов и врачей почти инстинктивно отвергли сведение сложности жизни к одному, пусть и очень важному инстинкту.



Уильям Джеймс

Имел немало поклонников в США и Артур Шопенгауэр, уделивший в своей философской теории много внимания двум проблемам: основам морали и свободе человеческой воли. Привлекали главным образом размышления философа о принципах, составляющих основу нравственного поведения человека: аскетическая позиция в отношении себя и альтруистическая – в отношении других людей.

Прагматизм Джеймса и Пирса

Греческое по происхождению слово «прагматизм», впервые упомянутое И. Кантом, было избрано для теоретического анализа Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914), который предложил в целом уточнить значения важнейших научных терминов (в работе «Как сделать наши понятия ясными», 1878). Его книга «Прагматизм: новое название для традиционного мыслительного процесса» оказала на американский ученый мир исключительное воздействие.

В конкретике культурной жизни было важно то, что непререкаемый авторитет – Джеймс одобрил теоретический вклад Пирса. С его помощью прагматическая теория Пирса оказалась способна ответить на вопрос: как мы можем понять, является ли некоторое определение истинным? Очевидным ответом являлось: когда избираемая теория точно оценивает избранный факт. Но такая теория имела роковой порок – частный опыт выдавался за всеобщий. Как может теория обрести убедительную проверку по всему фронту мировой науки? Как можно верифицировать конкретный опыт? Нельзя ответить тривиальным способом: «посредством внимательного взгляда на избранный процесс». Американские теоретики игнорировали то обстоятельство, что подобный подход содержит ошибку, ведь эхо иллюзии перекрывает подлинно научный подход к выводам и теориям. Следует презреть внешность и найти суть каждого явления.

Чарльз Сандерс Пирс

Главное в широко популярном на тот период учении Пирса – не смотри назад, на процесс формирования данного явления, а

смотри вперед, на его последствия. То есть относись к процессу сугубо прагматически. Суди по результатам. Правильны следующие слова Библии: «По плодам… узнаете их». Прагматическое испытание результатами и есть единственно верный способ поиска истины, считали прагматисты. Этот способ хорош и для ученого, и для юриста. Отсюда определение истины как того, с чем мы можем жить, что помогает нам в практическом смысле. Не следует отделять разум от материи, дух от тела, идею от чувства. Опыт – единственное основание для реалистической и верной оценки. С точки зрения Джеймса и Пирса, радикальный эмпиризм являет собой философию, а прагматизм – ее метод. И они не связаны между собой. Если прагматизм оценивает факты правильно, тогда каждая личность является прагматиком – даже не подозревая об этом. Опыт царствует надо всем, в частности, над политикой, социальной мыслью, эстетикой, религией.

Теория Уильяма Джеймса и Чарльза Сандерса Пирса оказала влияние на различных философов XX века – на А. Бергсона, Э. Маха, Б. Кроче, Г. Зиммеля, В. Дильтея, Ф. Шиллера, Дж. Дьюи, Ф. Ницше, Д. Фрезера, Э. Дюркгейма, Б. Шоу Х. Ортега-и-Гассета, В. Парето, Н. Эйнджела, на фабианское движение. Эту теорию приветствовали все, кто отрицал мистику и не удовлетворялся инстинктами сексуальности, кто отверг пуританскую традицию, кто верил в новую науку. Фраза Джеймса «воля верить» (как «непроверяемая» идея) вошла в американское сознание, стала частью американской культуры.

Многие европейцы не понимали новой премудрости американской культуры, истинности утверждений спонтанных прагматистов. Они считали (и считают) схему Джеймса – Пирса «теорией для инженеров», предназначенной для умов, ограниченных действиями и глухих к широким, всеобъемлющим идеям. *Концепция полезности* воспринималась европейцами как ересь. Критики интерпретировали теорию Джеймса так: «Верь во все, что тебе нравится – это и будет истина».

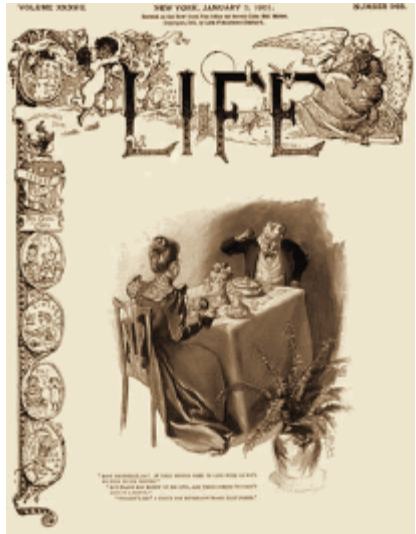
И все же *широта мировоззрения* Джеймса и Пирса, мировой отклик на их идеи составили эпоху в американской культурной жизни и продолжают быть влиятельными и по сию пору. Работы обоих ученых цитируются бесконечное число раз и периодически воспринимаются как единственно верная трактовка эпохи. В любом случае Америка получила первых собственных философов, которые открывали новые горизонты не только американцам, но и европейцам.

Новый век

Третий этап культурного подъема США пришелся на новый, двадцатый век. Наступившее столетие быстро отказалось от традиционализма: в считанные годы изменились нравы, обычаи, фасоны одежды, речь, стереотипы общения. Но ничто не могло сравниться с ритмом политических перемен. Они в Америке начались уже с первого года столетия. В журнале «Лайф» от 24 января 1901 года была опубликована остроумная шутка. Некоего мальчика спрашивают: «Кто сотворил этот мир, Чарльз?» Следует ответ: «Бог создал мир в 4004 году до рождества Христова, но в 1901 году Джеймс Хилл, Джон Пирпонт Морган и Джон Рокфеллер переделали его».

Представлялось, что на внешней арене Америке, скорее всего, не избежать прямого столкновения с имперской заносчивой и агрессивной Германией. Но кайзер был в тот момент занят подталкиванием императора Николая к тихоокеанским просторам, где закусившая удила Япония все больше опиралась на властительницу морей – Британию. Близкие союзнические отношения с Лондоном позволили бы Вашингтону консолидировать свою мощь в западном полушарии до возможности контроля над ним. Британцы были готовы признать «доктрину Монро», чему немало способствовал король Эдуард Седьмой, приверженный идее дружественных отношений со Штатами и настроенный резко отрицательно по отношению к немцам. В основе доктрины лежала идея провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации. Она принадлежала Джону Куинси Адамсу (1767–1848) – государственному секретарю в администрации президента Джеймса Монро (1758–1831) и впоследствии также президенту США. Как политическая программа она была впервые изложена в июле 1823 года в форме предупреждения правительству России.

В первый год двадцатого века валовой национальный продукт Соединенных Штатов Америки вдвое превосходил валовой продукт Германии и России. Американская экономика на 25 миллиардов долларов обходила ближайшего конкурента – Британию. И Америка все производила сама, она не зависела ни от кого в мире. Более того, ее продукция грозила затопить все рынки. Как сказал стальной магнат Эндрю Карнеги, нация, которая производит самую дешевую сталь в мире, могла поставить на колени всех. Страна производила более половины общемировых нефти, пшеницы, меди и хлопка, треть стали, железа, золота и серебра.



Обложка январского журнала «Лайф», 1901

США преображались. Частью пейзажа прерий стали огромные элеваторы, заменившие ветхие амбары прошлого. Грязь распутиц отступила перед свежеположенным асфальтом новых дорог. Электрический свет и ночью освещал новые кирпичные дома американцев. В целом нация физически стала более здоровой, чем ее предшествующие поколения. Было изобретено производство искусственного льда, пастеризация молока, отопление домов. В Америке уже тогда было больше врачей и медсестер на тысячу человек населения, чем в Европе. В отличие от других стран в Соединенных Штатах любили ледяную воду, постоянно жевали жевательную резинку и всем видам спорта предпочитали бейсбол – игру, основанную на быстрой умственной и физической реакции. Среди развлечений царил покер – карточная игра, требовавшая немалого психологического мастерства.

В начале двадцатого века небоскребы еще не затмили дома, по пропорциям близкие к человеческим, а мода пока еще не стремилась к экстравагантности. Джентльмены не изощрялись в нарядах: безраздельно царили темные тона. Добротные ткани говорили о принадлежности к бомонду. Непременным атрибутом одежды была тугая, не терявшая форму шляпа «дерби». Плотно набитые ватой плечи пиджаков подчеркивали мужественность их владельцев. Белая рубашка венчалась предельно накрахмаленным тугим воротничком. Некоторое разнообразие вносил лишь галстук, но и здесь гамма цветов была ограничена «респектабельным» набором. Сезонности в одежде почти не существовало.

Различались лишь повседневная одежда (всегда немного потертая) и – с иголочки – воскресная, Колебания моды не делали представителей одного круга разномастными. Игривость и легковесность не поощрялись. Джентльмены делали деньги и политику, уважали себя сами и требовали того же от других. Снобизм и высокомерие были отличительной чертой поведения «высшего круга» в отношении «массы». Между собой джентльмены держались гораздо более непринужденно: здесь называли друг друга уменьшительными именами и похлопывали по плечу.

Зельда, жена Скотта Фитцджеральда, икона моды 1920-х.

Наука вступила в обыденную жизнь американца начиная с питания, Панацеей была объявлена диета – обязательная утренняя «полезная» каша и пр. Фармацевтика обрушила на потребителя «розовые таблетки для бледных людей». Для развития мышц предписывался спорт, которому будет посвящен весь двадцатый век. Велосипеды запрудили улицы, но не надолго – их уже начали вытеснять автомобили.

Механическая культура

Технический прогресс был ощутим повсюду. Ковры отныне чистили пылесосы. Ботинки и шляпы производили не мастера, а промышленники. Одеждой занимался не портной, а индустриальный гигант. Европейцы поражались – они привыкли шить костюмы и ботинки на заказ и искренне удивлялись, когда видели *тысячи* выставленных в витринах одинаковых ботинок

всех размеров. Это делало американскую одежду многократно более дешевой и убийственной для конкурентов.

В домах появился пожарный выход, а потом и лифт. Журналы перешагнули за сотню страниц. В мир вступила неистребимая *реклама.*

Говоря о культуре, следует сказать, что современникам довольно быстро стало ясно: мир уже никогда не будет прежним. *Америка не возвратится к старым исконным ценностям.* Это стало невозможным по многим причинам. Появились удобства, которых не знали в других краях даже владыки мира: центральное отопление в домах, ванны в человеческий рост, водопровод с горячей водой, безопасное лезвие для бритья, хлорированная вода, не содержащая бактерий, сделанные из стали электрические тостеры, швейные машинки, посудомоечные машины, электрические утюги. Выйдя из дома, американец садился в лифт, набирал телефонный номер, говорил по беспроволочному телеграфу, брал с собой портативную пишущую машинку, пил кофе из автомата.

Утром американец ел кукурузные хлопья с расфасованным по бутылкам молоком, многочисленные консервы, пил кока-колу, употреблял маргарин, любил мороженое, консервированные фрукты, горячий чай в термосе. Еще более изменило культурную жизнь нации появление новых лекарств и лекарственных методов: сальварзана – успешного средства от сифилиса и множества прочих антитоксинов, радиоактивного облучения при раке груди, методов борьбы с сердечными недугами, психиатрических клиник, контактных линз, зубной пасты в тюбике. А культурный досуг обеспечивали кинематограф, танцы на льду, множество спортивных развлечений (среди которых выделялись баскетбол и волейбол, музыкальные кабаре). Кстати говоря, тогда же в моду вошел стриптиз.

Культурному подъему страны содействовали возникновение публичных библиотек, статьи лучших национальных журналистов, появление корреспондентских курсов, курсов изучения иностранных языков, граммофонных курсов, Именно тогда появились огромные универсальные магазины и сети больших маркетов, торговые центры (первый в 1893 году в Кливленде – четырехэтажный со 112-ю отделениями); платные телефоны, чековые книжки, жвачка, искусственные ткани, целлулоид, резиновые подошвы. Но и – электрический стул, подслушивание телефона, автоматический пистолет.

Америка уже вышла на мировой простор. Об этом наиболее объективно могли судить в Лондоне. Нет нации на Земле более гордой, чем англичане, для них все английское – первоклассное,

остальное – паллиатив. Но посмотрим на англичанина, завершившего викторианскую эпоху и вступившего в новый век. Его будили американские будильники фирмы «Ингерсол», он брился американскими лезвиями «Жилетт», закреплял прическу американским вазелином, завтракал пшенкой, фигами и кофе с американских полей и плантаций, одевался в рубашки американской фирмы «Арроу», ездил на работу на трамвае, поставленном американской фирмой «Вестингауз», поднимался на американском лифте «Отис», включал «лампочку Эдисона» и ставил подпись американской ручкой «Уотермэн».

Как несколько грустно шутили в Лондоне, осталось только завезти в Ньюкасл американский уголь. Звучало не так уж и фантастично: американцы уже поставляли апельсины в Валенсию, пиво в Баварию, вино из Калифорнии во Францию. В результате поток иностранной валюты буквально заполонил американские фондовые биржи. Американских капиталов теперь хватило бы для того, чтобы купить Британию вместе с ее национальным долгом. Знамением времени были займы «Английского банка» на нью-йоркской Уолл-стрит. Нью-Йорк медленно, но неуклонно и неотвратимо перебивал у Лондона положение мировой финансовой столицы.

Империализм

В книге Джона Аткинсона Гобсона (1858–1940) «Империализм» (1902) говорилось, что именно этот внезапный спрос на иностранные рынки для изделий промышленности и для инвестиций явился явной причиной того, что империализм был воспринят республиканской партией как политический принцип и политическая практика, к которой принадлежат промышленные и финансовые главари и которая принадлежит им. Авантюристский энтузиазм президента Теодора Рузвельта и его партии «ясного предназначения» и «цивилизаторской миссии» не должен вводить никого в заблуждение, продолжал автор. Империализм нужен мистерам Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна, Швобу и их компаньонам, и они-то взвалили его на плечи великой республики Запада, Им был нужен империализм, потому что они хотели использовать государственные ресурсы своей страны, чтобы найти выгодное помещение капиталов, которые в противном случае оказались бы излишними.

Реклама фирмы «Жилетт»

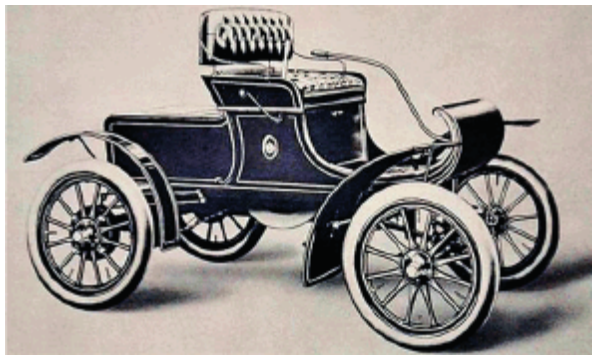
Итак, США под руководством Теодора Рузвельта развернулись к международной арене, к мировым делам, к глобальной политике, которая вершилась в уютной и старомодной обстановке Белого дома. В большом помещении, где сиживал Рузвельт, зимой потрескивали дрова в камине, небольшие часы мерно отсчитывали ограниченное Конституцией время его правления, взоры услаждала ваза с любимыми розами «Американская красавица» и настольная лампа в стиле ар-нуво.

Ряд английских политиков, в том числе лорд Бальфур – друг Рузвельта, начали пропаганду проамериканских взглядов в духе «единства англосаксов». Охотно цитировались слова историка Маколея о могущественной нации, в чьих венах течет английская кровь, чье мировоззрение сформировано английской литературой; нации, которая разделяет достижения английской цивилизации, достойна английской свободы и английской славы. Группа политиков под водительством Бальфура активно проявляла свои симпатии в период испано-американской войны. Лондон блокировал усилия испанской дипломатии заручиться какой бы то ни было европейской поддержкой.

Автомобиль и самолет

Самой большой, любимой, вожделенной игрушкой взрослого населения Америки становился автомобиль. До 1905 года это была забава фанатиков и богатеев, и на американскую культуру изобретение влияло лишь косвенно. Позже увлечение это затронуло миллионы американцев, стало частью их жизни,

поглотив до такой степени, что некоторые из наиболее спешащих продавали дома, чтобы сесть на колеса. «Повозки дьявола», – ворчали недовольные, но таковых было все меньше. Самодвижущаяся повозка увлекала всех. Лошади понуро брели рядом с новым хозяином улиц. Возникло выражение «ориентация на количество»: речь идет о создании Генри Фордом конвейерного производства – именно авто стал первым серийным продуктом. Если в Европе автомашины делали «по заказу», то в Америке их производили для рынка.



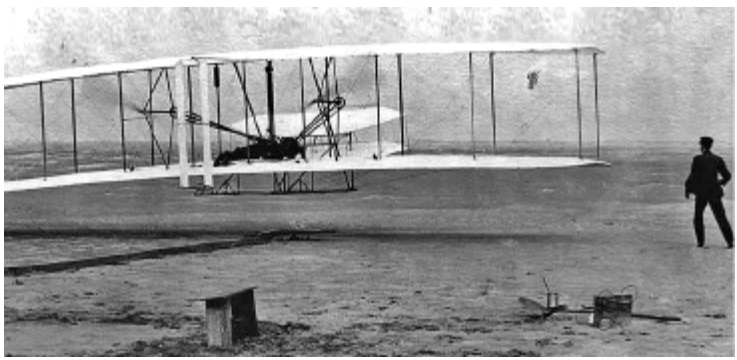
Автомобиль фирмы «Олд Мотор Уоркс».

Ко всему прочему запасные части автомобилей в Соединенных Штатах продавались отдельно, в случае необходимости сломанные детали можно было заменить, а в Европе они гордо и долго доставлялись фирмой-производителем. Напомним, что еще в 1900 году Англия имела больше автомобилей, чем Америка, и что решающий рывок был сделан за первое десятилетие XX века – с 4 тысяч до 187 тысяч машин. Уже в 1900 году фирма «Олд Мотор Уоркс» создала в Детройте самый большой в стране завод, производящий одну марку автомобиля: это был воистину фундаментальный прорыв в будущее. Братья Додж поставляли трансмиссии; «Леланд и Фолкнер» – моторы. Автомобиль стоил 600 долларов; за первый год произвели 400 единиц, за второй было продано 1600, за третий – четыре тысячи. Далее – геометрическая прогрессия, которая, в конечном счете, поставила на колеса всю Америку.

Но еще больше, чем фантастический покоритель земных расстояний, поразил воображение американцев рывок в воздух. В том месте, где Потомак становится широким, доходя в ширину до семи километров – место это называлось Вайдуотер, «широкая вода», – будущие авиаторы сделали официальную площадку для старта воздушных путешествий. За ней следила вся Америка. И вот «воздушная лодка» была поставлена на рельсы разгона. Белая

борода профессора Сэмюэла Лэнгли была видна отовсюду, и стремительное движение вверх должно было оправдать его теоретические расчеты. Но удовлетворенными оказались тогда, на испытаниях 1903 года, лишь скептики. Аэроплан – результат многолетних исследований и бесчисленных опытов – не взлетел, потому что по несчастной случайности механизм, который держал его на пусковом устройстве и должен был сработать в момент запуска, оказался неисправен.

Однако выглядело все так, будто официальные испытания осенью и в декабре закончились крахом главенствующих теорий воздухоплавания, Зря военное министерство выделяло деньги. Передовицы газет были полны назиданий тем, кто противится природе, не желающей видеть человека в воздухе.



Первый полет братьев Райт

Скептики поспешили. Если 8 декабря Лэнгли потерпел окончательное поражение, то для мировой истории важнее то, что произошло 17 декабря того же года в местах весьма далеких от переднего края науки. И, кстати, от специально оборудованных площадок – в Северной Каролине. Если Лэнгли был директором Смитсоновского института, то никому не известные братья Райт имели всего лишь маленький магазин, продающий велосипеды. Лэнгли получил от американского правительства 50 тысяч долларов на свои опыты; у братьев Райт было несколько сот долларов. За опытами Лэнгли следил весь ученый мир, а о братьях Райт знали лишь соседи, их действия не интересовали даже местную газету. Между тем именно на песчаных дюнах Китти Хоук свершилась мировая история. Человек полетел.

Вначале это было неловко и неуклюже. Уилбур Райт поделился соображениями со своим братом Орвиллом: крыло должно забирать воздух под себя, сила встречного ветра может быть использована для поддержки «коробки» с авиатором. Первый сезон испытаний (1900) был неудачен. Зимой 1901–1902 годов

братья построили нечто вроде примитивной аэродинамической трубы, следя за поведением аппарата, противостоящего потоку воздуха. Теперь следовало найти двигатель. Это, решили братья, должен быть двигатель внутреннего сгорания. Но ни один автомобильный мотор их не устраивал, и тогда они создали необходимый мотор сами. 23 сентября 1903 года они начали крепить двигатель к уже созданным плоскостям и завершили свое дело к 17 декабря.

А газеты трубили о тщете попыток человеческого полета. Но он, этот полет, произошел, хотя и продолжился недолго. Факт есть факт – механическая сила подняла человека в воздух во время четвертой попытки оторваться от земной поверхности. Происходившее описывал Орвилл Райт, вспоминавший, как Уилбур начал четвертую, последнюю, согласно планам, попытку в 12 часов дня. И вдруг крылья почувствовали свое предназначение. Неловкий аппарат оторвался от земли и пробыл в воздухе неслыханные 59 секунд, пролетев почти триста метров.

Скромные братья не стали звонить во все колокола. Они сложили свой аппарат в две коробки и отбыли в свой Дейтон. Едва ли они осознавали, что мир стал другим. Дальнейшие испытания развивали достигнутый успех. Очередной полет в воздухе продолжился уже 38 минут, аппарат покрыл расстояние в 35 километров.

Почти четыре года человек летал, не оповещая об этом своих собратьев по разуму. Только четыре с лишним года спустя в «Нью-Йорк Геральд» появился репортаж, достойный события. Журналист описывал, как на пустынном берегу был совершен один из величайших актов всех веков, при котором не присутствовала широкая публика, не раздавались аплодисменты; только рокот волн и перепуганные крики морских птиц слышались рядом. Стада скота внизу в панике бежали, прячась в перелесках. Лишь стаи чаек и ворон осмеливались кружить над машиной, недовольные вторжением в их мир. Было во всем происходившем нечто печально-поэтическое – одиночество, заброшенность, пустые просторы песка и океана в центре меланхолической картины, на которой два человека создали одно из величайших чудес света.

…Ценой немыслимых усилий, не зная отдыха, не жалея труда, нация обошла по показателям материального производства весь мир. Теперь с высоты птичьего полета – или аппарата братьев Райт – можно видеть, как позади, на горизонте, остался индустриальный Буффало, яркий пример и памятник неукротимому американскому трудолюбию. Виден еще и созданный Луисом Салливеном небоскреб – здание

«Прудэншиэл». Здесь рождалась архитектура нового века. Не сосчитать числа журавлиных контуров подъемных кранов, везде строились подъездные железнодорожные пути, раздавался рев моторов, кружилась в воздухе цементная пыль. Ниагару перекрыла гигантская гидроэлектростанция. Отовсюду тянулись телефонные и телеграфные провода. И все это – средний индустриальный город, вовсе не промышленная столица, не Нью-Йорк и не Чикаго. Где еще в мире была такая мощь?

Были созданы все предпосылки для культурного подъема.

Культурные влияния

В плане художественной культуры на Запад в целом и на Америку в частности повлияли так называемые «русские сезоны» в Париже. Там же, в Париже, европейцы аплодировали американке, нашедшей свой путь в мире танца – Айседоре Дункан (1878–1927), «танцовщице-босоножке», совместившей естественные свободные движения с изысканностью классического балета. Парижане испытали своего рода шок, наблюдая вольный танец солирующей балерины, босоногой и одетой в прозрачные одежды, движущейся под музыку Бетховена и Вагнера. Довольно скоро она стала своего рода идолом нового танца, воспеваемым поэтами и художниками. Ее поклонники твердо приняли новый стиль, в нескольких странах были созданы школы, где талантливая молодежь училась ей подражать.

Джон Филип Суза

В первые годы начавшегося века Америка дважды внесла

вклад в классическую музыку, Первый – марши Джона Филипа Суза (1854–1932). Они не были стандартной бравурной «боевой» музыкой, Суза достиг совершенства в жанре, которым большинство композиторов пренебрегали. Этот легендарный американский композитор, «король марша» (помимо прочего написал свыше 130 маршей), был одним из создателей американской комической оперы и оперетты, дирижировал духовым оркестром, с которым совершил кругосветное гастрольное турне. И вдобавок изобрел музыкальный инструмент – сузафон.

Второе чисто американское событие – сотворившая эпоху новация, рэгтайм и блюзы черных музыкантов, собравшихся в Новом Орлеане, а затем начавших триумфальное шествие по стране вплоть до Чикаго. То были оригинальные мелодии американского Юга и Северо-Запада, Адепты новой музыки знали и о европейских достижениях, но главным в их творчестве оказалось следование национальным традициям.

На описываемом этапе *рождение американской культуры* происходило на фоне тогдашнего варианта глобализации и массовой иммиграции, всякий раз, как мы неоднократно подчеркивали, менявшей американское общество. Америка практически впервые достигла уровня европейской культуры. Авангард американской интеллигенции собирался вокруг журнала «Смарт Сет», издаваемого Х. Л. Менкеном и Д. Ж. Натаном.

Это было время, когда, по выражению американского литературоведа и критика Ван ВикБрукса (1886–1963), страна становилась взрослой, Интеллектуальная атмосфера Нью-Йорка притягивала интеллектуалов Гринвич-Виллидж, очень своеобразного района нью-йоркского Манхэттена – с начала XX века здесь селились люди богемы и радикальные политические деятели. Среди первых наиболее известны драматург Юджин О'Нил, танцовщица Айседора Дункан, журналист Джон Рид, художник Марсель Дюшан, писатели и журналисты Линкольн Стеффенс, Уолтер Липпман, Уильям Херд, Фред Киричью (позже, в 1950-е годы, здесь жила плеяда знаковых персонажей уже из другой субкультуры – Джек Керуак, Аллен Гинзберг, Уильям Берроуз, Дилан Томас и другие). Именно в это время Герберт Кроли, Уолтер Липпман и Уолтер Вейл основали журнал «Нью Рипаблик», до сих пор остающийся мерилом интеллектуальной зрелости США. Между прочим, главными советчиками-экспертами при создании этого американского интеллектуального долгожителя являлись Теодор Рузвельт и американский ученый-правовед, член Верховного суда Феликс

Франкфуртер. Вместе они обсуждали пути выхода Америки из тени провинциальности, решали, как привести интеллектуальный и культурный уровень страны в соответствие с ее материальными достижениями.

Произошел выход на культурную арену великих ирландских литераторов – будущего нобелевского лауреата Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939), Джеймса Джойса (1882–1941) и Джона Миллингтона Синга (1871–1909), посетивших Америку и воспевших ее, и это давало дополнительную обоснованную надежду на скорый расцвет. Тем более что уже начали печататься Роберт Фрост (1874–1963) и другие писатели, предвосхищавшие поколение Дос Пассоса, Хэмингуэя, Фолкнера.

Контрольные вопросы

1. Какие три периода последних десятилетий XIX – начала XX веков можно выделить в процессе подъема американской культуры?

2. Охарактеризуйте основные трансформации американской художественной культуры.

3. Каковы принципы кубизма и в чем выразилось его влияние на другие сферы эстетического творчества, в частности, архитектуру?

4. Под влиянием каких обстоятельств американская историография уступила место ретроспективной социологии?

5. В чем состоит суть философии прагматизма?

6. Охарактеризуйте третий этап подъема США с точки зрения развития науки, промышленности и повседневной культуры.

Глава восьмая
«Плавильный тигель» и «разгребатели грязи»

Население страны

Культура Америки зависела и зависит от того, с багажом каких традиций новопоселенцы прибывают на пункты въезда в США.

Как следовало из переписи 1900 года, в США жили семьдесят семь миллионов человек. В их трудолюбивых руках был огромный континент, их умение и невероятная трудоспособность уже делали чудеса, обещая в будущем еще больше. Но дешевой рабочей силой по-прежнему являлись иммигранты. В страну прибывало множество обездоленных людей, очень своеобразных с точки зрения культурного наследия. Скажем, китайцы приезжали сюда, совсем не имея ничего материального, но свято храня конфуцианский уклад. Если бы государство предоставило их своей судьбе (отчасти так и получалось, ведь во многих крупных городах возникали «чайна-тауны», но лишь отчасти), они стали бы своего рода социальным динамитом – и внесли бы, пожалуй, чересчур своеобразный вклад в этнический калейдоскоп страны. Богатая Америка не должна была быть и не была слепой в этом отношении: такое положение вещей напрямую грозило ее благополучию.

Сорок один миллион «местного белого населения» по-прежнему являлся этнической основой. Это были потомки уже нескольких поколений англосаксов, живших в Америке. Двадцать шесть миллионов «нового белого» населения были недавними пришельцами, из них 30 % – англосаксы, 31 % – немцы, *4 %* — шведы, *4 %* — русские, столько же – австрийцы, 3 % – итальянцы. В стране жил также миллион евреев. Девять миллионов были потомками африканских рабов, 114000 представляли монголоидную расу (90000 китайцев и 24000 японцев). Коренных жителей материка – индейцев – осталось всего 237000 человек.

Главным языком в университетах был немецкий. Уважение к немецкой науке в США того времени несомненно – ее штудировали большинство учащихся, число которых превосходило приверженцев других языков и культур, вместе взятых. Популярна была идея «импортировать» большое число германских преподавателей и целиком перейти на немецкую систему обучения.

В 1905 году произошла весьма важная трансформация внутренней политики: впервые Америка, страна иммигрантов, начала чинить препятствия для въезда в страну. Сюда – с точки зрения правящего класса – стали приезжать *«не те»* иммигранты. Восточноевропейский вклад в американский калейдоскоп перестал нравиться национальной элите. Отныне – и по сию пору – Америка ставит барьеры на пути въезда, основываясь на новых этнических, социальных, образовательных критериях.

Между тем для граждан страны делалось довольно много. Оклахома получила права штата. Ниагарский водопад законодательно защищен от строителей гидроэлектростанций, что, несомненно, повлияло на экологию Америки. Свидетели в антитрестовских процессах защищены от преследования. На Панамском канале одобрена система шлюзов. Подписаны: закон о санитарной инспекции в мясоконсервной промышленности и Акт об американских исторических ценностях.

Законодатели умирали от сорокаградусной жары, а президент в своем легком белом костюме, характерно ухмыляясь, без сомнений ставил свою красивую твердую подпись на новых государственных документах.

Для понимания американской культуры нужно указать, что в последние два десятилетия девятнадцатого века (и в два первых двадцатого) источник иммиграции сместился в сторону Восточной Европы, славянских и латинских стран. В «плавильный тигель» попадало все больше ингредиентов, и структуры власти понемногу переставали с ними справляться; пожалуй, пора было перестать подбрасывать в тигель новое сырье. Все это, в конечном счете, привело к новому законодательству, окончательно оформленному в иммиграционных законах 1921 и 1924 годов. После их принятия в США начали въезжать не 1,2 млн. человек в год (стандартная цифра для 1880–1920 годов), а всего 165 тысяч, причем каждая страна получила квоту – два процента от всех национальностей, уже существовавших в США в 1890 году. Это было очень важное решение, и многие думали, что таким образом проблема этнического взрыва решена.

Иммигранты па теплоходе

Христианство задолго до президента Трумэна, впервые заявившего об этом, стало декларируемой общегосударственной религией. Другие верования и даже мировые религии, несмотря на все лозунги терпимости, все-таки подавались как некая аберрация. Например, об исламе наиболее популярный школьный учебник говорил, что «мохаммеданство», или «исламизм», является вероучением, проповедуемым Мохаммедом, который записал свои доктрины в книге, называемой Кораном. Это учение состоит, писали авторы учебника, из смеси фантастических фальшивых идей, воспринятых у иудаизма и христианства и искаженных, «Мохаммеданство», как и множество других систем верований, якобы провозглашает культивирование ценностей, а на самом деле поощряет грехи; это умаляет его духовную и мировую значимость. На этом фоне христианство подавалось как единственная религиозная система, возвышающая человека до подлинного чувства моральных отношений и способствующая его счастью.

По контрасту с апологетическими выступлениями в защиту англосаксонского приоритета журналист Генри Л. Менкен, известный как борец с «благопристойной традицией» в литературе, написал в 1923 году статью под названием «Англосакс», в которой обвинял представителей привилегированной «расы» в хвастовстве, связанном, по его мнению, с комплексом неполноценности. Менкен назвал основными чертами американской версии англосаксонского сознания никчемность, некомпетентность и трусость, прямо говоря о нации как о самой нецивилизованной из всех существующих. Анализируя наплыв других этно-расовых групп в современную ему Америку, Менкен отметил, что англосаксов их быстрое преуспеяние раздражает. Они, словно от отчаяния, предпринимают всевозможные усилия, чтобы избавиться от «чужеродного» элемента путем отрицания или компрометации.

Эти усилия, по мысли Менкена, часто приобретают гротескные или экстравагантные формы. Принимаются всяческие законы с тем, чтобы спрятать за решетку американских граждан, приехавших позднее, тысячей фантастических способов. Им мешают и даже делают социально небезопасным учить детей родному языку или сохранять унаследованные обычаи. Любое отклонение от нормы среднего англосакса расценивается как угроза благосостоянию общества и жестоко наказывается.

Другой исследователь этой проблемы – Лоренц Остер с еще большей однозначностью назвал свое исследование «Путь к национальному самоубийству». Едва ли не самый известный из защитников монокультуры, Артур Шлезингер-младший (1917–2007), рассуждал о «разъединении» Америки в своих «Размышлениях о мультикультурном обществе».

Теодор Рузвельт как явление американской культуры

Что подлинно тревожило Теодора Рузвельта – так это то, что примерно до 1880 года основная масса иммигрантов прибывала в Америку из Германии. В таких штатах, как Пенсильвания, немецкий язык грозил превратиться в доминирующий язык штата. Увы, Рузвельт не дожил до начала двадцать первого века, когда в Америке рухнули прежние этнические барьеры. Он бы просто не поверил, что наступит время, когда – имеется в виду 2003 год – в Соединенных Штатах будет 36 млн. потомков «черных» и 37 млн. потомков мексиканской «бронзовой» расы.

Воплощением культурного вклада англо-голландских пуритан, трансформировавшихся к XX веку, стал президент страны. Рузвельт на протяжении всего жизненного пути оставался верен своей доктрине «напряженной жизни». Вот его любимые и неустанно повторяемые высказывания этого периода. «Будь *кем-то.* Действуй», «Не теряй попусту время», «Не снижай активности, не теряй разума – делай дело». Первый враг ограниченного временем политика – пассивность. Удивляющий своей витальностью Рузвельт создал свою собственную систему борьбы с переутомлениями и фрустрацией: например, наиболее эффективным средством от депрессии он считал рубку леса.

В трудные дни президент брал топор и рубил огромные деревья (чаще всего на так называемых Кафедральных высотах). Вторым по значению средством от депрессивной усталости была для него верховая езда. На своей, без преувеличения, огромной лошади по кличке Бляйштейн он почти круглый год ездил к Рок-Крик парку – до тех пор, пока сковывающий ручьи и лужи лед не становился опасно скользким для лошади. Тогда всадник

спешивался и обращался к быстрой ходьбе. Его подбитые гвоздями спортивные ботинки с шумом топтали землю; он как медведь продирался сквозь заросли и быстро покрывал мили пути. В перерывах между заседаниями он продолжал фехтовать на палках с таким же доморощенным спортсменом – генералом Леонардом Вудом.

Теодор Рузвельт пришел к выводу, что Соединенные Штаты нуждаются в более сильном федеральном правительстве, которое может гарантировать достойный начальный уровень жизни, «национальный минимум». Вспоминая встречи с ним, Уолтер Липпман писал, что Рузвельт много говорил о подлинной проблеме коллективизма, которая заключается в трудности совмещения народного контроля с административной властью.

По приказу Рузвельта был создан Совет изящных искусств, объединивший ведущих архитекторов, скульпторов и художников для экспертизы и помощи министерствам в постройке общественных зданий. Рузвельт рискнул вызвать неудовольствие святош, когда по совету Сен-Родена с доллара в эстетических целях была убрана сакраментальная надпись «In God We Trust» («В Бога мы верим»). В литературе сердце Рузвельта принадлежало «эстетически выдержанным» авторам XVIII – середины XIX века. По его собственному признанию, он был старомоден и сентиментален в том, что касается книг. Он читал, чтобы, прежде всего, получить удовольствие и, во-вторых, почувствовать, что стал хоть немного лучше, а не хуже после чтения. Ему всегда хотелось, чтобы в книге было больше солнечного света. Неважно, что описанное будет лицемерием или даже ложью по отношению к существующему порядку вещей: идеал и движение к нему – таков главный литературный запрос Рузвельта. В своих суждениях он исходил из оценки морали автора и дидактического значения написанного. Поэтому произведения критического направления, изобличающие пороки буржуазного общества, снимающие покровы благообразности с алчности и эгоизма, воспринимались Рузвельтом как регресс в развитии литературы.

Более всего «доставалось» тем авторам, которые, по его мнению, посягали на систему буржуазных семейных отношений. Максим Горький подвергся нападкам за то, что путешествовал по Америке, не оформив официально свой брак. Рузвельт по этой же причине отказал Горькому в аудиенции. В романах Льва Толстого, уже получившего мировое признание, Рузвельт увидел лишь «борьбу против брака» и обвинил писателя в проповеди фантастической теории самоуничтожения расы путем воздержания от брака.

Справедливости ради надо указать, что Рузвельт признавал величие Толстого как писателя и мыслителя. Он отмечал, что как профессиональный моралист и философ, дающий человечеству советы по религиозным вопросам, Толстой предлагал несколько превосходных теорий, создавая в некоторых произведениях «благородные» и «возвышающие» образы. Книги Эмиля Золя Рузвельт отвергал как не представляющие познавательного осмысления жизни, вызывающие отвращение у всех читателей, не зараженных истерией дурного вкуса. Он находил Франсуа Рабле слишком вольным, а Джеффри Чосера – недостойным траты времени. Рузвельт не мог простить Чарльзу Диккенсу его реализма и критического отношения к Америке, «земле обетованной». У Диккенса, провозглашал президент, нет понимания того, что означает слово «джентльмен», способности оценить гостеприимство и хорошее обращение. Естественно, что он презрел всю Америку: ведь ему не хватило духа понять, что творит Америка! – возмущался Теодор Рузвельт.

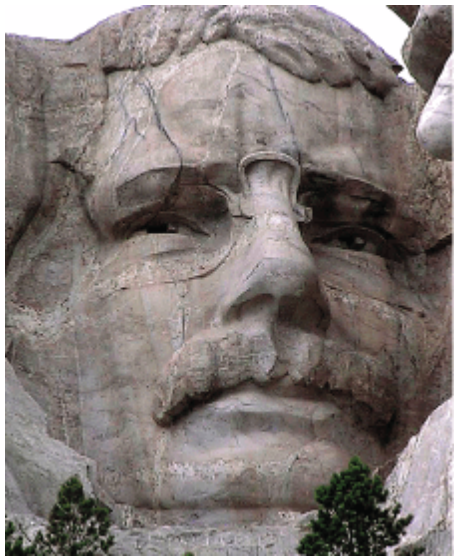
Теодор Рузвельт с семьей

В поэзии Рузвельту были близки, скажем, Данте, Вийон, Ронсар, Гете, чилийская поэтесса Габриэла Мистраль (1889–1957). Он хорошо знал творчество немецких и скандинавских писателей. «Ассоциация гэльской литературы» избрала его почетным председателем. После Джефферсона он был единственным президентом, лично знакомым с лучшими литераторами своего времени. Дж. Кеннеди явился вторым президентом, с которым разговаривал поэт Роберт Фрост. Первым – Теодор Рузвельт, и Фрост с уважением вспоминал, что он знал поэзию.

Рузвельта вдохновлял довольно неожиданный культурный подъем Америки. Он, поклонник Рембрандта и Тернера, охотно посещал выставки европейских мастеров (Сезанна, Гогена) и впервые с таким же интересом присматривался к исканиям американских живописцев. Американцы, утверждал Рузвельт, полны великого духа, и никакие муки, несчастья, поражения, власть самого свирепого монарха не заставят их покорно опустить голову. Вместе с тем, по категорическому утверждению Рузвельта, магнаты трестов, политики, издатели и продажные писатели будут обитателями восьмого круга ада.

Звезда американской критики первой половины XX века – Ван Вик Брукс – свидетельствует (сделаем скидку на излишнюю восторженность) об интеллектуальных качествах Рузвельта как о самом замечательном проявлении разума и феноменальной памяти, которые он когда-либо наблюдал. Рузвельту в плане оценок его вклада в национальную культуру в определенном смысле повезло: ведь благодаря радикализации и оживлению общественной жизни в первое десятилетие XX века взошли ростки великой американской литературы, и вокруг президента реально существовали люди, способные адекватно оценить его дарования. Рузвельт и сам косвенно способствовал этому процессу, что и «зачлось» ему американской историей. В живописи его фаворитами были гении Возрождения Рафаэль, Микеланджело и Рембрандт. В архитектуре непревзойденными образцами для американского зодчества для него оставались средневековые готические соборы Европы, В ноябре 1903 года президент Рузвельт размышлял о том, какие книги он прочитал со времени вселения в Белый дом. На листе бумаги обозначилось: части «Истории» Геродота, первая и седьмая книги Фукидида, весь Полибий, трилогия Эсхила об Оресте, «Семеро против Фив» Софокла, «Ипполит и Вакх» Еврипида, «Лягушки» Аристофана, часть «Политики» Аристотеля. По-французски он читал жизнеописания принца Евгения Савойского, адмирала де Рюйтера, Генриха Тюреннского и Яна Собесского. Из исторических сочинений – шесть томов «Греческого мира» Моффати, Фруассара о французской истории, Масперо о сирийской, халдейской и египетской цивилизациях. Помимо этого в списке значились «Мемуары» Марбо, «Жизнь Карла Двенадцатого» Бэна, «Типы морских офицеров» Мэхэна, четыре тома «Римской истории» Гиббона, «Опыты» Маколея, «Фридрих Великий» Карлейля, «Линкольн» Хэя и Николаи, два тома речей Линкольна, «Опыты» Бэкона, половина пьес Шекспира, часть «Потерянного рая» Мильтона, часть «Песни о Нибелунгах». И еще – Толстой, Сенкевич, Вальтер Скотт, Марк Твен, Конан-Дойль и

многое другое. Пусть любой современный американский президент представит более внушительный список.



Гора Рушмор. Скульптурный портрет Теодора Рузвельта

…Однажды на поле кампуса Йельского университета шла церемония присуждения почетных докторских степеней. Их получили госсекретари США Джон Хэй и Элиу Рут, а также Вудро Вильсон. В белом костюме получать «недополученную вместе с Томом Сойером и Геком Финном на Миссисипи» степень вышел Марк Твен. «Остается одно имя», – сказал президент Йельского университета Артур Хэдли, и толпа взорвалась овацией. Рузвельт вышел к подиуму. Тогда политик был историком, и это никого не смущало.

Прогресс

Политическая культура правящей республиканской партии базировалась *на индивидуализме.* Его наиболее талантливыми «певцами», как мы уже говорили, были Эндрю Карнеги, Джон Рокфеллер, Джон Пирпонт Морган. Они восславляли благотворительность. Дж. Рокфеллер утверждал, что расходует на помощь обществу не менее 15 процентов своих доходов. Достоверно известно, что некоторые университеты и больницы получали частную помощь… Но в целом общество было расколото на имущих и неимущих.

На внутренней арене все говорили о прогрессе. Повсюду обсуждалось научное управление. Журналы рекламировали

невиданные прежде технические изобретения, революционизирующие труд. Благодаря новациям Калифорния, судя по всему, по всем показателям обогнала приверженцев старины с восточного побережья. Обсуждались: облегчение процедуры принятия поправок к Конституции, налог на наследство, подоходный налог, социальное обеспечение женщин и детей, трудовая компенсация рабочим, уменьшение власти судов в случае рабочих конфликтов, страхование здоровья на промышленных предприятиях, право голосования для женщин, создание сети речных каналов внутри страны…

Но приезжие создавали безработицу, ведь они брались за любое дело и за любые деньги. Отсюда и злость американцев на иммигрантов, наводнявших американские города и готовых работать за мизерную плату. Рузвельт знал это не понаслышке – он первый американский президент, родившийся в большом, самом большом городе страны. Газеты завоевывали себе популярность, обличая прихлынувшую к американским берегам накипь европейской цивилизации. Рузвельт разделял такие взгляды: недаром враждебные ему газеты с охотой цитировали его слова, доказывавшие пренебрежение первого лица государства к национальным меньшинствам, Верил ли он в то, что Америка расплавит всех в своем котле, надеялся ли на то, что все получат свой шанс? Трудно сказать… Во всяком случае, он, с одной стороны, не был согласен с крайними взглядами Ассоциации защиты Америки, требующей прекращения иммиграции, а с другой – поддерживал Лигу сокращения иммиграции. Помимо того, он твердо стоял на своей идее, что первостепенная обязанность правительства – помочь рожденным в Америке бедным, но образованным гражданам.

Разумеется, современные Рузвельту американцы даже в мыслях не могли подвергнуть сомнению святость частной собственности. Но в то же время у них было патрицианское понимание общественной ответственности богатства и власти. Без умеренных реформ, считали они, правящая Америка не сохранит своей страны и своего положения в мире. Подлинный консерватор тот, кто ради сохранения большего готов пожертвовать меньшим, готов увидеть подлинную угрозу характеру власти, принципам социальной стратификации, благополучию верхнего слоя.

Америка теперь пусть неохотно, но все же позволяла некоторым афроамериканцам выбиться из низших слоев. Скажем, в руках афроамериканца Букера Вашингтона оказалась огромная империя образовательных учреждений. Основанный им в Алабаме колледж стал масштабным университетом, ежегодно

производившим сотни чернокожих учителей и интеллектуалов. Часть счетов «черной империи» Вашингтона оплачивали белые филантропы. Он был одет как денди, он проводил отдых на курортах Новой Англии. Полузакрытое братство образованных афроамериканцев – «Машина Таскеги» – было важной политической организацией. В стране не осталось практически ни одной афроамериканской газеты, которая не находилась бы под его влиянием. Но при всем этом Букер Вашингтон видел в патрицианском подходе Рузвельта и его единомышленников негативное отношение к себе как к глубоко обиженному и полному жажды мести чернокожему.

Взаимонепонимание рас и народов превращалось едва ли не в естественное состояние американского общества.

Между тем постепенно американцы начали приходить к выводу, что «отставание» черной расы является временным. Аргументы Дарвина и Ламарка убедили их в *«юности» темнокожей расы,* которая быстро нагонит упущенное. Букер Вашингтон служил отличным примером: поколение за поколением одолеют временный гандикап (состояние, при котором сочетание физических, умственных, психологических, социальных качеств, процессов, условий или обстоятельств затрудняет приспособление) и встанут в один ряд с белой расой.

«Разгребатели грязи»

Американскую культуру нельзя представить себе без когорты смелых и острых журналистов, поставивших в начале XX века перед собой цель *улучшить жизнь в стране и саму страну* посредством изобличения ее пороков и язв.

В январе 1903 года журнал «Макклюр» (выходил в 1893–1914 годах) вышел без обычного набора светской чепухи и окололитературной сентиментальности. Читателя ждали весьма шокирующие описания, возвращающие его с окраин Парнаса к бренной реальности. Новая тема – противоположная интересам общества деятельность крупных трестов, Ида Тарбел обратилась к финансово-промышленному Олимпу Америки, Созданная Джоном Рокфеллером «Стандарт Ойл» задушила более мелких конкурентов, диктуя Америке цены на нефтепродукты. Линкольн Стеффенс сообщил о «позоре городов» – массовой коррупции муниципальных чиновников, выбрав в качестве объекта исследования растущий как на дрожжах Миннеаполис. Коррупция поднялась от рядовых полисменов до офиса мэра. Список размеров взяток прилагался. Стеффенс задавал нации вопрос: «Могут ли города управляться без обращения к помощи

преступников?»

Ида Тарбел

В результате Линкольн Стеффенс создал серию статей «Позор городов», а Ида Тарбел написала потрясающую историю нефтяной монополии «Стандард Ойл Компани». Ее известность распространилась далеко – вплоть до благоприятных для распространения марксизма 1930-х годов, Рэй Стеннард Бейкер создал книгу «Суд над железной дорогой». Хелен Хант Джексон написала историю истребления индейцев в Северной Америке и назвала ее «Столетие бесчестья»; жестокость обращения с коренными жителями Америки получила, наконец, талантливое освещение. Не случайно Джексон была назначена специальным правительственным комиссаром по индейским делам.

Авторы не всегда претендовали на широкие обобщения, но, описывая город за городом, проблему за проблемой, одну сферу деятельности за другой, они создавали картину больной нации, нуждающейся в глубоких социальных реформах. Многие из разоблачительных исследований были опубликованы в журнале «Макклюр», основанном ирландским эмигрантом С. С. Макклюром, поклявшимся бороться за гражданские права и против большого бизнеса. Даже Артур Конан-Дойль оказал этому изданию финансовую помощь.

Рэй Бейкер разбирал недавно закончившуюся стачку шахтеров в статье под названием «Право на работу». Осенью 1905 года были готовы гранки новой – и потрясающей статьи Бейкера «Железнодорожные скидки». Статья готовилась для декабрьского номера «Макклюра» (что совпадало с началом зимней сессии работы Конгресса). Главной идеей Бейкера была характеристика

системы скидок на железных дорогах как неправильной, морально ущербной, неверной с точки зрения экономики, нарушающей законы. Возможно, страсть слишком сильно горела в писаниях социального критика, но – это важно – Рузвельт желал жить в цивилизованной стране, а не быть «Мак-Кинли в новом обличье», то есть не жаждал быть застреленным, как президент Уильям Мак-Кинли, из-за своей империалистической и протекционистской политики. Иными словами, Рузвельт не собирался становиться безмолвным слугой и охранителем привилегий. Он одобрил идеи Бейкера, ведь и сам готовился к битве под куполом Капитолия. С точки зрения обновления страны Стеффенс, Бейкер и их коллеги вели праведную борьбу. Они были авангардом собственной битвы Рузвельта с монополиями, Они заходили с флангов, президент же надеялся нанести центральный удар.

Эптон Синклер

Рузвельт адресовал Бейкеру ряд комментариев. У него не было критических замечаний по поводу статей. Напротив, они заронили в сознание президента мысли, которые он собирался использовать в президентском послании. Рузвельту кажется, что один из уроков, которые преподает Бейкер, заключается в указании на виновников железнодорожных злоупотреблений – обыкновенных американцев, Обстоятельства сложились так, что эти люди совершают все те действия, на которые справедливо указывал журналист. Рузвельт хотел освободить общество от их контроля.

Но наибольший разоблачительный пыл в феврале 1906 года

проявил социалист – двадцатисемилетний Эптон Синклер, видевший свою задачу в достижении экономического равенства всех граждан страны. В социалистической газете «Призыв к разуму» он начал публиковать книгу «Джунгли». Получив 500 долларов от журнальной редакции, он жил семь недель в чикагском районе, где обрабатывали мясо для консервирования. Описанная им история жизни работающего на бойнях иммигранта была приговором существующему порядку вещей.

Синклер попросил своего друга Джека Лондона написать рекламную страничку. Тот немедленно отозвался, написав, что эту книгу думающие американцы ждали много лет. В предисловии к книге Синклера Джек Лондон писал, что она откроет глаза и уши всем тем, кто был слеп и глух к социализму, обратит в новую справедливую веру тысячи людей. Там описывается, чем в действительности является страна, оплот угнетения и несправедливости, кошмар ничтожного существования, ад страданий на этой земле, джунгли диких зверей. Собственно, исследование Синклера, с точки зрения Джека Лондона – это новая «Хижина дяди Тома», «Джунгли» имеют шанс сделать для белых рабов современности то, что «Хижина…» в свое время сделала для черных.

Джек Лондон

Джек Лондон боялся, что книгу будут пытаться «замолчать», что капиталистические хозяева жизни создадут вокруг нее полосу отчуждения. Он напоминал, что она наносит удар по врагу, а самая большая опасность – глухая тишина, которой продажная пресса встретит «Джунгли». Писатель призывал все

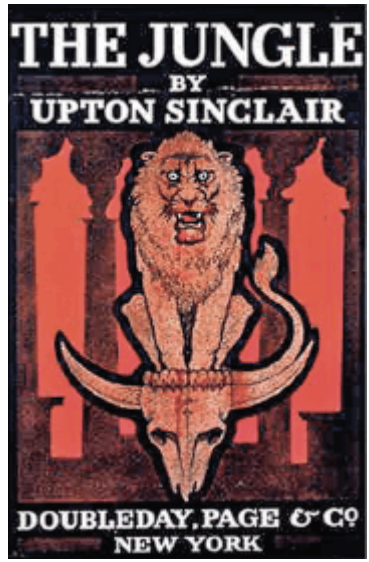
прогрессивные силы не допустить, чтобы это случилось.

Самое крупное из издательств – «Даблдэй» – сознательно подгадало выпуск «Джунглей» к дебатам о санитарии в пищевой промышленности. В простой по фабуле книге описывался жизненный путь литовского крестьянина Юргиса, который соблазнился вербовочными плакатами и отбыл в Чикаго. Одиссея его страданий полно и убедительно вела читателя по всем кругам капиталистического ада. По словам бытописателя этого времени Марка Салливана, то была картина Америки, призывающей крестьян с полей Европы и распинающей их на кресте американской индустрии, словно они железная руда или любой другой природный ресурс. Действительно, в работе Синклера была показана реалистическая картина того, что идеалисты называли «плавильным тиглем». «Джунгли» не «специализировали» правду о жизни индустриальной Америки, какой она была в то время, – они могли быть написаны о шахтерах, металлургах и прочих тружениках промышленности.

Далеко не всех интересовала художественная линия книги Синклера, Часть публики фактически игнорировала человеческую историю Юргиса, да и пропаганда социализма коснулась читателей лишь слегка. Но публику, во всяком случае значительную ее часть, потрясли социальные аспекты – например, то, что какие-нибудь сосиски готовились по законам голой прибыли, без малейшего внимания к здоровью покупателя, Описание Синклером процесса изготовления мясных консервов (восемь страниц из общих трехсот восьми) именно в этом отношении вошли в сознание значительной части американцев.

Чикагские миллионеры-скотопромышленники почувствовали себя уязвленными в лучших чувствах. Не они ли вносили деньги в фонд республиканской партии, не они ли, в конце концов, привели Рузвельта в Белый дом? Дельцы из Чикаго пытались спасти лицо даже в отчаянной ситуации, Их представитель в своем выступлении сказал, что чувствительных обвинителей просто подвели нервы, они не вынесли вида крови. Фирма «Нельсон Моррис компани» назвала свои цеха «чистыми, как кухня».

Сенатор Беверидж послал копию книги Рузвельту: Синклер попросил президента о встрече, и сенатор решил ей способствовать. Книга произвела впечатление на Рузвельта – не как литературное произведение, а как собрание позорящих Америку фактов.



Эптон Синклер. Обложка книги «Джунгли»

Расследование обстоятельств происходящего в мясной промышленности должно было быть произведено тайно. Рузвельт поручил министру сельского хозяйства совместно с Синклером обеспечить объективное изучение вопроса. Созданная президентом комиссия исследовала ситуацию, и разоблачения оказались еще более поразительными, чем описанное в «Джунглях», Некоторые факты просто не позволили сделать доклад комиссии всеобщим достоянием: обнажилась неприглядная картина безудержной эксплуатации и антисанитарных условий труда, Законодатели получили всю непривлекательную правду. Силы мясоконсервных компаний были брошены на блокирование в палате представителей закона о надзоре над санитарными нормами. Казалось, что «мясные короли» добьются своего…

Журнал «Макклюр» готовил серию из пяти статей, разоблачающих секретные подпольные сделки, животную жадность владельцев нефтяных компаний, монополистов в консервной промышленности, миллионеров из сталеплавильных трестов, сахарозаводчиков, королей торговли бананами. Статьи включали в себя интервью, данные, например, участвовавшими в действиях профсоюза шахтерами, испытавшими на себе пули и побои. Один из этих людей говорил, что, по его мнению, человек должен иметь право на работу там, где он хотел бы работать, и тогда, когда ему хочется работать. Чтение этих статей не предполагало эстетического удовлетворения читателей. Оно обращалось к их совести и чувству реальности.

Новая журналистика отражала отчаянное недовольство огромной части нации сложившимися условиями в обществе, в промышленности, в правительственной системе.

Многие «разгребатели грязи» верили в помощь исполнительной власти. Бейкер в своих статьях, направленных против злоупотреблений на железных дорогах, писал, что ввиду слабости системы отправления правосудия повсеместно распространилось требование, озвученное президентом Рузвельтом, призывающее к созданию некоего трибунала, одновременно и мощного, и независимого, восстанавливающего справедливость в отношениях между Железной дорогой и Гражданином.

Если первая волна разоблачений пришлась на 1903 год, то вторая начала подниматься осенью 1905 года, когда в фокус попала степень соответствия общественной практики законам страны. Орган «разгребателей грязи», журнал «Макклюр» после сенсационных разоблачений стал самым популярным и влиятельным национальным журналом. Трудно сказать о нем лучше, чем это было сделано в журнале «Атлантик Мансли» за август 1907 года. Деятельность коллег была оценена как разоблачение горькой и удручающей гнилости американской политической практики, безнадежной апатии лучших граждан, неизлечимой коррупции великих финансистов и бизнесменов, подкупавших общество при помощи мошеннических уловок, отравлявших пищу, спекулирующих фондами трестов, занятых комбинациями, созданием гигантских монополий с целью задушить и уничтожить мелких конкурентов. Статьи показывали современникам социальные язвы, воровство бизнеса, гангрену личного бесчестия среди уважаемых людей, удручающий рост числа дающих и принимающих взятки. Они говорили о возмутительной экстравагантности богатства и о росте бедности.

Евангельское горение плеяды талантливых журналистов воззвало к очищению общества, к торжеству тех, кто хотел видеть свою страну эффективно освобождающейся от пороков начальной индустриальной эпохи.

15 января 1906 года журнал «Космополитэн» прорекламировал грядущую серию разоблачений журналиста Дэвида Грэма Филипса под заголовком «Измена в сенате». Первыми в серии были показаны Чонси Депью и Томас Платт, сенаторы, *в реальности не представлявшие интересы штата Нью-Йорк,* а самодовольно накапливавшие богатства, не имевшие даже малейшего сострадания к великому труженику – Нью-Йорку. Журнал «Арена» показал сенаторов Депью и Платта получающими распоряжения от «Стандард Ойл». Аналогичным

образом, указывала пресса, ведут себя сенаторы Олдрич, Бейли, Элкинс, Гормен, Лодж, Пенроуз, Спунер.

Далее других заглянули в американскую историю две женщины-писательницы – Элен Хант Джексон и Ида М. Тарбел. Последняя ощутила невозможность реализовать карьеру в биологии, по которой она специализировалась. Она уехала в Сорбонну, а затем пять лет посвятила уже упомянутой истории рокфеллеровской «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси». Методы крупного бизнеса были раскрыты во всей их неприглядности.

И Америка откликнулась на разоблачения. На Капитолии законодатели – как и сам президент – стали рассматривать возможности ограничения прав собственности.

Интересно, что такие литераторы, как Ида Тарбел, не поддерживали феминистское движение, так как не верили в «улучшения посредством законотворчества». Помимо того, они видели историческую судьбу афроамериканцев и не хотели ее повтора для женщин: ведь если чернокожие граждане Америки де-юре считались «свободными», то де-факто они очевидно находились на дне общества.

Это время не было бы названо «эпохой остроумия», если бы не чикагский журналист Финли Петер Данн, создавший образ мистера Дули, который владел салоном в Чикаго и имел собственное мнение обо всем на свете. Семь томов сочинений «мистера Дули» с поразительной веселостью крушили мифы благополучной Америки. К сожалению, Финли Данн ныне незаслуженно забыт или полузабыт, в отличие от Марка Твена и Амброза Бирса. Такая ситуация, к счастью, не столь уж частый в американской истории пример прискорбного безразличия к национальным талантам. Однако есть и другой пример подобного отношения – Джордж Перкинс Марш, автор проекта ирригации западных земель, Марша можно смело назвать первым экологом США. В течение тридцати лет он возглавлял борьбу за сохранение американской природы.

Общество и богатство

По целому ряду соображений (здесь было и стремление к политической популярности, и желание подлатать слабые звенья экономической системы страны, и объяснимая аристократическая брезгливость) Рузвельт пошел на то, чтобы сделать доклад специальной комиссии, изучившей состояние санитарии в консервной промышленности, достоянием гласности. Открылась потрясающая воображение картина. На забое скота и на конвейерах работали больные туберкулезом люди. В грязных,

мрачных и сырых помещениях шла упаковка консервов, в которых периодически находили самые странные и инфекционно зараженные предметы. И президент заявил следующее: главные факты впереди, и они устрашат любого. Дальнейшие разоблачения грозили резким снижением потребления чикагских консервов как внутри страны, так и за границей.

Исходя из доклада и рекомендаций президента, сенатор Беверидж внес законопроект об инспекциях на консервных заводах и о регулировании межштатной торговли пищевыми продуктами. Президент сам представил этот закон. Он рекомендовал принять его, поскольку документ защищал честно ведущего свои дела производителя и продавца, защищал здоровье потребляющего пищевые продукты общества.

Благодаря таким нововведениям, подчеркнул Рузвельт, впредь окажется запрещен поток не соответствующих стандартам товаров.

Билль прошел в сенате шестьюдесятью тремя голосами против четырех. Британский посол докладывал в Лондон, что тон у сенаторов-республиканцев уже не такой самоуверенный, как раньше. В результате билль об инспекции мясной промышленности стал законом 1 июля 1906 года. Тогда же прошел и закон об очистке пищевых продуктов. Несмотря на разразившийся шум, очевидно, что Рузвельт прежде всего заботился о физической гигиене – и лишь затем о политической.

Контроль над трестами превращался в общественную проблему номер один. Мощь трестов увеличивалась на глазах у всех. За один только 1902 год производство нефти выросло на 27 процентов. Закон Шермана, направленный на противодействие монополиям, уже не мог быть универсальным средством общественной самообороны. Президент Рузвельт полагал, что подобное недовольство чревато непредсказуемыми последствиями. Не без воздействия подобных опасений он предложил пятьдесят седьмому конгрессу ряд законов, направленных на реформирование важных участков жизнедеятельности нации.

Теодор Рузвельт стремился создать три дополнительных инструмента власти. В министерстве торговли предполагалось создать Бюро расследования деятельности корпораций. Конгрессу был предложен билль, направленный против монополизма на железных дорогах, Предлагалось создать специальный фонд для эффективности преследования министерством юстиции незаконных сделок между крупными корпорациями. Рузвельт передал эти предложения министру юстиции Филандеру Ноксу, а тот, несколько смягчив некоторые прямые углы, послал их всем

законодателям. Необходимым инструментом явилась и специальная антитрестовская поправка, ускоряющая процесс отчуждения монополий, дающая министру юстиции особые фонды.

Конгресс провел так называемый «Билль о торговле и труде», дававший президенту Соединенных Штатов значительную долю контроля над Бюро по корпорациям. Президенту помогло широкое общественное возмущение по поводу деятельности трестов. «Макклюр» не без основания изобразил нефтяного дельца Рокфеллера воплощением неслыханной жадности, а «Стандарт Ойл» как борющуюся с народом и правительством силу.

Карикатура на Джона Рокфеллера

Уолл-стрит на определенное время затих. Рокфеллер притаился, ожидая окончания убийственной для себя общественной бури. Морган послал в Вашингтон своего представителя Уильяма Беера наблюдать за прохождением предложений Рузвельта на Капитолийском холме. Беер передавал, что Рузвельт чувствует себя уверенно, что он владеет положением, что министерство торговли ведет себя, словно дитя любимого отца. В результате «Билль о торговле и труде» был принят в сенате за тридцать секунд.

Рузвельт написал своему сыну, что в настоящее время Конгресс принимал большинство из того, что президент ему предлагал. 14 февраля 1903 года президент США подписал билль о создании министерства торговли и труда. Рузвельт явственно

указывал на грандиозные задачи, которые придется решить индустриальному чемпиону на мировой арене; ради общего подъема следовало опираться на мир в собственном доме, Принятие антитрестовской программы Теодора Рузвельта установило минимальные приемлемые основания такого мира.

В 1907 году Рузвельт впервые в государственных документах употребил термин «консервация» как широкое понятие, обязывающее государственные органы и общественные институты Соединенных Штатов беречь леса, воду, землю, флору и фауну своей страны. Он возглавил борьбу против бездумной вырубки лесов. Рузвельт созвал несколько конференций, где обсуждались вопросы, которые для других стран стали актуальными только через столетие. Он призывал американский народ быть рачительным хозяином своей земли еще до того, как всему миру пришлось сокрушаться об оскудении природы. Факты, которые невозможно опровергнуть, свидетельствовали, что консервация минеральных ресурсов, ресурсов земли и ресурсов воды на всей национальной территории являлась наиболее важным вопросом для всего народа Соединенных Штатов. Американцам предлагалось не забывать, что часть этого богатства они должны передать потомкам. Северо-восточные штаты, видя явное оскудение почвы, уже ощутили на себе итоги столетнего варварского использования даров благодатной природы.

Европейский ученый мир демонстрировал новой Америке признание. Лучшие университеты Европы – Берлинский, Сорбонна, Кембридж, Оксфорд – присуждали американским исследователям почетные степени, а Нобелевский комитет в Христиании (Осло) уже ждал американского президента с Премией мира. Знаменитости Франции – начиная с Огюста Родена – принимали у себя семью Рузвельтов. Впечатляло известие о присуждении президенту США звания ассоциированного члена Французской академии.

Первым среди государственных деятелей Америки XX века Теодор Рузвельт признал сам факт социальной и расовой несправедливости. Частично это признание было вырвано опасным отходом крупных профессиональных союзов от республиканской партии. В эпоху всеобщих избирательных прав это было серьезным ослаблением позиций на национальной арене. Подлинной опасностью Рузвельт признал одного из «новых журналистов» – Уильяма Рэндолфа Херста, который, будучи редактором «Сан-Франциско Экзаминер» и «Нью-Йорк Джорнал», вел агрессивную и жесткую политику, умело сочетая принципы «желтой прессы» со всей ее беспардонностью и презрением к логике и достоверности фактов и критику правительства. Кстати

говоря, из-за цвета обложек комиксов Херста и появился термин «желтая пресса». Такой демагог, полагал Рузвельт, уведет за собой часть влиятельных профсоюзов, расколет республиканскую партию, создаст хаос в стране, ослабит мощь государства в период, когда в мире набирали все больше и больше сил социалистические, антирелигиозные и антиправительственные движения.

Развитие исторической науки

Видным представителем американской исторической научной школы являлся Эдвард Чаннинг (1856–1931), интересы которого длительное время были обращены на колониальный период США. Взгляды Чаннинга включали в себя националистические убеждения и критический подход к прежним интерпретациям прошлого страны. С 1905 года и до конца своей жизни он работал над «Историей Соединенных Штатов». За это время вышло шесть томов. Автор опирался на свои исследования, опубликованные в вышедших еще в конце XIX века монографиях о поселенцах Наррагансета и о системе колониального управления.

Чаннинг показывал развитие страны как единый и обособленный процесс, выступая против теорий о тевтонском происхождении североамериканских социальных институтов. В то же время сами колонии он представлял как часть Британской империи и рассматривал их развитие в широком общебританском плане, что было новой для его времени позицией. В этом Чаннинг был близок известным специалистам в области истории колоний – Осгуду и Эндрюсу (упоминавшаяся уже «имперская школа»). Но полностью относить Чаннинга к имперской школе было бы неточностью. Он далеко не во всем склонен принять ее точку зрения на события в Америке. Чаннинг находил место для основательной критики колониальной политики британских кабинетов. Он полагал, что новая среда, новые условия создали поколения американцев мало похожими на их английских предков, а ведь именно эти условия, а не влияние метрополии были доминирующими.

Чаннинг намеренно избегал теоретизирования и в случае необходимости попросту ссылается на Провидение. Он отрицал то, что было принято многими его современниками, – классовую борьбу, по крайней мере конфликт Севера и Юга. Чаннинг отказывался видеть в этих антагонизмах ключ к пониманию общегосударственного хода событий. Понятия социальных сил для него не существовало. Теории и вообще любые абстракции он практически игнорировал. Логическим результатом его

односторонности было всепоглощающее внимание к политическому и конституционному развитию страны. Пожалуй, лишь однажды Чаннинг решился выделить главный фактор американского развития, когда затронул вопрос о «мобильности людей и вещей» как основной причине национального прогресса.

Одним из ведущих факторов образования нации Чаннинг считал развитие идеи единства колоний и борьбу этой идеи против устремлений к автономности, самостоятельности. Критически относясь к возможности «объективной» оценки событий, Чаннинг признает, что воспитание и окружение влияют на суждения, предоставляя простор ошибкам. Ошибки самого Чаннинга начали обнаруживаться тотчас же после выхода томов «Истории Соединенных Штатов». Чаннинг акцентировал внимание на Новой Англии, не показав взаимосвязь социального процесса и политического развития, игнорировав экономические вопросы. Между тем большое достоинство труда Чаннинга усматривается в новом, самостоятельном обращении к архивам. Именно благодаря такому подходу исследование Чаннинга больше известно специалистам, чем широкой публике.

Эдвард Чаннинг

Повторим, что положительным началом в подходе Чаннинга было то, что он отказался искать зародыш американских установлений в тевтонских племенных обычаях. Чаннинг подчеркнул бездоказательность теорий «тевтонского происхождения» нации. Но авторитет теорий «институционализма», согласно которым любая социальная институция или даже группировка имеет право определять или,

во всяком случае, принимать участие в определении государственной политики, был таков, что Чаннинг не смог оставить вопрос об истоках происхождения общественного строя американских поселений без собственной версии ответа. Он берет за основу английский церковный приход, видя в ранней американской истории его эволюцию. Труд Чаннинга знаменует собой некий рубеж. Это была последняя попытка одного историка самостоятельно создать всеобъемлющий общий курс американской истории.

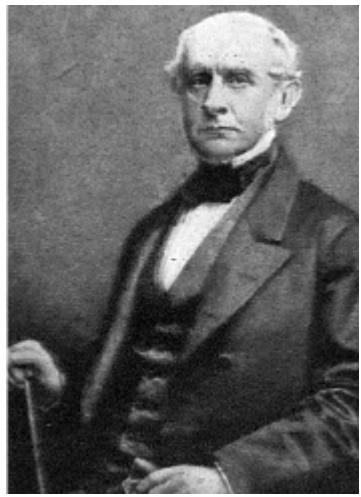
Адамс и другие

На «истинную» трактовку социал-дарвинизма в конце XIX века претендовал Чарлз Френсис Адамс (1835–1907). Он провозглашал, что «Происхождение видов» Дарвина открыло особую стадию в изучении истории. Адамс подверг сомнению как доктрину германского происхождения американской нации, так и настойчивые аналогии между английской церковной общиной и американскими учреждениями, проводимые Чаннингом. В «Трех эпизодах из истории Массачусетса» он развенчал попытки объяснить реальные события общественной борьбы ссылками на явления прошлых эпох. В свою очередь, Адамс подавал американское развитие как естественный отбор наиболее стойких элементов; тяготы путешествия через океан, нескончаемые трудности приспособления на новом месте, опасности пограничных войн и суровость жизни в девственных лесах создавали, по его мнению, нацию более высокого порядка.

Адамс нанес много чувствительных ударов и по традиции восхищаться всем, что когда-либо имело место в США В этом его союзником часто бывал Чаннинг Их критицизм развеял немало устоявшихся преданий и легенд. Например, дело Анны Хатчинсон – жертвы религиозного пуризма – послужило Адамсу поводом для проверки мнимых и подлинных добродетелей пуритан. Историк вскрыл немало городских архивов и сумел дать картину жизни типичного колониального городка – Массачусетса.

Ученик Осгуда Джордж Вир в некоторых отношениях пошел еще дальше своего учителя. Если Осгуд старался встать над спором метрополии и североамериканских колоний, найти равнодействующую столкнувшихся сил, то Вир сознательно удалился с почвы Америки и рассматривал ее историю с точки зрения Лондона как столицы необозримой колониальной империи. Такой подход обнаружился уже в ранней работе Вира «Торговая политика Англии по отношению к американским колониям». В ней Вир оправдывал английскую колониальную

политику рассматривая ее как необходимое следствие господствовавшей тогда меркантилистской системы. Десять лет спустя Вир отправился в Англию и здесь в имперских архивах начал изучение основания и развития британской колониальной системы. Его интересовала английская фискальная система и место в ней колоний, имперская административная система и несоответствие ее нуждам заморских владений. Вир находил прямую взаимозависимость экономических интересов и политических предприятий.



Чарлз Френсис Адамс

В 1907 году вышел первый том из предполагаемой серии «Британская колониальная политика 1754–1765 гг.». Точка зрения автора во многом противоположна установившейся в американской историографии традиции. Вир оправдывал усиление давления на колонии нуждами мировой политики Англии, необходимостью усиления позиций в борьбе с Францией. Торговые акты, последовавшие за Семилетней войной (1756–1763), наиболее крупным военным конфликтом XVIII века, в котором приняли участие все европейские сверхдержавы, большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена (война шла в Европе, в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, Индии, на Филиппинах и была направлена на завоевание различными государствами как можно большего количества колоний), по его мнению, служили прежде всего развитию колониальной системы, Однако он осуждал контрабандную торговлю колонистов. Более ранний период американской истории (а именно семнадцатый век) получил освещение еще в двух работах Джорджа Вира:

«Происхождение британской колониальной системы, 1578–1660» и «Старая колониальная система». И здесь Бир находил репрессии метрополии естественным выражением меркантилизма и стратегических нужд. Представляет интерес обращение Вира к экономической истории, определение роли колоний в качестве рынков сбыта товаров. В работах Вира (как и его учителя Осгуда) ранняя американская история была представлена как аспект общей политики Англии.

Третий ведущий представитель «имперской школы» – Чарльз Эндрюс – тоже был согласен с тем, что история США – явление не чисто американское, а англо-американское. Эндрюс прошел школу институционалистов, но позднее отошел от того взгляда, что американские политические институции берут свое происхождение в германской общине. Эндрюс, подобно своим единомышленникам, очень многое почерпнул из британских документальных хранилищ. Он ставил в вину предшествующим историографам игнорирование того факта, что американцы были подданными *великой колониальной империи.* Возникшее квазиисторическое учение под названием «экономизм», ставившее во главу угла экономические позиции и процессы, абсолютно определявшие политику государства, пыталось по-иному истолковать американскую историю.

Еще в конце XIX века в американской историографии громко заявила о себе школа сторонников «теории границы» – раннего течения буржуазного экономизма в историографии. Основателя школы Фредерика Тернера (1861–1932) и его последователей интересовало движение тех, кто осваивал новый материк от Атлантического до Тихого океана. Новое направление начисто отрицало возможность выхода американской демократии из европейской колыбели. Ее рождение приверженцы «теории границы» связывали с опытом пионеров, продвигавших кромку обжитой земли все дальше на запад. Тернер призвал объяснить историю Америки существованием запаса свободной земли и условиями ее освоения. Адепты «теории границы», применяя это общее положение к различным районам континента, выделили на территории США отдельные «секции» – самодостаточные (либо экономически выделившиеся) политико-экономические объединения, исторически обозначившие районы. В американской истории, следуя устоявшейся традиции, это были северные, срединные и южные колонии. Новую Англию теперь снова стали представлять единым и сепаратным целым с особой исторической судьбой.

Из историографов периода «секционализма» следует выделить представителя не скудеющей талантами семьи Адамсов

– Джеймса Траслоу Адамса (1878–1949). Колониальному прошлому Новой Англии он посвятил два тома из своей трилогии: «Основание Новой Англии» и «Революционная Новая Англия 1690–1776 гг.». Рассматривая историю первоначальной иммиграции, Адамс пришел к выводу, что главными ее причинами были экономические, а не религиозные. Наиболее интересна точка зрения Дж. Адамса на внутреннюю историю Америки. Историк считает, что не борьба с метрополией, а внутренняя борьба с олигархией и теократией была стержнем эволюционирующей американской жизни. Дж. Адамс обвинил пуританский пасторат в худших из пороков тиранического правления. Затем главный фронт внутренней борьбы в колониях сместился; борьба шла теперь уже между купеческой аристократией и низшими классами. Автор отмечал рост самосознания последних. Характерно, что и саму американскую революцию он подавал прежде всего как гражданскую войну.

Вполне очевидно, что Адамс испытал на себе влияние передовых историографических концепций, привлекших его внимание к экономическим факторам и классовой борьбе. Столь же очевидны и недостатки его трактовки американской истории – узкое «конкретное» понимание экономических сил, замена понятия классов вариациями групповых объединений.

В многотомной серии «История американской жизни» (издатели Диксон Фокс и Артур Шлезингер-старший) близок к буржуазному экономизму был Герберт Пристли, автор первого тома «Приход белого человека, 1492–1848». Он расширил рамки повествования описанием экономических и культурных условий жизни Америки, отметил влияние богатой испанской культуры, роль голландских и шведских поселений, В конце XIX века усилилось внимание к местной истории на Юге. На не использованных прежде материалах базировался Филипп Брюс в «Экономической истории Вирджинии в семнадцатом столетии». Описание социальных и экономических условий в «королевском владении» придает важное значение работе Брюса, не скрывающего своих симпатий к рабовладельческой «аристократии».

В это же время выходит четырехтомная «История Южной Каролины» Эдварда Мак-Креди – картина как политического, так и социального развития, но рассмотренная обособленно, без связи с положением соседей на севере и юге. Ранняя Джорджия нашла своего историографа в лице Ульриха Филиппса, испытавшего влияние Тернера с его «теорией границы». Филиппс исследовал пограничные районы плантаторского хозяйства – трудный для «теории границы» случай. Обобщающая работа

Филиппса – «Жизнь и труд на старом Юге». В ней он основывался преимущественно на материалах исследования обстановки на больших плантациях, полностью отразив взгляды их владельцев. Однако и он не сумел связать события в Джорджии с общим развитием Америки. На влияние экономических факторов в истории южных колоний указал Эвери Кревен в работе «Истощение почвы как фактор сельскохозяйственной истории Вирджинии и Мериленда, 1606–1860». Попытку определить трудовые отношения и показать положение низших слоев американского общества сделали авторы предпринятой Джоном Коммонсом публикации «Истории рабочего движения в Соединенных Штатах», Рассматривается процесс вербовки переселенцев в Англии и освоение Атлантического побережья. Сравнивается положение различных категорий законтрактованных и свободных рабочих.

Интерес, судя хотя бы по полувековым дебатам, вызвала интерпретация американской истории подлинным титаном исторической науки Чарльзом Остином Бирдом (1874–1948) и его женой Мэри Бирд. Признание авторами «Подъема американской цивилизации» важности экономических факторов было большим положительным достижением, тем более что супруги Бирд противопоставили тернеровской социальной гармонии «братства границы» историю, движимую социальными конфликтами противоборствующих экономических сил. Чарльз и Мэри Бирд представили американскую революцию как важнейшую экономическую трансформацию, как социальную революцию. Такой подход обязывал искать в истории колониального периода явления, готовившие эту трансформацию. Авторы сделали это с сенсационным успехом, во многом благодаря широте подачи материала и динамичности повествования. По общей представленной супругами Бирд схеме, согласно которой вся американская история распадалась на период господства сельского хозяйства и период преобладания промышленности (с переходом от первого периода ко второму), эпоха тринадцати колоний была показана как закладывающая основы американской культуры. Бирды настойчиво напоминали, что при этом в поле зрения историографии находились *лишь примерно пять процентов населения колоний, жившие в городах.* Авторы «Подъема американской цивилизации» стимулировали интерес к решающим сферам человеческой деятельности, и в этом их заслуга.

В американской культуре пример фиксации самоосознания нации, продемонстрированной Чарльзом и Мэри Бирд, являет собой крупное событие общенационального значения. Отныне

Америку не только в материальном, но и в интеллектуальном смысле нельзя было назвать мировой периферией. Три американских историка сделали это возможным. Тернер исследовал влияние понятия «границы». Супруги Бирд дали обширную панораму развития американской цивилизации. Третьим из «титанов», выступившим за постановку и решение «большой задачи» – показать развитие американской литературы в расширительном смысле, как истории общественной мысли, являлся Верной Луис Паррингтон (1871–1929).

В своем капитальном труде «Основные течения американской мысли» (первый том, охватывающий XVII и XVIII столетия, вышел в 1927 году) Паррингтон называл экономические силы детерминантами культурного развития. Историка интересовала прагматическая ценность идей, особое его внимание было обращено на политический радикализм в американской истории. Паррингтон – приверженец демократических традиций, он и не пытался скрыть своих взглядов при рассмотрении и оценке событий. Он придерживался не консервативной, а либеральной точки зрения, не федералистских, а «джефферсоновских» взглядов.

Верном Луис Паррингтон

Столпами демократии Паррингтон считал Роджера Уильямса, Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона. Первый, по мнению автора, опередил свой век, восстав против новоанглийской теократии. Паррингтон осуждал засилье пуританства, насаждаемого проповедниками, Только высвобождение от гнета святош (Паррингтон относит этот процесс к 1720-м годам) позволило развиться «плебейской» струе,

и ко времени революции были сформированы новые, демократические идеалы, Историк объяснял эти изменения в общественной мысли появлением массы мелких земельных владений; именно эти новые условия выдвинули на национальную арену деятелей типа и ранга Бенджамина Франклина. Эта сторона исторической концепции Паррингтона сближает его со школой «границы». Но взгляд Паррингтона шире, он придает значение всем экономическим силам, порождающим, по его мнению, все политические, социальные и религиозные институты. *Основываясь на работах Фредерика Тернера, Чарльза и Мэри Бирд, Верной Луис Паррингтон утверждал, что американская культура вышла на мировой уровень.*

Шел процесс обновления буржуазной исторической науки. Э. Саймоне в одной из публикаций 1903 года одним из первых сделал «набег» на святая святых – Американскую революцию. По его мнению, это была борьба мирового масштаба между противостоящими социальными классами. Причина ее в том, что промышленное развитие колоний достигло такой стадии, на которой их связи с Англией препятствовали этому развитию. Еще более остро Саймоне высказывался о Конституции, утверждая, что органический закон нации был сформулирован на секретной сессии собрания, созванного посредством конспиративного трюка, и навязан населению бесчестным путем в интересах небольшой группы богатых правителей.

…На Рождество 1913 года Теодор Рузвельт самозабвенно пел рождественские гимны вместе со всей своей большой семьей, собравшейся в заваленном снегом Сагамор-Хилл. Поутру все получили в своих носках подарки, а Теодор Рузвельт отправился в Бостон, чтобы произнести речь перед Американской исторической ассоциацией в качестве ее председателя. Его политическая слава помогала ему. Страна смотрела на своего выдающегося деятеля, на своего экс-президента, вновь обратившегося к исторической науке. Избранная Рузвельтом тема – «История как литература». Анализу подвергался максимально широкий период – от древнего Египта до современной Америки. Смысл его лекции заключался в следующем: историограф должен помнить, что романтический элемент исключительно важен в историческом самоосмыслении и самоидентификации нации.

Рузвельт продолжал придерживаться романтического взгляда на исторический процесс, на «славу триумфального насилия», на осененную знаменами поступь истории. Когда-нибудь будет написана история его времени, и злые силы в ней будут явственно отделены от армии добра, Рузвельтовская апология интеллектуальной жизни, страстная защита исторических мест,

любовь к исторической науке – все это не могло не найти признания у собратьев по профессии.

Рузвельт верил в эмоциональное, а соответственно, и в воспитательное воздействие истории. В его понимании история отнюдь не была научной дисциплиной, построенной на голой аналитике и служащей лишь отвлеченному познанию социума. Сказочность, ритм веков, вдохновение прошлых лет – вот что считал он важным. Смысл деятельности историка – облагораживать бытие и его письменное отражение. *Историк просто обязан быть великим моралистом.* Важнейший смысл истории как рода деятельности – волновать души людей примерами мужества, мастерства и смелости, поднимать соотечественников из скорлупы их личного существования к высотам возвышенных помыслов.

Ситуация, когда Рузвельт предстал перед жрецами исторической науки, была в значительной мере парадоксальной. Перед неутомимыми исследователями подлинного факта, поборниками бесстрастного анализа выступал враг наукообразия, желавший видеть не истину в последней инстанции (как политик он знал, насколько она многогранна), а полет фантазии, впечатляющую силу стиля, поэтическую тонкость.

Подлинный историк, считал и говорил Рузвельт, осветит примеры прошлого ради нашего внимания таким образом, как если бы участники давних событий жили в современности. Он заставит нас воспринимать как живых людей суровых арбалетчиков битвы при Азенкуре (произошла в 1415 году и является одним из эпизодов Столетней войны между Францией и Англией), иссеченных ранами стрелков, последовавших за Александром Македонским до края ойкумены. Мы услышим скрип килей кораблей великих голландских морских пиратов, чьи потомки бросились заселять неведомые континенты. Мы вздрогнем при триумфах Ганнибала. Мы увидим победителей, скачущих навстречу славе, изменивших течение мировых событий. Почившие поэты снова восславят деяния отважных мужей, красоту и любовь женщин. Мы будем сидеть на пиру у властителей Ниневии, наблюдая, как они пьют из золотых кубков, из сосудов слоновой кости. Мы будем наблюдать за приближающими колесницами подлинных победителей. Для нас запоют военные горны короля Улафа.

Примерно так звучала речь Теодора Рузвельта. Вопреки главенствующей критической тенденции он настаивал: будущие подлинные специалисты увидят в современной истории США прежде всего великое и возвышающее. Рузвельт упомянул о приключениях в заселенных индейцами лесах девственной

Америки, о перемещении крытых повозок по бескрайним прериям американского континента. Апофеозом звучали слова о народе, героями которого являлись Вашингтон и Линкольн, мирном народе, завершившем самую кровавую из войн, которая велась с единственной целью – осуществления благородного принципа и благородной идеи, создания жизненных стандартов, намного превышавших банальную гонку за материальным благополучием.

Преобладавший в американской историографии исторический детерминизм, сознательно выхолащивавший историческую прозу, делал американских наследников Геродота чем-то вроде бездушных чтецов летописи времени. Теодор Рузвельт призвал историка будущего эмоционально воссоздать события, происходившие в Америке его времени с тем, чтобы был показан и грубый материализм эпохи, и удивительная способность американцев к высокому идеализму, которая должна быть учтена всеми, кто хотел бы понять этот национальный характер.

Контрольные вопросы

1. Что представляло собой в этнонациональном отношении население страны по переписи 1900 года?

2. Охарактеризуйте художественно-эстетические интересы и сферы деятельности Т. Рузвельта.

3. Какой ведущий принцип составлял основу политической культуры правящей партии, возглавляемой Т. Рузвельтом?

4. Охарактеризуйте антитрестовскую программу Т. Рузвельта.

5. Почему исторические труды Эдварда Чаннинга знаменуют рубеж развития исторической науки в США?

6. Как принцип социального дарвинизма был использован Адамсом в интерпретации исторического развития Америки?

7. Охарактеризуйте позицию О. Бира, трактующего американскую историю как аспект общей политики Англии.

8. Каковы теоретические основы позиции буржуазного экономизма в американской историографии и какова роль экономики в формировании культуры США, по их мнению?

9. В чем особенности интерпретации американской истории Чарльзом Бирдом и Мэри Бирд?

10. Что позволило Вернону Луису Паррингтону утверждать, что Америка к 1920-м годам вышла на мировой уровень?

11. В чем, согласно взглядам Т. Рузвельта, общественное и культурное предназначение истории как рода научной

деятельности?

Глава девятая
Америка Вудро Вильсона

Реформаторы

Для осуществления политики реформ новый лидер демократической партии Вудро Вильсон, о деятельности которого в определенном аспекте уже говорилось выше, нуждался в том, чтобы держать в узде монополии, не дать им перегрызть друг другу горло, не позволить довести давление пара в социальном котле до критической точки. Между тем в Соединенных Штатах прошли три с половиной тысячи забастовок. Эти забастовки все чаще принимали политическую направленность. Идеологи и сторонники преобразований думали о выработке механизма воздействия на монополии, установления отношений с профсоюзами, особенно в ходе забастовок и иных проявлений классовой борьбы. Еще одной острой государственной проблемой был вопрос предоставления кредита мелким хозяевам.

В первые десятилетия XX века дилемма – государственный абстентизм, неучастие, невмешательство в общественные дела или целенаправленное регулирование и реформы – решается в пользу последнего, Новые идейные вожди, такие как Г. Кроули, Л. Брэндайс, У. Уэйл, У. Липпман, отказались от идеологии чистого свободного предпринимательства. Воззрения буржуазных реформаторов нашли понимание у хозяев Белого дома. Началась эпоха усиленного внимания исполнительной власти к вмешательству государства в экономическую жизнь и социальные процессы. Буржуазные реформаторы стали, хоть и не сразу, идейными столпами общества.

Еще один «апостол» политики реформ – Дж. А. Смит – написал в книге «Дух американского правительства», что законы, установления, системы управления являются в определенном смысле искусственными созданиями и должны рассматриваться в соотношении с целями, ради которых возникают. Они являются хорошими или плохими в зависимости от того, хорошо или плохо служат социальным нуждам. В системе баланса властей Смит усматривал сознательно созданный механизм сокрытия от эксплуатируемых масс виновника их бедственного положения.

Джон Дьюи

Будущий лидер буржуазного реформаторства сенатор Р. Лафоллет распорядился максимально широко распространить книгу Смита в своем штате Висконсин. Но самый большой удар по основам Конституции США нанес упоминавшийся выше историк Чарльз Бирд в поразившем всю страну исследовании «Экономическая интерпретация Конституции», Здесь он представил аргументированное объяснение главного закона страны как результата компромисса между различными экономическими интересами и средствами сохранения привилегий власть имущих.

К идее реформ двигалась и буржуазная философия. В опубликованной в 1903 году книге «Исследование логической теории» Джон Дьюи теоретически обосновал необходимость преобразований. Он писал, что последним прибежищем сторонника сохранения существующего положения является представление, будто мышление может произвести лишь один вид правды, поскольку все наследованные от прошлого установления, результат прошлого мышления, находятся вне критики. Но на самом деле мышление является видом деятельности, которую мы осуществляем в случае особенной необходимости, так же как, испытывая потребности другого рода, мы начинаем другие виды деятельности, Степень успеха, уровень ценности измеряются тем, насколько мышление позволяет человеку преодолевать трудности. Мышление – орудие приспособления человека к переменам, идеи должны служить делу создания более благоприятного для жизни окружения. Дьюи создал систему политического мышления, целиком

удовлетворяющую реформаторов, и не случайно прижизненно завоевал авторитет самого влиятельного философа своего времени.

Время требовало перемен. Юристы, историки, философы, все те, кто задумывался над судьбами общества с присущими ему социальными антагонизмами, пришли к выводу, что перемены неизбежны и лучше осуществить их не вопреки, а при помощи механизма буржуазного государства.

Позитивным являлось представление о юридическом законе не как о статичном, раз и навсегда данном определении, а как о развивающейся совокупности идей. Судья О. Холмс сформулировал, что жизненной сущностью закона является не логика, а опыт. В своих эссе, книгах, судебных речах Холмс, будучи в целом пессимистом в отношении действенности социальных преобразований, с большой силой логики и авторитета утверждал мысль, *что людские законы – дело людей и людьми же могут быть изменены.* Для консервативно мыслящего большинства правящей элиты Америки рубежа XIX–XX веков это была почти ересь.

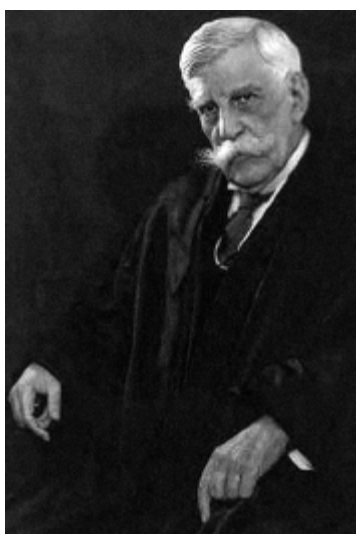
Новый лидер страны

В январе 1910 года лидер демократической партии – ректор Принстонского университета Вудро Вильсон – обратился к собранию реформаторов национального масштаба. Как в лучших описанных Вильсоном-историком исторических сочинениях, он буквально заставил слушателей упиваться «духом жертвенности». И едва ли не за один вечер он стал, говоря словами Рэя Стеннарда Бейкера, самым ясным умом американской жизни и великим вождем прогрессивного импульса и мысли. Как сказал Вильсон, в американцах достаточно жара, в чем они нуждаются, так это в свете. Каждый может вызвать море эмоций, но кто тот мастер, который сумеет оседлать разбуженные эмоции и указать направление их течения? Вильсон оказался первым в американской истории после Томаса Джефферсона политиком-интеллектуалом.

К весне 1911 года губернатор Нью-Джерси Вудро Вильсон благодаря своей кампании против коррупционеров и проведенному в штате законодательству приковал к себе внимание стратегов демократической партии. «Нью-Йорк Уорлд» писала, что Вильсон поднял планку политической, моральной и интеллектуальной борьбы. Даже «Аутлук» Теодора Рузвельта признал, что Вильсон как лидер прогрессивного крыла демократической партии заслуживает избрания на высший пост.

Телеграммы и письма шли со всей страны. Национальный клуб демократов призвал Вильсона в Филадельфию для речи по его номинации. Судья Вескотт написал по свежим впечатлениям, что активность Вильсона выше бессмертных усилий Демосфена.

Надо еще раз напомнить, что стремительно осуществляемая в Соединенных Штатах монополизация нанесла сокрушительный удар по массе мелких хозяев, на которую опирался «свободный» капитализм прежних лет. Стало ясно, что монополии растоптали мир неограниченной конкуренции, что фермер Запада и рабочий Востока не являются соперниками гигантским компаниям, что для исторического развития необходим поиск новых путей. Исчезли «ничьи» земли, и соответственно ослабли те возможности, которые оживляли «американскую мечту». В результате после столетнего господства в идейной жизни США буржуазный либерализм встретил мощного соперника – идеологию буржуазного реформаторства.



Оливер Уэнделл Холмс

Одним из блестящих сторонников преобразований являлся судья Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс, которому его личные мнения не мешали определенным образом направлять свою общественную активность. Ему был шестьдесят один год, он участвовал в Гражданской войне, о чем, помимо прочего, говорила его неизменная военная выправка. Как оказалось, это был самый светлый ум в американской юриспруденции. Еще в 1881 году он заявил, что большинство статутов устаревают еще до того, как их текст поместят в сафьяновую папку. В любую эпоху, утверждал Холмс, исполнение закона соответствует тому,

как его воспринимают законопослушные граждане. В несовершенном мире не существует ни абсолютного добра, ни абсолютного зла. В нем наблюдаются лишь переменчивые стандарты позитивного и негативного поведения, определяемые большинством населения и подверженные постоянным переменам. Мораль не определяется Богом. Она представляет собой кодекс правил поведения, следовать которому согласно данное поколение живущих. Истина – это то, во что человеку трудно не поверить. Вчерашние абсолютные истины, по мнению Холмса, должны уступить место «ощутимой необходимости» данного времени.

Внес свою лепту в политику социального реформирования и другой член Верховного суда – Луис Брэндайс. Согласно его теории, право покупать или продавать рабочую силу является одной из «свобод», гарантируемых Конституцией, и оно подлежит всем разумным ограничениям, которые выдвигает государство, имея в виду защиту всеобщего блага, Для дела буржуазного реформаторства важным было выступление Брэндайса за ограничение рабочего дня женщин в Орегоне десятью часами, Газеты назвали судью «опасным анархистом», но Верховный суд США признал его мнение обоснованным. Надо сказать, что в Вашингтоне еще более ясно, чем в далеком лесном Орегоне, увидели опасность «безличного» подхода к социальной жизни, основанного лишь на слепой защите частной собственности.

Таков был социальный контекст прихода Вильсона к власти. В 1912 году ему было пятьдесят пять лет. Никто никогда не видел его без галстука, с закатанными рукавами или неряшливо одетым. Более того, никто не видел его занимающимся делом «ниже президентского» – он не имел простецкого хобби, банальных увлечений. Всякий, кто сближался с ним, знал, что Вильсон в совершенстве владеет искусством «очаровывать», но может быть несгибаемым и нечеловечески упрямым. В раздольном море американской карикатуры есть множество его изображений, но никогда – с улыбкой. Ему совершенно несвойственна была «покоряющая болтовня» ни о чем.

В феврале 1912 года, выступая в Демойне, Вудро Вильсон назвал американский сенат «прибежищем привилегий».

…Их тропы сошлись 27 мая 1912 года, когда Теодор Рузвельт выступал в Принстоне, Нью-Джерси на «праймериз» (первичных внутрипартийных выборах) республиканской партии. Вильсон стоял в толпе слушателей. Рузвельт источал сплошные банальности, и долго молчавший Вильсон изрек «Это была его худшая речь». Через час на трибуну взошел сам Вильсон. Он осудил персональную вендетту в республиканской партии,

которая отвлекает внимание от подлинно значимых вопросов бытия – тресты, банковская система страны, состояние рабочего класса.

4 марта 1913 года было прекрасным весенним днем. Два президента – уходящий Тафт и приходящий Вильсон – отправились от Белого дома к Капитолию. Целый ряд талантливых людей выбирали между Вильсоном и Рузвельтом и предпочли, в конечном счете, Вильсона.

28 августа того же года в Си-Гирт приехал получивший уже значительную известность «народный адвокат» из Бостона Луис Брэндайс. В течение трех часов они с Вильсоном обсуждали проблему трестов.

В Америке осуществление властных полномочий возможно только при условии общего языка со средствами массовой информации. Вильсон имел в этом отношении несомненный талант (помимо прочего, всю свою жизнь он превозносил достоинства свободной печати). При Белом доме были аккредитованы примерно сто журналистов. Сначала дважды в неделю, а потом еженедельно президент встречался с представителями прессы и, как говорится, не для цитирования обсуждал события национальной и международной жизни.

Луис Брэндайс

Если посмотреть на Соединенные Штаты как на совокупность отдельных регионов, то нетрудно убедиться, что различие в культурном отношении между основными областями с какого-то момента начало резко уменьшаться. Если прежде Северо-Восток в культурном отношении стоял заведомо выше остальных районов (здесь правили бал поклонники европейских искусств, сторонники Ибсена и Шоу), то в XX веке чопорный Бостон

нагоняют новые культурные центры Соединенных Штатов, где национальными величинами становились, помимо Марка Твена, Джеймс Ханкер, Баррет Уэнделл, Брандер Мэтьюз, Джон Слоан, Альфред Штиглиц, Стивен Крейн и все друзья Г. Л. Менкена.

Дальний Запад не только быстро догонял старые культурные центры, но превращался в подлинный авангард американской культуры, славный такими новыми именами, как Джек Лондон. Сообщения между отдельными американскими регионами обогащало каждый из них, взятый отдельно. Такие газеты, как «Чикаго Трибюн» и «Лос-Анджелес Тайме», теперь равнялись по интеллектуальному уровню «Бостон Глоуб», «Крисчен Сайенс Монитор» и «Нью-Йорк Таймс».

В Америке появился художественный мир, который с подлинным презрением смотрел на политическую возню вокруг эстетически девственного Вашингтона. Многим писателям и артистам политика – прежняя всепожирающая страсть – теперь казалась другой планетой, Презрение к политике – явление новое для США. Но это факт: культурная страна смотрела теперь на продажных политиканов, дешевых журналистов желтой прессы и на демагогов массовых движений с презрением, равным только презрению к большому бизнесу.

Первая мировая война

Война в Европе была встречена американцами со смешанными чувствами. О войне и прежде говорили со страхом. Теперь газеты сообщали о ее реальных ужасах. Бойня оказалась величайшим «упростителем» в культуре, дав национальным чувствам первенство над всеми остальными соображениями. «Прусский милитаризм» стал именем нарицательным – против него следовало защищать американскую свободу.

В годы Первой мировой войны общество США, вероятно, под влиянием общего духа кризиса, испытывало ряд потрясений. Классовые барьеры потеряли прежнюю строгую очерченность. Неустойчивые семьи получили возможность распасться. Рабочий, фермер и горожанин надели одинаковые униформы. Женщины стали «абсолютно необходимы» для военного производства, что подтолкнуло феминистское движение, Одновременно социал-демократия не выполнила свою роль тормоза на пути войны; отдельные социал-демократические партии предпочли местный патриотизм, и «Интернационал» звучал на разных языках как апофеоз лицемерия.

Начало Первой мировой войны вызвало в США дискуссию между различными представителями социал-дарвинизма. Многие

считали общеевропейский конфликт естественным способом отбора и ожидали, что победит сильнейший. Американец Гомер Ли – генерал армии – предупредил свою страну об опасности «желтой угрозы». Генерал Ли войну одобрял. Запад, считал он, должен быть готовым к мировой бойне. Война стоит много жизней и материальных богатств, но она «отплачивается» очищением расы, порождает сильных и способных. Победят самые приспособленные, самые молодые, наиболее готовые на жертвы.

Ученые, которые называли себя антропосоциологами, без колебаний утверждали, что «средиземноморская раса» – люди с карими глазами и округлыми скулами – не годится для индивидуалистического самоутверждения, для жизни, полной риска. По натуре средиземноморцы стоят за социализм, то есть за защиту государственными органами.

В то же время нордическая раса – это пионеры, это индивидуумы, наделенные мужеством и оригинальностью, способные, как говорится, «одной рукой» творить чудеса. Лишь от них зависит культурный прогресс. То есть Англия, Голландия, Германия, Скандинавия и Соединенные Штаты «обречены» на победы, на процветание, на лидерство в мире, в то время как латинские нации в скорейшем времени останутся далеко позади.

Первая мировая война оказалась водоразделом между миром старых привилегий и культуры, основанной на жесткой классовой структуре, и наступающим днем. 1 августа 1914 года, когда Европа прервала столетний мирный период своего развития мировой катастрофой, Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) заявил, что все живущие присутствуют ныне при творении истории. В день объявления Германией войны странам Антанты Ф. Рузвельт в ажиотаже бросился в военно-морское министерство, но обнаружил там сонное царство. С его точки зрения, официальный Вашингтон не оценил в должной мере значения происходящего.

В администрации Вильсона сразу образовались две партии. Государственный секретарь Брайан и министр военно-морского флота Дэниэлс выступили за безусловный и безоговорочный нейтралитет Америки.

Ф. Рузвельт примыкал к другой партии; его взгляды базировались на предчувствии, что Соединенным Штатам не удастся остаться в стороне от мирового конфликта. Идеолог глобализации американской политики адмирал Мэхэн сразу же увидел в заместителе министра военно-морского флота, которым некоторое время был Рузвельт, представителя новых сил, выступающих за энергичную внешнюю политику.

Война была стремительной только в начале. А затем боевые

действия и на Западном, и на Восточном фронтах зашли в тупик. Колючая проволока, минные поля и пулемет нейтрализовали мобильность войск. Конфликт вошел в статическую фазу. Английский премьер-министр и писатель Уинстон Черчилль (1874–1965) писал о завершении первого раунда мировой войны, который оказался до нелепости бессодержательным: битва на Марне не дала решающих результатов, «великий марш» на Париж, заключенный в плане Шлиффена, определенно не достиг своей цели. Изгнание русского генерала Ренненкампфа из Восточной Пруссии остановило русское вторжение в Германию. Почти одновременно битва при Лемберге принесла русским победу. Франция вынесла удар; Германия отразила русское нападение; австрийская армия потерпела поражение. Кровопролитность этих боев, в которых лучшие силы воюющих наций отчаянно сражались друг с другом, превзошла все прошлые войны.

Европейский тупик давал Америке возможность более точно разобраться в ситуации. Президент пришел к выводу, что скоротечного изменения баланса сил пока не предвидится.

Вильсону было не так уж трудно определить резерв немецкого влияния в Америке. В Штатах жили 8 млн. немцев, 4,5 млн. ирландцев, враждебных Англии, 2 млн. шведов, склоняющихся на сторону Германии.

Двадцатый век, наконец, встал перед Америкой во всей своей грозовой мощи. При непосредственном участии Ф. Рузвельта были сформулированы и детализированы планы строительства 156 новых судов общей стоимостью в полмиллиарда долларов (десять линейных кораблей, шесть крейсеров, пятьдесят эсминцев и шестьдесят семь подводных лодок). Даже ультрапатриоты не предлагали больше. Выполнение этого плана означало обгон Великобритании и превращение Соединенных Штатов в первую военно-морскую державу мира.

Крейсер «Бруклин»

Инициатива Вильсона тут же повлекла за собой сложности.

4 февраля 1915 года германское адмиралтейство объявило о введении морской блокады Британских островов. Все английские суда в окружающей Британию специально обозначенной морской зоне подлежали уничтожению. По сути, это же касалось и судов «нейтральных государств», которые подвергались смертельной опасности в указанной зоне.

Америка подняла брошенную перчатку. В дождливый день 2 апреля 1917 года Франклин Рузвельт с большим трудом достал жене билеты в ложу Конгресса для публики. В тумане вокруг Капитолия была видна вооруженная охрана – боялись массовых протестов пацифистов. К половине девятого вечера члены Палаты представителей заняли свои места в зале. Члены Верховного суда разместились непосредственно перед трибуной спикера, кабинет расположился сбоку. В зале в полном составе присутствовал дипломатический корпус. Сенаторы вошли с небольшими американскими флагами. Прозвучало объявление: «Президент Соединенных Штатов», и трехминутная овация встретила Вильсона, Президент объявил действия немецких подводных лодок «войной против человечества». Нейтралитет не спас тысячи американских жизней, Альтернативой войне отныне было лишь подчинение Германии. Вильсон заявил, что советует Конгрессу оценить нынешний курс имперского германского правительства как войну против правительства и народа Соединенных Штатов. Мир должен быть безопасным для демократии.

Патриоты

В элиту «мировых политиков» вошли дипломаты, военные, чиновники высокого ранга, представители бизнеса и университетские теоретики. Их объединяла идея необходимости использовать феноменальный потенциал Соединенных Штатов для энергичного выхода на мировую арену. Более того, возможным стало казаться и то, что Америка овладеет контрольными позициями на этой арене.

Первая мировая война означала для страны значительный культурный поворот. Следуя за Вильсоном в яростном национальном самоочищении, молодой Франклин Рузвельт стал частью и участником процесса, именуемого в США прогрессизмом. Это окрепшее в начале века явление было политической доктриной нарождающегося и занимающего все более важные позиции среднего класса американского общества. Конвейер Форда, выпуская автомобили уже сотнями тысяч, повышал мобильность населения и ускорял формирование класса зажиточных горожан, устремившихся в пригороды, увеличивал

возможности немногих богатеющих фермеров. Сознательно или бессознательно Франклин Рузвельт встал на защиту этого класса, укрепляющего свои позиции и недовольного наглостью боссов. А лидером движения выступил профессор-губернатор-президент Вудро Вильсон.

Уолтер Липпман

За те годы, что Вильсон читал Берка и писал собственные исторические сочинения, Соединенные Штаты не только догнали, но и многократно превзошли своих потенциальных европейских соперников. Ко второму десятилетию двадцатого века Америка уже почти обошла Европу по всем параметрам. США были крупнейшим производителем угля и нефти в мире, крупнейшим потребителем меди. Американская индустрия производила железа больше, чем Германия, Британия и Франция вместе взятые. Национальный продукт Соединенных Штатов был в три раза больше, чем национальный продукт Британии или Германии, и в шесть раз больше, чем у Франции. И все же США не принадлежали к той группе стран, которая правила миром – к так называемому «европейскому концерту».

Не забудем, что речь идет о державе, уже смело вступившей в век империализма, владеющей собственными колониями, склонной отринуть порядок, который устанавливает Европа, и диктовать свои правила межнационального общения. Выступая в Филадельфии, Вильсон призвал присутствующих посмотреть за рубежи, за горизонт. Он публично провозгласил, что сам несет ответственность за внешнюю политику США и бремя важных решений и задачи выработки стратегии не передоверит никому.

Вильсона начинает поддерживать великий философ Джон Дьюи, самый блистательный журналист страны Уолтер Липпман, общенационально известный публицист Линкольн Стеффенс, идеолог прогрессизма Герберт Кроли, бывшие рузвельтовские прогрессисты вроде Джейн Адамс, Их поддержка была жизненно необходима одинокому президенту, ощущающему давление враждебных сил. Стране стало понятно, что ею управляет энергичный идеалист, настроенный на социальное и экономическое реформирование государственных институций. Идеалист, который не отрывается от народной почвы и желает вести страну вперед.

Вашингтон, ставший символом американского государства, занял особую позицию среди западных держав. Как пишет Дж. Кеннан, большинству американцев никогда не приходило в голову, что политические принципы, согласно которым они жили, могут быть исторически обусловлены и вовсе не являться подходящими повсеместно.

Среди американской публики наблюдался интерес к России, сосредоточенный преимущественно на симпатиях к силам, борющимся против автократии. Его проявляли две основные группы. Одна состояла из тех, кого можно назвать урожденными американскими либералами, чьи симпатии были на стороне страждущих русских борцов за свободу. Ряд американцев, включая старшего Джорджа Кеннана, Сэмюэля Клеменса и Уильяма Ллойда Гаррисона, создали еще в конце 1890-х годов частную организацию «Друзья русской свободы», целью которой была помощь жертвам царизма. Симпатии этой группы адресовались прежде всего социал-революционерам. Вторая группа состояла из недавних эмигрантов в Америке, преимущественно евреев. Их симпатии принадлежали социал-демократам России. Именно эти две группы решающим образом влияли на формирование американского общественного мнения. Неудивительно, что падение царского режима было встречено в США с восторгом.

Америка быстрее других на Западе увидела прямой интерес в сближении с новой Россией. Вильсон и его единомышленники чрезвычайно опасались засилья англичан в России. В Вашингтоне задавались вопросом: какой смысл прилагать огромные усилия в Европе, если результатом явится простое замещение экономического влияния Германии британским? В Февральской революции Френсис (1850–1926), посол США в России, увидел шанс, выпавший США Если умело им воспользоваться, то реальной станет возможность стать первым экономическим партнером огромной России. Это может решающим образом

изменить общемировую геополитическую ситуацию. Союз России с Америкой может иметь огромные последствия. В условиях экономического истощения Европы лишь Соединенные Штаты способны осуществить быструю и эффективную экономическую поддержку России, которая, как писал Дэвид Роуленд Френсис президенту Вильсону, была бы мастерским ударом по спеси членов «европейского концерта». В правящих кругах США разделяли мнение посла о том, что Россия с ее невероятными территориями, с ее необозримыми богатствами пашен, недр и лесов «обречена» повторить экономический успех Америки. За нею будущее, и с нею надо дружить. Прежде всего нужно предотвратить замещение англичанами вакантного места экономического опекуна страны. Мировая война для самой России может оказаться аналогом американской Войны за независимость, Обе великие страны, избавившиеся от диктата Лондона, как прежде (Америка), так и в будущем (Россия), пройдут путь ускоренного экономического развития.

Д. Р. Френсис. Посол США в России с 1916 по 1918 гг.

Новая расстановка сил

Впервые в своей истории американцы поставили перед собой цель сравняться с крупнейшими военными державами. В XX век входил военный гигант – входил, чтобы уже никогда не возвращаться к прежнему состоянию менее развитой, чем Европа, военной державы.

Трудно переоценить значение политических шагов Вильсона для внутренней жизни США Однако не все это понимали. Один из ведущих деятелей эпохи О. Уиллард писал президенту, что он

сеет зерна милитаризма, выращивает военную и военно-морскую касту. Прежний коллега Вильсона по «дипломатии компромисса» У. Брайан обратился к стране с воззваниями, в которых говорил, что президент оказался в плену милитаристских интересов большого бизнеса. Лидер прогрессистов сенатор Роберт Мартин Лафоллет заявил, что за поворотом дипломатического курса США вновь стоят те, кто получает от этого поворота колоссальные доходы.

В то же время в Белый дом поступило 20 тысяч телеграмм от пацифистов, сторонники мира маршировали мимо президентских окон. Автомобильный король Форд лично сообщил главе государства о предпринимаемой им миссии «корабля мира» в Европу. Борьба внутри США достигла такого накала, что даже лидер демократического большинства в палате представителей К. Китчин высказал сомнения в правильности избранного политического курса. Тогда Вильсон пошел на исключительный по политической смелости (и, заметим, ренегатству) шаг – пригласил в Белый дом лидеров республиканского меньшинства в Сенате (Дж. Голлинджер) и в Палате представителей (Дж. Манн), чтобы обратиться к ним с просьбой о политической помощи.

На самом деле лишь немногие в Америке еще пытались удержать страну от вступления в военный конфликт. Так, глава социалистов Ю. Дебс призывал объявить всеобщую забастовку, если Рокфеллер и Морган втянут страну в войну. До апреля большинство американского народа выступало против участия в общеевропейском конфликте. Но при всем том оказались разбужены огромные подспудные силы национализма. Машина военной агитации делала полные обороты, и Белый дом, некогда сдерживавший этот процесс, ныне присоединился к нему.

12 октября 1917 года Вильсон поделился с присутствующими оптимистическими оценками будущего. Обратим на эти оценки особое внимание. Он предвидел резкое ослабление прежнего силового центра мира – Европы, ослабление региона в целом, вне зависимости от того, какая из коалиций победит. Это приведет к колоссальной перестройке всей системы международных отношений, всего мирового соотношения сил, соответственно, и к нескольким важнейшим последствиям для Америки. Во-первых, США станут главным средоточием индустриальной и агропромышленной мощи, они резко потеснят европейские метрополии на всех мировых рынках. Во-вторых, Европа не сможет осуществить восстановление и реконструкцию без американской помощи. Президент Вильсон прямо сказал кабинету, что послевоенная Америка будет столь богатой, что одним своим экономическим могуществом, одной своей

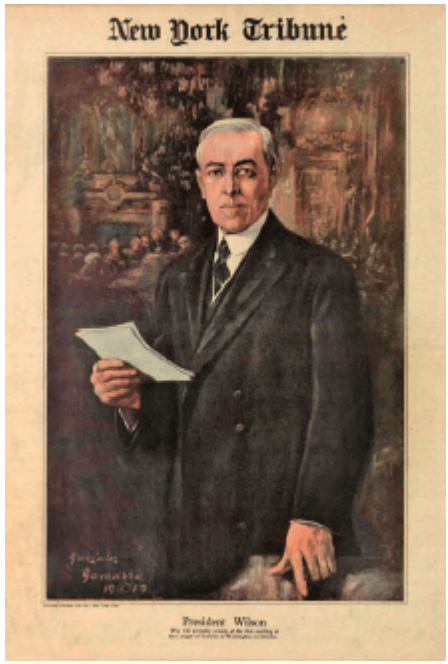
способностью предоставить или не предоставить кредиты она сможет навязать свою точку зрения всей Европе.

Это был период упоения силой. Теперь каждый месяц на европейский материк прибывали 300 тысяч американских солдат. Вашингтон превратился в центр обсуждения проблем, связанных с перемирием и общим европейским переустройством.

В США первые шаги по созданию Лиги Наций первоначально вызвали одобрение правящего класса. Популярным стало обращение к библейским сравнениям. «Нью-Йорк Трибюн» писала 25 февраля 1919 года, что Устав Лиги Наций содержит идеи почти столь же возвышенные, как и идеи Нового Завета. На Среднем Западе ту же самую тему развивала «Сент-Луис Глоуб-демократ». Она писала, что появившийся Устав важен, как ни одно решение в истории, и вряд ли что-либо другое когда-нибудь имело большее значение для человечества. Действительно, высокие договаривающиеся стороны, принимавшие участие в подписании Версальского мирного договора, завершившего Первую мировую войну, декларировали свои цели как развитие сотрудничества между народами и гарантии для них мира и безопасности. Было постановлено принять некоторые обязательства не прибегать к войне, поддерживать в полной гласности международные отношения, основанные на справедливости и чести, строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительным правилом поведения правительств, установить господство справедливости и добросовестно соблюдать все налагаемые договорами обязательства во взаимных отношениях организованных народов.

Многое говорилось в те дни о том, что XX век будет принадлежать Америке.

Вудро Вильсон



Вудро Вильсон на обложке журнала «New York Tribune»

Вудро Вильсон физически не любил темноту и любил свет. Это свое предпочтение он старался внести и в темную, исполненную тайн и мрака сферу человеческой деятельности – политику. И в освещении своей деятельности он нуждался в верном ракурсе, Многие ждали, что выйдут воспоминания Вильсона о времени президентства, издательства заранее сражались друг с другом за право выпустить в свет его собственную версию побед и драм. Но жестокая болезнь не позволила великому политику сконцентрироваться на периоде, когда он творил историю своими руками. И он не хотел, чтобы его мемуары были столь же горькими, как мемуары одного из его предшественников, Джона Квинси Адамса. Между тем в конце пути Вильсон, несомненно, кипел обидой и разочарованием. И был полон решимости обрушиться на тех, кто, по его мнению, не увидел редкой исторической возможности для Америки, тех, кто, по его мнению, предал его. Уже наброски, в которых, скажем, Ллойд Джордж без обиняков назван «скользким типом», могут дать представление о предполагаемом характере готовившихся мемуаров президента.

Свершилось примерно то, что предсказывал сам Вудро Вильсон в своем нью-йоркском обращении к ирландцам из общества Святого Патрика. Тогда он с горечью говорил, что когда великий человек умирает, то общая атмосфера вокруг его имени становится более благоприятной, чем та, что была на его

последнем дне рождения. Люди начинают смотреть на покойника, как на человека, склонного обратиться взором к горизонту, готовому вести войска к вершине холма, несмотря ни на какое сопротивление противника, как на борца, поднимающего общие стандарты целых наций. И тогда посмертно он обретает своего рода патент на принадлежность к благородному сословию. Однако такого патента не существует, особенно в свободной стране, отринувшей привилегии благородного происхождения; есть только одно – признание особых духовных и интеллектуальных качеств, и тогда, быть может, даже дух великого человека ощутит себя принадлежащим к избранной бессмертной плеяде, чьи имена написаны в книге человеческих надежд.

Инаугурация Вудро Вильсона

Был ли Вудро Вильсон наивным американским идеалистом? Во многом он являлся воплощением либерализма девятнадцатого века с его безусловной верой в прогресс, с рациональным христианством, уверенным в реализации Божьей воли на земле. Этот человек из прошлого встретил неотвратимые бури двадцатого века, и в этом смысле его крушение было, вероятно, неминуемо. Романтические порывы столкнулись с действием идеологической махины, с одной стороны, и со свежеизобретенным оружием массового поражения – с другой.

Его главный внутриполитический противник – сенатор Генри Кэбот Лодж – не терпел идеализма, как он говаривал, «на голом месте». Лодж считал лидером президента Линкольна, потому что ему удалось – как немногим – заменить то, что есть, на то, что

должно быть. Ради успеха в реформировании необходима самоотверженность, зрелая цельность, которой Вудро Вильсон восхищался, но, по мнению Лоджа, сам ею не обладал. Для успешного реформирования, писал Кейнс, необходимо идти в ногу со временем. А это сложно в условиях индустриальной и социальной революции, полного переворота в господствующих идеях. Это, к слову сказать, ощутили и советские реформаторы в полтора последних десятилетия XX века.

И, разумеется, реформы Вильсона осуществлялись в условиях противостояния внешнего мира. Во многих случаях эмоциональные порывы президента сдерживали его друзья в Принстоне, а затем – его лучший советчик, полковник Хауз. Они, если так можно выразиться, спасали Вильсона от самого себя. Однако к 1919 году сдерживающие центры исчезли – ранее близкие друзья ушли сами или были удалены. Да и новая жена Эдит не была похожа на умершую Элен, мудрую и спокойную советчицу. Одной из ее особенностей была вражда к Хаузу независимому и проницательному помощнику Вильсона. Никто не стал подобием Хауза в Вашингтоне после 1919 года. И это – на психологическом уровне – решило судьбу Версальского договора (подписан 28 июня 1919 года), а с ним и президента Вудро Вильсона.

Самый большой провал президента Вильсона – это неудача в деле закрепления американских позиций после окончания Первой мировой войны. Первоначально Вильсон предполагал не идти ни на какие компромиссы. На борту пересекавшего океан «Джорджа Вашингтона» он говорил своим помощникам, что мир будет невыносимым, если последуют только компромиссы. Не прошло и двух месяцев, как президент позволил уверить себя, что мандатная система отличается от аннексии, и вопрос о всеобщем разоружении был отставлен. Последовали вопиющие уступки по вопросу о Шаньдуне и по польскому вопросу. Президент сдался по вопросу о Рейнской области и проблеме Саара. А важнейшие репарационные и финансовые статьи он просто проигнорировал. Итальянцы получили перевал Бреннер, а дальше уступкам уже не было числа. Кончилось тем, что Вильсон утверждал с полной серьезностью, что США примут мандат на Армению и даже на Константинополь. Дело было не только в личных качествах президента – дело было в том, что он, оставшись в одиночестве, не рассчитал своих сил.

Большинство представителей правящего класса Америки сплотилось вокруг концепции, которую лучше всего выразил не президент Вильсон, а сенатор Лодж. Дать Антанте (военно-политическому блоку Англии, Франции и России) решить

германскую проблему на своих условиях, сделать Западную Европу ответственной за борьбу с Советской Россией, а Соединенным Штатам оставить возможности сконцентрироваться на собственной сфере влияния – Западном полушарии, и сохранить руки свободными для дальнейшей деятельности.

Сам Вильсон ощутил сложность задачи переустройства мира в соответствии с американскими идеями сразу же после начала Парижской мирной конференции. Партнеры отнюдь не разделяли его пафоса мироустройства. Ллойд Джордж с сарказмом писал, что президент видел себя мессией, задачей которого было спасти бедных европейцев от их стародавнего поклонения фальшивым и злым богам. Меж тем европейские политики смотрели на американского президента не как на носителя сверхъестественной мудрости, а как на распорядителя колоссальной мощью Соединенных Штатов. Вот этот критерий им был знаком, и они хотели разделить в завоеванном мире сферы влияния и наличные богатства. Стремясь, со своей стороны, окончательно искоренить изоляционизм в США и привязать страну к мировой политике, Вильсон после многих колебаний сделал решающие шаги в направлении европейцев. И это были шаги в сторону от «мира по-американски», Именно это и увидел Сенат США. Он не только продемонстрировал заскорузлость, в чем и обвинял его Вильсон, но и высказал резонные сомнения во всемогуществе США.

Дело не только в скепсисе Сената. Сенаторы были бы менее пессимистичны, если бы видели реальную возможность для США взять на себя полный контроль над европейским развитием, над тихоокеанской ситуацией. Но они достаточно отчетливо видели, что «почетное председательство» Вильсона в западном мире 1917–1918 годов стало ослабевать по мере того, как страх перед германским господством исчез, а мольбы о помощи замолкли. Тут же западноевропейские государства начали восстанавливать свои позиции. Потому-то Сенат США и не поверил в то, что Лига Наций может быть эффективным орудием американского воздействия на мир. Потому-то в этот решающий момент Вильсон и лишился политического кредита.

Политическая, а затем и физическая гибель президента Вудро Вильсона – это результат того факта, что правящий класс США не принял его схему *глобализации внешней политики страны* как оправданную, здравую и обещающую успех. Понадобилась еще четверть века, чтобы Соединенные Штаты поверили в свою силу чтобы возникла Организация Объединенных Наций, чтобы после промежуточного периода 1991–2001 годов Америка принялась строить мир, словами Вудро Вильсона, «безопасный для

демократии». Нам, современникам этого процесса, *на протяжении нашей жизни предстоит увидеть,* к чему реально приведет новый крестовый поход, осуществляемый в глобальных масштабах.

Талант и историческая значимость президента Вудро Вильсона были признаны при его жизни. При этом не было места равнодушному глазу – еще при жизни о нем писали и противники, и апологеты. Его жизнь и деятельность стали предметом всестороннего анализа по мере того, как высказывались очевидцы и участники событий, по мере того, как типографские прессы сделали достоянием масс главные документы его эпохи. О Вудро Вильсоне была создана обширная историческая литература, Явственно прослеживаются четыре периода интерпретации американскими историками политики Вильсона как лидера страны в критический для нее период.

Вудро Вильсон

Первый приходится на период разочарования итогами Первой мировой войны, последовавшей реакции и движения изоляционизма. Хронологически это 1920—1930-е годы. Возникла первая волна, посвященная вильсоновскому периоду, которую следует назвать ревизионистской, Общая идея этой историографической волны такова: президент Вильсон, вступая в мировую войну, сделал историческую ошибку. Ревизионисты утверждали, что цели Антанты были по своему характеру аналогичны целям центральных держав, что обе коалиции (с одной стороны, Антанта, с другой – «Тройственный союз» Гемании, Австро-Венгрии и Италии) виноваты в развертывании войны, что «крестовый поход», который возглавили Грей,

Пуанкаре и Извольский, оказался фальшивым. Америка вступила в войну в силу своих теснейших экономических связей с антантовской коалицией, из-за пробританских взглядов главных советников Вильсона, под давлением английской пропаганды. Президент неверно понял историческую реальность, его пресловутый идеализм сознательно или непреднамеренно прикрывал подлинный механизм вовлечения США в мировую войну.

В этот период главными «адвокатами» Вильсона выступили его бывший военный министр Н. Бейкер и историк Ч. Сеймур, издавший обширный архив ведущего советника президента – Э. Хауза. Но их апология Вильсона была убедительной лишь отчасти. Президент был вовлечен в войну мощнейшими подводными течениями – вот сомнительная высшая мудрость апологетов. Ревизионисты без особого труда подвергали уничтожающей критике столь простые, почти наивные объяснения.

Вудро Вильсон и король Георг. Лондон. 1918

В конечном счете самым популярным и убедительным документально-историческим отражением великой эпохи стали обильно документированные мемуары полковника Эдварда Хауза. Они, кстати говоря, были опубликованы в СССР в 1930—1940-е годы. Даже Вторая мировая война не остановила процесс публикации этого важнейшего источника – так высоко ставили историческую значимость и возможность лучше понять великого союзника в Москве.

Внимание привлекла книга воспоминаний многолетнего личного секретаря Вудро Вильсона Джозефа Патрика Тьюмалти (1879–1954) «Вудро Вильсон, каким я его знал», дышащая преданностью автора своему персонажу. Особенно широко в

обществе обсуждалась глава «Вильсон как личность», где человек, которого критики подавали мрачным мизантропом, был показан как легкий в общении, преисполненный юмора, удивительный друг и наставник.

Популярный в свое время Рэй Бейкер уже в 1919 году написал привлекшую пристальное внимание книгу «Что Вильсон сделал в Париже?», главной идеей которой было обоснование несомненного масштаба той роли и того места, которые отведены президенту в истории страны. В дальнейшем эта книга, плюс доступ к предоставленным Эдит Вильсон документам, позволила Бейкеру написать более панорамное исследование «Вудро Вильсон и создание нового мира». Именно Бейкер был назван официальным историком семьи Вильсона, более того – сам Вильсон избрал его своим «официальным» биографом. Рэй Бейкер, действительно, был фактически «членом семьи» в дни важнейших переговоров в Париже, имел доступ к самым секретным материалам, непосредственно следил за работой представителей держав, ведущих мирные переговоры. Ему были открыты важнейшие документы и многое из личной переписки Вильсона.

Бейкер, как мы уже говорили, один из «разгребателей грязи», увидел Вильсона еще пятидесятитрехлетним президентом Принстона и понял, что равных ему в мире политики никого не будет. Он написал ряд книг о президенте, многие из которых выглядят явно апологетическими. В его распоряжении были 200 тысяч писем и документов Вильсона.

Пользовавшийся значительной национальной популярностью историк Уильям Эдвард Додд опубликовал свою известную и весьма апологетическую биографию «Вудро Вильсон и его работа» уже в 1920 году. В этой книге выдающиеся черты Вильсона поданы не только с максимальной убедительностью его сторонника, но и с большой доказательностью профессионального и талантливого историка. Подчеркивалось религиозное воспитание, полученное Вильсоном; в некотором смысле на страницах Додда Вильсон представал продолжателем дела пуритан – упорных и трудолюбивых. Именно такие люди сделали Америку великой. Вильсон в изображении Додда презрел циничную обстановку Версальской конференции и внес свои принципы в мировую дипломатию, В американской истории выше стоит, полагал Додд, может быть, только Джордж Вашингтон. Как самостоятельная личность Вудро Вильсон не нуждается в апологетах и сикофантах. Изучение помещенных в Библиотеку конгресса документов президентства – лучший способ его исторической защиты. Непредвзятый наблюдатель сразу же

увидит черты его величия – черты исторического деятеля, героя, попавшего в сложные обстоятельства и совладавшего с ними.

Следующий, *второй,* период осмысления вильсоновского наследия и его политической культуры наступил перед Второй мировой войной, и своего рода историографическим лоцманом в данном случае явился прежний участник дипломатического планирования В. Вильсона – У, Липпман. В статье «Атлантический океан и Америка», опубликованной в журнале «Лайф» в апреле 1941 года, У. Липпман показал Вильсона хладнокровным реалистом, который вступил в мировой конфликт, не руководствуясь некими абстрактными благими пожеланиями, а взвесив негативные последствия завоевания Германией Европы. Он подал Вильсона и его ведущих советников далекими от сентиментальности геополитиками. Возглавляемая Липпманом «реалистическая» школа интерпретации дипломатии Вильсона господствовала в 1940—1950-е годы, ее наиболее видными представителями были Р. Ван Олстин и Р. Осгуд. «Реалисты» выступили жесткими противниками ревизионистов, они осуждали тех «близоруких» политиков и косные массы, которые ограничили гениального президента в его крупномасштабной дипломатической игре. В эпоху расширения внешнеполитических притязаний США «реалисты» создали своего рода культ В. Вильсона как проницательного защитника подлинных американских интересов. Националистический мотив стал явно доминировать в книгах представителей этой школы.

Портрет Вильсона, изображенный военными

Такие идеологи «реализма», как Р. Осгуд, исходили из того, что национализм – это подлинная, настоящая религия, а Вильсон

ее первый жрец. И если ревизионисты стыдливо концентрировали внимание на объяснении причин вступления Америки в войну, то «реалисты» периода «холодной войны» гордились президентом, включившимся в мировую схватку. Вильсон, считали они, избрал верный политический курс. В этот период имперского ажиотажа и упрощенного, «черно-белого» видения мира «вильсонизм» стал своего рода культом, получил широкое и в целом благоприятное освещение главенствующих американских буржуазных историков. Для них Вильсон был пророк, опередивший свое время, искавший устойчивое мировое равновесие в сложном соотношении сил. Он поверг во прах британскую монополию на морях и сделал бесплодным германское посягательство на господство на суше, создал предпосылки для дальнейшего продвижения Америки к мировому могуществу.

Историк из Принстона Артур Линк, написавший наиболее известную многотомную биографию В. Вильсона, также примыкает к идейному направлению «реалистов». Вильсон, что называется, вручил Соединенным Штатам ключи от мировой истории. Линк объясняет решение президента Вильсона вмешаться в войну его глубоким убеждением в том, что американское участие в военных действиях создаст самое надежное основание для скорейшего заключения мира и реконструкции международного сообщества. Линк рисует президента, восставшего против реакционного прусского юнкерства в Германии и против доморощенных реакционеров в странах Антанты, за мир и безопасность всех наций, Вильсоновская биография Линка едва ли будет в ближайшее время превзойдена по широте охвата и детальности изложения.

Линк издал также все письма и личные документы Вудро Вильсона в шестидесяти (!) томах. Это позволило более широкому кругу историков ближе познакомиться с легендарным президентом. Чем ближе сам Линк касался личности великого деятеля, тем большим его апологетом он становился. Он судил о своем герое не по стандартам своего времени, а как бы глядя с точки зрения вечности, руководствуясь более долгосрочными критериями. И это давало ему возможность осуществлять свою оправдательную миссию.

Близкой к указанной была позиция «долгожителя» среди политиков – республиканца полковника Стимсона, который в мемуарах поделился своей главной мыслью о Вильсоне: даже когда Вудро Вильсон совершал ошибки, считал Стимсон, в нем все равно всегда ощущалось величие пророка. *Он даже ошибался, как говорится, в правильном направлении.*

Третий период переосмысления идеологии и политической

культуры Вильсона наступил в США в 1960-е годы. Несколько новых обстоятельств жизни нации подорвало могущество «школы реализма», Упрощенное видение «вечной правоты» пророка интервенционизма вступило в противоречие с реалиями бурно развивающегося мира, не желавшего быть в том или ином виде частью мировой американской зоны влияния. Представители этой, третьей, волны постарались показать Вильсона деятелем, который инъекцией либеральных идей обеспечил стабильность эволюции американского общества.

Возникла *интернационалистская школа* интерпретации вильсоновской позиции. Она отрицает и ревизионизм как обращенный к трактовке отдельных «эпизодов» (кто начал войну и т. п.), так и «реализм», который выдает американский национальный эгоизм за высшие цели всего человечества. С точки зрения интернационалистской школы, Вильсон был продуктом и достойным представителем той среды и эпохи, когда формировался современный мир. Он не являлся ни слепым моралистом, ни хладнокровным макиавеллистом своего времени.

На этой новой фазе переосмысления политики Вильсона краски несколько приглушены. Здесь больше сбалансированности. В оценках последней школы определенно ощущается озабоченность тем, как бы прямолинейный национализм не подвел страну к ядерной катастрофе, В этом плане полезными видятся опыт 1914–1918 годов и осторожность Вильсона в первые два с половиной года президентства. Одной из наиболее значимых фигур, стоящих на позиции интернационалистской интерпретации дипломатии Вильсона, является А. Мейер, который в своих трудах стремится поставить Америку того периода в контекст общего мирового развития. Этот историк полагал, что Вильсон был «охранителем» старого мира, и его политика в отношении новой России демонстрирует его позицию наиболее наглядно.

Интернационалистская интерпретация дипломатии Вильсона считала прежний спор «реалистов» и ревизионистов отвлеченным. Цели Америки в войне были определены социальным подъемом в Европе, а не перипетиями классической дипломатии. Будь Вильсон только реалистом, он бы просто заключил с Антантой еще один тайный договор. Будь Вильсон просто моралистом, он должен был бы вообще отвернуться от бойни в Европе. Будь Вильсон «апостолом свободы», он никогда бы не связал свою судьбу с империалистами Антанты. В любом случае он заложил основы трезвого и осмысленного подхода к созданию ответственных *международных организаций.* Такова тенденция развития американской историографии на третьем этапе. Шел

более трезвый разговор о политическом лидере, который был сыном своего класса, исполнял определенную классовую функцию и делал это с примерной трезвостью.

В. Вильсон, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж. Версаль, 1919

Представители интернационализма видели, насколько сложным был контекст деятельности Вильсона в 1919 году Джордж Кеннан в книге «Американская дипломатия. 1900–1950» писал о мире, заключенном с помощью Вильсона, что это был тот сорт мирного договора, который получается в случае, если кто-либо позволяет военной истерии и непрактичному идеализму вместе разместиться в своем сознании, подобно льву и ягненку. Вильсон постарался сделать максимум в не благоприятствующих его идеалу обстоятельствах.

В работах Дж. Кеннана, У. Уильямса и многих других национализм в том виде, в каком его формулировал и интерпретировал Вильсон, стал анализироваться не как «единственная религия» (в этом случае он заводил Америку в тупик в Корее, Вьетнаме и других местах), а как преувеличенная, неоправданная тенденция выпячивания национальных интересов.

Одной из главных слабостей третьего периода осмысления деятельности Вильсона является то, что, стараясь определить баланс революционных и реакционных сил в Европе, интерпретаторы не обращают должного внимания на политическую и социальную борьбу внутри самих Соединенных Штатов. Считается, что страна была якобы свободна от собственных проблем, что и позволяло Вильсону, в отличие от двух его европейских коллег, выступать в качестве независимого государственного деятеля. Даже если обратиться лишь к борьбе

внутри американской элиты по вопросу о целях войны на выборах в ноябре 1918 года, станет ясно, что версии, защищаемые такими лидерами третьего периода, как А. Мейер, весьма часто не согласуются с тогдашними реалиями.

Словом, наблюдая за историографическими описаниями деятельности президента Вильсона, трудно удержаться от впечатления переменчивости ее интерпретаций.

На современном, *четвертом,* этапе ревизионизм и «реализм» начали отступать, и Вильсон обрел новых заступников, по-новому интерпретирующих его деятельность и наследие. Помимо прочего, сказалось то обстоятельство, что в американской исторической литературе, испытавшей заметный новый подъем в последние десятилетия двадцатого века, нет единства, характерного для 1920—1930-х и 1940—1960-х годов. На фоне общего разброда в американской историографии бихевиористы, вышедшие на первый план исторических исследований, сторонники теории игр, системного анализа и прочих модернистских нововведений, постарались дискредитировать «примитивизм» своих предшественников. Отдельной полосой прошла историография «новых левых», много почерпнувших у таких ранних критиков политики Вильсона, как Дж. К. Тернер и Дж. Кеннан, старавшийся показать, что истоки современной американской внешней политики берут начало во временах Вильсона. В интервенционализме Вильсона ряд историков и публицистов усмотрели корни вьетнамского фиаско Америки.

Такая пестрота взглядов привела к тому, что исчерпывающей оценки политики Вильсона не существует, и хотя бы относительный историографический консенсус, подобный тому, что был характерен для периода 1920—1960-х годов, ныне не достигнут. Современный читатель может получить сведения лишь о том или ином аспекте деятельности Вильсона. Попытка понять личность президента и его политику в целом осложнена пестрым спектром противоборствующих интерпретаций.

В. Вильсона поднимали на щит идеологи «Pax Americana» в 1950-е годы, он был главным героем президента Никсона, когда тот сделал несколько шагов к реализму в американской внешней политике, о нем вспомнили после трагических событий сентября 2001 года. И столкновение взглядов по поводу этого деятеля американской истории продолжается, поскольку интерпретация героя в данном случае существенно зависит от пристрастий историографа. Для одних он гений, для других – лицемер; для одних пророк, для других фантазер. Американская историография в общем и целом изображает его своим героем, исходя из того, что выход США на мировую арену должен, с точки

зрения граждан страны, считаться благодеянием для человечества. Именно так подает ход событий неоконсервативная волна 2000-х годов, поднявшаяся в условиях, «приближенных» к этапу 1917–1919 годов: единственная в своем роде сверхдержава, Соединенные Штаты ощутили возможность диктовать свои условия в глобальном масштабе.

Мы же, рассматривая сложную политическую судьбу двадцать восьмого президента США, видим в его деятельности проявление американской дипломатии периода *первого броска США в борьбе за передел политического и экономического влияния в мире на условиях американского главенства.* Это более чем объективно и актуально. И то, что казалось благом для правящего класса Америки, оборачивалось – и оборачивается – трагедией для тех народов, чью судьбу американское руководство пыталось решить, учитывая прежде всего свои интересы, полагая, что Америка имеет ответы на основные мировые вопросы. В ходе Первой мировой войны Вильсон не хотел идентифицировать свою страну со старыми колониальными державами; нечто созвучное мы видим в отношении к союзникам и потенциальным партнерам у администрации Дж. Буша-младшего во время войны в Афганистане и Ираке в 2001–2003 годах.

Как личность Вудро Вильсон представляет собой фигуру первостепенной значимости. Потому-то его биографию и писали такие знатоки человеческой психики, как Зигмунд Фрейд. В новом столетии создана обширная литература не только о президенте, но и о таких близких ему людях, как вторая жена Эдит.

На фоне не блещущих компетенцией и проницательностью глав исполнительной власти Вудро Вильсон стоит как утес – прежде всего благодаря цельности характера и таланту к восприятию мирового опыта, Именно поэтому мы и рассматриваем его столь подробно. Америку XXI века трудно понять, не зная базовых ценностей государства и игнорируя жизненный путь человека, который впервые *привел Соединенные Штаты на все континенты и во все океаны.*

В заключение скажем, что Вудро Вильсон оставил огромный след в истории своей страны, да и мира в целом. По существу, он трансформировал американское государство изнутри, но еще больше изменил его внешний статус. Он реформировал американскую экономическую систему, он создал новую финансовую систему, он ввел революционный налог на прибыль, реорганизовал банковскую систему, осуществил антитрестовское законодательство, словом, оставил Америку иной, чем принял, более современной, готовой к фантастическому подъему в XX–XXI

веках.

Посмертная маска Вудро Вильсона

В 1913 году американцы лишь мельком оглядывались на тот мир, что лежал за Атлантическим и Тихим океанами. Вильсон глобализировал внешнюю политику своей страны. Он послал солдат на запад и восток Евразийского континента, он сделал сферой американских внешнеполитических интересов весь мир. Он взял на себя ответственность за важнейшие решения неповторимого периода 1914–1919 годов, Президент не передоверил роковых решений профессиональным дипломатам, он вникал в эти проблемы лично. На небольшой переносной машинке с синей лентой он печатал свои главные послания и тайные ноты партнерам и противникам. Никогда уже после него президент не брал заботы государства *на собственные плечи,* полагаясь *на себя,* а не на сонм помощников. Минуя государственный департамент, Вильсон создал механизм прямого обращения к влиятельнейшим политикам эпохи. Он встал вровень с такими творцами мировой политики, как Ллойд Джордж, Черчилль, Клемансо, Пуанкаре; эти деятели первого ряда признавали его фантастический талант. По смелости подхода к социальным вопросам его мог обойти разве что В. И. Ленин.

Президент Вильсон в значительной мере изменил не только ход американской внешней политики, но и соотношение сил, ответственных за проведение этой политики в Вашингтоне. По существу, он отобрал у Конгресса его внешнеполитические полномочия, сделав центром формирования стратегии Белый дом. Америка в час мирового кризиса получила энергичного

вождя, готового обозначить курс, повести страну в соответствии с этим курсом и взять на себя ответственность за последствия. Вильсон реформировал политическую платформу демократической партии. Ее заветы и традиции подверглись с его стороны осмеянию и поруганию за непростительный, с точки зрения Вильсона, провинциализм, лишающий страну возможностей, ставших реальными вследствие битвы европейских держав, которая ослабила прежних мировых лидеров.

Руководя американской дипломатией в роковой период, когда появился исторический шанс сравняться с ведущими европейскими державами и даже подняться над ними, Вильсон постарался использовать этот шанс до конца. Он энергично поставлял ресурсы Соединенных Штатов на службу перестройке мировых силовых связей, на службу «Pax Americana», В этом предприятии он основывался на результатах безостановочного полувекового индустриального развития США, поставивших страну во главе мирового технического прогресса. Убежденность Вильсона в решающей роли США в будущем базировалась на его оценке превращения страны в 1911–1916 годах в главную промышленную и финансовую силу. Вильсон хотел придать американскому экономическому колоссу адекватное силовое поле. Он не сомневался, что вслед за этим успехом американский капитализм добьется безусловного первенства в мировой торговле и, как следствие, в мировой политике, мировой культуре. Он мечтал разрушить европоцентричный мир и утвердить центр нового мира на Североамериканском континенте.

За день до президентских выборов 1916 года он сказал внимательно слушавшей его аудитории, что американцы отныне могут определять сами, кого финансировать, а кого нет, поскольку находятся внутри процесса трансформации цивилизации, которая в ближайшем будущем позволит США определять политику любой страны. Президент Вильсон раньше большинства представителей правящего класса Америки пришел к выводу, что США в силу обстоятельств становятся нацией-арбитром. В Вашингтоне подобные слова прозвучали снова только после окончания Второй мировой войны и – с новой силой и ощутимо для всех – после окончания «холодной войны». Президент Вильсон подчеркивал тот факт, что ресурсы национальных банков США на 3 млрд. долларов превосходят ресурсы Английского банка, банка Франции, Русского банка, Берлинского Рейхсбанка, банка Нидерландов, Швейцарского банка и банка Японии вместе взятых. Исходя из этих цифр, Вильсон делал вывод, что США лучше чем когда-либо готовы

вести все остальные страны по пути, пролегающему к свету.

Вудро Вильсон радикально трансформировал политическую карту Центральной и Восточной Европы. Многих это восхитило, многим принесло огромные страдания. Одни до сих пор видят в нем мессию, другие – государственного деятеля, посеявшего семена, давшие горькие всходы. Многие превозносили его «четырнадцать пунктов», положенных в основание Лиги Наций, но такие осторожные реформаторы, как Джон Мейнард Кейнс, скептически глядя на экстраординарную картину надежд, идеалов, слабостей, поражений и разочарований, задавали вопрос, не был ли президент Вильсон нездорово хитрым?

Эти знаменитые «четырнадцать пунктов Вильсона» заслуживают того, чтобы быть приведенными. Он сформулировал их в своей речи перед Конгрессом 8 января 1918 года. Заранее оговоримся: немногое (специалисты подсчитывают, что лишь четыре позиции) было реализовано на практике. Но о Вильсоне они говорят не менее, чем биографические книги. Вильсон считал, что необходимо:

1) исключить секретные соглашения между государствами, добиться открытости международной дипломатии;

2) разрешить свободу мореплавания за пределами территориальных вод;

3) установить свободу торговли, устранив экономические барьеры;

4) разоружиться, уменьшив вооружения в каждой стране до минимального уровня, необходимого для обеспечения национальной безопасности;

5) свободно и беспристрастно рассмотреть все колониальные вопросы с тем, чтобы учесть точку зрения и колонизаторов, И КОЛОНИСТОВ;

6) освободить российские территории, предоставив стране свободу выбора формы правления;

7) освободить также территорию Бельгии и признать ее суверенитет;

8) освободить французские территории, восстановить справедливость в отношении Эльзаса и Лотарингии, оккупированных в 1871 году;

9) установить государственные границы Италии по национальному признаку;

10) предоставить народам Австро-Венгрии возможность свободного развития;

11) освободить территории Румынии, Сербии и Черногории, предоставить Сербии возможность выхода к Адриатическому морю и гарантировать балканским государствам независимость;

12) предоставить независимость турецким частям Оттоманской империи, гарантировав суверенитет и автономное развитие народам, находящимся под властью Турции;

13) создать независимое польское государство, объединяющее все польские территории;

14) создать всеобщее международное объединение наций в целях гарантии целостности и независимости как больших, так и малых государств.

Повторим и еще раз акцентируем внимание: конечной целью Вильсона было использование растущего экономического и политического потенциала Америки для создания нового миропорядка. Нужен был лишь подходящий инструмент. Вильсон считал будущую экономическую экспансию Америки гарантированной, если Соединенные Штаты сделают выбор и станут моральным и финансовым лидером в Лиге Наций, поддерживая экономически стабильный и антиреволюционный либеральный международный порядок. Надо сказать прямо, что актуальность подобного подхода неоспорима и в XXI веке.

Реализация этой доктрины натолкнулась на мощное противодействие как на внешней арене, так и внутри страны. Очень скоро очевидной стала огромная стоимость таких глобальных претензий – как в прямом, так и в переносном смысле, как для других стран, так и для самой Америки, ее внутреннего развития, ее морали, ее культуры, ее ресурсов, в том числе человеческих. Это урок и для современных лидеров США.

С поражением и физическим крушением президента Вильсона оканчивалась целая эра, время торжества прогрессизма и «большого правительства». Тогда, в 1920 году, лидер республиканцев-изоляционистов сенатор Лодж упивался популярностью своего кредо, гласившего, что граждане страны должны выступать сейчас и в будущем за американизм и национализм против интернационализма. Не будет безопасности для американцев, не будет надежды на то, что они смогут оказать услуги всей земле, если политическая платформа не учтет уроков этого периода.

Контрольные вопросы

1. Как определил Конгресс США свою позицию в отношении Первой мировой войны в Европе?

2. Каково содержание политической доктрины, именуемой в США прогрессизмом. Кто ее олицетворял?

3. Какие перспективы отношений с Россией после Февральской

революции были привлекательны и возможны для правительства, деловых и общественных кругов США?

4. Как в США были встречены первые шаги по созданию Лиги Наций?

5. Был ли Будро Вильсон наивным американским идеалистом?

6. Каковы основные позиции в интерпретации внутренней и внешней политики В. Вильсона?

7. Какие изменения β политической культуре США были осуществлены Вудро Вильсоном?

Глава десятая
Американская культура после первой мировой войны

Первая мировая война оказала травматическое действие на весь мир, включая и Соединенные Штаты Америки. Вместе с тем она сблизила США и Европу, сделала Европу, особенно Францию, притягательной для американцев. В художественном отношении США стали равняться на лучшие образцы Европы, впервые поставив культуру на одно из центральных мест в обществе. После Первой мировой войны началась новая эпоха.

Культура новой эпохи

Между Первой и Второй мировыми войнами американцы *оказались в авангарде века техники.* Американские аэропланы, авианосцы, подводные лодки и массовая армия стали знаками эпохи уже на исходе Первой мировой войны. Это «механически-количественное» отношение к жизни и спасло Америку в эру пессимизма.

Если Европа на все лады повторяла слово *«абсурд»,* столь любимое Анатолем Франсом, то Америка вообще не знала такого слова. Да, часть американских философов была знакома с творчеством великого экзистенциалиста Серена Кьеркегора. Часть американцев, которые жили в Цюрихе, в 1916 году стали дадаистами. Те американцы, которые жили в Париже, пошли за французскими экзистенциалистами, а жители срединной Европы усиленно читали Франца Кафку.

Америка стояла на историческом переломе. То, что было бы еще десять-двадцать лет назад пустым оригинальничанием – прежде всего идеи мировой роли Америки, – стало во втором десятилетии XX века главенствующей политической философией когорты деятелей, занявших в годыправления президента Вильсона (с 1912 года) высоты государственной власти в Вашингтоне. Это было особенное время для Америки. Вслед за чередой посредственностей, наследовавших после Линкольна Белый дом, к власти в начале века один за другим пришли неординарные политические деятели – Теодор Рузвельт, а затем и Вудро Вильсон, воплотивший национальную жажду перемен. Для тридцатилетнего Франклина Делано Рузвельта они стали первоклассными учителями.

В XX веке американская культура окончательно избавилась от

комплекса изоляционизма, оторванности от главных процессов европейского и мирового культурного развития.

Между тем американские университеты достигли пика своего творческого развития. Самыми популярными предметами стали латинский язык, английская поэзия, американская и английская история, современные иностранные языки. Отказавшись от изоляционизма, Америка стала оглядываться на мир, интересоваться им. Люди, перестроившие американские университеты, такие как Николас Батлер (ректор Колумбийского университета) и Лоуренс Лоуэлл (ректор Гарвардского университета), прежде чем занять свои почетные должности, долго путешествовали по Европе.

Собственно, американцы и не могли дальше формировать свою культуру, не обращая внимания на внешний мир – а этот мир пришел едва ли не в каждый американский дом вместе с радио, художественными выставками, адекватными литературными переводами.

Вашингтон начала второго десятилетия XX века был особенным городом. Окончилась его вековая спячка. Росли здания, федеральные учреждения приобретали новую, общенациональную значимость, Прежнее провинциальное общество столицы превращалось во все более космополитическое. Рузвельт исправно учился танцевать танго и все виды тротов. Женщины начали курить. Длина юбок резко сократилась.

В моде снова был Омар Хайям и своего рода гедонизм – радостное отношение к жизни, упоение ее прелестями и возможностями. Американцы играли в гольф, являлись членами всех избранных клубов, посещали театр.

В социальном плане эпоха корифеев капитализма Джона Джейка Астора, Джона Рокфеллера и Джея Пи Моргана уходила. Наступала эра пригородов и «американской мечты», олицетворяемой собственным домом и автомобилем. Неконтролируемое насилие монополий было уже невозможно. Страна выходила из «джунглей» ничем не сдерживаемого капиталистического разгула.

Удивительнее всего было само время. У Первой мировой войны сразу появились свои поклонники, Так, великий американский поэт Эзра Паунд (1885–1972), оказавший колоссальное влияние на развитие мировой поэзии, и упоминавшаяся уже Айседора Дункан (1878–1927), совершившая подлинный переворот в мировом танцевальном искусстве, взялись за прославление «очистительной битвы». Но никто не мог превзойти клерикалов в деле прославления праведной войны.

Война сделала возможными убийственные химические газы,

подводные лодки, массированный артиллерийский обстрел, танковые и пулеметные атаки. Война, в конечном счете, отрезвляла. Единицы в культурном мире не поддались на бешеную пропаганду милитаристов всех мастей. В частности, во Франции это были писатели Ромэн Роллан и Анатоль Франс, в Англии – драматург Бернард Шоу в Германии – композитор Рихард Штраус.

Первая мировая война уничтожила прежде характерный для США тип филистера. Он еще был жив в 1920 году, но уже началась его удивительная трансформация в более рефлексивное и критичное существо, Речь идет не только об эстетическом изменении, но о признании прав и престижа культурной элиты. Настоящее искусство теперь вызывало большое уважение. Новые стили с трудом, но принимались. Буржуазный мир Америки перестал быть мировым маргиналом. Но при этом типичный американский буржуа, пройдя сквозь алхимию войны, превратился в покорного потребителя всевозможных новых домов и товаров в 1920-е годы, в эпоху просперити (процветания, экономического и культурного подъема), и остался таковым до конца XX века. Однако он согласился и с существованием интеллектуального культурного авангарда, диктующего литературную моду и способы жизнедеятельности. И правящая Америка приняла как факт то, что культура воплощает собой духовное начало, делающее мир более благородным, и в этом она даже способна соперничать с религией. За «артистом», за «художником» в самом широком смысле слова в это время обществом оказалась признана высокая функция критики порока.

Перси Уиндем Льюис. Портрет Эзры Паунда. 1939

Айседора Дункан

Такая точка зрения стала присуща преобладающей части американского общества, и это также изменило прежнее, повторим, маргинальное положение артиста, художника и писателя, то есть творца художественного мира в Америке. С этой позицией согласились даже такие столпы американского общества, как бизнес, церковь, правительство. *Именно со времен Первой мировой войны началась эпоха популярного модернизма.* В 1920-е годы общество оказалось завоевано искусством, во многом воспринимавшимся как своего рода религия. И если в 1850 году в Америке говорили, что существует *«искусство для искусства»,* мало связанное с реалиям американской жизни, и лишь немногие верили в его всеобщую облагораживающую силу то в 1920-е годы возобладал лозунг *«искусство для жизни».* Наиболее ценными качествами стали веселость, жизнелюбие, терпимость к человеческим странностям. Главным же оказалось то, что от искусства стали ожидать своего рода компенсации за ужасы войны.

Европейский опыт

Два миллиона американцев в составе экспедиционного корпуса посетили Европу в 1917–1918 годах. Это была первая встреча американской молодежи с европейской культурой. Кроме

того, те из европейских иммигрантов в США, которые теперь прибыли в Европу, были молоды, и некоторые из них предпочли после войны остаться в Европе. Высокая стоимость доллара позволяла этим экспатриантам безбедно жить в Европе. Именно в 1920-е годы возникла своего рода американская колония в Париже, где американцы могли беседовать с Пабло Пикассо, Джеймсом Джойсом, Эзрой Паундом и Гертрудой Стайн, жадно воспринимая их идеи и замыслы. Стало очевидно стремление американской молодежи к интеграции в европейскую культуру Эти люди были категорически против американского изоляционизма. И лишь великая депрессия 1929 года возвратила их назад, на родину. Таким образом, раз и навсегда был уничтожен обычный для прошлых десятилетний разрыв в культурном обновлении Северной Америки в сравнении с Западной Европой.

В Америке, в которую они возвращались, возникла авторитетная средняя школа, находившаяся на пике влияния и эффективности, что и позволило ей ассимилировать миллионы иммигрантов. Свободная средняя школа вызывала зависть в других западных странах. Расписание предметов было либеральным – латинский язык, английские поэты, американская и английская история, современные иностранные языки, математика. А огромные университеты, такие как Колумбийский, где «царил» уже упоминавшийся ректор Николас Мюррей Батлер, и Гарвардский, процветавший под руководством также названного Лоуренса Лоуэлла, постоянно увеличивали количество принимаемых студентов, Молодые американцы быстро обгоняли в интеллектуальном развитии лишенных подобных возможностей отцов. Немало демобилизованных солдат пошли в университеты, и это вливание зрелых людей в число студентов дало свои положительные результаты. Открывались новые факультеты, посвященные изучению музыки, искусствоведения, театра, Факультеты английского языка принимали на отделения критики, эссеистики, писательского творчества.

В промежуток между Первой и Второй мировыми войнами в социокультурной эволюции Америки очевидным стал прогресс трех направлений: 1) сексуальная эмансипация, 2) движение за права женщин и 3) создание «Вэлфэр-стейт», или системы государственной социальной помощи. Произошли также значительные перемены в моральной, социальной и политической сферах, особенно в сфере этнической политики многонациональной страны.

И без европейского опыта в 20-е годы XX века Америка росла

неслыханными темпами. В 1928 году она владела большим объемом мировой торговли, производства и богатств, *чем когда-либо до или поте.* Время словно ускорило свой бег. Наступила пора массового применения прежних изобретений. Даже английский язык не успевал за новыми понятиями и процессами. Еще в 1888 году группа академических ученых решила издать словарь всех употребляемых английских слов в десяти томах. На реализацию проекта положили сорок лет. Сложности начались уже при завершении буквы «А» – дополнений оказалось неожиданно много. С окончанием работы над буквой «С» выяснилось, что в словарь не вошли еще четыреста новых слов, скажем, «кино», и лексикографы решили включить его как «синема». К окончанию проекта в 1928 году стало очевидно, что на каждое старое слово уже образовалось по одному новому и издание просто необходимо дополнять. Например, в девятнадцатом веке существовало лишь два цвета носков – белый и черный, а в двадцатом – уже сорок три цвета. В изданном в 1929 году «Международном словаре Вебстера» значилось более трех тысяч слов, вошедших в употребление между 1909 и 1927 годами. Из 299 слов, начинавшихся на букву «А», две трети новых шли из сферы науки, медицины, изобретений, 82 – из области авиации. Искусство дало лишь одну новую лексическую единицу – *«атональность».*

В начале 1920-х годов молодые интеллектуалы обратили свое внимание на несколько европейских литературных произведений, которые можно назвать *определяющими.* Их авторы были представителями старшего поколения, а книги, написанные во время Первой мировой войны, были связаны с осмыслением ее опыта – теперь уже интернационального. Речь идет, прежде всего, о романе Томаса Стернза Элиота «Утраченная земля», отразившем мысли и надежды выживших на войне. Уже первая фраза романа («Апрель – самый жестокий месяц года») задала тон всему повествованию. Американские писатели были восхищены новым эмоциональным опытом своего английского коллеги. Книга сыграла роль, подобную «Фаусту» Иоганна Вольфганга Гете и «Паломничеству Чайльд-Гарольда» Джорджа Гордона Байрона. А в Ирландии Джеймс Джойс завершил «Улисса» – сагу о контрасте между критическим сознанием и неизбежными желаниями. Эта проза стала своего рода способом излечения неврозов. Об упадке общества говорили Бернард Шоу в «Доме, где разбиваются сердца» и Марсель Пруст в «Поисках утраченного времени». Обоих писателей волновала проблема исчезновения интеллектуальной элиты, беспокоила грядущая нарастающая власть толпы. Общая тенденция между тем выглядела так, что

художественных законодателей эпохи в первую очередь интересовал человек.

Не будет преувеличением сказать, что самой читаемой иностранной книгой в США 1920-х годов в послевоенный период была книга «На западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка. Горькая ирония автора точно соответствовала духу времени. Американским аналогом могли служить «Три солдата» ветерана войны Джона Дос Пассоса (1896–1970). В 1925 году появились первые книги писателя, который потом будет назван лучшим автором поколения – Эрнеста Хемингуэя. При всем уважении к традициям американская литературная молодежь была ориентирована на культ нового. Новые деятели американской культуры демонстрировали настоящее смешение стилей. В 1920-е годы было принято говорить, что срок существования нового стиля – три месяца. Для подтверждения этого перефразировали поговорку: «Жизнь – это долгая дорога, а продолжительность произведения искусства невероятно кратка».

Томас Стернз Элиот

Заметим, что граждане США полагали, что заслуживают лучшего политического руководства. При всем вызывающем благодушии «просперити» в стране начал складываться блок сил, не согласных со многими чертами правления президентов Гардинга и Кулиджа. К чести Гардинга нужно сказать, что он понимал ограниченность своих талантов и искренне считал президентское кресло адом для таких людей, как он, и все чаще предпочитал гольф днем и покер ночью. Ненужные волнения плюс переедание и пристрастие к выпивке доконали даже этого первоначально здорового и спокойного человека. Он умер в

роскошном отеле в Сан-Франциско, возвращаясь из Канады. Ему наследовал вице-президент Кальвин Кулидж, известный невзрачностью и немногословностью, Описывают случай, как одна дама сказала ему во время обеда: «Я заключила пари, что извлеку из вас больше двух слов». Кулидж ответил: «Вы проиграете». Дама вновь спросила: «Каково ваше хобби?» Кулидж отозвался: «Поддерживать порядок».

Новые явления американской культуры

В национальной культуре сформировалось три подхода к творческой деятельности: 1) не становись жертвой серьезности, жизнь полна удовольствий; 2) все в культуре уже сказано, опирайся на здоровую традицию и ищи свой путь; 3) можешь быть серьезным, но не становись жертвой традиций. Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) дал свою критическую оценку эпохи в книге под говорящим названием «Дегуманизация искусства». И это произвело впечатление, ориентируя на второй путь восприятия культуры.

Сохранили свой авторитет Теодор Драйзер и Норман Дуглас, смотревшие на Европу, где им ровней были Андре Жид, Ромен Роллан, лауреат Нобелевской премии Джон Голсуорси, Арнольд Беннет. И уже демонстрировали свой талант молодые: Жан Кокто, Вирджиния Вульф, Андре Моруа. В Америке на их уровне стояли Синклер Льюис, Скотт Фитцджеральд, Эрнест Хемингуэй и др.

Одна общая, всеобъемлющая идея, один сюжет объединил и в эти годы американскую литературу – узость мировоззрения буржуазии. Наиболее талантливо эту идею выразил Синклер Льюис в романе «Бэббит», Эту же синклеровскую идею развивали Томас Манн в «Будденброках», Джон Голсуорси в «Саге о Форсайтах», Марсель Пруст в романе «В сторону Свана». Во всех этих произведениях представители разных национальных литератур осваивают в это время одну и ту же тему гибели человеческого духа. Общество враждебно по отношению к творческим личностям. Даже семья становится жертвой обнищания человеческого духа.

Джон Голсуорси

Американские романисты данного периода находились под мощной опекой уже упоминавшегося великого американского критика Генри Луиса Менкена, который выступил против буржуазии и той демократии, которую она контролирует. Наряду с атаками на буржуазную узколобость, на «систему», начинается расцвет жанра военных рассказов. Из среды ветеранов прошедшей войны выделились подлинные таланты, способные передать атмосферу эпохи.

Возвращаясь к романному творчеству, следует отметить, что с этого времени трудно найти американский роман, в котором не было бы откровенных сексуальных сцен. Та же особенность присуща и американской поэзии. Любовные коллизии, которые прежде авторы едва намечали, теперь становятся основой сюжета целого ряда произведений.

Не зря противозачаточные средства стали частью американской жизни с 1920-х годов. Сексология получила статус науки. Фрейдисты доказывали, что воздержание вредно даже с чисто медицинской точки зрения. Изменение манер провоцировало эмансипацию.

Неформальное поведение стало нормой и даже модой. В правилах этикета стал видеться лишь барьер на пути естественных человеческих поступков. Новую манеру подчеркивали мягкие воротнички мужских рубашек, короткая стрижка у представителей обоих полов, короткие рукава. Эта непринужденность как бы приглашала раскрепоститься.

Возникает новое чувство товарищества обоих полов, подстегиваемое спортом, танцами, легким отношением к сексу, спортивными автомобилями, телефоном и патефоном. Новое популярное времяпрепровождение называлось «necking»[6]. Короткие волосы и впалая грудь стали приметой «героя времени».

Тема внебрачных связей обсуждалась в национальных масштабах, «Эмоциональная зрелость» была названа предпочтительной. Американский судья по имени Линдси выступал за продолжительный период интимных отношений до вступления в брак. Большинство ратовало за облегчение разводов. Сексуальная революция неизбежно породила контрреволюцию. Стали запрещать печатание определенного типа книг. Но знак «Запрещено в Бостоне» служил величайшей рекламой самому дурному произведению. В 1927 году судья Вулси запретил распространение в США «Улисса» Джеймса Джойса. Пуританская Америка еще имела силу. Этот тип респектабельности Сомерсет Моэм назвал колпаком, под которым дураки прячут свою глупость.

В 1920-е годы Америка начинает закрывать двери перед иммигрантами. Разумеется, принятый в мае 1921 года новый закон об иммиграции, называвшийся «Чрезвычайным Актом о квоте», именовался временной мерой. Дорога в страну с тех пор была лишь полуоткрытой. Разрешался въезд не более 357 тысяч человек в год (треть довоенного уровня). Акт 1924 года ограничил въезд 164 тысячами в год. Каждая страна получила свою квоту. Англия – 65 тысяч человек, страны Восточной Европы (Россия, Польша и др.) – по две, три тысячи. И все же численность тех, кто не считал английский язык родным, в США составляла уже 22 миллиона человек. В 1920-е годы число живущих в городах впервые превысило численность фермерского населения Америки. В шестидесяти восьми городах количество проживающих достигло ста тысяч. И стоимость производимого промышленностью уже в три раза превосходила стоимость сельскохозяйственной продукции Америки.

Самым быстрорастущим городом страны стал калифорнийский Лос-Анджелес (рост с полумиллиона жителей в 1920 году до трех миллионов в конце 1930-х годов). Это был первый большой город Америки (третий по населению после Нью-Йорка и Чикаго), где большинство жителей проживали в собственных домах.

Итак, 1920-е годы – это эпоха веселья, наступившая после страшной мировой трагедии. Развлечения овладели разумом нации. Музыкальные комедии не сходили с бродвейских сцен, и вокруг неутомимо звучал джаз… Вспомним одну маленькую

деталь из романа Эриха Марии Ремарка «Три товарища»: в предвоенной Германии то и дело ставят пластинку с зовущими и чувственными мелодиями. Это джаз, стремительно распространившийся из Америки в Европу.

XX век можно назвать веком кинематографа и веком мировых войн, веком освоения космоса и веком ядерного оружия… А можно – и веком джаза. Эти удивительные музыкальные композиции, хрупкие, подвижные, непредсказуемые. Но они являются фоном для основных культурных, социальных, политических и прочих процессов, происходивших в мире в период между Первой и Второй мировыми войнами. Все события – и мелкие, и крупные, и личные, и общегосударственные – можно представить себе под звуки джаза.

Маршалл Стернс (1908–1966) в своей замечательной книге «История джаза» писал, что эту музыку проще «распознать» на слух, чем дать ей строгое научное определение. В основе всегда лежит полуимпровизация, которая основана на трехсотлетнем симбиозе двух различных музыкальных традиций: с одной стороны, это европейская классическая гармония, с другой – народные ритмы и мелодии чернокожих жителей Африки, волею судьбы оказавшихся предками афроамериканцев. Фактически в джазе осуществилось слияние «белой» и «черной» культур. В музыкальном отношении преобладающую роль здесь сыграла европейская традиция, Но те ритмические качества, которые сделали джаз столь характерным, необычным и легко узнаваемым, ведут свое происхождение из Африки.

Большое значение имел фактор появления джаза. Джаз родился не где-нибудь, а в Северной Америке. А это, как мы знаем, была территория протестантов и пуритан, а не испанских или французских католиков, Протестантские проповедники, миссионеры стремились обратить африканцев в истинную веру. И когда чернокожие проникались основами христианства, они создавали свои духовные песни, гимны, называемые «спиричуэлз». Затем появились и блюзы. Произведения этих двух жанров и легли в основу более поздних джазовых композиций.

Но Стернс насчитывает не два, а шесть источников джаза. Это ритмы Западной Африки, рабочие песни, религиозные песни афроамериканцев, негритянские светские песни (блюзы), европейско-американская народная музыка прошлых столетий, музыка менестрелей и уличных духовых оркестров.

Разумеется, когда мы говорим об «африканском ритме», необходимо учитывать, что сами африканцы на своей родине никогда не знали джаза в современном понимании. Однако в ритуальном многозвучии огромного количества барабанов, в

сложнейшей полиритмии уже чудится провозвестие джаза. Полиритмия и импровизация в этнической музыке Африки – главные качества. Конечно, когда целые семьи африканцев насильно угоняли в Новый Свет, им запрещали брать с собой даже барабаны. Но ведь их просто изготовить, а память поколений длинна…

1920-е связаны также со своеобразными трансформациями в области художественной литературы.

Статус литературы все больше получали юмористические (или красочные) журналы, такие как «Лайф». Героями становились юмористы типа Стивена Ликока.

Это было также время расцвета карикатуры. Но славу 1920-м годам составила все же мультипликация, которая очень скоро после знакового1921 года – времени появления первых мультфильмов в канзасской мастерской братьев Дисней – начала свое без преувеличения победное шествие по всему миру.

Стивенс Ликок

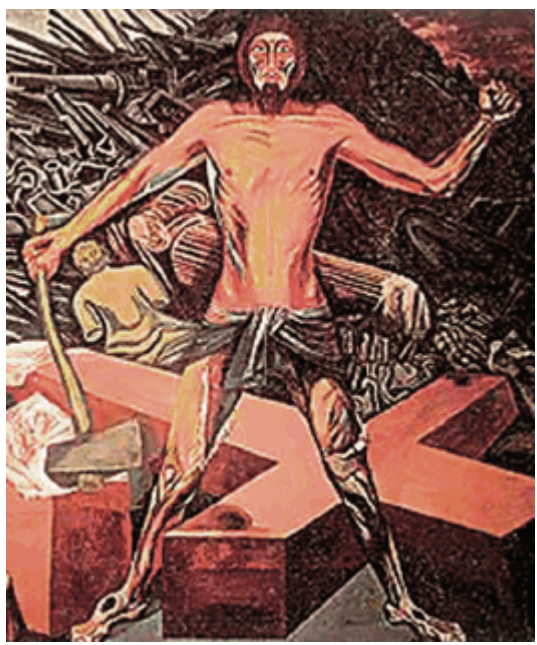
История начиналась примерно так, как все сказки про всех Золушек мира. Уолт Дисней, выходец из очень бедной семьи, отправился в Голливуд, чтобы кого-нибудь уговорить взяться за воплощение его гениальной идеи – создание фильмов с рисованными персонажами. Отчаявшись найти поддержку, он на деньги больного туберкулезом брата купил краски, кисточки, прожекторы и прочее оборудование, чуть не силой захватил гараж своего дядюшки и принялся за производство. Так родилась «Дисней Бразерз Студио».

Первым мультфильмом Уолта Диснея стала «Алиса в стране чудес», Его удалось продать в прокат и даже выручить небольшие деньги. В 1923 году братья подписали свой первый контракт с дистрибьютером… Тогда-то и возникло название, ныне известное всем от мала до велика: «Уолт Дисней Компани». Постепенно

были придуманы, нарисованы, появились на экранах кролик Освальд, мышонок Микки-Маус, утка Дональд Дак, пес Плуто. Вышла в свет культовая «Белоснежка».

Мексиканское влияние

В своего рода «мексиканском присутствии» в развитии американской культуры между мировыми войнами ключевую роль сыграл художник Диего Ривера (1886–1957). Ни один живописец не демонстрировал с такой полнотой соотношение национального и интернационального в своем творчестве. Он знал Пикассо, был близок с европейскими кубистами, с их эстетикой. Риверу убедили вернуться в Мексику и участвовать в развитии национальной культуры. Он поставил перед собой цель объединить «доколумбово» индейское искусство и современное искусство Северной Америки.



Хосе Клементе Ороско. Новое сошествие Святого Духа

Вступивший в коммунистическую партию Ривера был признан лидером национального искусства, наряду с Хосе Клементе Ороско (1883–1949) и Давидом Сикейросом (1896–1974). Эти художники воспринимаются в США как «муралисты» (мураль – термин для обозначения настенной живописи). Ривера брался за создание настенной живописи на Фондовой бирже Сан-Франциско, в Институте искусств Детройта, в рокфеллеровском

центре Нью-Йорка. По его словам, настенная живопись должна помочь борьбе человека за свое достоинство, В этом оптимистическом духе он исполнял заказы крупнейших капиталистов своего времени. Сила публичного искусства Риверы поражала. Эта живопись была строго секулярной и материалистической, торжественной и по-своему безмятежной, она была при этом и монументальной. Влияние кубизма, как и поклонение итальянскому Ренессансу, было очевидным в манере Риверы – как и приверженность к математическим формулам, к «тайной геометрии» рисунка. Впечатляет его «Создание Сан-Франциско» – гимн человеческому труду и упорству Американскую культуру обогащали и работы еще более смелого, чем Ривера, художника Ороско, расписавшего стены Дартмутского колледжа в Нью-Хемпшире (1932), где главной темой стала встреча белых пришельцев и краснокожих аборигенов Америки. Интерпретация Ороско «американской идеи» поражает: он пессимистически относится к белым завоевателям и не верит в прочность установленного ими порядка.

Сикейрос идейно то совпадал во взглядах со своими коллегами, то яростно им противился. Но никто не может отрицать и его заметный вклад в американское искусство первой половины XX века. Впервые в этот период Северная и Южная Америка находят общий художественный язык.

Достижения в архитектуре, дизайне, промышленности

В период между двумя мировыми войнами среди американских художников, помимо блестящей плеяды мексиканцев, выдвинулись «магический реалист» Эдвард Хоппер (1882–1967) и абстракционист-урбанист Чарльз Шиллер (1883–1965). Их привлекал реализм, но в целом они ненавидели любые ярлыки и смертельно боялись всякой связи с влиятельными группами. Среди них были «Художники американской жизни», Энди Уорхолл и другие представители этой группы вдохновлялись визуальными богатствами Америки. Другие группы – провинциалисты, восхищавшиеся патриархальной идиллией, и регионалисты периода «нового курса» Франклина Рузвельта, которые, изображая провинциальную Америку, ее регионы, противостояли провинциальной духовности (Томас Харт Бентон, иллюстрировавший Марка Твена, Грант Вуд, Джон Стюарт Керри).

Несправедливым было бы не напомнить своеобразную революцию, произведенную в металлической скульптуре

скульпторами-абстракционистами Александром Кальдером (1898–1976) и Дэвидом Смитом (1906–1965). Кальдер получил инженерное образование, но оставил инженерную карьеру ради скульптуры. Первые же его творения (1926) обратили на себя внимание, обозначив его подлинный талант. Появилась так называемая «кинетическая скульптура», которую признала Европа того времени.

Немалую помощь создателям новых стилей оказала состоявшаяся в 1925 году Выставка декоративных искусств. Луис Салливен, как уже говорилось выше, выдвинул *доктрину функционализма* — «форма следует за функцией», – и это превратилось в кредо американской архитектуры, Он был основателем рационалистической архитектуры XX века, представителем чикагской архитектурной школы. Его доктрина произвела много полезного и много прекрасного. Дизайнеры, стремясь увеличить аэродинамические качества автомобиля, довели его внешнюю форму едва ли не до абриса черепахи. Дизайнеры ар-деко сгладили линии мебели, сделали ее низкой. Архитекторы начали видеть в городе скопище коробок. Отдельные здания потеряли способность отличаться друг от друга. Постепенно публика оказалась зачарована обликом новых сооружений. Трудно было оторвать глаза от океанского лайнера «Нормандия», от моста Джорджа Вашингтона в Нью-Йорке, от Арки у реки Миссисипи в Сент-Луисе. Характерно, что мост Вашингтона был спасен от «затянутости» в каменную обшивку самими архитекторами, не желавшими повторения прежних форм.

В нью-йоркский порт прибыл капитан французской армии Раймон Леви. В американские фирмы он входил с портфелем под мышкой, который открывал перед производителями массовой продукции, чтобы убедить их, что они производят нечто, имеющее отвратительный внешний вид – и это может быть исправлено. Его наброски производили впечатление. Леви очень интересовался цветовой гаммой оформления любого продукта. Вскоре маленькие коробочки для духов приобрели оригинальные формы. Забота о внешнем виде охватила и другие сферы производства.

Арка у реки Миссисипи в Сент-Луисе

Следующим новшеством, как и в мире, было в США «говорящее искусство». Решающим годом для радио был 1922-й. Франция начала международное вещание на французском языке с Эйфелевой башни, «Радио Москва» из столицы Советской России, «Би-би-си» из Лондона. В 1923 году в США было продано полмиллиона радиоприемников, а в 1925 году – два миллиона.

К концу 1930-х годов радио в Америке регулярно слушали около тридцати миллионов человек. Это была солидная конкуренция кинематографу, но тот не только не сдал своих позиций, но впервые в буквальном смысле сказал свое решающее слово – кино стало говорящим. В 1927 году в стране было 17 тысяч кинотеатров. Почти в каждом городе, большом и маленьком, здание кинотеатра было едва ли не самым внушительным. Огромные студии работали над производством фильмов безостановочно, и посещение кино еще двадцать лет занимало привилегированное место в области развлечений американцев.

Одни изобретения изменяли жизнь общества больше, чем другие. В 1919 году закрытые автомобили составляли лишь десятую долю всех машин, но уже в 1927 году 85 % авто выпускались с закрытым верхом. Автомобиль в Америке в условиях «сухого закона» послужил, как считали некоторые, своего рода альтернативой алкоголю. В своей книге «Ответственное пьянство» Роберт Бринкли утверждал, что мораль и нравы выдержали сотни лет пьянства, но поколебались перед

массовым использованием автомобиля, увеличивавшего возможность приключений, краж и исчезновений.

Автомобиль стал средством колоссального увеличения мобильности общества и притом массовым. В 1920 году в стране был собран 1 миллион 900 тысяч автомобилей. Через десять лет – 2 миллиона 800 тысяч, а в 1940 году – 3,7 миллиона. Если в 1920 году общее число автомобилей в Америке составило семь с половиной миллионов, то в 1930 году – двадцать семь миллионов: решающий для общества скачок. Автомобиль стал для американца, словами Синклера Льюиса, предметом поэзии, трагедии, любви и героизма. Сорок шесть процентов американских семей имели автомобили. Именно автомобильная промышленность стала ведущей в американской экономике, потребляя 90 % нефтепродуктов, 75 % производимого стекла, 25 % производимых станков, 20 % стали, 80 % резины. Автомобиль действительно начал стирать грани между городом и деревней, позволил американцам в массовом порядке перемещаться к новым рабочим местам.

Игорь Сикорский на вертолете VS-300

Все это касалось не только легковых автомашин. В 1904 году в Америке было произведено 700 грузовиков, к 1918-му – полмиллиона, а к 1940-му – почти пять миллионов. В 1930 году в стране уже существовали сотни автобусных компаний, жестоко конкурировавших в поисках пассажиров. Конкурент автобусов и железных дорог – пассажирская авиация возникла неожиданно, из нужд почтовой службы. Чтобы стимулировать перевозку почты по воздуху, в 1925 году частным авиакомпаниям было разрешено брать пассажиров. Первый регулярный маршрут был открыт 4 апреля 1927 года между Нью-Йорком и Бостоном. К1930 году в небе США господствовали четыре авиакомпании – «Юнайтед»,

«Истерн», «Американ» и «ТВА». В этом году на самолетах впервые появились стюардессы. Между 1930 и 1940 годами воздушные перевозки увеличились в двенадцать раз. В 1934 году впервые в стране было продано более миллиона авиабилетов.

В тридцатые годы внешний вид самолетов изменился по сравнению с периодом Первой мировой войны разительно. Теперь их делали целиком из металла, обтекаемой формы. В 1931 году иммигрант из России Игорь Сикорский создал проект и построил первые клипперы для «Панамерикен», они долгое время задавали тон в пассажирской авиации. В начале 1930-х годов по воздуху путешествовали двести тысяч человек На 8 миллионов пассажиро-миль приходилась одна жертва. В конце 1930-х годов одна жертва приходилась уже на 100 миллионов пассажиро-миль, число воздушных путешественников дошло до нескольких миллионов в год. В 1939 году клиппер «Панамерикен» Боинг-314 начал межатлантические перелеты.

Появление Франклина Рузвельта

К середине 20-х годов в политической жизни Америки обнаруживается зреющее недовольство правлением республиканцев.

Пожалуй, самым проницательным критиком республиканского правления (1920-е годы) выступил сенатор от Небраски Джордж Норрис. Написанную им критическую статью не приняли респектабельные «Кольерс Уикли» и «Форум». Только «Нейшн» осмелилась 16 сентября 1925 года напечатать слова о том, что политика республиканцев отбросила страну на двадцать пять лет назад. Норрис задался вопросом: если тресты, различные конгломераты и большой бизнес готовы править, почему бы не разрешить им делать это прямо, без посредничества дорогостоящего механизма, который первоначально был создан для защиты народа от контроля монополий?

Г-жи Рузвельт и г-жа Вильсон на инаугурации Ф. Рузвельта

На этом политическом фоне, Франклин Рузвельт вплотную занялся подготовкой к решающему раунду политической борьбы. Период между 1925 и 1927 годами он посвятил поиску и формулированию принципов, которые могли бы объединить «городскую» и «сельскую» фракции демократической партии, позволили бы расширить национальную базу демократов. Рузвельт хотел стать лучшим специалистом в своей партии в области внешней политики. При этом его «осевой» концепцией было продолжение дела интернационализма, глобальной политики президента Вильсона, к которому он относился с величайшим пиететом как к основателю американского курса на все XX столетие. В 1921 году Рузвельт участвовал в создании Фонда Вудро Вильсона, средства которого предназначались для поощрения сторонников активной внешней политики США, считая, что в стране должна быть создана новая школа дипломатов. Рузвельт стал одним из основателей «Школы Уолтера Пейджа» (бывшего посла Вильсона в Лондоне) при Университете Джонса Гопкинса. В 1920-е годы Рузвельт лично корректировал учебные планы в университетах и колледжах страны, стимулируя интерес к происходящему на международной арене. В период, когда Америка демонстративно отвернулась от Лиги Наций, Рузвельт подчеркнуто открыто выступил за членство

США в этой организации. Некоторым из его друзей странно было смотреть, как молодой амбициозный политик борется за дело, вчистую проигранное мастером политической борьбы, каким был Вудро Вильсон. В 1923 году Рузвельт создал такой проект нового сообщества наций, который, по его мнению, будет более приемлем для американского народа, чем отвергнутая Лига Наций.

Ради вхождения в мировое сообщество, где индустриальная мощь США должна была сыграть решающую роль, Рузвельт предлагал выдвинуть и пропагандировать поправки к законам, призванные уменьшить страх американцев перед новым и неизведанным предприятием. Согласно его плану США не могли быть вовлечены в чисто региональные проблемы, американцы не могли быть призваны к решению задач, ведущих к использованию вооруженной силы без полного и свободного согласия граждан, выраженного посредством национальных конституционных процедур.

Между тем достижения Америки были впечатляющими. Между 1919 и 1929 годами валовой национальный продукт вырос на 39 %. Число домов, имеющих радио, увеличилось с нуля до сорока процентов, со стиральными машинами – с 8 до 24 %, с холодильниками – с 1 до 8 %, с пылесосами – с 9 до 30 %. В 1920 году лишь 35 % населения имели в домах электричество, а в 1930 году – 68 %; если в 1910 году один телефон приходился на пятнадцать человек, то в 1920 – уже на восемь. Но все эти бытовые улучшения касались все же лишь меньшинства американцев, Один верхний процент населения владел пятнадцатью процентами национального дохода. В 1927 году 207 человек платили налоги с доходов в один миллион долларов и более. Доходы корпораций выросли за 20-е годы на 76 %. В 1929 году на богатейшие двадцать процентов населения приходилось более половины расходов американцев, многие из менее богатых, но все же весьма состоятельных людей ощутили блага материального прогресса страны. Такая ситуация могла привести к общественному ожесточению с невиданными последствиями. Страну нужно было реформировать. За это и взялся Франклин Рузвельт.

Контрольные вопросы

1. Каковы социокультурные следствия исчезновения комплекса изоляционизма в Америке?

2. Какие трансформации претерпели социально-культурные

функции искусства в культуре Америки 1920-х годов?

3. Прогресс каких направлений в рамках социокультурной эволюции страны оказался наиболее очевидным в период между Первой и Второй мировыми войнами?

4. Какие явления европейской литературы оказали наиболее сильное влияние на состояние американского общественного сознания послевоенного периода?

5. В чем выразилось мексиканское влияние на развитие американского изобразительного искусства?

6. Как менялось лицо архитектуры и производственного дизайна в стране?

7. Каковы тенденции развития американской промышленности 1930-х годов?

8. Какова динамика валового национального продукта Америки между 1919 и 1929 годами?

Глава одиннадцатая
Великий кризис и выход из него

Обвал на нью-йоркской бирже 29 октября 1929 года знаменовал наступление новой эпохи. За несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более десяти миллиардов долларов. Эра беспечного благополучия закончилась, наступили суровые времена. От месяца к месяцу депрессия постепенно становилась Великой. Рассуждая о причинах Великой депрессии, известный экономист Дж. К. Гелбрейт назвал, прежде всего, владение пятью процентами населения третьей части доходов страны. Валовой национальный продукт упал с 103 миллиардов долларов в 1929 году до 58 миллиардов в 1932 году. Доход на душу населения снизился с 847 долларов в 1929 году до 465 долларов в 1932 году. Инвестиции в сельское хозяйство также существенно сократились. На протяжении трех лет с начала краха в среднем сто тысяч трудящихся теряли свои рабочие места еженедельно. Численность безработных достигла 24 % всей рабочей силы в 1932 году (двенадцать миллионов человек).

Собственно, американская «Великая депрессия» была лишь частью глобального экономического кризиса, начавшегося в 1929 году и закончившегося лишь во второй половине 1930-х. Кризис затронул все развитые страны Запада, включая Великобританию, Германию и Францию, коснулся и других государств. В наибольшей степени пострадали промышленные города. В целом ряде стран, например, практически прекратилось строительство. Из-за падения спроса цены на сельскохозяйственную продукцию сократились на 40–60 %.

Очередь безработных за бесплатной едой.

Причин кризиса было несколько. Во-первых, это нехватка денежной массы, ведь в то время деньги были привязаны к конкретному золотому запасу каждой страны, а не обеспечивались ее авторитетом, как сегодня. В то же время производство росло, появлялись новые виды товаров (прежде всего автомобили, самолеты, радио и др.), количество их увеличивалось, и в результате возникла сильная дефляция – падение цен, которое повлекло за собой финансовую нестабильность, банкротство предприятий. «Кризис перепроизводства» был спровоцирован и тем, что инвестиции в производство осуществлялись сверх реальной необходимости. Параллельно стремительный прирост населения перестал «компенсироваться», как в прошлые десятилетия, детской смертностью – медицина развивалась, уровень жизни повышался. В ряде стран импортные товары стоили значительно дешевле, чем аналогичные, произведенные внутри страны. Когда же таможенные пошлины были повышены, это ударило по карману потребителя.

В результате кризиса общий уровень промышленного производства был отброшен на тридцать лет назад, в западных странах появилось в общей сложности около 30 млн. безработных, резко ухудшилось положение фермеров, мелких торговцев, представителей среднего класса, подняли головы разнообразные политические экстремисты. В США закрылись более пяти тысяч банков, акции обесценились на 40 млрд. долларов, выросли инфляция и цены, промышленное производство сократилось в два раза, производство автомобилей – в пять, с 12 млн. число безработных в какой-то момент увеличилось до 15 млн., 5 млн. американских фермеров лишились земли за долги, 7,4 млн. человек умерли от голода.

Культура тридцатых

Достижения интеллектуалов Америки все же были впечатляющими и в тяжелые для страны тридцатые годы. В 1935 году выдающийся итальянский физик Энрике Ферми (1901–1954) бомбардировал тяжелые элементы нейтронами. Собственно, он открыл эффект цепной реакции деления ядер урана, что послужило основой для создания атомной бомбы.

Студия «Техниколор» создала первый современный цветной фильм; фотоэлемент стал прибором все более широкого потребления. Маркони производил опыты с ультракороткими волнами, благодаря чему открывалась перспектива общемирового

вещания, использования радара и многого, многого другого. Агентство «Ассошиэйтед Пресс» начало передавать фотографии по кабелю, и вскоре такие журналы, как «Лайф» и «Лук», приобрели современный вид, характеризуемый высококачественными фотографиями. На улицах начали продавать странные алюминиевые банки с жидкостями – такие, из которых сегодня пьет весь мир. На шоссе появились грузовики-дома, первые же трейлеры резко увеличили мобильность населения, которое и так уже не представляло себе жизни без фордовских моделей.

Журнал «Лайф», 1934

Культурный подъем, тем не менее, не мог ослабить социального напряжения. Тридцатые годы были временем общественного разделения, временем бурь. Средний доход американца равнялся полутора тысячам долларов в год. И распределение материальных благ было очень неровным. Глава голливудской компании «МГМ» Л. Майер получал в год более миллиона долларов дохода, а 98 % американских семей жили на бюджет менее пяти тысяч долларов в год. Ведущие культурные и политические силы ориентировались на мегаполис Нью-Йорк, великий Нью-Йорк, финансовую, экономическую, культурную и даже сельскохозяйственную столицу страны. К этому времени город представлял собой, как выразился один ценитель американской истории, не «плавильный тигель», а «кипящий котел» страны, главные ворота ее иммиграционного потока. Существует даже поговорка, что в Нью-Йорке больше ирландцев, чем в Дублине, больше итальянцев, чем в Риме, больше греков,

чем в Афинах. Национальные меньшинства, особенно евреи и католики, имели свои организации и представляли собой силу национального значения.

Между тем громкий успех журнала «Вэнити Фэйр» вдохновил издателей и возбудил у читателей неистощимый интерес. Множество талантов обратились к журналистскому творчеству. Немалое их число пришло в «Нью-Йоркер». Ум и компетентность эссеистов этого и подобных журналов не вызывали сомнений. Хорош был возглавляемый Менкеном журнал «Американский Меркурий» с его иронией, остроумием и сарказмом. То были журналы для верхнего и среднего класса, При дороговизне книг многие издательства публиковали популярные рассказы в тонких книжках. В конце же года составлялся сборник лучших рассказов. Такие издания стояли на полках едва ли не всех американских домов. Знамениты были короткие рассказы Катерины Менсфилд. Генри Джеймс, как и многие американцы, любил читать детективные истории.

Обложка книги Раймонда Чандлера

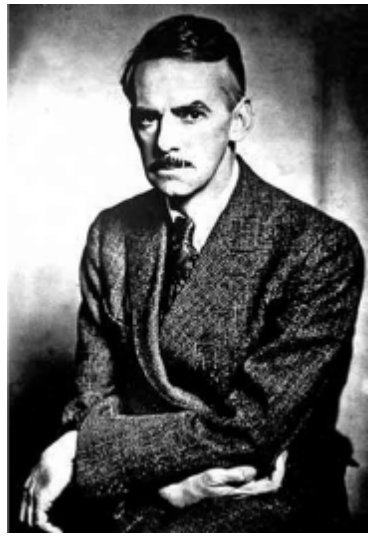
Американцы всегда любили биографии. Существовало два типа таких сочинений. Так, Литтон Стрейчи (1880–1932, член позитивистского «кружка Блумберга») был автором относительно кратких биографических работ. Классическими считались биографии «знаменитых деятелей викторианской эпохи», но написаны они были в стиле 1890-х годов. Резко отличались от них «психографии» Гамалиэля Бредфорда (1860–1932) и Э. Бентли, пытавшихся дать психологический портрет героя, обращавших много внимания на обстоятельства его жизни в детстве и юности, Эпоха любила нравоучительные жизнеописания. Но еще более она любила детективные истории, новеллы о великих сыщиках и описания страшных преступлений.

Вначале солидные американцы стеснялись своего пристрастия, но со временем детектив-триллер завоевал Америку. Сюжетная канва в этих повествованиях была примерно одинакова, но публику мрачные расследования только увлекали. Факт, что детективные истории – нужно сказать, что тон в этом жанре задавали английские писательницы, – покупали образованные американцы. Неутомимыми «поглотителями» книг этого жанра были президенты Вильсон и Франклин Рузвельт, мыслитель Бертран Рассел (1872–1970), латиноамериканские писатели Хорхе Луис Борхес (1899–1986) и Пабло Неруда (1904–1973). Разум и право во всех сюжетах неизменно побеждали, и это удовлетворяло читателей.

Популярный жанр вел свою историю от произведений Эдгара Аллана По. Наряду с «высокими» детективами публиковались менее прихотливо написанные шпионские истории. Однако вкусы и моды времени запечатлены в этих историях навечно. Классиками такой литературы в эти годы стали Раймонд Чандлер, Дэшиэл Хаммет и Дороти Сэйерс.

Черная Америка прославилась не только в джазе. Афроамериканка Жозефина Бейкер привела в восторг Париж своими «дикими и примитивными» танцами. Сами американцы уже – в своей массе – освоили ван-степ, ту-степ и фокстрот. Теперь американский джаз слушал весь мир. «Заражение» им было повсеместным, джаз был даже не модой – оказалось, он пришел навсегда. Знаменитые исполнители становились суперзвездами, Правда, теорию и историю джаза еще предстояло создать.

В классе «современные танцы» после Айседоры Дункан придуманный ею свободный танцевальный жанр развивали многочисленные поклонники, такие как Мэри Вигман. Многочисленные песни Берлина и Чарльза Ива лились на улицу. Между прочим, помимо популярной музыки, Ив был автором пяти симфоний.



Юджин О'Нил

В Нью-Йорке в 1930-е годы были успешными «Театр Гилд» и «Провинстаун Плейхауз». В бродвейских театрах мрачный драматург Юджин О'Нил (1888–1953) возглавлял труппу, которая включала в себя Максвелла Андерсона, Шервуда Андерсона, Бермана, Сидни Ховарда, Торнтона Уайлдера, Клер Бут, Лилиан Хелман. Все они работали «по системе Станиславского», в основе которой лежали спонтанность и естественность, отдавая должное русской сцене. Старшее поколение не могло расстаться с Шекспиром, но его пьесы часто сильно осовременивались. Много говорили о «Гамлете в одежде 1930-х годов», с телефоном на столе короля и его приказами связаться с друзьями. Но Шекспир давал возможность обсуждения и вечных вопросов.

Все же театр явно отступал перед кино, а вот его аудитория становилась без преувеличения многомиллионной. Американцы приобрели твердую привычку ходить в кино минимум один раз в неделю. Разделялись комедия, драма и «пышные фильмы». Кино порождало звезд, которых знала вся страна. Эти герои масс становились предметом подражания и подлинных культов. Чарли Чаплин (1889–1977) показывал сатиру посредством фарса. Мэри Пикфорд (1892–1979) и Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) стали предметами невиданного обожания как воплощение верных влюбленных, способных на героические подвиги, Вестерны (фильмы о Диком Западе, его обитателях, ковбоях, стрелках и индейцах) выделились в отдельную жанровую категорию. Но при этом неожиданную в таком контексте популярность приобрела экранизация «Профессора Унрата» по Генриху Манну (реж. Д. Штернберг, 1930 год).

Одно из ответвлений джаза, сложившееся на рубеже 1920–1930-х годов, получило название «свинг» благодаря пульсации, отклонениям ритма, неустойчивому равновесию композиции. Свинг стал музыкой десятилетия благодаря таким музыкантам, как кларнетист Бенни Гудмен, Фокстрот уступил место более вибрирующим ритмам, за ноты брался Гленн Миллер и вся новая плеяда раскованных импровизаторов. Подешевевшие патефоны и пластинки внесли новую музыку во все городские дворы, в растущие зеленые пригороды.

Тридцатые годы были, как уже говорилось, посвящены радио. Девятьсот радиостанций покрывали эфир всей страны, люди льнули к радиоприемникам – это был ежедневный ритуал. Отдельные передачи слушало до тридцати миллионов американцев. Впервые реклама приобрела общенациональные масштабы. Средства массовой коммуникации сближали удаленные районы страны, создавали то, что сейчас назвали бы «общим менталитетом», давали новые возможности и политическим силам, нуждающимся в опоре на массы. Именно поэтому общенациональные президентские выборы 1936 года должны были выразить отношение страны к деятельности президента Рузвельта в условиях новых возможностей для массовых организаций.

Повторим, что ни книги, ни радио не могли сравниться по популярности с кино. 85 миллионов американцев ходили в кино хотя бы раз в неделю; представим себе, какие цифры обозначали число посещавших кинематограф хотя бы в два раза чаще. В стране было семнадцать тысяч кинотеатров – в три раза больше, чем магазинов. И в каждом из них в год показывалось от ста до четырехсот фильмов. «Поколение депрессии» жаждало ухода в мир грез или триллеров только что обосновавшегося в Америке Альфреда Хичкока (1899–1980). До телевидения было еще далеко, и кино не имело конкурентов – собственно, оно заслужило название «национального наркотика номер один». Невозможно переоценить влияние кино между 1931 и 1945 годами.

Инаугурация

Обозреватель Артур Крок сравнил атмосферу в американской политической столице (напомним, что таковой считается Вашингтон, в отличие от экономической – Нью-Йорка) в день инаугурации 1933 года с настроением в городе, осажденном врагами. Перед Капитолием собралась толпа в сто тысяч человек. Генерал Макартур ожидал беспорядков, На стратегических высотах были установлены пулеметы.

Собственно, такие ожидания не были ни паническими, ни беспочвенными. Пятнадцать миллионов безработных стояли в очередях за бесплатной едой, седьмая часть населения жила за счет благотворительности, Четыре с половиной тысячи банков в стране закрылись, половина сборочных линий автомобильных заводов остановилась. На Великих озерах, вчера кишевших торговыми судами, замерло всякое движение, Задуты печи, закрыты шахты, ржавеет железнодорожное полотно. И стало исчезать то, на чем всегда стояла Америка, – ее упрямая вера в реализацию мечты.

Джон Дос Пассос

Нужно было что-то делать, и прежде всего – призывать на помощь смелых интеллектуалов, обладавших знаниями и широтой мышления, Главным источником рекрутирования ярких академических личностей для реконструкции страны стал Колумбийский университет, расположенный в самом центре Манхэттена. Смелые умы возникли в самых разных сферах. Профессор Моли был специалистом по уголовному праву, Рекс Тагвел – экспертом по сельскому хозяйству. Адольф Берль изучал изменения в экономической системе страны. Лучшие люди Америки дебатировали вопрос, каким должно быть политическое устройство государства. Левые идеи набирали силу и популярность, особенно среди интеллигенции.

Даже социализм казался многим приемлемым паллиативом. Как говорил по этому поводу писатель Джон Дос Пассос, если уж пить, то что-нибудь крепче пива. И с ним в симпатиях к коммунизму были солидарны лучшие авторы Америки – Шервуд

Андерсон, Эрскин Колдуэлл, Линкольн Стеффенс, Эптон Синклер, Малькольм Коули, Гренвилл Хикс, Клифтон Фейдмен. Эдмунд Уилсон считал коммунистическую Россию моральной вершиной мира, где свет никогда не иссякает. Уильям Аллен Уайт назвал СССР самым интересным местом на планете. Стандартным стало сравнение американского хаоса с русским порядком. Уильям Роджерс, заставлявший Америку задумываться при помощи смеха, предлагал поразмышлять о том, что «эти подлецы» в России осуществили несколько хороших идей. Самой хорошей из них была та, что каждый в стране имел работу.

Система, основанная на выколачивании прибыли, мертва. Журнал «Новый курс» вопрошал, почему же именно русским история предоставила всю интересную работу по переустройству мира. В России еще не читали Скотта Фитцджеральда, а он уже читал Маркса и сделал для себя вывод о том, что для осуществления справедливой социальной революции необходимо работать в рядах коммунистической партии.

Инаугурация Франклина Делано Рузвельта

В эпоху гигантского социального смятения Франклин Делано Рузвельт проявил самое высокое человеческое качество – солидарное сочувствие к обиженным и оскорбленным. Рузвельт провозгласил своим символом веры то, что *правительства имеют право ошибаться, также и президенты могут делать ошибки, но есть справедливость, о которой говорил бессмертный Цанте – это Божья справедливость, которая взвешивает грехи хладнокровных и грехи людей с горячей кровью на разных весах. Лучше допускаемые время от времени ошибки правительства, которое живет в духе милосердия, чем постоянная индифферентность правительства, замерзшего во льду собственного безразличия,* считал национальный лидер. Франклин Рузвельт восстал против механической интерпретации демократии, против идентификации прогресса с техническими новшествами, против

восприятия гуманизма как непрактичной догмы. Поставив нужды человека выше эффективности и любых материальных достижений, воззвав к состраданию, Рузвельт со временем был признан величайшим американским президентом двадцатого века.

Серым мартовским днем, без пальто и шляпы, Франклин Рузвельт, расправив свои широкие плечи, положил руку на семейную, трехсотлетнего возраста Библию и обратился к Верховному судье Чарльзу Эвансу Хьюзу Библия была открыта на тринадцатой главе первого послания апостола Павла коринфянам: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1-е Кор.: 13, 1–2).*

Далее Рузвельт произнес слова, которых ждали все. Он говорил, что наступило время сказать правду, всю правду открыто и смело. Нет никакой необходимости избегать честной оценки условий жизни американцев. Увы, дельцы убежали со своих высоких мест в башне национальной цивилизации. Задача для страны – поставить социальные ценности выше, чем денежные доходы. И речь шла не только об этике, не только о словах. Страна требовала действий, действий сейчас, немедленных действий. Великая нация Америки выстоит в этом испытании, как она выносила все прежние, оживет и будет процветающей. Единственное, чего должны бояться граждане США – это самого страха перед трудностями, безымянного, бессмысленного, безотчетного страха, который парализует усилия, необходимые для превращения отхода в наступление. Рузвельт испрашивал у Конгресса самые широкие полномочия, чтобы начать войну с несчастьем Великой депрессии, такие полномочия, как если бы на Америку напал внешний враг.

В далекие 1930-е годы закладывались основы той политической культуры, которая позднее приобрела в американской жизни черты «естественного состояния». В те времена отсутствовали массовые опросы населения, не было крупных социологически ориентированных исследовательских организаций. Политики в определенном смысле блуждали во тьме – заголовки ведущих газет ведь тоже строились на пристрастиях ведущих комментаторов, а не на реально существовавшем «мнении народном». Но пусть и не существовало больших социологических агентств, зато уже ощутима была необходимость в том, чтобы и в политике просчитывать

возможные результаты, видеть на несколько шагов вперед.

В эти последние предвоенные годы Америка приобрела черты, которые и ныне, спустя много лет, характеризуют ее прежде других. Страна перешла на пятидневную рабочую неделю. Кино и радио царили в развлечениях. Химия сделала бросок вперед, и с этих пор слова «нейлон» и «синтетические ткани» стали обиходными. Наука ускорила свое движение, что в меньшей степени можно сказать о социальном развитии, да и экономическое благосостояние затормозилось. Безусловно, несмотря на предпринятые в 1933–1936 годах усилия, социальный вопрос в богатейшей стране мира стоял очень остро.

В 1937 году был подписан Акт о справедливых рабочих стандартах: минимум оплаты за час работы – сорок центов; максимальная рабочая неделя – сорок часов; запрет на труд детей моложе шестнадцати лет Предпринимателям был дан срок в восемь лет для достижения этих стандартов.

Что думала о будущем молодежь Америки? Рузвельт призвал в Белый дом делегацию молодежных лидеров. Они сидели в праздничной Восточной комнате, вежливые и отчужденные. Их вопросы были нелицеприятны и прямолинейны: «Ваше мнение об американском Юге, где господствует однопартийная система (демократическая партия была здесь всемогуща)?»; «Почему деньги идут на национальную оборону, а не на социальные нужды?»; «Когда прекратится сегрегация в вооруженных силах?»; «Доллары на орудия и ничего для народа. Где лидерство президента?»…

Рузвельт с немым изумлением уставился на одного из критиков. Он поверил в его искренность и рассказал некую притчу – точнее, придумал эту притчу. В биографии Линкольна, написанной Карлом Сэндбергом, говорил он, президент Линкольн изображен очень печальным человеком. Не потому ли, что он не мог сразу сделать всего, что хотел?

Но ведь и никто не может. Не потому ли, что он вынужден был идти на компромиссы, чтобы сделать хотя бы что-нибудь? Линкольн был одним из тех несчастных людей, которых именуют «политиками», но он был достаточно практичен, чтобы совершить хотя бы что-то из задуманного, а в результате он сделал несколько великих вещей. Может быть, кто-то будет значительно лучшим президентом, чем Линкольн или даже сам Рузвельт. Может быть, такое однажды произойдет. И если лучший будет сидеть за этим столом, он поймет, что так же, как его предшественники, не может получить всего сразу, даже если будет кричать о своих мечтах с крыши Белого дома…

Речь Рузвельта слушали 65 миллионов американцев – 70 %

всей возможной аудитории: это рекорд в истории американского радио. В течение ночи в Белый дом пришло более тысячи телеграмм. Почти во всех выражалось одобрение озвученной позиции президента. Дочь Рузвельта Анна писала матери, что она и ее спутники слушали речь отца в поезде и были очень взволнованны: речь была произнесена превосходно, она звучала хорошо и сильно. Хотя Рузвельт в последний момент снял абзац, в котором говорилось о переводе кораблей из Тихого океана в Атлантику, общий тон речи был мобилизующим.

Идеи менее важны, чем факты; опыт учит лучше, чем теории. Рузвельт скептически относился к макросоциальным обобщениям и не любил предвзятых идей. Он считал, что жестко декларируемые истины так или иначе заставляют страдать несогласное меньшинство. Рузвельт любил эксперименты и говорил, что был бы доволен, окажись он прав лишь на шестьдесят процентов. Его революция 1930– 1940-х годов – это огромная серия практических социальных экспериментов, а не список жертв, сложенных к ногам очередного теоретического Молоха. Идея должна работать, а не пожирать своих противников. Новая идея социальной защиты не должна препятствовать индивидуальному самовыражению.

В век идеологического безумия, в десятилетия левого и правого экстремизма для подобной веры в себя требовалось немалое мужество. Рузвельт всегда утверждал, что жизнь богаче и шире любой догмы. Он совершил свою социальную революцию, но не на крови своих жертв, а на пути борьбы с проблемами. Он всегда гордился тем, что никогда не использовал силу. Эмпиризм, а не идеология, был его знаменем. И американцы действительно, пользуясь давней метафорой Джефферсона, проливали чернила там, где другие с такой ужасающей легкостью проливали кровь.

Трудно найти в истории параллель столь быстрому возвышению одного государства – от квазиизоляции до доминирования едва ли не на двух третях земной суши. Разумеется, материальные предпосылки такого броска Америки складывались многими десятилетиями, и первое место страны в индустриальном мире было достигнуто уже в конце XIX века, но реализовать этот потенциал на мировой арене предстояло поколению Франклина Делано Рузвельта.

Именно в его эпоху практика общенациональных выборов начала приближаться к современным чертам. Разумеется, тогда еще не было компьютеров, статистической динамики, научных и квазинаучных методов социологии. В тот год даже жрецы прогнозов не осмеливались выразить свое суждение. Безработица продолжала быть массовой – еще семь миллионов американцев не

могли найти работы. Но страна отрешилась от дурмана безнадежности, ощутила свое движение, начала мечтать о будущем. В этом смысле главное значение «Нового курса» для американского народа заключается не в вышеприведенных цифрах, а в начале изменения отношений между людьми. Биржа перестала быть единственным барометром жизни нации, люди начали ценить сочувствие, солидарность, осмысленные коллективные действия.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте экономический кризис и его социальные следствия.

2. Какие художественно-эстетические и технические достижения характеризовали культуру Америки периода Великой депрессии?

3. Начало каким трансформациям ценностных параметров общественного сознания было положено с приходом в Белый дом Франклина Рузвельта?

Глава двенадцатая
Вторая мировая война и ее последствия

1930-е годы и искусство

Братоубийственная Первая мировая война привела к концу культурного доминирования Европы на Западе. Исход интеллектуалов с европейского континента в Америку в 1930-е годы был главным симптомом культурного смещения. Так, величайший ученый XX века Альберт Эйнштейн прибыл в США в 1933 году, а за ним последовали, например, такие музыканты, как Бела Барток, Игорь Стравинский, Ганс Гофман. В результате Соединенные Штаты оказались в авангарде развития художественной мысли. Как мы говорили, уже с конца XIX века здесь развивалась оригинальная архитектурная традиция, возглавляемая Фрэнком Ллойдом Райтом и приведшая к своего рода революции в зодчестве XX столетия. Но только после Второй мировой войны Нью-Йорк «заместил» Париж в качестве столицы нового искусства Запада.

Здесь поселились представители знаменитого немецкого архитектурно-художественного объединения «Баухауз» Макс Бекман, Джордж Грош, Гропиус, Макс фон дер Роэ, Людвиг Хидешейер, Ласло Мохоли-Надь. Они создали Институт дизайна в Чикаго. Лучшие художники и скульпторы своего поколения – Фернан Леже, Пит Мондриан, Наум Габо, Макс Эрнст, Сальвадор Дали, Марк Шагал – работали на упрочение позиций американского национального искусства.

Мондриан, Леже и художники «Баухауза» сделали Нью-Йорк безусловной культурной столицей мира. Их «подпирали» сюрреалисты Эрнст, Дали, Андре Бретон, Марсель Дюшан. В Париже сюрреалисты и абстракционисты враждовали, но в Америке они пришли к консенсусу. Их основными американскими меценатами стали Артур Гартфильд Дав и Джо О'Киф – подлинные герои нового американского искусства.

Новая война

Японцы, напав в декабре 1941 года на Перл-Харбор, ошеломили американцев своей мобильностью, упорством, технической оснащенностью. Своих собственных солдат они не жалели. К концу декабря 1941 года японские десантные силы приблизились к коралловому атоллу Уэйк, находящемуся на пути

клиперов с Гавайских островов к Филиппинам. После кровопролитного боя они взяли в плен примерно полторы тысячи американцев. 15–16 декабря пали два британских протектората – Саравак и Бруней; 18 декабря под прикрытием дыма от горящих нефтехранилищ японцы форсировали проливы и ворвались в Гонконг. Между 23 и 25 декабря японские части высадили десант в Лусоне, бомбардировали Рангун в Бирме, продвигались на голландском Борнео.

В США крепли совсем иные настроения, чем раньше. Супруга президента, Элеонора Рузвельт, записывала, что, возможно, в каком-то высшем смысле для становления национального характера было и неплохо то, что страна училась смотреть в лицо несчастьям. Ведь жители США прежде были столь оптимистичны и даже почти высокомерны в своем ожидании постоянных успехов. Теперь же они оказались вынуждены найти в себе мужество встречать поражения и сражаться, несмотря на них, до победы. Твердость национальной воли, подчеркивала госпожа Рузвельт, есть одно из сильных качеств американцев.

Согласно планам президента, США уже в 1942 году должны были выпустить 60 тысяч самолетов (среди них 45 тысяч боевых), а в 1943 году довести общее число собираемых на конвейерах железных птиц до 12 5 тысяч, Соответственно, число танков – 25 тысяч, для 1943 года – 75 тысяч. Тоннаж спускаемого со стапелей флота должен был равняться в 1942 году шести миллионам тонн, а в 1943 году – десяти. Военного строительства в таких масштабах мировая история не знала ни до, ни после.

Без культурного населения строительство в таких масштабах было невозможно. Стране более всего были необходимы знающие инженеры, представители технической мысли. И они вышли вперед, делая одно судно за несколько дней и восстановив флот, погибший в Перл-Харборе, за несколько месяцев. Рузвельт заключил одну из своих речей словами, что в Берлине, Риме и Токио – столицах фашистских государств – американцев изображали нацией слабых людей и плейбоев. Пусть бы враги сказали это генералу Макартуру и его людям. Пусть бы они сказали это пилотам «летающих крепостей» – боингов В-29. Пусть бы они сказали это морской пехоте…

Бомбардировка Перл-Харбора

Пафос защиты отечества, свободы и человеколюбия могли выразить лишь люди подлинной культуры, такие как журналист Теодор Уайт, настоящий «свидетель века»: он был с американским контингентом в Китае, с Джорджем Кеннаном в Москве, с Джоном Кеннеди в океанских просторах.

Между тем война требовала мобилизации сил. В апреле 1942 года был введен рацион, состоящий из основных продуктов питания, и установлен контроль над ценами – без него богатые могли бы просто скупать дефицитные товары, а потом спекулировать ими. 31 октября 1942 года правительство установило норму кофе – одна чашка в день каждому американцу старше пятнадцати лет (среднее потребление прежде составляло три чашки – любимый восемьюдесятью миллионами американцев напиток стал частью американской жизни с семнадцатого века), Была создана целая система: каждый гражданин получил книжку с сорока восемью купонами, которые можно было израсходовать в течение месяца в любой комбинации на мясо, масло, овощи, сахар, обувь. Продавец собирал купоны и делал очередные заказы на рационируемые товары и продукты.

Военное время

Еще не наступило время массового распространения телевидения, и американцы много читали. Такие ставшие классическими для историка книги, как «Берлинский дневник» Уильяма Ширера, читались самой широкой аудиторией.

Война вносила глубокие изменения в американское общество. Начиная с 1940 года, *более семи миллионов американцев*

переехали из глубинки в индустриальные центры, и к концу войны их численность выросла *до пятнадцати миллионов.* Промышленность почти удвоилась. По сути, это была уже другая Америка. Смещение населения происходило с Востока на Запад, с Севера на Юг. Бурно росла Калифорния, увеличилось более чем на треть население Орегона и Вашингтона – в этих трех штатах производилась половина военных судов и половина самолетов.

Одновременно шел процесс переезда фермеров в города. Шесть миллионов белых и чернокожих американцев двинулись с Юга на Север, Все это вместе взятое означало окончание Великой депрессии и колоссальное переустройство американского общества. После десятилетия половинчатых улучшений результаты радикальных реформ выглядели как манна небесная, излечившая базовое нездоровье экономики страны.

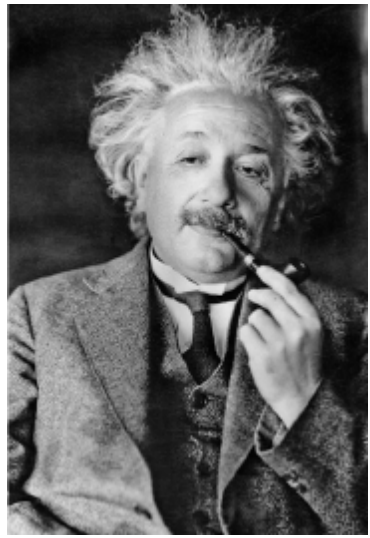
Летом 1942 года на базе детского лагеря в лесу штата Мериленд, примерно в ста километрах от Вашингтона, был оборудован комплекс летней резиденции президента. Рузвельт назвал его Шангрила, по имени сказочной страны, созданной Дж. Хилтоном в романе «Утерянный горизонт». Позднее Шангрила переименована президентом Эйзенхауэром в Кемп-Дэвид.

В начале 1943 года кандидат от республиканской партии в президенты У. Уилки опубликовал книгу «Единый мир», в которой призывал создать Совет Объединенных Наций – единый совет по выработке единой военной стратегии, все члены которого несли бы определенное бремя ответственности. В течение двух месяцев в США был продан миллион экземпляров этой книги. Наступило время, когда приветствовались самые смелые предложения. К примеру, известный газетный магнат – полковник Маккормик – выдвинул план, согласно которому Шотландия, Уэльс и все британские доминионы должны стать американскими штатами.

Второго декабря 1942 года физики лаборатории Чикагского университета осуществили первую в мире управляемую ядерную реакцию. Это стало возможным благодаря приезду в Америку в 1930-е годы таких титанов науки, как Альберт Эйнштейн. Американскую литературу догнала *американская наука,* и с этого времени поток Нобелевских премий устремился преимущественно за Атлантический океан.

Страна росла, как живое существо. За три года военной подготовки длина ремня в талии у солдата американской армии уменьшилась в среднем на четыре дюйма, в то время как объем грудной клетки увеличился на дюйм, а вдобавок каждый военный нарастил примерно по пять килограммов мышц. В ходе военного строительства изменилась сама столица страны. К 1943 году

население Вашингтона увеличилось по сравнению с 1940 годом вдвое, почти все горожане носили униформу, бензин было невозможно достать, квартирная плата выросла многократно.



Альберт Эйнштейн

Удивительно при этом, что благосостояние граждан возросло. К лету 1943 года министерство финансов США определило, что за годы войны американцы отложили в банках наличными и в облигациях семьдесят миллиардов долларов. Напомним, что СССР получил помощь по ленд-лизу (программе, согласно которой США, в основном безвозмездно, снабжали союзников боеприпасами, продуктами и проч. во время Второй мировой войны) в размере одиннадцати миллиардов долларов – то есть в семь раз меньше.

Война изменила в Америке едва ли не все области жизни. В частности, она привела к росту централизации в правительственном аппарате, Эпоха требовала единоначалия. Военное производство США в 1943 году превысило показатели годичной давности на 83 %. В октябре 1943 года Рузвельт представил Конгрессу программу помощи возвращающимся с фронта военнослужащим. В ней значился пункт об образовании – так называемый «Билль о правах солдата», который впоследствии позволил миллионам простых американцев получить прежде практически недоступное высшее образование, да еще и в лучших университетах, что, в конечном счете, изменило лицо Америки.

«Билль о правах солдата» давал возвращавшимся с фронта на протяжении года по двадцать долларов в неделю, гарантированный заем до двух тысяч долларов, полтысячи

долларов в год на обучение. Следует иметь в виду для сравнения, что средняя зарплата в 1940 году равнялась тысяче долларов в год. Таким образом, государство выделяло на образование бывших солдат 14 млрд. долларов – и такое законодательство, дававшее шанс бедным, возможно, как ничто другое, изменило социальную стратификацию Соединенных Штатов. Университеты страны резко расширили свои кампусы, дети из малообеспеченных семей получили возможность овладеть профессиями, прежде доступными лишь состоятельным людям. На срок от одного года до четырех давалась гарантия от безработицы, специальные кредиты, особые права на лечение.

При этом не надо забывать, что за годы войны еженедельная заработная плата выросла в США *вдвое,* с 24,2 долларов до 44, 39 долларов за 48-часовую рабочую неделю. Помимо того, рабочая неделя скоро стала 40-часовой. Американский народ накопил за годы войны 136,4 млрд, долларов.

Тем временем индустриальные центры страны практически полностью перешли на военное производство, поток техники двигался через океан к южным портам Англии. Транспорты охранял теперь самый большой в мире флот – девятьсот военно-морских кораблей, включая девять линейных, двадцать три тяжелых крейсера, сто четыре эсминца.

Летом 1944 года Рузвельт удовлетворенно отметил, что Америка теперь производит сто тысяч самолетов в год и продолжает наращивать производство, продолжает бить все рекорды. Между 1941 и 1945 годами промышленное производство в США выросло на 90 %. И это на фоне экономических лишений в остальном мире. Повторим: росла не только мощь США, но и благосостояние народа. Доход на душу населения увеличился с 1 тысячи долларов в год в 1940 году до 1300 долларов в год четырьмя годами позже. В США никогда не было столько занятых рабочих рук, Безработица, остававшаяся наследием Великой депрессии, «рассосалась», Американский капитализм решил проблемы, над которыми безуспешно бился на протяжении предвоенного десятилетия. На внутреннем фронте царило своего рода «социальное перемирие» – численность забастовок упала до одной трети довоенного периода.

С. Уэллес в книге «Время решений» предлагал предоставить руководство ООН Исполнительному совету из одиннадцати членов, среди которых только США, СССР, Англия и Китай явятся постоянными. Обязательными станут соглашения, принятые единогласно членами «большой четверки», «Время решений» признали лучшей книгой месяца в августе 1944 года, в стране этот политический трактат был продан тиражом полмиллиона

экземпляров. Дело защиты вильсоновской идеи о выходе США в океан мировой политики, о создании всемирной организации взяли на себя известные американские историки и политологи – Д. Перкинс, Д. Флеминг, Дж. Шотвел. Высоко ценя их поддержку, Ф. Рузвельт писал в эти дни 1944 года: «Почти все интеллектуалы сейчас с нами».

Нам важно отметить массовое стремление в США найти американо-советское согласие и на нем построить послевоенный мир. У. Липпман в книге «Военные цели США» указывал, что будущий мир станет вращаться по «трем орбитам» – атлантической, русской и китайской. Задача Вашингтона – построение прочных рабочих отношений с Москвой.

К окончанию Второй мировой войны флот Соединенных Штатов, как хвалился, выступая по национальному радио, адмирал Леги, был более могущественным, чем два любых других военно-морских флота, вместе взятых. Америка владела лучшим в мире образом экипированными наземными силами, в ее руках находился секрет самого устрашающего оружия – ядерного. Словом, в дипломатической игре Америке шли хорошие карты.

Надо сказать, что никто до Рузвельта не играл такой роли на политическом небосклоне в стране и мире. Даже спустя более двадцати лет после его смерти журналист Хью Сайди писал об одном из собраний в Белом доме, имевшем место в феврале 1967 года, что Франклин Рузвельт все еще владел Вашингтоном. Об этом красноречиво свидетельствовали выражения лиц тех, кто в тот день находился в Восточной комнате Белого дома. Идеи Рузвельта доминировали. Его люди выдержали испытание временем. Функционирующее правительство являлось его созданием, Это влияние сказывалось самыми разнообразными способами. Уильям Лейхтенберг писал, что три первых послевоенных президента – Трумэн, Эйзенхауэр и Джонсон – были политиками, чьи карьеры обеспечил Рузвельт, а карьера четвертого, Кеннеди, началась с выдвижения Рузвельтом его отца на высокий государственный пост.

Культурный процесс

Война произвела в Америке огромные перемены, резко сказавшись на национальной культуре. Прежде всего она дала ускорение эгалитаризму (идея уравнения развития и функционирования всех обществ, всех государств). Традиционные критерии исчезли. Богатство, классовая принадлежность, возраст, раса, пол – теперь все эти знаки социальных отличий не срабатывали автоматически. Историк Макгрегор Берне объяснял

это тем, что все тела на поле боя равны. Даже ученые утратили свой исключительный социальный статус, получив прозвище «яйцеголовые». Полагаем, что дело было не только в годах войны – произошло завершение процессов, длившихся почти полстолетия. Все символы, от флага до креста, потеряли свою исключительную значимость. Многое изменилось и в каждодневной жизни: заранее подготовленные дома, замороженная пища, дизельные моторы… Даже такие обстоятельства, как крекинг нефти или действие радара, сказывались в каждодневной жизни. Развитие технологий находилось в состоянии бума.

Внутри страны война дала работу и деньги – дополнительные 300 млн. долларов в кошельки американцев уже в первые недели. А в конце войны подсчитали: американское население заработало на ней 245 млрд. долларов. Это больше, чем сумма всех бюджетов США со времени создания страны. Восьмимиллионная армия безработных рассосалась, Число работающих американцев увеличилось с 45 до 66 миллионов человек (пять миллионов из них – женщины). Повторим, Америка была единственной страной мира, которая за годы Второй мировой войны увеличила – и значительно – свое благосостояние.

А промышленность производила бесконечный ряд соблазнов. Все основные автомобильные фирмы выпустили новые модели.

Поль Робсон

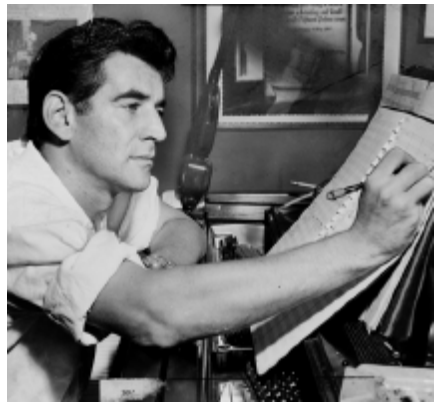
Алек Гиннес блистал во всех голливудских фильмах, начиная с ленты «Добрые сердца и коронеты» (1947). В отделах мужской одежды появились рубашки, которые не нужно было гладить. В

книжных магазинах продавали антиутопию «1984» Джорджа Оруэлла (1903–1950). Певец, актер, юрист, общественный деятель, борец за права афроамериканцев Поль Робсон (1898–1976) пел с новых пластинок скоростью 33,5 оборота в минуту. Вскоре появятся черно-белые «Поларoиды», Американцы жевали чуингам, женщины постоянно подкручивали свои кудри. Для семейных просмотров подходили военные фильмы типа «Пески Иводзимы». Появилось выражение «тинэйджер», Число «одновременно популярных» песен увеличилось в десять раз.

Америка окончательно рассталась с изоляционизмом и стала частью мирового сообщества, тем самым встав на путь расширения и своего собственного культурного влияния. Внутри страны повсеместно звучали музыкальные автоматы. Родители дарили школам машины красного цвета. Вокруг все говорили об Организации Объединенных Наций, за создание которой в марте 1944 года выступали 68 % населения. За право разместить у себя ООН соревновались с Нью-Йорком Филадельфия, Атлантик-Сити, Чикаго, Сан-Франциско и маленький городок Блэк-Хилл в штате Дакота. А один из маленьких городков Коннектикута – Гринвич – проголосовал за то, чтобы *ни при каких обстоятельствах* не принимать ООН на своей земле. Меж тем в ООН «стучалось» 51 государство.

Женское движение во второй половине 1940-х годов еще не добилось подлинного равноправия с мужским. Преобладало мнение, что у женщин нет своей точки зрения на большинство глобальных событий. Общество предписывало женщинам «скромность и мягкость». Самые большие споры шли по поводу длины юбок; сошлись на том, что предпочтительнее всех стандарт ННК – «немного ниже колен». Но в 1946–1947 годах и в этой области произошел решительный поворот – миллионы женщин сократили длину своих юбок. Настало царство нейлона.

Римский папа сделал кардиналами еще четверых американцев. Но в стране еще не знали, что такое *фуршет*. В первое президентство Трумэна США только начали привыкать к *телевизору*. В январе 1948 года в домах американцев было 172 000 телевизоров. Собственно, в телевизионных программах нечего было смотреть, кроме спортивных передач.



Леонард Бернстайн

Самым активным на внутреннем культурном фронте был Голливуд. Продукция его обращена была прежде всего к сражающимся американцам. За годы войны были поставлены 982 фильма. Кинотеатры в США были переполнены. Звездами стали актеры и режиссеры Спенсер Трейси, Роберт Янг, Монти Вулли, Кэтрин Хепберн, Тайрон Пауэр, Бинг Кросби, Дженнифер Джонс, Джоан Фонтейн, Джейн Рассел, Гэри Купер, Ингрид Бергман, Альфред Хичкок. Многие из «поколения свинга» пошли на войну. Звезды Голливуда – Джимми Стюарт и Кларк Гейбл, как и композитор Гленн Миллер, отправились в авиацию. Дуглас Фэрбенкс, Генри Фонда, Дэвид Найвен записались в пехоту. Шоу комика Боба Хоупа поднимали боевой дух солдат близ поля битвы.

Радио разносило новые хиты, такие как «Белое Рождество», «Ты мой солнечный свет», мелодии Леонарда Бернстайна, песни Фрэнка Синатры, которого звали не иначе, как просто «Голос». По всем опросам радио было главным национальным развлечением. Однако очевидным было и то, что американцы стали заметно больше читать. «Пентагон» превратился в самое большое в мире издательство – 60 млн. издаваемых книг и газет. Зазвучали имена новых авторов: Марион Харгроув, Илка Чейз, Уильям Уайт, Джон Херси.

Но более всего американцы покупали журналы – для них наступило золотое время. *Все издания* такого рода, особенно те, что были предназначены женщинам, увеличили свои тиражи. Тогда и появились «Гламур», «Семнадцать», «Мадемуазель» – чтобы с тех пор не оставлять своих позиций в общественно-культурной жизни страны.

Возвращаясь с полей битв, писатели-участники войны создали впечатляющую панораму мировой бойни, а историки сумели осветить главные сражения. Но еще раз подчеркнем, что

особенное значение имел тот факт, что молодые солдаты – участники боев – благодаря благоприятствующему законодательству получили возможность, прежде немыслимую, поступить в лучшие университеты страны. Это несколько смягчило классовое противостояние, внесло демократизм в культурный процесс Америки.

Сразу после войны вышли книги, подобные «Всей королевской рати» Роберта Пенна Уоррена (1905–1989), соединяющие реализм с критикой антидемократических сил. Поэты, подобные Роберту Фросту поставили американскую поэзию на пьедестал, о котором мечтали Эдгар Аллан По и Уолт Уитмен.

Контрольные вопросы

1. Какие изменения внесла Вторая мировая война в американское общество?

2. Охарактеризуйте Программу помощи возвращающимся с фронта военнослужащим.

3. Почему Соединенным Штатам удалось в результате войны не только решить проблемы Великой депрессии, но и значительно улучшить свое благосостояние?

4. Охарактеризуйте роль Ф. Рузвельта на политическом небосклоне в стране и в мире.

5. Как соотносятся явление эгалитаризма и национальная культура?

6. Какие явления в художественной культуре характеризуют жизнь американского общества в военный и послевоенный периоды?

Глава тринадцатая
Америка периода «холодной войны»

Эта война, как и предсказывали сюрреалисты, лишила нас внутреннего террора, существующего только тогда, когда источник трагедии неизвестен. Теперь мы, видя Хиросиму, знаем, какого террора ожидать.

Художник Барнет Ньюмен, 1945

Стоит сразу же обозначить тот социальный фон, на котором в США происходили внешнеполитические процессы со второй половины 1940-х годов. Сам за себя говорит факт, что президент Гарри Трумэн предложил ввести верхний порог цен на жилые дома – цены стремились вверх, и главное лицо государства хотело заморозить их на уровне 10 000 тысяч долларов. В Миннеаполисе некая семья жила в своем автомобиле. Но в Лонг-Айленде молодой архитектор Уильям Левитт уже купил картофельное поле и начал строить баснословно дешевое жилье – семнадцать с половиной тысяч домов в первый прием. Создаваемые им поселки получили название Левиттаунов или Льюиттаунов. Никаких заборов. Постоянный уход за газонами. Стандартный четырехкомнатный дом стоил 7 тысяч долларов. Семья въезжала, а вокруг бульдозеры укладывали асфальт, электрики тянули провода, строители сооружали общий бассейн.

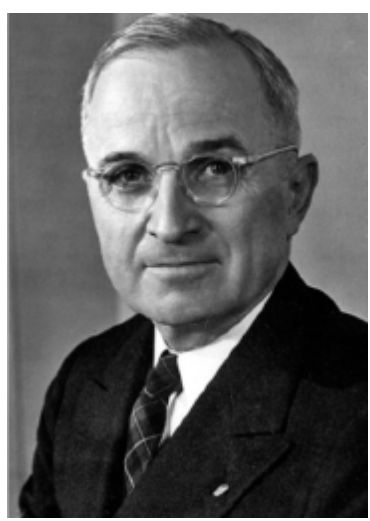
Правда, сам Левитт жил в прекрасном большом доме, построенном в соответствии со старинными архитектурными вкусами… Но он, без сомнения, облагодетельствовал многие десятки тысяч американцев.

Гегемон

На выборах 1946 года победила республиканская партия. Ее лидеры оказали Гарри Трумэну (1884–1972) и его окружению самую энергичную поддержку в ориентации правительства на внешнюю экспансию, Особенно влиятельной была роль председателя сенатской комиссии по иностранным делам Артура Ванденберга, ведущего специалиста республиканской партии по

внешнеполитическим вопросам. Государственный департамент буквально трепетал перед этим деятелем, который достаточно быстро стал одним из наиболее видных идеологов внешней экспансии.

В конце 1946 года взошла звезда заместителя госсекретаря Дина Ачесона, бывшего сотрудника одной из крупнейших юридических фирм Нью-Йорка, скрытного, замкнутого человека. Он значительно отличался от президента происхождением, воспитанием, образованием, пройдя все ступени, обязательные для представителя традиционной элиты Северо-Востока: школа Гротон, Йельский университет, Гарвардская школа права, стажировка у знаменитых американских юристов Феликса Франкфуртера и Луиса Брендайса. В то время, когда государственные секретари Джеймс Бирнс (занимал эту должность в 1945–1947 годах) и Джордж Маршалл (1947–1949) были заняты встречами министров иностранных дел четырех великих держав, Ачесон фактически стал осуществлять контроль над госдепартаментом. Тесный контакт с президентом укреплял позиции Ачесона, ставшего идейным вождем имперских кругов США с того момента, когда он на заседании Ассоциации гарвардских клубов Бостона в августе 1946 года провозгласил, что моральная, экономическая и военная мощь Соединенных Штатов фундаментально важна для всего мира и что восстановление прочих государств должно происходить в направлении, существенно близком американской системе.



Гарри Трумэн

В 1946 году Трумэн почти полностью избавился от соратников Франклина Делано Рузвельта в Белом доме. Новых

лиц в Белом доме объединял ряд общих черт: никто из них не мог полагаться на собственный политический багаж, в политике они были новичками. Стиль работы Трумэна был таков: он не желал видеть четко определенной иерархии среди помощников, советников и консультантов. Его устраивало их «хаотичное» расположение, при котором легче было манипулировать аппаратом Белого дома. Система Трумэна сработала – помощники стремились приблизиться к главе исполнительной власти. Таким способом хозяин Белого дома стремился предотвратить оппозицию своему курсу. Вашингтоном овладели безликие люди, девизом которых были оперативность и эффективность. Что касается философского обрамления курса, то события говорили сами за себя: впервые в собственной и мировой истории Соединенные Штаты в условиях резкого ослабления своих конкурентов осуществляли *почти полную гегемонию в капиталистическом мире и надеялись определять ход мировой истории еще долгие годы.*

Политическая конфронтация

Америка стала самой богатой страной мира за всю историю цивилизации. Она владела 35 млрд. долларов золота из 40 млрд. во всем мире, Структура послевоенных финансов была определена в Бреттон-Вудсе годом ранее (июль 1944).

После окончания Второй мировой войны на политическом горизонте обозначилось противостояние между двумя крупнейшими державами – победившим фашизм СССР и экономически сильнейшими США, Соединенные Штаты ни при каких условиях не согласны были уступить лидерства. К тому же советский строй оказался после победы весьма популярным, что подрывало основы буржуазного общества. Сложились предпосылки для явления, получившего название «холодная война».

Внешнеполитический курс Рузвельта был ориентирован на тесное взаимодействие с СССР, однако после смерти президента его преемники коренным образом изменили свои позиции, оповестив весь мир об опасности «русского доминирования» и «советской угрозы», в первую очередь в Европе. Противостояние обозначилось по всем направлениям – в идеологии, в стремлении вырваться вперед в гонке вооружений, в экономических показателях, даже в спорте.

На политической вершине страны лишь Элеонора Рузвельт требовала предпринять усилия по решению межгосударственных проблем непосредственно с Иосифом Сталиным. В ответе на

письмо вдовы Франклина Делано Рузвельта Трумэн писал, что американский образ жизни не сможет сохраниться и доминировать, если другие народы, которые стремятся следовать этому образу жизни во всем мире, не будут иметь гарантию успеха. Чтобы обеспечить подобную гарантию, США не должны позволять силам дезинтеграции находиться без присмотра, Речь шла о «государственном присмотре» за приобретенной американцами зоной влияния, а она выходила на новые рубежи в Европе и Азии.

Гарднер Кокс. Портрет Дина Ачесона

Некоторые осмотрительные сенаторы пытались избежать перехода США к глобальной конфронтации. Их надежды и сомнения видны, в частности, из следующего диалога сенатора А. Смита (Нью-Джерси) и заместителя госсекретаря Ачесона во время слушаний в комиссии по иностранным делам сената США. Сенатор спросил, может ли программа помощи Греции и Турции оказать давление на Россию, чтобы последняя пришла за стол переговоров и разрешила некоторые из противоречий. Ачесон ответил, что было бы ошибкой верить в то, что можно в любое время сесть рядом с русскими и разрешить проблемы, Ачесон считал, что для этого потребуется длительный период, на протяжении которого Америка должна все время указывать русским, что хорошо сознает, в чем состоят ее интересы, твердо охранять их и быть абсолютно готовой предпринять необходимые действия. Лишь в этом случае, подчеркивал Ачесон, решение вопросов будет возможно. Тогда сенатор Смит спросил, планируется ли какая-либо ранняя фаза разрешения спорных вопросов. Ачесон заявил, что с русскими невозможно вести

переговоры.

Основа взглядов Ачесона была достаточно проста. С его точки зрения, конфликт в Европе между «странами оси» (фашистские Германия, Италия, Япония; «ось» обозначалась как «Рим – Берлин – Токио») и антигитлеровской коалицией получил название Второй мировой войны незаслуженно, Война 1939–1945 годов была лишь второй фазой европейской «гражданской войны» 19И—1945 годов, последовавшей за перемирием 1918–1939 годов. Этот постулат лежит в основе всей его схемы. Между странами, участвовавшими в «гражданской войне», не существовало качественного различия, поэтому вопрос об «агрессоре» не представляется принципиальным и отпадает необходимость осуждения второй германской агрессии в XX веке. Неравные потери участников антигитлеровской коалиции несущественны и не дают оснований для претензий на компенсацию; создание преграды против новой германской агрессии – надуманный вопрос; между жертвами нападения и нападавшими нет принципиального различия – все они жертвы европейской «гражданской войны».

При таком подходе значение связей с СССР низводилось до нуля, совместные жертвы 1941–1945 годов теряли значение, само упоминание о них выглядело излишней сентиментальностью. Зато экспансия США истолковывалась как преграда на пути еще одной «гражданской войны» в Европе. Таким было «обоснование» глобальной экспансии США. Американский сенат одобрил программу Трумэна 67 голосами против 23; палата представителей – 287 голосов «за» и 107 – «против». В 1947 году президент Трумэн подписал целый ряд законов, касающихся вопроса государственной безопасности. Было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ). «Холодная война» началась.

Внутри страны благодаря маккартизму (внутренняя и внешняя политика, направленная на нагнетание ощущений «советской угрозы») создался климат, при котором выступать против «холодной войны» стало попросту невозможно. И для американских политиков оказалось немыслимым ограничивать «жизненно важные интересы» США узкими рамками Западного полушария. Идея американской ответственности за весь мир и повсеместного распространения национальных интересов США завладела сознанием, по крайней мере большинства представителей правящего класса.

Лишь опираясь на внутреннее гражданское согласие, американское руководство могло планировать те или иные международные комбинации, обеспечивающие укрепление мощи

Америки. В рассматриваемый период еще только зарождалась ревизионистская историческая литература (Уильям Уильяме, 1961), которая обрела убедительность и влияние через десять лет, порождая сомнения в верности курса конфронтации с СССР.

«Молчаливое поколение»

В конце 1940-х годов появилось новое поколение нью-йоркских художников: Джексон Поллок, Эд Рейнхардт, Роберт Мазервелл, Адольф Готлиб, Марк Ротко и другие. Художники придерживались разных направлений, их характеризовала спонтанность и отсутствие эстетической программы. Художники не выдвигали манифестов. Центральной по важности фигурой стал Ганс Гофман, по-своему наследовавший Василию Кандинскому. Рядом с ним стоял армянский художник Арчил Горький – своеобразное связующее звено между европейской и американской живописью, возможно, последний сюрреалист (так называлось это художественное направление).

Роль лидирующего абстрактного экспрессиониста взял на себя меланхоличный и отчаявшийся Джексон Поллок, фигура во многом типично американская. Он начал со следования традициям индейского искусства, учился настенной живописи у Харта Бентона, одно время увлекался социалистическим реализмом, идя за Альфаро Сикейросом и Хосе Ороско. Его идеалом стал Пабло Пикассо. Лучшим периодом Поллока были 1947–1951 годы. Он писал не на холсте, а на стенах и дверях. Ритм и колористика Поллока поражает. Откуда черпал он вдохновение? На подобные вопросы сам он отвечал, что все – и творчество в том числе – вырастает из нужды. Интенсивность его абстракций поразительна. Но он был талантливым одиночкой и не создал школы.

Джексон Поток. Стенографическая фигура. 1942

Абстракные экспрессионисты делились на две группы: *первые* обожествляли *действие; вторые* преклонялись перед *цветовой гаммой.* Среди первых наиболее талантливыми были Клиффорд Стилл, Марк Ротко и Барнет Ньюмен. Художники подчеркивали в статье, опубликованной «Нью-Йорк Тайме», что искусство – это приключение в неизвестном, которое может постичь лишь тот, кто рискнет.

Стилл писал на огромных холстах и вешал их на стены как настенную живопись. Печаль полотен Ротко просто неизбывна (в 1970 году он покончил с собой). Его кредо звучало категорично: изображение основных человеческих эмоций. Меланхолия и мизантропия были характерны для всех художников. Они были глубоко религиозны.

В 1948 году Аллен Гинзберг, лучший поэт своего поколения, начал писать стихи. Радио разнесло по всей стране бархатный голос Ната Кинга Коула. Нью-Йорк строил самый большой в мире аэропорт Айдлуайлд Женская половина страны начала читать дамский журнал «Флэйр», а стирать при помощи порошка «Тайд». Стэн Кентон руководил лучшим джазовым оркестром страны. Критик Брюс Бливен попытался сравнить общественные настроения начала и середины века и был поражен высоким оптимизмом 1900—1920-х годов и унынием после войны. Тридцатилетний актер Билли Грэхэм перешел к массовым проповедям. В новостях особое место занимали события в Китае, превратившемся в Китайскую Народную Республику. Американские военные изучали азиатские континентальные подходы. В Балтиморе возник международный аэропорт, и власти назвали его «Дружба» как символ укрепления дела мира на

Земле. Всякий отъезд президента из столицы Вашингтона вызывал радость чиновников: у них-то начинались своего рода каникулы. Самым обсуждаемым международным событием стал бойкот Советским Союзом Совета Безопасности ООН. Американский представитель в ООН Уоррен Остин часто отлучался в свой сад – благо это было недалеко, в штате Вермонт. Впервые зал заседаний ООН был показан по американскому телевидению, Лучшей актрисой 1950 года была Джуди Холидэй (в фильме «Рожденная вчера»); лучшим актером – Джордж Сандерс («Все о Еве»). Лучшими произведениями художественной литературы были «Кардинал» Генри Робинсона, «Отсюда до вечности» Джеймса Джонса, «Мелвил Гудвин» Джона Марканда, «Обед у Антуана» Френсиса Кейза, «Яростное желание жить» Джона О'Хары. Как большая новость сообщалось, что длина юбок у модниц достигла середины бедра.

Джуди Холидэй

Кто же продолжит дело Уильяма Фолкнера и Эрнеста Хемингуэя? Упрочились литературные репутации Уильяма Стайрона, Джеймса Болдуина, Джона Чивера, Курта Воннегута, не остались незамеченными дебюты Дж. Хеллера, Уиэтли Перси, Джона Апдайка, писательницы Джойс Кэрол Оутс. Отметим литераторов, снискавших в 1950-е годы уничижительное наименование «конформистов»: Сл. Уилсон в романе «Человек в сером фланелевом костюме», Г. Вук в «Марджори Морнингстар», Дж. Коззенс в «Одержимых любовью». Эти книги стремились зафиксировать трансформацию социально-психологического лица Америки. «Наименее популярным» из всех значительных современных писателей американская критика неизменно называла Райта Морриса («Великая эпоха», 1952), Идейное возвышение личности видны у Бернарда Маламуда («Новая жизнь», 1961), Сола Беллоу («Герзаг», 1964).

В те годы американцы узнавали новости по радиоприемникам, количество которых значительно превышало число телевизоров. Однако уже появлялись двенадцатидюймовые и даже четырнадцатидюймовые модели: начиналась телевизионная эра.

Вокруг Вашингтона росли такие пригороды, как Александрия, Арлингтон, Бетезда, Шеви Чейз. Жители с азартом и заинтересованностью обсуждали фильмы – наступил золотой век кино.

Итак, что же смотрели и читали граждане Америки в середине XX века, в 1950 году? Как и многие миллионы сограждан, Дуайт Эйзенхауэр увлекался простецкими детективами, на столе его лежала пятьдесят первая (и последняя) книга Зана Грея «Непокорная королева». Государственный секретарь Дин Ачесон тоже пробовал читать, но его настроение было несколько иным – созданная сенатором Маккарти параноидальная атмосфера привела к огромному количеству писем от врагов и ненавистников, и госсекретаря день и ночь охраняли телохранители.

Концентрация внимания нации на вопросах художественной культуры продолжалась небесконечно. Наступившая Корейская война (1950–1953) снова создала в Соединенных Штатах атмосферу тотальной боеготовности. Молодежь стали клеймить за апатию, за отсутствие патриотического рвения. Появилось название «молчаливое поколение», В университетах воцарилось своеобразное «молчание». Либерализм стал «усталым» и «скучным». В кампусах не чувствовалось возмущения, Рычали только «крайне правые». Случаи *какого-либо* протеста против *чего угодно* были редкими. Фиксировался полный отход от идеализма, Оживление вызывали такие «проблемы», как возможность поместить сорок студентов в маленький «фольксваген» или двенадцать человек в телефонную будку. В Калифорнии будку для оригинальности поместили на дно бассейна. Рождающаяся социология пыталась объяснить невиданное отсутствие иллюзий, негативный подход к общественной активности и яркой жизни как к бессмыслице: студенты были согласны обсуждать только свои будущие дома в пригородах. Поэт Роберт Фрост недаром сказал, что обеспокоен «отсутствием решимости». Студентов попросили назвать своих героев. Череда имен практически не отличалась от «героев» их родителей: Абрахам Линкольн, Франклин Рузвельт, спортсмен Ди Маджио, генерал Дуглас Макартур, баскетболист Бэйб Рут и актер Рой Роджерс, основательница Красного Креста Клара Бертон, актриса Вера-Эллен, сестра милосердия и общественный деятель Британии

Флоренс Найтингейл, американская певица и актриса Дорис Дэй. Это была «буржуазная Америка» в лучшем виде.

На Корейской войне

Раньше много обсуждали движение молодежи «к левому флангу», а пожилых людей – к «правому». Теперь оказалось, что молодежь недвижимо стоит в политическом центре. Все это фактически означало лишь одно: растущий спад в интеллектуальной жизни страны. Уильям О'Нил, находясь в университете Висконсина, клеймил «проклятую» приверженность буржуазной Америки к личной безопасности. Пытаясь осмыслить происходящее, Уильям Уайт писал в монографии «Организованный человек» о поколении, которое с недоумением относится ко всякому порыву, которое склонно верить в «уравновешенное руководство», которое убеждено, что прогресс заключается в постепенном решении накапливающихся проблем. Это означало заметный *кризис индивидуализма.* Престиж и свершения – пусть это воодушевляет других.

При всем этом молодая Америка не желала походить на «Человека в сером фланелевом костюме» (упоминавшееся уже название книги Слоана Уилсона), который имеет жену Бетси, троих детей, шестикомнатную квартиру в Вестпорте, «Форд» 1939

года выпуска, 10 000 $ в качестве страховки из армии, работу за 7 000 $ в год. Все это приятно, но не вдохновляет.

«Молчаливое поколение» не могло быть разочаровано, потому что оно никогда не было очаровано. Оно не хотело раскачивать такую уютную лодку своей страны. Именно тогда даже очень богатые отпрыски знатных семей начали носить невзрачные джинсы и неприметные «T-shirts» (попросту футболки). Всех реформаторов они называли «кровоточащие сердца». Они не хотели работать на себя: чем больше корпорация, тем более они доверяли руководству. Рекрутерам они говорили о своем желании быть симпатичными для всех в рабочее время.

Их профессора больше всего говорили о позоре безумного маккартизма. Маккарти не получил массовой поддержки студенческих кампусов, но и против него здесь не выступали.

Между 1940 и 1950 годами отошло в сторону главенствующее превосходство гуманитарных наук, в том числе теологии, журналистики, юриспруденции, литературы, истории. Менее трех из десяти студентов остались верны гуманитарным дисциплинам. Бизнес стал наиболее увлекательным занятием для молодой Америки (двое из десяти студентов специализировались по менеджменту). Герой Слоана Уилсона говорил откровенно, что не хочет терять время зря – все великие открытия уже сделаны, и следует любить деньги, ведь они нужны для получения удовольствий, эпоха которых наступила.

«Дедалус» – журнал американской Академии Искусства и Наук – писал, что доминирующей характеристикой пришедшего поколения является то, что они со всем согласны.

Телевидение начинает лидировать

В штате Мэриленд в 1950 году число смотрящих телевизор впервые обошло число слушающих радио (50,2 процента). Журнал «Тайм» провозгласил, что телевидение становилось главной национальной культурной силой. Но телеиндустрия только набирала силу. Пока имелись технические трудности, телевидение было преимущественно местным, Но технические проблемы начали решаться, и это резко увеличило пространство обозрения. Подписание мирного договора с Японией в 1951 году видели уже *40 миллионов телезрителей* на 94 станциях в радиусе 250 миль. Почти сразу появились гиганты мегаломедиа и началась война между ними. Середина века была коротким мигом равноденствия. Вот данные за 1950 год:

Параметры	Радио	Телевидение
Человек года	Джек Бенни	Сид Сизар
Женщина года	Ив Арденн	Фэй Эмерсон
Лучшая драма	Театр Люкс Радио	Первая студия
Лучшая комедия	Джек Бенни	Мильтон Берль

На протяжении следующих пяти лет дилеры продавали по пять миллионов телевизионных приемников в год, и это продолжалось до тех пор, пока телевидение не вошло в 88 % американских семей в сорок миллионов домов. В 1 Ъ% домов имелись два или более телеприемника. Уже в 1950 году школьники средних школ проводили у экрана примерно тридцать часов в неделю. Но вскоре и взрослые американцы стали просиживать перед телевизором не меньше времени, чем на рабочем месте.

Видный интеллектуал Норман Казинс сказал, что его ежедневное вечернее меню состоит из телевизионного убийства, часа варьете и борцовского представления. Было положено начало созданию многосерийных лент: так, «Юг Тихого океана» насчитывал 1694 серии. Самыми обсуждаемыми и популярными кинофильмами были «Зовите меня мадам» с Этель Мермэн, «Вечеринка с коктейлем» Томаса Эллиота, «Участник свадьбы» Карсона Маккалерса. Лучшим музыкальным фильмом был «Консул» Джанкарло Менотти. Критики хвалили «За рекой в тени деревьев» Эрнеста Хэмингуэя.

Розано Бразии Митси Гейнор в фильме «Юг Тихого океана»

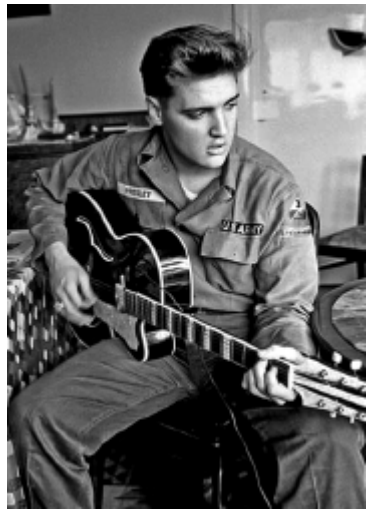
В олицетворениях «американской мечты» – отдельных домах на своей земле – американские семьи с удовольствием смотрели последнюю постановку Уолта Диснея – «Остров сокровищ» по

Роберту Льюису Стивенсону где Сильвера играл Роберт Ньютон. Экраны телевизоров были маленькими, и семьям приходилось садиться поплотнее, чтобы получше видеть.

Интеллектуалы перестали стесняться владения голубоглазым искусителем – телевидением. Макс Лернер назвал телевидение реализацией потребности бедняков в роскоши. Многие американцы стали пропускать ужин. В какой-то момент обнаруживалось, что в определенные моменты по вечерам по всей стране расходуется огромное количество воды. Тайна быстро раскрылась: во время коммерческих пауз зрители бросались к кранам и в туалеты.

Дело кончилось тем, что американцы стали смотреть телевизор от 4 до 5 часов в день. Американцы *«вернулись домой»,* окончился период «автомобильного соблазна», когда жители колесили по стране. Первый документальный фильм, получивший приз, был «Крестовый поход в Европу» по воспоминаниям генерала Дуайта Эйзенхауэра. Телекомпания NBC специализировалась на оперных постановках. Лучшим комментатором был Билл Мюррей из телекомпании CBS. Когда на NBC появилось групповое комментирование (Дэвид Бринкли объединился с Четом Хантли), образовалась группа, бросившая вызов Мюррею. И все же пустота долгих часов, ограниченность числа подлинно талантливых ведущих, отсутствие профессиональных навыков делали телевидение 1950-х годов относительно слабой стороной культуры страны.

Подлинная битва за зрителя начиналась в восемь часов вечера – прайм-тайм, – когда на экран Первой студии (CBS) выходил Эд Салливен против Стива Аллена Филко-Гудьера на NBC Самым известным (и дорогим – 50 тысяч долларов) гостем Салливена стал начинающий певец, шофер из Мемфиса (Алабама) Элвис Пресли. Зародившийся контроль телецензуры ударил по многим талантливым выступающим в середине 1950-х годов. В целом в это первое десятилетие телевидения самыми популярными оказались следующие десять программ: Эда Салливена и Перри Комо, «Вопрос стоимостью 64 тысячи долларов», «Я люблю Люси», «Повенчанный в декабре», «В поисках талантов», «Поклянитесь своей жизнью», «Красный Скелтон», «Какова моя линия?» и «Уолт Дисней». Телевидение обрело национальный американский характер и стало весомой частью национальной культуры.



Элвис Пресли в армии

Джордж Оруэлл

Новый медиум отразил новые черты этой культуры. В частности, тривиальными становились произведения на любовные сюжеты. Многое из того, что показывалось на экране, отражало важный социальный факт – тотальное разобщение.

Отметим также, что телевидение несло на себе лишь часть той роли, которую выполнял английский язык в американском исполнении, Люди слушали магнитофоны, появилось море пластинок, выходили тысячи книг. Печатная индустрия выпускала 81 тысячу наименований в год. Все более популярными становились книги в мягких обложках: их продавалось более четверти миллиона ежегодно, Зазвучали мнения, что в целом вкус американцев улучшается. Среди книг в

мягких обложках в 1952 году первенствовали «Виды культуры» Рут Бенедикт; в 1953 году – «Нагие и мертвые»; «1984 год» Джорджа Оруэлла разошелся в 750 000 экземплярах, «Трамвай «Желание»» ТеннесиУильямса – в полумиллионе. Среди авторов-интеллектуалов первенствовали: Норман Казинс, Макс Лернер, Аллен Тейт, Луис Кроненберг.

Обобщая, можно сказать, каковы были основные темы, волновавшие американцев в то или иное десятилетие. Экономика господствовала в 1930-е годы, все виды коммуникаций – в 1940—1950-е, в 1960-е – секс. В каждом случае происходила подлинная революция в культуре. И напомним – в стране было 5000 кинотеатров (плюс 7000 кинотеатров для просмотра из автомобилей), и они не пустовали. Американское сердце, прежде принадлежавшее Кларку Гейблу а потом Джинджер Роджерс, теперь перешло к Эрни Ковачу («Королева на день» и другие фильмы). Характерно, что более 50 % доходов Голливуд теперь получал из-за рубежа, Но 45 млн. американцев прекратили ходить в кино в 1950-е годы – и все из-за телевидения.

Новое поколение американцев (1960-е)

Культура 1960-х годов определялась массовым движением за гражданские права. Основой культуры Америки журнал «Тайм» назвал сорокалетнюю домохозяйку, которая способна дать советы дочери-подростку и поддержать карьеру мужа. Юбки опустились чуть выше колен. В магазинах появилась кукла Барби как символ американского видения идеала женщины. Более важным был выпуск «Полароидом» цветных фотоаппаратов и производство «Кодаком» дешевых качественных фотокамер. Во всей Америке нашлось применение полиэтилену. Цифровая система изменила национальную телефонную сеть.

Кадр из фильма «Том Джонс»

Под напором телевидения кино сопротивлялось изо всех сил, качественные фильмы позволяли ему держаться. В 1963-м лучшим фильмом года был назван «Том Джонс». Лучшим актером стал афроамериканец Сидни Пуатье за роль в фильме «Полевые лилии». Женский приз был отдан Патриции Нил за игру в фильме «Хад». Всем нравился «Этот безумный, безумный, безумный мир».

Телевидение ответило своими фильмами и сериалами: «Доктор Килдээр», «Энди Гриффит», «Трое моих сыновей», «Перри Мэйсон», «Зона сумерек».

Художественные книжные события включали в себя «Группу» Мэри Маккарти, «Ботинки рыбака» Морриса Веста, «Караваны» Джеймса Митченера, «Венецианскую аферу» Элен Макиннес. Список документальных книг возглавлялся «Огнем в следующий раз» Джеймса Болдуина, «Молчаливой весной» Рейчел Карсон – отсюда идут истоки массового американского экологического движения. А из Британии в США уже летели четверо музыкантов «Битлз», а из Парижа на показ была привезена «Мона Лиза»…

Америка благодаря послевоенному буму деторождения была очень молодой страной – средний возраст в США составлял 29 лет. Еженедельная зарплата поднялась до 100 долларов (четырехкратное увеличение по сравнению с 1930-ми годами). Численность рабочих («голубые воротнички») сократилась по сравнению с 1945 годом на 4 миллиона человек, а численность инженеров и обслуживающей сферы («белые воротнички») увеличилась на 10 миллионов человек. 40 % семей получали более 7 тысяч долларов в год. Слово «пролетарий» практически ушло из обихода.

Между «Великой депрессией» и смертью президента Джона Кеннеди в 1963 году американские капиталовложения в образование выросли в десять раз – до 39 млрд. долларов в год. Социальную и культурную значимость этого едва ли можно переоценить. В Америке вырос и окреп «средний класс», претендовавший на все более высокий уровень культуры. 100 тысяч американцев стали в 1960-е годы миллионерами. 20 миллионов американцев владели акциями. 75 % американцев жили в городах и пригородах. 90 % путешествующих американцев пользовались автомобилем – 800 млн. машин.

Кадр из фильма «Кто боится Вирджинии Вульф»

Среди культурных лидеров поколения был экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, Ральф Найдер начал читать лекции по истории. Среди журналистов выделялся Джеймс Рестон, сказавший, что изменение – величайший факт истории. «Ридер'с Дайджест» предсказал, что в будущем люди будут спать и питаться при помощи таблеток.

В моральном плане произошли большие изменения. 1960-е годы были характерны тягой к нудизму. В 1964 году калифорнийский дизайнер Руди Гернрайх предложил публике купальники без верхней части. В считанные недели «топлесс» стало общенациональным поветрием. В Лондоне не без влияния американцев Мэри Квэндт создала юбку-мини, Смитсоновский институт приобрел несколько наиболее ярких экземпляров, но ряд конгрессменов в ответ покинули Капитолий.

Нудизм стал популярен в театрах и считался проявлением высшего «шика» на вечеринках. Ив Сен-Лоран изобрел рубашки и блузы из практически абсолютно прозрачного материала и тем самым подогрел новую моду. Студенты дружно выступили против университетских советов и их ограничений, назвав их «фашистскими». С тех пор американские университеты уже никогда не будут прежними «монастырями науки».

Фильм «Кто боится Вирджинии Вульф?» был признан лучшим фильмом 1966 года. Бранные слова, прежде немыслимые, стали полноправной частью лексикона. Сандалии и бороды превратились в неотъемлемый признак «модной» молодежи, еще один такой признак – путешествия в одиночестве с постоянной сменой партнеров. Матримониальные проблемы сразу же приобрели общенациональное значение. Все «табу» рушились. Вышел номер «Тайм» с вопросом на обложке: «Мертв ли Бог?»

Самыми читаемыми среди образованной публики стали книги Маршала Маклюэна «Галактика Гутенберга» и «Как понять современные медиа-страсти» (1964). За два года до него Ральф

Гинзбург опубликовал «Эрос». Когда он попытался послать книгу по почте, то получил пять лет тюрьмы. В 1967 году Гинзбург издал «Авангард». Норман Мейлер в 1965 году опубликовал роман «Американская мечта». Президент Линдон Джонсон показал репортерам шрам от недавней интимной операции. Герои Голливуда разводились в штате Невада, где этот процесс не был ограничен.

Вместо «Стрейнджлав» американская публика теперь читала «Доктора Живаго». Вместо «хула-хупа» появился «скейтборд». В моду заново вошел велосипед – ежегодно продавались более шести миллионов велосипедов. Брюки обрели фасон клеш, морская форма оказалась невиданно популярной, и все это вкупе называлось «молодежной революцией». Поп-арт пышным цветом расцветал на «T-shirts». Заново стали модными Хэмфри Богарт и Джин Харлоу Наиболее известными фильмами были признаны «Лорд Джим», «Агония и экстаз», «Кэт Бэллу». В 1966 году всеобщую любовь завоевал киномюзикл «Звуки музыки».

В бродвейских мюзиклах ставили пьесу «Кабаре» на основе драмы Джона Ван Друтена и сборника рассказов Кристофера Ишервуда «Прощай, Берлин». На некоторый период повсеместно распространились одноразовые костюмы стоимостью в 1 доллар, привозимые на дом в банках. Впервые появились отделы мужской косметики.

Популярное агентство Лу Харриса докладывало нации о растущем разочаровании в телевидении у наиболее обеспеченных слоев американского общества. И это при том, что телевидение стало практически на 100 % цветным. Главные телевизионные компании – NBC и CBS – фактически понижали культурный уровень американцев усиленным поиском максимально широкой аудитории, опускаясь до вкусов малообразованных слоев. Постоянно повышать рейтинг – вот был всеобщий девиз, и телевизионные работники добивались своей цели за счет дешевых и примитивных приемов. Прежде, во времена Эдварда Мюррея, обращенная к образованным кругам CBS начала ставить мистерии, глупые драмы, комедии из фермерской жизни, не пренебрегала и сексуально окрашенным юмором.

Прискорбным был ежегодный рост преступности – на 11 %. Антивьетнамская кампания расколола страну на противников и сторонников вторжения. Забастовка лишила Нью-Йорк газет на 2 79 дней. А затем на 43 дня забастовали все пять ведущих авиационных компаний. Исчезли двухдолларовые купюры. Ощутима была инфляция и высокая процентная ставка. Но население более всего интересовала медицинская программа «Медикеэр», принятая Конгрессом в 1966 году. Через пять дней

Конгресс выделил миллиард долларов на улучшение системы образования в США, А затем появились Закон о праве голоса и все основные положения программы «Великого общества». Было создано министерство жилья и городского хозяйства, полностью реструктурирован механизм иммиграции – Америка снова стала принимать приезжих со всего света.

Энтони Берджес, автор «Механического апельсина»

Заметим: Конгресс создал «Национальный фонд искусств и гуманитарных наук». Отныне государство напрямую было связано с культурными процессами в стране. Это было особенно важно в 1960-е годы, когда Соединенные Штаты пытались навязать свой порядок во Вьетнаме – эта война «отравила» американскую культуру.

В 1966 году CBS-TV показала американских солдат сжигающими крестьянские хижины во Вьетнаме, и с этого времени масс-медиа присоединилась к антивоенным силам. В ноябре 1967 года все окружение президента Джонсона во главе с министром обороны Робертом Макнамарой ушло в отставку. Популярность Джонсона упала до 36 %. Через несколько месяцев он объявил, что не собирается переизбираться.

1960-е годы закончились, когда Жаклин Кеннеди снова вышла замуж, когда Эдвард Кеннеди упал с моста в Чаппакуиддике, когда развеялся рыцарский ореол вокруг Джона Кеннеди. Космонавт Нейл Армстронг ступил на поверхность Луны, и последняя «граница» продвижения американцев перестала существовать. Национальные гвардейцы расстреляли толпу в Кентском университете, а в 1971 году появилась книга,

выразившая психологию нового поколения – «Механический апельсин» Энтони Берджеса (в других русских переводах – «Заводной апельсин»). Насилие, жестокость, неконтролируемая подсознательная агрессия – вот ее лейтмотивы. Не случайны ссылки в тексте на роман «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера: конфликт добра и зла в «Апельсине» поставлен очень остро. По мотивам книги кинорежиссер Стэнли Кубрик снял фильм, также ставший культовым.

В 1970 году Чарльз Рейч напечатал книгу «Зеленеющая Америка», дав имя движению и тем самым подчеркнув, что прошедшая эпоха пережила свое время – это был венец теоретических построений, дающих наиболее полное и популярно изложенное представление о рационалистском миросозерцании.

Модернизм и формализм

После апогея в начале 1960-х годов абстрактный экспрессионизм в США начинает резко меняться. Новые вожди захватывают национальный подиум.

Термины *«модернизм»* и *«искусство модерна»,* отразившиеся в названии крупного музея Нью-Йорка (основан в 1939 году), бытовали с целью подчеркнуть инновационную роль искусства. Модернизм захватил три четверти XX века и, возможно, лучше всего выразил себя в работах Гропиуса и Ле Корбюзье, которые начали подниматься еще в 1920-е годы, Он окончательно сменился экспрессионизмом к 1970-м годам. Стоит только посмотреть на здания этих архитекторов – мы сразу обнаружим отсутствие всякой орнаментации, всяких украшений на простом рабочем материале.

Любая ностальгия о «веке завитушек» закончилась; практика еще раз подтвердила, что функция порождает стиль, а не наоборот. Художники приняли главенствующий принцип «жить в свое собственное время», они отвергли неумеренную почтительность в отношении традиции и творческих мук предшествующих поколений. Важнее всего становится современная культура. Параллельно новая модификация марксизма упростила историческое мировидение, воцарились теории индустриального, механистического подхода к обществу. Кульминацией стали *натурализм* и *реализм,* ведущие свою традицию от Эдуарда Мане и импрессионизма, влюбленного в повседневность. В дальнейшем в Америке стали развиваться формализм и исследование *чистых форм.*

Теоретически формализм был определен в середине XX века нью-йоркским критиком Клементом Гринбергом, писавшим, что

искусство самоценно и самодостаточно, обладает своими правилами, своим порядком, своими материалами и независимо от создателя, от аудитории, от мира в целом. Художника влечет самоочищение, он выступает в роли медиума. Главное для модернизма – привлечь внимание к искусству. Это была крайняя форма модернизма, она породила волну творчества *концептуальных* художников.

Не забудем, что все это происходило в годы ожесточения «холодной войны» и в определенном смысле ограничивало поле размышления художника о политическом и идеологическом климате эпохи.

90-летний Джером Сэлинджер

Раскрывается творчество ведущих американских прозаиков – Дж. Джонса, Нормана Мейлера, Джерома Сэлинджера, Джона Чивера, Джозефа Хеллера, Джона Апдайка. Это ведущая плеяда писателей данного времени. А рядом росли таланты Сола Беллоу, Френсиса Рота, Гора Видала, Джойс Кэрол Оутс, Джона Гарднера – им принадлежал грядущий день. Все они обращали внимание на этапные произведения Роберта Пенна Уоррена, Джона Стейнбека, Торнтона Уайлдера, Бернарда Маламуда и др.

Американское индустриальное общество

В 1967 году Джон Кеннет Гэлбрейт опубликовал свою главную книгу – «Новое индустриальное общество», анализируя самое современное ему государственное устройство, одним из механизмов деятельности которого была культура. Население

Соединенных Штатов перевалило за 200 млн. человек. Эрих Фромм предупреждал, что в цивилизованном обществе бродит призрак – призрак полностью механизированного социума, в котором человек становится просто частью машины.

Первым создателем американского компьютера был Джон Мочли, но он не верил в силы и способности отдельно взятого человека и считал, что только четыре или пять гигантских фирм окажутся способны использовать эти машины с пользой для себя. Однако уже в 1967 году в США было около 40 000 персональных компьютеров.

Гуманисты в США были в тревоге. Либералы в политике, они все более становились традиционалистами в социальной сфере. Мрачные пророчества романа Оруэлла «1984» нависали над миром. Культура, ориентированная не на человека, а на вещи, очень беспокоила интеллектуалов. Но между тем нация все более подчинялась интересам консьюмеризма – начиная с автомобиля и заканчивая косметикой. Телевизионная реклама бесцеремонно и со всей вульгарной прямотой демонстрировала, о чем мечтает американский народ.

Телевидение, которое еще недавно обещало быть главным мотором американской культуры, подкосило не только эту культуру, но и здоровье нации. Прежние любители спорта на открытом воздухе, проводившие вечера напролет у телеэкранов, стали пивными алкоголиками. Стадионы никто не ликвидировал, но они пустовали. Особенно впечатлял новомодный «Астродром» в Хьюстоне – с 46 000 кожаных кресел для зрителей, со стальной арматурой и покрытием от нежданных дождей, настоящий символ отсутствия вкуса и пресыщенности людей, которые забыли, как светит солнце.

Эрик Голдман писал о том, что американцы желали бы иметь меньше пищи, более скромные дома, менее шикарную одежду, но зато найти надежный способ, как жить в условиях немыслимой роскоши. Уильям Уайт объяснял, что массовое распространение «Бэббитов» (персонаж Синклера Льюиса, отчасти напоминающий «Мещанина во дворянстве» Жана Батиста Мольера и «Недоросля» Дениса Ивановича Фонвизина) является следствием развития нашей цивилизации, чьи плоды стали доступными массам.

Полная занятость и процветание в 1960-е годы привели, как ни парадоксально, к общему упадку в морали, компетентности, вежливости, энергии и дисциплине. Многие стремились к улучшению качества жизни и не сводили это качество к одним лишь цифрам. И все же одна цифра, безусловно, важна: продолжительность жизни в США достигла 80 лет.

В 1968 году Герман Кан создал тысячестраничную

монографию о недалеком будущем Соединенных Штатов – о том, что будет происходить в 2000 году. Кан предсказал средний заработок в 7500 $ в год. Но все предположения были спорными, потому что в Соединенных Штатах началась технологическая революция. Самый консервативный пласт – фермеры – теперь ощущали на себе ее ход. Создание гибридной кукурузы повысило ее урожайность на 20 процентов. 15 млрд. долларов в год шло на механизацию фермерского труда, и дом фермера теперь радикально отличался от хижины 1930-х годов.

Культура городов также изменилась до неузнаваемости. Социальный слой, ранее называвшийся «пролетариатом», окончательно исчез. За первую половину XX века численность представителей ручного труда уменьшилась cil млн. до 6 млн. человек. За прошедшие тринадцать лет рабочая сила Америки увеличилась на 10 млн. человек. Число «голубых воротничков» постоянно уменьшалось. Мощь некогда всемогущих профсоюзов ослабла. Зато по мере того, как уменьшалась нужда в грубой рабочей силе и расширялась сфера услуг, увеличилось число работающих женщин. В обществе массового потребления изменилась структура занятости. Много слов было сказано по поводу книги Джеймса Бернхэма «Революция менеджеров».

Значительный культурный поворот произошел в отношении социальных слоев друг к другу. В годы Великой депрессии отношение интеллектуальных лидеров общества – писателей, публицистов, общественных деятелей – к «боссам» было сугубо отрицательным. В кинематографе «босс» изображался не в меру полным, грубым, часто невежественным. То же происходило и в романах. В Америке помнили определение Герберта Спенсера, что наиболее циничные политики имеют собственный умывальник и являются членами республиканской партии. Но прошли годы, и журнал «Форчун» объявил, что старый «босс» мертв. Теперь «Тайм» описывал бизнесменов новой формации как лидеров индустриального общества, умелых специалистов, подлинных знатоков и психологии рабочих, и хитроумных машин. Случилось неожиданное – определенное социальное примирение. Гэлбрейт называл верхний слой общества «техно-структурой». Это были уже яркие, стройные, спортивные, интеллектуальные люди.

Демонстрация против войны во Вьетнаме

Правый республиканец, сенатор Барри Голдуотер, призывал «оценить и полюбить» того, кого раньше называли не иначе, как эксплуататором. Смешение умов наблюдалось у экономистов и социологов. Они многократно пытались найти идейную состыковку различных классов, ища социальный консенсус. А американские бизнесмены были удивлены переменой отношения «нижней» части общества к президенту и его окружению одновременно с критикой «тех, кто производит напалм»: неудачи во Вьетнаме вызывали уличные шествия. Разве демонстранты не знают, что правительство и бизнес – враги, а не союзники? Ведь это так очевидно, особенно после президентов Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта. И не американцев ли предупреждал президент Эйзенхауэр, говоря о «военно-промышленном комплексе»?

Фактом уже в 1960-е годы было то, что пятьсот ведущих корпораций производили две трети производимой страной индустриальной продукции. При этом такие корпорации, как «IBM» кормились за счет заказов преимущественно Пентагона, а «ITT» получала главные заказы от государственного космического агентства НАСА. Результатом сотрудничества государства и монополий стали подводные лодки «Поларис» и истребители с меняющейся геометрией крыла Ф-111. Француз Жан-Жак Серван-Шрейбер писал об американской системе, что за каждым из недавних нововведений стоит огромный резервуар федеральных фондов, которые финансируют наиболее выгодные инвестиции,

когда-либо осуществленные людьми.

Между изобретением фотографии и производством фотоаппаратов прошло 112 лет, между изобретением телефона и началом массового производства телефонных аппаратов – 56 лет, радио – 35 лет. Все изменила американская государственная администрация: гарантируя средства и рынок, Вашингтон довел разницу между изобретением и массовым производством в случае с атомной бомбой до *шести лет,* в случае с транзистором – до *пяти.* В условиях, когда в руках государства было 15 млрд. долларов, расходуемых на исследования и разработки, крупные американские компании ощущали зависимость от федерального правительства. Для сравнения: в 1929 году государство отвечало за 8 % экономической активности в стране, а в 1960-х годах – за 25 %. Государство финансировало 90 % исследований в авиации и космосе, 65 % всех видов разработок, связанных с электричеством, 42 % производства новых инструментов, 31 % – в станкостроении, 24 % – в автомобильной промышленности, 20 % – в химической.

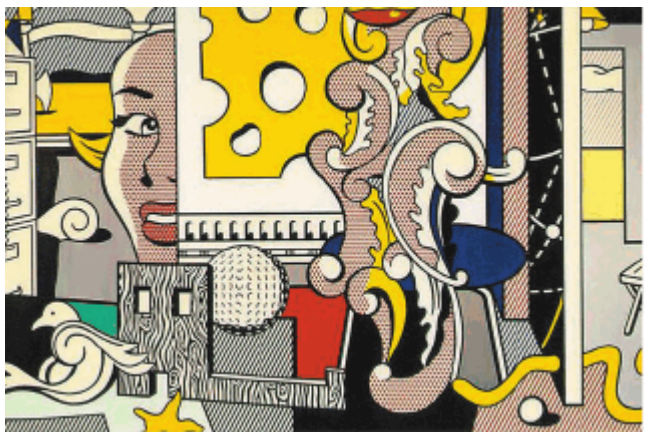
Америка теперь активно училась, повышая свой культурный уровень, В 1941 году в университетах и колледжах находились всего 15 % молодого поколения, а в 1965 году – 40 %, то есть более пяти миллионов молодых людей возрастом от восемнадцати до двадцати одного года. Через четыре года эта цифра поднялась до 6,7 млн. Более 30 млрд. долларов расходовалось на образование.

Но в студенческих кампусах 1960-х годов царили далеко не американские ценности: маоизм, троцкизм, сталинизм, чеизм, анархизм, утопические учения, нигилизм. Журнал «Форчун» назвал революционерами 12,5 % студентов. Но все же революционеры всегда были в меньшинстве, будь это 1776, 1861 или I960 год. Опрос Гэллапа говорил, что 81 % студентов не удовлетворен ни страной, ни системой обучения. И выражалось это мнение свободно – дни маккартизма прошли. Популярен стал лозунг: «Не доверяйте тем, кто старше тридцати лет» – что было жестоко по отношению к большинству американцев, желающих быть вечно молодыми, Молодежь до двадцати лет расходовала более 25 млрд. долларов в год – немыслимая цифра для любого из предшествовавших поколений.

В культурно-артистическом мире произошла важная перемена. Против абстрактного экспрессионизма выступил *поп-арт,* возглавляемый Роем Лихтенстайном, чья ирония была в этом отношении убийственной. В 1966 году он развенчал абстрактный экспрессионизм, говоря о том, что старшее поколение художников безуспешно пыталось достичь подсознательного – и

ушло от конкретной реальности. Новое поколение видит в поп-арте выход за ограниченные пределы мастерской художника и его творческого эгоизма.

Ранние работы представителей поп-арта создавались в значительной мере под влиянием восточного философского мировоззрения, Подчас к этому направлению относили все то, что выходило за рамки традиции и принципиально отличалось от абстрактного импрессионизма, который, по мнению корифеев поп-арта, к этому времени исчерпал свои творческие возможности.



Рой Лихтенстайн. Вслед за барокко

Поп-арт был определен как стиль, сознательно избегающий печати личности художника. Он возник практически одновременно в США и в Британии. В ход пошло папье-маше, автомобильные части, бесконечные фотографии, даже само слово «поп».

Американский поп-арт с самого начала покоился на амбивалентности, на явной провокационности таких работ, как «Гигантский гамбургер» Клаэса Ольденбурга (1962), представляющий собой три круга друг на друге. Крайние линии искусства поп-арта эстетически отразили работы Энди Уорхола, добившегося исключительной популярности. Он жил на Мэдисон-авеню и писал статьи для журнала «Гламур», также писал полотна, снимал фильмы, ваял скульптуры, руководил поп-группой, и в конечном счете стал во главе течения поп-арт. Его привлекали теории массовой культуры, особенно работы немецкого исследователя Вальтера Беньямина, который предсказывал самоуничтожение искусства в процессе его коммерциализации. Энди Уорхол утверждал, что его привлекает лишь механическое повторение и что сам он желает быть

машиной. Знаменитыми стали 25 повторенных портрета Мерилин Монро (1962), «Несчастье 22» (1964). Он культивировал скучное, банальное и поверхностное, создав повторением своего рода эпоху необычных сюжетов. Заслуживает внимание сдержанное, предметное творчество Джеймса Альберта Розенквиста. В одной из галерей Нью-Йорка было представлено гигантское полотно длиною 30 метров – картина «F-111» – изображение новейшего истребителя-бомбардировщика, о производстве которого как результате заказа Пентагона в начале 60-х гг. говорилось выше. Это несомненная политическая манифестация художника глубоко разочаровавшегося в идее прогресса. Для данной разновидности поп-арта было характерно ощущение катастрофичности жизни, того восприятия образа мира, которое известный политический философ и историк Ханна Аренд в своей книге о процессе над Адольфом Эйхманом назвала катастрофой как повседневной реальностью. Сама Аренд, оказавшаяся в результате Второй мировой войны в США и принявшая в 1951 г. американское гражданство, была всегда в оппозиции, длительное время к американскому маккартизму.

Джеймс Розенквист. F-111 (фрагмент).

Это было особое время. С точки зрения художественных стилей начинают лидировать минимализм и концептуализм. Это, возможно, самые *«американские»* стили искусства, вызревшие после второй мировой войны. Американцев привлекало, что минимализм требовал цельности, чистоты и откровенности вплоть до примитивности. Средства художника оказались низведенными до минимума. Многие критики утверждали, что минимализм в наибольшей мере отвечает национальным идеалам, Один из идеологов минимализма – Франк Стелла резюмировал, что единственное, чего он хочет от своих творений – это чтобы идея была видна сразу и полностью. Известность приобрела «Черная картина» Стеллы (I960) – строгий орнамент по черному полю.

Задачей минималистов стал уход от индивидуальности в письме и от самовыражения – двух главных черт искусства (особенно абстрактных экспрессионистов). Экспрессия и иллюзия

стали изгоняемыми чертами нового искусства, владевшего умами американцев не менее десятилетия, Минималисты стремились к геометрически точным рисункам. В этом стиле преуспели Дональд Джадд, Роберт Моррис, Карл Андре. Их лозунгом была «самодостаточность и либерализм во всем». Правда, вопреки общему кредо, минималисты постепенно усложняли свои работы, о чем можно судить по «Эквивалентам» Карла Андре (1966). Здесь видны дальние подходы к концептуальному искусству.

Андре объяснял, что в его скульптурах идет переход от «формы» и «структуры» к «месту». Чтобы избежать всякой ассоциации с человеком, с гуманизмом, минималисты сосредоточились на горизонтальных композициях. Их произведения чаще всего лежат на полу. Специалисты искали корни американского минимализма в Малевиче, в «неискусстве» Дюшана, в работах последнего эпигона «Баухауза» Джозефа Альберса, Но минималисты видели и крайности своей позиции. Один из них – Роберт Моррис заключал, что единственное – чувство не может быть перенесено на новое место, потому что зритель наблюдает одновременно более чем одну из частей композиции. Простота рисунка вовсе не обязательно проистекала из простоты опыта.

Суровая интеллектуальная природа минимализма, самопоглощенного мировидением художника и его ироническим обособлением от содержания, от артистических традиций ограничивала притягательность его творений. Минимализм стал уходить с национальной арены. Эпигонами, пост-минималистами были такие художники, как Ева Хессе, героиня неформального культурного объединения, обратившаяся к самым разнообразным материалам – латексу, резине, фиберглассу веревкам и тканям. Ее ранняя работа «Подвешенный» является пародией на дадаизм, Хессе говорила о себе, что не хочет «чистенького» искусства, не хочет антропоморфизма, не хочет чисто геометрических украшений, но желает приподнять горизонт, расширить видение зрителя.

В воздухе царили голоса Элвиса Пресли, Джоан Баэз, Боба Дилана, Дженнис Джоплин. Впервые в истории американской культуры музыкальный рынок полностью подчинялся вкусам молодежи. И повсеместно молодежь употребляла наркотики. «Плейбой» оценивал, что 47 % студентов курят марихуану. То было время, когда женщины начали занимать рабочие места, прежде принадлежавшие мужчинам: инженеры в шахтах, водители грузовиков, агенты секретных служб. Актриса Мия Фарроу сделала модными мужские прически у женщин. Магазины армейской одежды стали очень популярными – тяжелые ботинки,

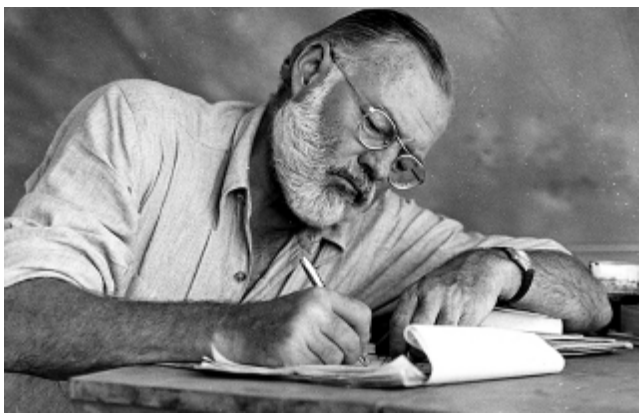
брюки-клеш, армейские рубашки и шинели.

В 1968 году Голливуд ввел систему обозначения сексуально откровенных сцен – XXX был максимумом. G – фильм для семьи; M – для взрослой аудитории; R – ограничение по возрасту; X – запрещено зрителям до 16 лет. Порноиндустрия стала отраслью промышленности. Все прежние поколения всех стран мира были лишены столь откровенного показа интимной стороны жизни, а некоторые продолжали и далее пребывать в том же состоянии. Но не Америка – с этого времени. Американскую культуру окончательно соблазнил запретный плод. Отныне эта тема неизбежно звучала в популярной литературе, в наиболее «кассовых» фильмах, в словах общеизвестных песен, была представлена на обложках журналов, на телевидении, в пьесах и т. п.

Список наиболее читаемых книг этого времени возглавляет «Полет над гнездом кукушки» Кена Кизи. Появилось понятие «хиппи», и колонии хиппи образовались во всех больших городах Америки. Среди фильмов выделялось «Лето любви» (1967). Но уровень рождаемости опустился до 17,9 – самая низкая планка в американской истории.

Вперед выходит «молчаливое большинство»

К 1970 году золотой запас США опустился до 11 млрд. долларов. Это своего рода минимум – полагалось на четыре доллара в обращении иметь доллар в Форт-Ноксе, где хранится золотой запас США Европейский Союз и Япония начали нагонять прежде богатейшую страну.



Эрнест Хэмингуэй

С началом 1970-х годов «поколение свинга» приблизилось к своему пятидесятилетию, к тому возрасту, когда человек обладает

достаточным багажом, чтобы осознать, что мир, который он любил, вступает в стадию распада. Инфляция, загрязнение окружающей среды, рост преступности, война, падение фондовой биржи, ощутимое отчуждение между поколениями, резкое падение морали, восстания в студенческих кампусах, наркотики, пробки на дорогах, возмутительные надписи повсюду – Америка изменилась навсегда. Ее культура приобрела циничный оттенок.

При этом в стране работали почти 200000 астрологов. В трехстах крупнейших газетах страны была «колонка астролога». Америка хотела знать будущее. Некоторые вещи она знала. Например, что Манхэттен небезопасен. Что порнография приносит полмиллиарда долларов прибыли, и что за совершенно незначительную сумму теперь можно приобрести то, что раньше нельзя было купить ни за какие деньги.

Страна как бы отходила от эмоциональной бури предшествующего десятилетия. Не случайно первой книгой года была названа «История любви» Сигала, обогнавшего великого мастера – Эрнеста Хэмингуэя с его «Островами в океане». На третьем месте значилась «Хрустальная пещера» Деймона Стюарта. Затем «Господь является англичанином» английского автора Рональда Фредерика Делдерфильда и «Женщина французского лейтенанта» англичанина Джона Фаулза. В списке документальных книг стояли превосходные мемуары Альберта Шпеера «Внутри Третьего рейха» и фугурологическая работа Элвина Тофлера «Шок будущего». И все же на первом месте в области нехудожественной литературы стояла, разумеется, «Все, что вы хотите знать о сексе» малоизвестного автора…

Впервые за многие годы в начале 1970-х годов Соединенными Штатами овладела ностальгия. Страна снова восхищалась Ритой Хейворт, звездой 1938 года, и одеждой, которую она тогда носила. На торжества стали надевать смокинги, вместо целлулоида и пластмассы очки обрамляли – как очень давно – металлическими дужками. Крупнейшая сеть универмагов «Сиерс Роебек» заново опубликовала свой каталог 1897 года, И каталог купили 200 тысяч человек. На Манхэттене поставили спектакль «Нет, нет, Нанетт» – хит 1920-х годов. Возник книжный клуб «Ностальгия». Фирмы пластинок выпускали шедевры 1920– 1930-х годов, и они расходились с большим успехом. Гленн Миллер и Бенни Гудмен звучали повсюду. Это был совершенно очевидный намек американцы жаждали прошлых радостей, потому что оказались по горло сыты современностью.

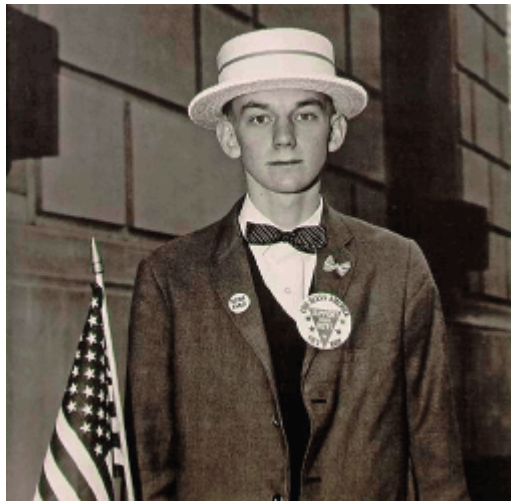
Стоимость жизни выросла на 25 % за пять лет. Согласно данным ФБР, число серьезных преступлений увеличилось за десятилетие на 176 % – 5,5 млн. преступлений в год. Наблюдался

постоянный рост венерических заболеваний. И плохие, и хорошие перемены продолжали трансформировать страну. За десятилетие 40 % фермеров покинули американские поля. Шесть миллионов американцев жили в трейлерах, перемещаясь из штата в штат. С невероятной скоростью росли «моллы» – городские торговые центры (первый был построен в Портленде в 1959 году). Теперь, в начале 1970-х, их было 13 000. Магазинчики, которые раньше повсеместно располагались на центральных улицах старых городов, исчезли навсегда.

Отныне страна твердо стояла на колесах. С 1945 года потребление бензина увеличилось вчетверо, а потребление электроэнергии – в шесть раз. Американцы начали покупать «роллс-ройсы». Студенческие кампусы успокоились. Согласно опросу «Плейбоя», только 36 % студентов были готовы протестовать – и то не применяя насилия.

На протяжении первой половины 1970-х годов выявилось творческое бесплодие активистов контркулыуры и ограниченность тех культурно-идеологических импульсов, которые, по мысли своих теоретиков, должны были открыть перед американской культурой новые горизонты, Показательна в этом смысле эволюция Нормана Мейлера, а также Сюзен Зонтаг – провозвестницы контркультуры. С 1973 года Зонтаг работала над рядом эссе, составивших книгу «О фотографии» (1977), подчеркнувшей переход сторонницы ультрамодернизма к одному из самых предметных, жизнеподобных видов искусства. Порывая с былой элитарностью, Зонтаг обращалась теперь к демократической Америке, остававшейся даже в период буйного цветения контркультуры равнодушной к крайностям авангардизма. Зонтаг отмечала, что пишет не столько о фотографии, сколько об отраженной в ее зеркале теперешней жизни. Фотография – это средство узнать, что думают и чувствуют люди, и поэтому, размышляя о фотографии, находишь пути к действительному миру.

В частности, Джозеф Хеллер своим романом «Что-то случилось» (1974) подчеркнул существование истин, которые были как бы отодвинуты в сторону контркультурой. Новую журналистику возглавил обозреватель «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» Томас Вульф, которого ждало большое литературное будущее. Особенно выразительно позицию критиков «новой журналистики» сформулировал Курт Воннегут. Произошел отход общества и, главное, ведущих деятелей культуры от бунтарских настроений.



Диана Эйрбас. Мальчик в соломенной шляпе

Уорхол по-прежнему царил в изобразительном искусстве, но его главным соперником выступил… фотоаппарат. В обществе воцарилось уважение к талантливым фоторепортерам, и фото на этот раз приравнялось к высокохудожественному полотну.

Эра господства фотокадра наступила в 1980—90-е годы. Именно к этому десятилетию молчаливое большинство так или иначе осудило радикалов. Все простодушие и «невинность» глубинной Америки можно понять, глядя на такие классические фотографии, как «Мальчик в соломенной шляпе» Дианы Эйрбас (1970). Таково было выражение глаз изумленного поражением во Вьетнаме поколения, ищущего новую моральную опору. Мир глянцевых журналов уже не поражал, он начинал отталкивать. Знаменитый портрет Эрнесто Че Гевары (фотограф Альберто Корда) размножался миллионными тиражами – потому что революционер в возрасте Христа не был похож на стандартных политиков. У него не было штампованной улыбки и искусственной оживленности. Портрет получил всемирное признание и немало добавил к славе погибшего в боливийской глубинке революционера.

Наступала эпоха президента Рональда Рейгана, которая принесла восстановление мощи консерваторов. Главное отличие взглядов президента Рейгана от его предшественников – Джимми Картера, Джеральда Форда и Ричарда Никсона – заключалось в оценке возможностей США в мире. Прежние главы государства придерживались «пессимистической» точки зрения: они полагали, что процесс уменьшения внешнеполитической роли США объективен, его можно замедлить, но нельзя повернуть вспять. Ричард Никсон и Генри Киссинджер, Джимми Картер и Збигнев

Бжезинский не только отмечали падение относительного веса США в мире, но и признавали неизбежность продолжения этого процесса в будущем. Рональд Рейган отказался признать эту истину.

Было организовано мощное психологическое давление на американский народ *с целью изменить его восприятие мировых событий,* дать власть тем деятелям, которые обещали «ликвидировать бессилие» Америки в неоконченной «холодной войне». Второй психологический прием, примененный сторонниками Рейгана, – широковещательное утверждение о том, что возникла якобы опасность разрыва в уровнях стратегических вооружений между США и СССР. По их мнению, если позволить обстоятельствам развиваться своим путем, то возникнет «окно уязвимости» – и США проиграет советской военной мощи. Дальнейшая пассивность, утверждали они, приведет к быстрой потере Соединенными Штатами престижа мирового лидера, ответственной державы, покровителя своих союзников. *США проиграют «холодную войну».*

Были поставлены четыре крупные задачи:

– В экономике был выдвинут ряд инициатив, получивших название *«рейганомики»* (нахождение резервов американской экономики, стимуляция американского экономического потенциала). В инаугурационной речи Рейган поклялся крепить экономическую мощь США и, перефразировав знаменитые слова Уинстона Черчилля, заявил, что не для того дает клятву, чтобы председательствовать при распаде сильнейшей экономики мира.

– Во внешней политике был осуществлен отход от картеровской «уважительности» к союзникам, произошел поворот к идее «опоры на собственные возможности». Ради достижения американского превосходства администрация Рейгана пыталась возродить ожесточение холодной войны до степени двусторонней поляризации мира.

– Не следует излишне полагаться на понимание, благожелательность и склонность к сотрудничеству внешних сил. Можно использовать помощь союзников, но следует видеть в этом лишь вспомогательный фактор: у союзников немало эгоистических интересов, и прежний опыт говорит, что в решающих испытаниях они предпочитают отсидеться в стороне (Корея, Вьетнам, Ближний Восток и т. п.). Можно идти по пути договоренностей с потенциальными противниками, но нельзя на этих договоренностях основывать глобальную политику страны.

– Военно-политическая мощь США огромна, но для ее активизации требуется ослабить сдерживающий «вьетнамский синдром». Нужно, чтобы нация поверила во всемогущество своей

страны, до Вьетнама никогда не знавшей военных поражений. Рейган заявлял, что эра сомнений в собственных силах для Америки должна быть окончена. Американцы снова должны захотеть быть первыми, и правительство действует, стремясь восстановить уверенность в американском лидерстве посредством более энергичной защиты национальных идеалов и интересов. Увеличение доли военных расходов в валовом национальном продукте всего лишь на 2–3 % позволит обновить стратегические силы и вернуть военно-морскому флоту возможности контроля над мировым океаном, модернизировать контингент обычных сил. Согласие на паритет с СССР толковалось как пораженчество. Переговоры с Советским Союзом можно действенно вести лишь по завершении «броска» в стратегических вооружениях, что практически означало – через несколько лет.

Эти постулаты легли в основу курса администрации Рейгана (1981–1989). Правые силы в США заявили о своей готовности еще один раз воспользоваться «историческим шансом» Америки: полагаясь на мощь страны, попытаться возобладать в «холодной войне». Руководство США выдвинуло программу базовых стратегических целей, достижение которых должно было привести к укреплению позиций США в мире в целом. На протяжении 1980-х годов идеология «холодной войны» получила значительное распространение среди американского населения; произошла потеря политических позиций у традиционного северо-восточного истэблишмента, более умеренного в выражениях национальных устремлений.

Земное искусство и неоконсерватизм

Архитекторы возглавили движение по обновлению облика страны, Джон Перро говорил, что ему и его коллегам надоели холод площадей и монотонная череда небоскребов. Подобный протест становился все более громким. Повсюду обсуждалась книга Джейн Джекобе «Смерть и жизнь великих американских городов» – страстный призыв возвратиться к прежней городской жизни с ее социальным и профессиональным многообразием, человеческим общением на улицах, мешаниной старых и новых домов, Архитектура больше, чем живопись и скульптура, обнажила самоотрицание ультрамодернизма. Теперь художникам предлагали вернуться назад, а архитектура первой «раскололась» на модернизм и постмодернизм.

Идеалом в архитектуре продолжал служить Людвиг Мис ван дер Роэ, его «Фарнсворт-Хауз», апартаменты на «Лейк Шор Драйв». Это была оптимистическая Америка, чистая, здоровая и,

главное, рациональная: кубическая простота и элегантная точность, завершенность деталей, Металл и стекло слепили и воодушевляли одних и вызывали протесту других. Получивший большую известность Льюис Мамфорд не знал жалости, утверждая, что Мис ван дер Роэ использовал возможности, предоставляемые сталью и стеклом, для создания нескольких элегантных монументов… ничему. Сухой вкус машинных форм не имеет внутреннего содержания. Это пустые стеклянные скорлупы.

Людвиг Мис ван дер Роэ. Жилые дома на Лейк Шор Драйв

Враждебность к пуризму Мис ван дер Роэ и Ле Корбюзье, к безличности международного архитектурного стиля стала ощутимой в выдающихся работах Фрэнка Ллойда Райта. Райт категорически отказывался провозглашать свою принадлежность тому или иному движению. Он всегда шел своей дорогой. Его музей современного искусства Гугенхайма был своего рода вызовом функционализму. Это «восстание» поддержали молодые архитекторы, среди которых нужно выделить Пола Рудольфа. Большое воздействие на культурный мир Америки оказал выход в 1970-е годы двух книг: «Сложность и противоречия в архитектуре» и «Учась у Лас-Вегаса», написанных двумя архитекторами – Робертом Вентури и Денизой Скотт Браун. Эти авторы создали в американской архитектуре так называемый постмодернизм, стремясь приблизить прежние стерильные

образцы к традиции, к улице.

Дело было в том, что все поддерживающие модернизм течения в большой идеологии – утопическое направление, коллективизм, революционный взгляд, технологизм и функциональность, обещавшие рациональность модернистской архитектуре, – потерпели крушение, Наступил тот вид эклектизма, который, пожалуй, лучше других отразил Вентури в своих многочисленных зданиях. В них видны «домодернистские черты», в них нет стремления сохранить пропорции, в них ощутима тысячелетняя европейская традиция и явный кивок в сторону маньеризма. Но в новом стиле чувствуется и жестокая неприязнь к модернизму с его скучными плоскими поверхностями. Только живое противоречие передает новым зданиям жизнь.

Событием стало открытие площади для итало-американского сообщества в Новом Орлеане – яркое, многоцветное море неонового огня, украшенное колоннами, башнями и фонтанами. Еще более монументальным было созданное Майклом Грейвсом здание общественных служб в Портленде (Орегон). Здесь международный модернизм, воплощением которого были груды стекла и стали, оказался представлен как часть большого и разнообразного архитектурного пейзажа, как лишь один из исторических стилей Америки. Другими историческими стилями были ар-деко и ар-нуво. В новом стилистическом подходе прежняя основа – понимание архитектуры как гражданского искусства – была высмеяна. Целью Грейвса было создание города вопреки безразличному ко всему бетону стали и стеклу. Его влекла архитектура, которой восхищаются не только профессионалы, но и людская масса на улицах.

Минималисты изменили свое видение мира, но ненадолго. Американские художники сами называют последующий период – 1970– 1980-е годы «промежуточным временем». Наиболее видным пропагандистом в эти годы стал американец болгарского происхождения Христо Явачев. Его ранние работы включали в себя фотографии груды металлических бочек из-под бензина. Но зрел гигантизм невиданных пропорций. Художник Уолтер де Мария создал первую гигантскую ландшафтную работу «Рисунок длиною в милю» в пустыне Мохаве в Калифорнии, а через несколько лет – «Поле молнии» в штате Нью-Мексико: две параллельные линии, проходящие через выжженную пустыню, в которой были размещены 400 столбов из нержавеющей стали. Де Мария многократно утверждал, что для него эффект молнии более важен, чем сама молния. Весь замысел становится видимым лишь на закате. В подражание уже проявившему себя гигантизму

в Северной Аризоне Джеймс Таррел в 1973 году создал «Кратер Родена» – спящий вулкан, создающий у зрителя «космическое ощущение». Таррел был профессиональным психологом. Для него игра пространства с солнечным светом стала символом эпохи и художественного направления. Особенно он настаивал на том, что осмотр его произведения необходимо производить со дна вулканического кратера – это был взгляд сквозь божественное око на гигантский пантеон природы.

В 1976 году центром всеобщего обсуждения стал «Бегущий забор» Христо Явачева и Жана-Клода Денат де Гильбон – 40 километров белой синтетической пряжи на калифорнийском побережье. А в 1983 году они опоясали одиннадцать маленьких островов близ Майами и покрыли шесть с половиной миллионов квадратных футов морского побережья красным пропиленом. В США, где пейзаж – бесценное национальное достояние, ничего подобного еще не было. А в Соленом озере штата Юта скульптор Роберт Смитсон создал нечто вроде змеевидной дороги длиной 457 метров. Когда он сам смотрел на это место, озеро казалось ему раскинувшимся до горизонта, словно его принес циклон. Берега озера виделись гранями солнца, а кипящая кривая указывала на колоссального размера взрыв в виде спирали.

Все стало возможным в искусстве, в американской жизни и на маленькой планете Земля. А в политической теории Америки в 1980-е годы дал о себе знать неоконсерватизм.

Контрольные вопросы

1. Почему Америка оказалась в послевоенный период самой богатой страной мира за всю историю цивилизации?

2. В чем состояла суть внешнеполитического курса правительства Г. Трумэна?

3. На какие зоны влияния определили США регионы Европы и Азии?

4. Когда и при каких обстоятельствах окончательно оформилась идея американской ответственности за весь мир?

5. Что означает тезис «Расширение рыночной демократии», введенный администрацией Б. Клинтона?

6. Опишите состояние художественной культуры 1950-х годов.

7. Почему молодежь 1950-х характеризовали как «молчаливое поколение»?

8. Как влияло американское телевидение на общественное сознание и культуру повседневности?

9. Каковы, с вашей точки зрения, наиболее примечательные черты культуры повседневности Америки 1960-х годов?

10. Какова динамика художественных стилей в культурной жизни Америки 1960-х – 70-х годов?

Глава четырнадцатая
Конец XX века

Последнее десятилетие XX века явилось примечательным многими новыми тенденциями. В литературе это был отказ от доминирующей традиции. В политике – однополярность и значение США как мирового гегемона. Американское искусство и науки, изучающие общество, задумались об американской идентичности. Политика мультикультурализма изменила соотношение этносов в США.

Литература последних десятилетий XX века

В художественной сфере ощущение всемогущества американского искусства всегда шло параллельно ощущению всемогущества американского государства.

Литературный процесс приостановила Вьетнамская война, но после своеобразной паузы 1970-х годов американская литература снова развернулась во всю ширь. Почти канонической стала «культура бестселлеров», выпускаемых сразу грандиозными тиражами. Ежегодно в печати стали появляться пятьдесят-семьдесят тысяч новых названий, но, разумеется, только несколько сотен из них становились бестселлерами, Большинству авторов их книги не приносили ни денег, ни славы. Так, бывший президент США Джимми Картер опубликовал несколько поэтических сборников, но стихи его не вызвали читательского интереса. В течение многих лет, получив очередной отказ, Картер неутомимо обращался к следующему издателю. А журналист Роберт Тимберг вынужден был брать взаймы, чтобы закончить свою книгу о пяти важнейших государственных лицах эпохи войны во Вьетнаме.

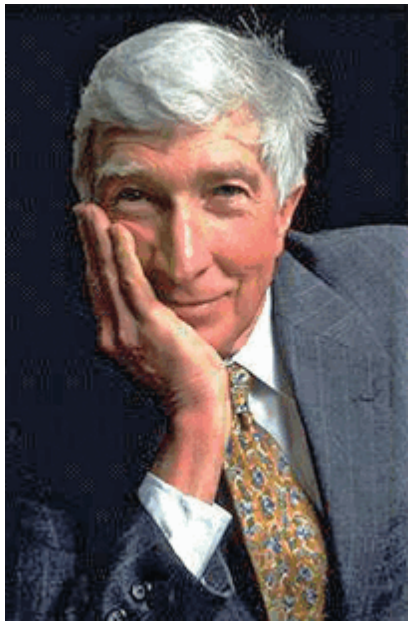
В год, когда Америка праздновала двухсотлетие, все номинированные деятели ее культуры получили Нобелевские премии. Поэт Джеймс Дикки полагал, что главным итогом двухсотлетней годовщины станет укрепление во всех американцах чувства национальной гордости и принадлежности к давней славной традиции. Еще при жизни нынешнего поколения, предрекал Дикки, наступит «золотой век искусств», благодаря, в частности, возросшей роли государства в финансировании творческой деятельности. В духе «праздничной» историографии был выдержан роман Макинли Кантора «Вэлли Фордж» (1975). Еще более обширные цели ставил перед собой Джеймс Митченер

в романе «Часовой» (1974), претендовавшем на то, чтобы на тысяче с лишним страниц представить образ «Америки в микрокосме». Это типичный «митченеровский» патриотический эпос.

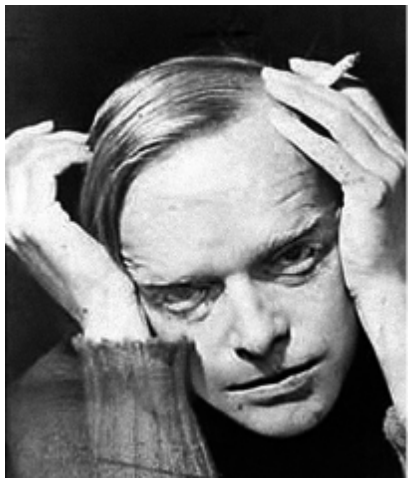
Более художественно выдержанным было осмысление «уроков» американской истории в пьесе Джона Апдайка «Бьюкенен умирает» (1974) и в романе Джеймса Херси «Заговор» (1972). Но особенной удачей стало обращение к прошлому страны у Гора Видала в книге «Вице-президент Бэрр» (1973) – иконоборческой, но мастерски написанной. В послесловии Гор писал, что американская история стала полем битвы. Но этот роман получил восторженный прием. Гор Видал – один из тех американских писателей, которые усмотрели прямое соответствие между литературным творчеством и формированием менталитета народа. Своими книгами последней четверти XX века он привил Америке вкус к произведениям исторического жанра.

В его же духе создал панораму американской жизни Эдгар Лоренс Доктороу в романе «Рэгтайм» (1975). Поворот к эпическому виден и в книгах Ричарда Прайса «Лицо земли» (1975), Лайонеллы Войвоуди «За стеной спальни» (1975). В их романах нет упоения взаимной отчужденностью людей, нет бескрайнего пессимизма. Наблюдается тяготение к расширению временных рамок, насыщению сюжета социальной проблематикой – это заглавная тенденция американской литературы наших дней. Блистательно выразил ее Ирвин Шоу, дебютировавший еще до Второй мировой войны, – автор романа об этой войне «Молодые львы» (1948), двухтомной эпопеи «Богач, бедняк» (1970) и «Нищий, вор» (1977), Взошла звезда афроамериканки Тони Моррисон. Социальный психологизм доминирует и в романе «Ланселот» Уокера Перси (1977), и в «Октябрьском свете» Джона Гарднера (1976).

Не молчало и старшее поколение. Роберт Пени Уоррен опубликовал в 1971 году роман «Приди в зеленый дол». Это – важная веха на многотрудном пути талантливого писателя. Философский роман – не самый распространенный жанр американской прозы, и в этом плане следует отметить Джона Гарднера с его романом «Диалоги с Солнечным» и «Никелевая гора». Уже упомянутый «Октябрьский свет» раскрывает борьбу экзистенциалистского и органичного восприятия жизни. Это видно также и у Конрада Джаретта в «Обыкновенных людях».



Джон Апдайк



Трумэн Капоте

Среди писателей-властителей дум значатся также имена Трумэна Капоте, Джерома Сэлинджера, Джона Чивера. И все же именно драма Вьетнама послужила своеобразной отправной точкой в современном литературном процессе. Нужно отметить громкий факт: в 1988 году издательство «Рэндом Хауз» выпустило долгожданную (она писалась шестнадцать лет) книгу Нэйла Шихэна о войне во Вьетнаме под названием «Оглушительная ложь». Шихэн до этого много лет писал репортажи из Вьетнама для самых солидных американских газет. И его книга

претендовала на место классического произведения о болезненном этапе американской истории. Эта тема и эта книга сформировали новое поколение американцев. Телекомпания Си-СПЭН именно с Шихэна начала свои популярные телевизионные передачи об американских авторах и их книгах (1989). С этих пор довольно широкая публика начала обсуждать дела в отечественной литературе США.

Нашла свою аудиторию книга экс-президента США Ричарда Никсона «Используй момент», широко обсуждавшаяся по телевидению. Но наибольший успех пал на огромную историческую биографию президента Гарри Трумэна, написанную Дэвидом Маккалохом. Альберт Мюррей показал нации, как на 132-й улице Гарлема он писал девять своих популярных произведений. А Герберт Дэвид Дональд представил свою огромную библиотеку на улице Линкольна в городе Линкольн (подходящие названия для автора лучшей биографии Линкольна). Неподалеку – в городе Конкорд (Массачусетс) – миссис Гудмэн создала свое превосходное исследование о времени Франклина Рузвельта. Все время в ее доме звучала музыка, исполнявшаяся в те времена, которые она описывала.

Ричард Бен Крамер проинтервьюировал тысячу человек для создания своего сборника политических биографий «Чего стоит путь в Белый дом?», ставшего приметой 1990-х годов. Клэр Брандт обследовала на маленькой лодке озеро Чамплейн и реку Гудзон, чтобы написать биографию «предателя Американской революции» Бенедикта Арнольда.

Роберт Каро прочитал почти миллион страниц в фонде Линдона Джонсона для написания его биографии. Черилл Вудан в соавторстве с мужем Николасом Кристофом создала впечатляющую работу о Китае.

Из исторических исследований можно отметить грандиозную «Гражданскую войну» Кена Бернса – эпос, ставший еще и основой для телевизионного сериала, написанного подлинным историком-отшельником, создавшим трилогию в полтора миллиона слов за двадцать трудолюбивых лет. В Йельском университете Дэвид Маккалох колебался в выборе между писательским трудом и творчеством художника, но не смел и думать, что станет крупнейшим «биографом» эпохи. Сходный творческий путь прошли Барбара Такмен, Брюс Кэттон, Пол Хорган, Уоллес Стегнер, Роберт Каро – бывшие журналисты.

Вот несколько штрихов к портретам ряда современных американских литераторов. Маккалох начал работать над биографией Трумэна в 1982 году, и написанное стало подлинным бестселлером. Его постоянные спутники – «Безмолвие в

Аппоматоксе» Брюса Кэттона, «Смерть в кругу семьи» Джеймса Эйджи, «Впотьмах» Уильяма Стайрона. Это чисто американская подборка, она характеризует человека, который не читал ни одного русского классика.

На открытой веранде своего деревянного дома в Алабаме Форрест Макдональд начал писать огромный цикл исторических сочинений – пятьдесят предполагаемых томов. Историк изучает интеллектуальные достижения американских президентов и в текущее время. В юности он, техасец, собирался стать классическим писателем, но магнит истории увлек его на путь жизнеописаний. Четыре страницы в день – без этого Макдональд не выходит на любимую ферму. И пишет он не для широкой публики.

Эдмунд Моррис посвятил себя биографиям Рональда Рейгана и Теодора Рузвельта, подчас становясь двойником, тенью своего героя (о самом Рузвельте написано более семидесяти серьезных работ). Любимые писатели Морриса – Чарльз Диккенс и Ивлин Во.

Дорис Керн создала свою классическую книгу «Необычное Время: Франклин и Элеонора Рузвельт», просыпаясь в пять тридцать утра и работая до полудня. Затем она играла в теннис. Писала от руки и довольно медленно. Школой для нее была помощь государственному деятелю США Линдону Джонсону в написании мемуаров.

Эдмунд Моррис и Рональд Рейган

Тони Кушнер

Все эти авторы конца XX века считали Эрнеста Хемингуэя олицетворением Америки, создавшим подлинно «великий стиль», а в музыке восхищались Дюком Эллингтоном, Каунтом Бейзи, Луи Армстронгом.

Вместе с тем культура этого периода теряет свое единство. Исчезновение культурной доминанты привело в конце двадцатого века к распаду единого культурного пространства, формированию культурных гибридов и тотальной фрагментации. Каждое этнонациональное образование стремилось к выражению изобразительно-выразительными средствами своей идентичности.

Среди лауреатов наиболее престижных литературных премий этих лет в США были отмечены малоизвестные писатели: Оскар Ихуэлос, Ричард Форд, Тони Кушнер, Бхарати Мухери, Джулия Альварес, Рон Ариас, Урсула Хеги и др.

Более традиционная фигура англосакса, белого, протестанта стала уходить из американской литературы.

К концу века американское единство уступило место мультикультурализму Значение центра стало исчезать, что частично связано с глобальными интересами Вашингтона. Современный американец сегодня затрудняется определить свою культурную идентичность.

Джулия Альварес

Однополярность начинает доминировать

В последнее десятилетие XX века в общественной жизни страны вместо культуры начинает господствовать политика (точнее, геополитика), Лагерь тех, кто быстрее других осознал возможности, предоставленные окончанием «холодной войны» – однополярность возникающего мира, возглавил Чарльз Краутхаммер, который уже зимой 1991 года озаглавил свою статью в «Форин Афферс» прогностически: *«Момент однополярности»*.

Один из главных идеологов неоконсерватизма писал, что нации нуждаются во врагах, и собирался найти для страны нового достойного противника. Новая элита не отказалась от испытанного компаса – идеальным для Америки был бы идеологически противоположно настроенный, расово и культурно совершенно иной, достаточно сильный в военном смысле антагонист. Сразу же после окончания «холодной войны» в стране начались дебаты, кто мог бы стать таким противником.

Проще простого было демонизировать недавних союзников – Милошевича и Саддама Хусейна, повинных в геноциде и немыслимой жестокости. Но здесь масштаб явно не тот, особенно на фоне Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина, Мао Цзэдуна и даже «менее впечатляющих» Никиты Сергеевича Хрущева и Леонида Брежнева. Нужно было обладать исключительно богатой фантазией, чтобы в изолированном, контролируемом на земле и с воздуха Ираке увидеть полномасштабную угрозу Соединенным Штатам, их территории континентальных размеров, их всемирно признанным идеологическим основам. Манихейские искатели «дисциплинирующей угрозы» обращались к разным вариантам:

«государства-изгои», кибертерроризм, асимметричное ведение войны, всемирная наркомафия, ваххабизм, распространение ядерного оружия и многое другое. Позднее (2003 год) официальные американские органы насчитали одних только террористических организаций *тридцать шесть* (среди них ведущие – «Аль-Каида», «Исламский джихад», «Хезболла», «Хамас»). В том же году определили *семь* государств, «спонсирующих терроризм». В «ось зла» ввели в 2002 году Ирак, Иран и Северную Корею, к которым государственный департамент добавил Кубу Ливию и Сирию. Полномасштабными претендентами на угрозу Соединенным Штатам были объявлены быстрорастущий Китай и турбулентный мусульманский мир (Ирак, Иран, Судан, Ливия, Афганистан при Талибане).

Все эти поиски в значительной мере приостановило 11 сентября 2001 года. Усама бен Ладен как бы остановил американские метания атакой на Нью-Йорк и Вашингтон. Теперь *главным врагом на первую половину XXI века был избран воинствующий ислам.*

В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной сверхдержавы. Быстро выигранная война обратилась в Ираке (да и в Афганистане) теряемым миром. Не случайно ведущий американский социолог Иммануил Валлерстайн спрашивал, почему главным американским военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября? Но «полный вперед» – это девиз тогдашней администрации, поскольку если она ослабит темп, то будет выглядеть очень глупо, а поражение позже кажется менее болезненным, чем крах сегодня.

Атака на башни

Возвращаясь к обсуждаемой неоконсерваторами в 1990-е годы ситуации «однополярности», обратим внимание на название изданной тогда же книги Джозефа Ная «Обреченные (разумеется, имеются в виду США – Авт.) вести за собой». Здесь мы читаем, что *лидерство самой могучей державы укрепит глобальную взаимозависимость всех стран. Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, может достаточно быстро возникнуть полиархия – и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии.*

По мнению Ричарда Хааса, Соединенные Штаты на долгое время останутся эффективным шерифом в мире, находящемся в процессе трансформации.

В августе 1993 года администрация Клинтона не сочла нужным скрывать, что первые результаты реализации Стратегической оборонной инициативы были просто сфабрикованы. Пиком стратегической определенности президента Джорджа Буша-старшего стало предупреждение о том, что *Соединенные Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав. Буш писал в мемуарах, что Америка просто обязана вести за собой, она должна обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отношениях. Ведь она – единственная держава, имеющая необходимые ресурсы и репутацию. Если Соединенные Штаты не поведут за собой, в мире не будет руководства.*

Демократы Клинтона просто не могли игнорировать тот факт, что США – крупнейший экспортер мира, больше зависящий от экспорта, чем, скажем, Япония, что заграничные филиалы американских компаний владеют большей долей мирового экспорта, чем компании на американской земле, что четверть американского ВНП зависит от мировой экономики. Придя к власти, администрация Клинтона ввела термин *«расширение зоны рыночной демократии».* Находясь в Белом доме, президент Клинтон посчитал необходимым сравнить себя с Вудро Вильсоном, Гарри Трумэном, Теодором Рузвельтом и Франклином Рузвельтом – с теми президентами, которые олицетворяют глобальную активность американской политики. Согласно принятому Пентагоном в 1992 году директивному документу, *Соединенные Штаты должны предотвратить стремление крупных индустриальных наций бросить вызов американскому лидерству или попытаться изменить*

установившийся политический или экономический порядок.

Билл и Хиллари Клинтон

Поражение царя Митридата в 84 году до н. э. никак не укрепило демократию в Риме. Традиционно, как и полагалось, пройдя под триумфальной аркой, победоносный Сулла прервал свою задумчивость такими словами: «Теперь, когда во всей вселенной у нас нет врагов, какой же будет судьба нашей республики?» Сомнения Суллы в отношении судьбы республики оправдались. Незамедлительно возникли «внутренние враги» – террористы античности – и появились проскрипции, армия вошла в столицу, республика покатилась к империи.

Триста лет Америка провозглашала свою особенность, представая миру как исключительное государство. Теперь она сумела распространить демократию в качестве общепризнанного идеала. И потеряла идентичность исключительности. Четырехзвездный проконсул Томми Фрэнке (даже внешне похожий на Суллу) добил последнего «официального» врага современного Рима – Митридата-Хусейна.

Но отсутствие явственного врага уже ощущается. Социологическая теория и исторический опыт указывают, что отсутствие ясно очерченного внешнего врага порождает в метрополии внутренний разлад. Неудивительно, что окончание «холодной войны» вызвало тягу местных внутриамериканских общин к самоидентификации. Отсутствие врага ослабляет необходимость в сильном центральном правительстве, в некогда безусловном единстве. Профессор Пол Петерсен уже в 1996 году писал, что окончание «холодной войны» сделало расплывчатыми очертания национальных интересов США, уменьшили надобность в национальных жертвах. Эгоистические интересы стали брать

верх над национальной общностью. Инаугурационные слова Джона Кеннеди о том, что каждому гражданину необходимо спрашивать не о том, что страна может сделать для него, а о том, что он может сделать для своей страны, стали голосом другой, героической эпохи, ныне скрывшейся за историческим поворотом. Вслед за германским экспансионизмом, японским милитаризмом и русским коммунизмом ушло в прошлое представление о противнике как о силе, противостоящей американскому индивидуализму и свободе. И американская демократия, американское общество, со всеми его ценностями свободного гражданина и свободного рынка, оказались в своеобразном вакууме.

Искусство конца века как проявление национальной идентичности

В последние десятилетия XX века в американском искусстве активизировалось движение, получившее название «хай-тек» – концепция подхода к архитектуре, противоположная постмодернизму. Его апологеты старательно избегали всякой сопричастности «народному», «пролетарскому» вкусу, вкусу масс, пленявшему постмодернизмом. Постмодернизм проявил себя прежде всего в архитектуре, а затем уже в живописи и скульптуре. Между 1970-и и 1990-и годами постмодернизм противостоял модерну. Но это противостояние начало ослабевать во второй половине 1990-х годов. Вошедшие под знамена постмодернизма стали все меньше ощущать необходимость противостояния модернизму. Да и сама важность стилевого детерминизма стала исчезать прежде всего в видеоискусстве и фотографии.

Основой всего стала высокая технология, культивирование «благородной простоты». У хай-тека не было амбиций эстетически превзойти постмодернизм. Самое высокое достижение нового стиля заключается в простоте. Хай-тек уникален как движение. Он напомнил европейцам о «Хрустальном дворце» в Лондоне 1851 года – революционном для архитектуры середины XIX века павильоне из стекла, металла и бетона, построенном английским архитектором Джозефом Пакстоном для Всемирной выставки в Гайд-парке.

Элегантные здания, созданные в стиле хай-тек, возникли по всему миру. В хай-теке можно видеть кульминацию сразу нескольких модернистских тенденций. Многие другие строения и сооружения – в частности, нью-йоркская гавань, не отличающаяся самостоятельностью архитектурных форм, стали неожиданно выглядеть примитивными.

Это возвращение к модернизму свидетельствовало о том, что «модерн – незавершенный проект» (как писал об этом немецкий философ и социолог Юрген Хабермас), что эпоха современности обретает новые фазы развития.

К концу XX века в США резко увеличилось количество музеев, неизмеримо возросли возможности «культурных путешественников», устремившихся в храмы искусства других народов. Успех книг по искусству, передвижные выставки, растущие тиражи художественных произведений – все это стало признаком культурно зрелого общества. Наступило время, когда идея прогресса в искусстве перестала быть существенной. Ценностные различия между «чистым искусством», «примитивным искусством», «народным искусством», между живописью, скульптурой и другими видами искусства почти исчезли, Авангард перестал претендовать на роль лидера искусств.

Джуди Чикаго. Обеденный стол

Абстракционизм стал новой ортодоксией – специфически модернистской, жесткой, навязываемой обществу элитой критиков и музейных кураторов. Спокойная мощь художников Роберта Римана, Брайса Мардена и Агнес Мартин получила общеамериканское признание. Абстракционизм, неоимпрессионизм (его стали все чаще называть «максимализмом») и особенно минимализм как бы обрели новое дыхание. Американским лидером неоэкспрессионизма стал Джулиан Шнбель. Его огромное полотно «Доисторическое действо: слава, честь, привилегия и нищета», созданное на коже пони, характеризует максимализм как готовый использовать любые материалы. Шнабель, умерший молодым, также оставил по

себе память созданным в Нью-Йорке фильмом о художнике афроамериканце Жане-Мишеле Баскиате.

В 1979 году Джуди Чикаго (урожденная Джуди Коэн) – художница-абстракционистка и флористка – показала самую известную феминистскую выставку-инсталляцию «Обеденный стол». Здесь вокруг стола с тщательно выписанными тарелками стоит тринадцать стульев, и все на полотне наводит на ассоциацию с «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи.

Начался подъем феминизма, вызвавший общенациональную полемику в США. Сделанные женщинами фотографии превратились в своего рода театральный акт. Это характерно, например, для автопортретов Синди Шерман. Ее серия «Сцены из неизвестного фильма» – как цветные, так и черно-белые, разрушили стандартный стереотип женщины, Для Шерман фотопортрет был разновидностью маски. Следуя своим фотографическим сценариям, Шерман создала своего рода биографию современной американки, сочувствующей, издевающейся, размышляющей. Впервые создается «немужской» портрет всей Америки.

Совсем другой дорогой пошла Дженни Хольцер. Художница постаралась широко посмотреть на тему феминизма. Ею используются в качестве рабочего материала театральные афиши, реклама, рубашки с рисунками, всевозможные шляпы, бронзовые таблички, разрисованные камни, излучающие свет диоды. В 1986 году Хольцер разместила свои произведения в манхэттенском Таймс-сквере с надписью: «Защитите меня от того, чего я хочу». Ее кредо: активность всех людей имеет равное значение, гуманизм устарел и люди не моногамны по природе. Хольцер приобрела известность как автор инсталляций, которые называла «издевательскими клише». За относительно короткое время она создала 330 инсталляций, выставлявшихся на нью-йоркских выставочных площадках Фрэнка Ллойда Райта, в музее Гуггенхайма.

Поражали воображение зрителя рекламные щиты, картины, постеры, фотографии и инсталляции Барбары Крюгер. Свою карьеру художница начала как дизайнер-график в модном нью-йоркском журнале «Мадемуазель». Находясь под большим впечатлением идей близких к постмодернистам или являвшихся таковыми французов Ролана Барта, Мишеля Фуко, Жака Лакана и Жана Бодрийяра, Крюгер восприняла их интерес к миру «общественных отношений», представлявшемуся ей неприглядным.

Постмодернистский «мультикультурализм» эпохи

Билла Клинтона

Проблема культурного разнообразия и политика культурализма приобрели в США за последнее десятилетие острополемический характер.

В то время как богатство Америки и ее мощь занимают высшую ступень, национальное единство американского народа начинает испытывать давление этнических общин, подрывая экономическое равенство и культурную целостность. По мнению уже упоминавшегося исследователя вопроса формирования наций, Сэмюэля Хантингтона, ассимиляция американских этнических меньшинств в сначала враждебное, но все же принявшее их общество *перестала соответствовать духу времени.* Это видно на примере и уже утвердившихся, и недавно организованных, ориентирующихся на свои национальные государства диаспор. Члены многих диаспор, существующих в Соединенных Штатах, не ощущают давления американского государства в направлении ассимиляции, но и сами не видят особой привлекательности в ассимиляции и даже не стремятся получить здесь гражданство.

На рубеже третьего тысячелетия в области взаимоотношений этнических общин в Соединенных Штатах под влиянием изменения государственной политики произошли качественные изменения, Национально главенствующей стала точка зрения *отдельных этнических единиц.* «Плавильный тигель» практически перестал работать. Более того, с 1970 года число американцев, имеющих многонациональные корни, увеличилось в четыре раза. После трех лет ожесточенных эмоциональных дебатов между традиционалистами, считающими необходимым «плавильный тигель», и защитниками мультинациональности и мультикультурализма в самоидентификации американцев произошли существенные перемены. Существовавший прежде «плавильный тигель» не отрицал мультикультурализм, считая его естественным для США. Но Клинтон начал *политику мультикультурализма.* Это было не просто признание факта его существования, но начавшееся в борьбе за голоса этнических групп разрушение «плавильного тигля».

В национальном цензе 2000 года, проводимом каждые десять лет, респондентам впервые было дано право идентифицировать себя по расовому признаку. Именно тогда американцы впервые открыто указали на свою принадлежность к одной (или нескольким) из четырех мировых рас: белая, афроамериканская, азиатско-тихоокеанская, индейская-эскимосская. Испаноязычные граждане остаются в особой этнической группе. Без громких

деклараций в Америке произошла своего рода революция – замена базовых ценностей «англосаксов, белых, протестантов – WASP», низвержение объединяющих ориентиров, характеризующие отход от политики «плавильного тигля». Если раньше иммигранты, вновь прибывшие из других стран, стремились побыстрее стать американцами, т. е. носителями ценностей упомянутого большинства, основавшего США, то потом они пытались выразить себя на стыке своей этнической и американской культур. Но сегодня испанский язык – второй после английского в США, это – язык общения многочисленных латиноамериканских общин, живущих в стране. Сэмюэл Хантингтон приводит в своей знаменитой книге «Кто мы?» пример: во время футбольного матча в Лос-Анжелесе американец мексиканского происхождения (гражданин США) сжег после матча прямо на стадионе американский флаг, будучи недоволен победой американской команды над мексиканской. Хантингтон делает вывод о глубоком кризисе идентичности в стране и утверждает, что если этническое обособление и высокомерие продолжится, то к 2020 году США по своей идентичности приблизятся к Бразилии больше, чем к себе самим прежним.

Для многих стран, возможно, такая опасность не столь существенна, Китай с его 5000-летней цивилизацией и 92 % этническим преобладанием в собственной стране был и останется Китаем вне зависимости от господствующих идей и политической философии. Британия, Франция, Япония, Германия и немалое число других стран были и останутся собой вне зависимости от очередного идеологического поветрия в области межэтнических отношений.

Произошло нечто весьма важное: главная эмигрантская страна в мире изменила позицию – перешла при президенте Билле Клинтоне (1993–2001) от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Главенствующим для многих американцев в последнее десятилетие XX века стало новое, обостренное проявление воли диаспор, выказывающих больше симпатии к покинутой, нежели к приобретенной родине. Произведенная администрацией Клинтона реформа в области межэтнических отношений будет иметь долговременные последствия.

При этом возникли новые вопросы, которые прежде с такой остротой не стояли. Совсем не ясно, как будут использоваться новые демографические данные. Влиятельный журнал «Экономист» задался целым рядом вопросов. Будет ли дочь афроамериканского отца и белой матери считать себя черной женщиной в случае, если легислатура штата постарается создать

округ с преобладающим черным населением? А как быть с гражданином, утверждающим себя в качестве потомка белых, черных и азиатов? Будет ли правительство считать его одним из них?..

Создавая концепцию самостоятельности этнических общин, Майкл Линд обосновывает видение Америки как своего рода «мозаики», состоящей из пяти рас или общностей – белых, чернокожих, латиноамериканцев, азиатов и коренных американцев. Это означает, что иммигранты должны оставить всякие надежды на интегрирование в единую нацию. Вместо этого люди включаются в бюрократические категории, предполагающие некоторую монолитность в политической жизни страны.

Утверждая нормативный приоритет групповой этнической идентичности, подобный мультикультурализм предполагает, что не существует и не должно существовать никаких национальных убеждений, и не предоставляет никакого идеологического фундамента для объединения отдельных групп в единое «предполагаемое сообщество».

Ориентация Америки на формирование не единого сплава в тигле многих национальностей, а пестрого многоцветья мультикультурализма привела к логическим результатам – к закреплению позиций этническими меньшинствами. Известный историк дипломатии Александер Де Конде указывает, что этнорасовые интересы ныне являются основными при определении американской внешней политики.

Итак, после открытого признания правительства демократов Клинтона – Гора в нерелевантности прежней политики «плавильного тигля» в американском обществе сложилась новая ситуация. *Президент Клинтон первым поставил «разнообразие» выше «единства» в той самой стране, которой он управлял. Поддержка декларации собственной этнической и расовой принадлежности означает, что недавние эмигранты более не являются объектом того давления, которое испытали на себе прежние эмигранты, стремившиеся интегрироваться в американскую культуру. В результате этническая идентичность стала более важной, и она все увеличивает свою значимость в сравнении с проявлениями общенациональных особенностей. Но без общей культуры основа национального единства становится хрупкой.*

Новый шанс получили сторонники так называемого «крайнего культурного национализма», который в определенной мере бросает вызов представлению о постоянно происходящем включении в общую американскую культуру все новых составляющих. Сторонники теории перманентного притеснения

этносов в США, выдвигая на первый план культ этноса, изменяют первоначальной цели движения за гражданские права, так как вводят жесткие этнические рамки и неизменную групповую лояльность, что несовместимо с жизнью в Америке.

Американский исследователь Джозеф Раз выдвинул тезис, что даже если отдельные общности и культуры сами по себе являются нетерпимыми, то в мультикультурном обществе они неизбежно будут побуждаться к изменению. Раз также указывает на то, что либерально-плюралистическая версия мультикультурализма не должна противопоставляться идее ассимиляции, предполагающей интеграцию одних культурных групп в другие, если только этот процесс не вызывается насильственно, не проистекает от неуважения к другим народам и их общностям и осуществляется постепенно. Таким образом, американский культурный плюрализм предполагает заимствования и синкретизм, что является отличительной особенностью либерального общества.

Характер литературной ситуации этого периода весьма противоречив. Высокая литература (literature), привычно называемая классикой, чаще всего пользуется спросом в университетских библиотеках, в отличие от широко читаемой fiction (выдумка).

Социокультурные тенденции определяются ростом влияния афроамериканцев, латиноамериканцев, американцев азиатского происхождения. Эти общины не только восприпятствовали окультуриванию, но нашли новые пути самовыражения, позволяющие им не рвать с многовековыми национальными традициями.

Идеолог афроамериканцев Ишмаэль Рид писал, что афроамериканцы стали жертвами мифов, утверждающих, что бедным быть лучше, чем богатым, что лучше принадлежать к низшему классу чем к среднему или высшему, что лучше несерьезно относиться к жизни, чем проявлять примерное трудолюбие.

Ричард Серра. Наклонившаяся арка

В конце XX века начала занимать особое место в творческом процессе инсталляция. Именно этот жанр оптимален для самовыражения художников, как считал Брюс Нойман, который вообще не видел другого пути связать философию, этику, политику, социальные и сексуальные интересы человека. Родом из Индианы, Нойман сделал карьеру в Калифорнии, а затем переместился в Нью-Мексико. Удивительно, но он вплоть до зрелого возраста не посещал прежнюю Мекку художников – Нью-Йорк. Нойман несомненно испытал влияние того, к кому обращались и модернисты, и постмодернисты – Дюшана. Однако его в большей мере характеризует стремление к самовыражению, чем поиски определения искусства. Нойман и его последователи в то же время выступали против абстрактного искусства «как социально безответственного». Но другой столп нового искусства 1980– 1990-х годов – Ричард Серра (потомок русских и испанских иммигрантов) – утверждал, что искусство не нуждается в самооправдании. Он начал работать с вулканизированной резиной и неоновыми трубами, а также с расплавленным свинцом, капли которого распылял по поверхности, благодаря чему его работы напоминали произведения Поллока.

Выполняя заказ нью-йоркского муниципалитета, Серра создал в 1981 году так называемую «Наклонившуюся арку» на Федерал-Плаза. Вокруг «Арки» разгорелся острый спор, а полиция начала утверждать, что арка мешает ей в работе. В 1989 году конструкция была убрана. Своеобразной компенсацией стало помещение стальных кубов художника в лондонской галерее Тейт в 1993 году. Поверхность этих кубов не сглажена, и особый эффект достигается при их освещении с разных сторон. Теоретики искусства нашли для таких работ особый термин:

«Грязный реализм».

Тот же термин применялся к работам друга Серра – архитектора Фрэнка Герри, работавшего в Лос-Анджелесе. Его привлекали такие материалы, как ржавый металл, стальные листы, цинк и медь. Герри работал в международном стиле эстетической геометрии, приветствуемой постмодернизмом, и создавал элегантные рационалистические конструкции «хай-тека», о чем говорят его экспозиция в музее Гуггенхайма, его работы, выставленные на открытом воздухе в швейцарском Базеле и испанском Бильбао (1997).

Дэвид Хаммонс. Дом будущего

Постоянными стали выставки инсталляций в Музее современного испанского искусства (Нью-Йорк). Пуэрториканец Хорхе Родригес и афроамериканец Чарльз Абрамсон (священник религии Сантерия) создали инсталляцию «Ориша/Сантос: артистическая интерпретация семи африканских сил», претендующую на синтез романо-католической религии и африканских культов. Их инсталляции давали публике представление об алтарях сантерийского культа, где правили семь богов – перекрестков, войны, мира, божественной любви, эротической любви, материнской любви, огня. Емайя – богиня материнской любви – имитировала Мадонну с младенцем. Этой религии под видом принятия христианства поклонялись чернокожие рабы, привезенные в Бразилию и Карибский бассейн из Африки. Витальная сила пуэрториканской культуры по этим инсталляциям стала известна американцам.

Одним из наиболее заметных предствителей

изобразительного искусства новой волны явился Дэвид Хаммонс, получивший известность сопоставлением «Звезд и Полос» американского флага с расовыми и культурными архетипами. Обосновавшись на Манхэттене, Хаммонс обратился к инсталляциям, где постоянно фигурировали жесткие африканские волосы и характерные для большого города пустые бутылки. В Бруклине, на нижнем Манхэттене, в Гарлеме его искусство способствовало распространению африканского культа. В его инсталляциях занял большое место баскетбол – игра бедных, дешевая и требующая определенного спортивного мастерства. Широкую известность приобрела инсталляция «Дом будущего», выставленная в Чарлстоне, Северная Каролина (1991).

В мире, где столь многое определяет телевидение, художники нашли место для «видеоинсталляций», превратив их в новый и беспрецедентный вид искусства. Несколько фильмов в начале этого процесса снял Энди Уорхол. Видеокамера играла роль продолжения глаза художника, Видеоинсталяции таких художников, как Билл Виола и Гэри Хилл, воодушевленных христианским мистицизмом, поражали воображение.

Работы Гэри Хилла вначале отражали его увлечение абстрактным экспрессионизмом, но вскоре в них появился и человеческий голос.

Мэтью Барни

Лишь в 1992 году в «Суспензии неверия» он видоизменяет жанр своих инсталляций. Гэри Хилл – певец одиночества, острого ощущения невозможности достучаться до сердца другого.

На американских художников оказали влияние анализ и критика модернизма, осуществленные немецким философом Теодором Адорно, его пристрастие к музыке Шенберга и восприятие джаза как выражения культуры индустриального общества.

Частью мирового влияния американской культуры был приток афроамериканских музыкантов в Париж, В конце XX века это были, в частности, Джозефина Бейкер и Сидни Бешет. Видеозапись их выступлений проецировалась на уличные экраны.

Большим успехом пользовалось творчество Мэтью Барни. Созданные Барни мифы, сила его воображения производили неожиданный эффект, ценимый зрителем. Его хореографические постановки, в частности, на стадионе в Айдахо («Гремастер», 1997), где примой была Урсула Андерс и сам Барни, завораживали зрителей. Но одновременно в творчестве художника нарастает стремление сохранить нарратив, что при всей его инновационности свидетельствовало об определенной приверженности к модернизму.

Как отмечалось, важнейшую позицию в культуре конца XX века заняла фотография. Лидеры фотоискусства для американцев – немецкие фотографы, создавшие в 1980-х годах в Дюссельдорфе фотографическую академию. Упоминавшийся германский философ Вальтер Беньямин указывал на важность «оптической бессознательности» фотографии, Предпосылкой возникновения фотореализма и концептуального искусства была мысль о том, что продукт искусства менее значителен, чем идея, которую художник желает выразить. Отсюда широкое применение в фотографии принципов концептуального искусства. В таком ключе работают американские ученики болгарина Христо Явачева, среди которых был Брюс Нойман, с его «Автопортретом как фонтаном».

Представители концептуального искусства поп-арта и т. д. воспринимали фотографию как еще один язык изобразительного творчества, Фотореализм расширял свои возможности за счет обращения к природным образам, которые стимулировали творчество. Так, впечатление от созданий Дэвида Хокни, как отмечали специалисты, было сравнимо с впечатлением от работ Матисса, отправившегося в Марокко полустолетием ранее.

При создании произведений фотоискусства получил распространение прием, делающий частью нового изображения «старое», уже существующее произведение кого-нибудь из

известных фотографов прошлого. Стало модным организовывать экспозиции на открытом воздухе. Создавались инсталляции, подготовленные к одному-единственному событию. К неотъемлемому качеству искусства стали относить мимолетность.

В Нью-Йорке получили популярность фотографии уличных сцен, но наибольший интерес вызывали художники, такие как Майк Келли, с его темой личностного крушения, боли душевного разочарования. Это отражалось в перформансах, видеоматериалах. Келли работал в эти годы с художником Полом Маккарти, который в своих перформансах, видео и будоражащих инсталляциях вопрошал общество о его моральных основах. Успех имела картина Маккарти «Босс с диктаторскими замашками», Борьба зла с добром – это сказка, достойная Диснейленда.

Обращают на себя внимание произведения, составившие целые направления художественной жизни, о природе вещей, в основе которых лежат размышления, об их функциях в человеческих отношениях. В частности, знаменитый Пирс (1997) американо-кубинского художника Хорхе Пардо был сооружен из калифорнийского красного дерева, достигал сорока метров и возвышался над озером, завершаясь восьмиугольным павильоном. Посетители могли прогуливаться по пирсу, сидеть на скамейках, всматриваясь в спокойные воды.

Другой известный проект Пардо – «Читальня» (1996) – С-образный стол из красного дерева, покрытый холстом. Его купил музей Бойманса в Роттердаме. Зрителя не приглашают посидеть за столом, Тем более – пожить среди этих объектов, Ключевой вопрос Пардо: какова идентичность данного предмета, если признать, что видимое нами явление столь же физическое, сколь и ментальное. Очевидна связь Пардо с американским концептуализмом в искусстве. По мнению Пардо полезность и эстетичность в искусстве взаимосвязаны. Этот лозунг особенно убедительно звучал в Лос-Анджелесе – на фоне работ Фрэнка Ллойда Райта, Ричарда Нойтры и других. Среди концептуалистов самого последнего поколения выделяется Лоуренс Вайнер, известный такими работами, как «Обычные стальные гвозди, загнанные в предназначенные для них отметки на полу».

Хорхе Пардо. Читальня

Фрэнк Терри. Проект Атлантик-Ярдс в Бруклине

На этом фоне – в конце XX века свои архитектурные идеи выдвигал работавший в Лос-Анджелесе Фрэнк Герри, вместе со своими единомышленниками, прежде всего упоминавшимся Ричардом Серра и Клаэсом Ольденбургом. В это время делал свои скульптуры из одинаковых кирпичей Карл Андре, разделявший принципы постмодернистского творчества. Одинаковость кирпичей убивала идею наличия оригинала, с которого делаются копии. К пространству теперь уже нельзя было относиться как к чему-то рационалистическому. Мир стал видеться скопищем сырого материала, который можно приспособить к новой архитектуре. Показательным стал Музей Гуггенхайма в Бильбао, построенный Герри в 1997 году. Здесь явственно ощутимо влияние Фрэнка Ллойда Райта и особенно его нью-йоркского музея Гуггенхайма 1950-х годов, а также Миса ван дер Роэ, автора проекта Новой национальной галереи в Берлине, построенной в 1960-е годы. Титан, стекло и кирпич сделали музей в Бильбао шагом к архитектуре будущего. Музей в Бильбао стали называть музеем «цифрового века».

Американцы Ричард Майер и Стивен Холл создали музеи современного искусства: в Барселоне (1995) и в Хельсинки (1998).

В этих зданиях сочетаются традиция и новаторство, формальная простота и особенное внимание к материалу.

Формирование в США постиндустриальной информационной экономики перенесло центр внимания городских дизайнеров на благополучные городские пригороды, или «технопригороды», которые связаны друг с другом. Самая модернистская архитектура напрямую соседствовала с зелеными зонами, с островами живой природы. Некоторые по виду простые строения оказались результатом кропотливой и изощренной работы.

Американское искусство стало более тщательно относиться не к обязательствам, налагаемым принципами стиля, а к потребностям своих заказчиков.

К концу века возросла критическая в отношении модернизма линия – его начали рассматривать как воплощение артистического нарциссизма.

Наступил очередной период относительной свободы мастеров различных жанров от господствующих вкусов и доминирующих тенденций.

Во многом эта свобода сказалась на живописи наступившего двадцать первого века. Тон задали нью-йоркские мастера Филип Тааф, Петер Шуйф, Михаил Александров, Росс Блекнер и др. Так М, Александров, знаток художественной классики, завороженно вглядываясь в краски Джотто, наполняет свои, близкие к сюрреализму картины на библейские сюжеты, свечением глубокого религиозного чувства.

В целом американское искусство конца XX века остается мощным средством оживления культурной памяти и памяти индустриального развития.

Каковы же требования искусства пришедшего XXI века? Это многогранная роль художника-артиста, разнообразие форм, расширение художественно-эстетического поля. Теоретик Крейг Оуэне указал, что приобщение зрителя, специфичность художественных созданий, стилистическое непостоянство, искусство дискурса, гибридизация – эти различные стратегии характеризуют современное искусство и отличают его от модернистских предшественников.

Постмодернизм прочно связал искусство со многими сферами творчества человека – прежде всего с философией и наукой (психоанализом, лингвистикой и др.). Была отдана дань «теории деконструкции» Жака Деррида, согласно которой пересмотру подвергалось понятие бытия как такового, а также производилась критика основополагающих концептов традиционной философии. Даррида отразил в этом концепте свой опыт небогатого человека из Алжира, который, приехав в Париж,

был вынужден изменять себя и при этом постоянно возвращаться к себе.

Постмодернизм не замкнулся в собственно Соединенных Штатах, в результате глобализации он стал всемирным явлением.

Глобализацию часто воспринимают как преимущественно негативное явление, ведущее к гомогенизации национальных культурных процессов. Но в США популярна и противоположная точка зрения: глобализация ведет не к гомогенизации культурных потоков, а к триумфу их различия. Это не проблема любви или «не-любви», а вопрос уважения других культур. Культура поднимается над персональными вкусами, и сверху видны отличия разных культурных миров.

Михаил Александров. «Ангелы и пастыри»

Вместе с тем главное, что признают даже такие идеологи, как неоднократно упоминавшийся гарвардский геополитик С. Хантингтон, в геометрической прогрессии растет тот сектор населения, в котором люди, приехавшие в Америку, не желают становиться американцами и живут в США как на своей исторической родине. Ученый пишет о растущих миллионах тех, кто, прибыв в Америку из «чужих земель», не чувствуют приобщенности к новой «родной земле». Их поведение в отношении своей новой страны явно противоречит поведению основной массы американских граждан.

Растет и еще одно ослабляющее республику явление. Футурологи указывают на воздействие экономической глобализации – денационализация элиты будет продолжаться, а ее приверженность национальным интересам в условиях глобальной диверсификации интересов американских компаний – ослабляться и приходить в противоречие с американскими интересами. Вот и теперь, например, то, что хорошо для «Дженерал Моторс», вовсе не обязательно хорошо для Соединенных Штатов: эта первая в мире автомобильная компания собирает свою продукцию где угодно – от мексиканской Тихуаны до российского Петербурга, а вовсе не в родном Дирборне, где за час работы американскому рабочему нужно платить в десять раз больше, чем его мексиканскому или российскому коллеге.

В свое время еще Адам Смит сказал, что владелец земли хотя бы по необходимости является гражданином той страны, где расположено его имение, а владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран. Сказано более двухсот лет назад, а сегодня актуально в высшей степени – особенно относительно транснационального капитала. Если американская экономика застопорилась, то можно и нужно вкладывать средства в китайскую. Дж. Хантер и Дж, Йетс, оценивая ситуацию, пишут, что космополитическая элита думает о себе как о гражданах мира, имеющих американские паспорта, а не об американских гражданах, которым приходится работать в организациях глобального охвата. Ныне президентами таких традиционных американских компаний, как «Алькоа», «Бестон», «Дикинсон», «Кока-Кола», «Форд», «Филип Моррис», «Проктер энд Гэмбл», являются не американцы. Все более слышны жалобы ЦРУ, что американская разведка не может положиться на сотрудничество с компаниями, не видящими смысла помогать правительству.

Контрольные вопросы

1. Чем объясняется исчезновение единого поля культуры начала 1980-х годов?

2. Какие мировые процессы обусловили доминирующую роль геополитики в стране в 1990-е годы?

3. Какие последствия для национальных интересов страны имело окончание «холодной войны»?

4. Почему проблемы культурного разнообразия и мультикультурализма приобрели в США 1990-х годов острополитический характер?

5. Какие существенные перемены в самоидентификации американцев произошли в последнее десятилетие XX века?

6. Почему этнорасовые интересы ныне являются основными при определении американской внешней политики?

7. Как повлияла на развитие художественной культуры страны позиция «крайнего культурного национализма»?

8. В какой мере развитие в США постиндустриальной информационной экономики повлияло на состояние живописи и прикладного искусства наступившего XXI века?

9– В чем состоят особенности глобализационных процессов в США?

Глава пятнадцатая
Фактор религии

В глубине семнадцатого века родилась основная традиция американской жизни – главенствующая роль религии. Корни ее уходят в эпоху Реформации в Англии и Шотландии.

Религия сумела удержать свое влияние на протяжении всей истории, Не все страны имеют свои исторически обусловленные религиозные и ценностные основы. Но за них в таких традиционалистских странах, как Америка, стоят твердо.

Ведущий американский внешнеполитический журнал признает, что религия всегда была главной силой и в политике США, и в определении идентичности страны, ее культуры. Религия также определяет национальный характер, помогает формированию представлений о внешнем мире, влияет на то, как американцы реагируют на происходящее за границами страны. Религия обусловливает американское самовосприятие как избранного народа и подкрепляет веру в то, что у американцев есть обязанность распространять свои ценности по всему миру.

Еще Честертон называл Америку «нацией с душой церкви». Современные американцы говорят это без тени сомнения или иронии. Они косо смотрят, скажем, на Англию с ее официальным англиканством; Америка полагает, что вместила в себя все оттенки иудео-христианства, Библия для американца гораздо более значима, чем Писание на других континентах: она источник не только моральных ценностей, но и энергичной самореализации и своего рода «окно в мир».

Можно ли посягнуть на столь поразительную уверенность? Библейские корни американизма делают всякую критику этой страны своего рода святотатством. Даже внешне лишенные библейского вида документы – начиная с вышедшей в эпоху Просвещения Декларации американской независимости – являют собой уверенный в себе американизм с его дидактической обращенностью ко всему миру.

Не спрашивайте, где находятся в воскресное утро американцы. Они стоят, сидят (или даже полулежат и танцуют) в одной из бесчисленных церквей пятидесяти штатов. В Соединенных Штатах верующими себя провозглашают втрое больше людей (пропорционально общей численности населения), чем в породившей основную массу американцев Европе. Не ищите на купюрах других стран кредо типа «Мы верим в Бога», Такое откровение есть только на долларе.

Если же определить Бога как некий «универсальный дух», то в Соединенных Штатах верующих оказывается 94 % всего населения – цифра просто невероятная для современного мира. Атеистами или агностиками здесь открыто называет себя лишь *1 %* жителей. И это, напомним, происходит в стране, где церковь решительно отделена от государства и первая поправка к Конституции гласит, что Конгресс не имеет права принимать законы, поощряющие отправление религии. Наиболее краткую и исчерпывающую характеристику Америки дает, пожалуй, американский историк Сеймур Мартин Липсет в двух словах – *наиболее религиозная.*

Вместе с тем в Соединенных Штатах, как известно, отсутствует доминирующая конфессия, здесь нет и главенствующей религиозной организации. В стране функционируют более 250 религиозных деноминаций.

Избранность

Со времен вождей пуритан в шестнадцатом веке до президента Кеннеди и борца за права афроамериканцев Мартина Лютера Кинга Америка называлась Богом избранным Новым Израилем, словно США – и впрямь библейский Израиль, а американцы, как иудеи, – избранный народ. Дело начали бежавшие из Старого Света пуритане, чьи общины возникли в Англии XVI века. Это были «железные» люди, они буквально перевернули Англию своей революцией, а затем решили основать новый мир в Америке, о чем говорилось в начале книги.

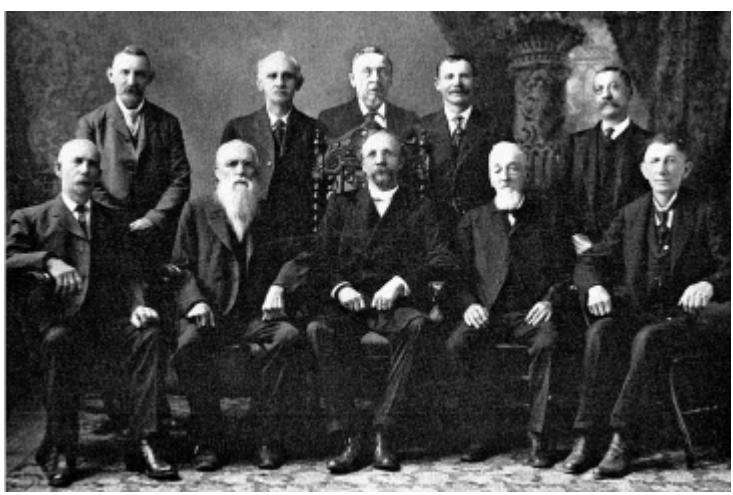
Лютеранская церковь

Основополагающим элементом пуританизма был *кальвинизм.* Первый его элемент – учение о «предназначении», определенном для каждого человека на небесах. Второй – звучащая фактически как политическая доктрина «очистить» христианство до состояния Ветхого завета, вернув ему первоначальную целостность. Пуритане не боялись называть себя «избранным народом Господа». Они отныне жили на «земле небесного обетования», в «новом Израиле». Губернатор Массачусетса Джон Уинтроп писал в 1630 году, что новопоселенцы найдут на новых территориях Божий Израиль. А Томас Джефферсон во втором инаугурационном президентском послании говорил, что нуждается в помощи Того, кто вел наших отцов, как в Израиле старых времен, из наших первоначальных земель в страну, где есть все для удобной жизни – парафраз из Библии, где говорится о стране, в которой течет молоко и мед.

Именно пуританизм фактически трансформировался в американизм. Мы находим пуритан среди представителей основных американских конфессий – конгрегационалистов и пресвитериан, баптистов и квакеров, в среде епископальной англиканской церкви, среди методистов и приверженцев унитарной конфессии, то есть фактически во всех ответвлениях американского протестантизма.

Мы уже говорили, что в своем наставлении «Информация для тех, кто решил переехать в Америку» Бенджамин Франклин в

1782 году сообщал, что неверующих в стране нет. Еще раз приведем основные исторические факты. Религиозное «Великое пробуждение» 1740-х годов сыграло исключительную роль в подготовке американской революции. В течение семидесяти лет после Войны за независимость Америка стала еще более строго религиозной страной. Религиозное «возрождение» 1801 года дало невиданный старт методистской и баптистской сектам, лишенным внутренней иерархии, и своего рода «духовному республиканизму». Баптисты, методисты, Ученики веры Христовой довольно быстро обогнали по численности даже старые церкви и секты, При этом не кто иной, как именно американские миссионеры заложили основание американской внешней политики. Конгрегационалисты, которые в 1745 году имели больше священников, чем какая-либо другая конфессия, к 1845 году имели в десять раз меньше священников, чем методисты. В ходе дальнейшей конфессиональной эволюции (Второе религиозное возрождение) евангелисты, как писал йельский историк Гарри Стаут, стали продолжением национализма на религиозных основаниях. И в речах таких государственных деятелей, как президент Линкольн, мы слышим призывы к Богу ради поддержки Союза штатов.



Основатели евангелистской церкви. 1884

Абрахам Линкольн также называл американцев *избранным народом.* Во втором инаугурационном президентском послании Линкольн упомянул Господа четырнадцать раз, внеся в текст послания четыре прямых цитаты из Библии. И он не был последним хозяином Белого дома, кто делал именно так. Следующее религиозное возрождение пришлось на XX век, являясь одной из основ взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф.

Рузвельта. Один из подлинных творцов современного американизма, как мы упоминали, сын и внук пресвитерианских священников, президент Вудро Вильсон, *говорил и писал прямо-таки языком Библии.* В его первом инаугурационном послании есть патетические слова о том, что нация глубоко взволнована торжественной страстью, она поколеблена, видя повергнутые идеалы, неправедное правительство, она желает Божьей справедливости, где правда и милость примирились, где судья является еще и братом. Президент Вильсон видел руку Провидения во всех своих действиях, при нем американизм окончательно приобрел современные формы. Он просто жаждал распространить свою доктрину на весь мир.

Историк Уильям Лойхтенберг писал о периоде правления Вудро Вильсона: тогда Соединенные Штаты верили в то, что американский моральный идеализм может быть распространен во внешнюю сферу и что он приложим повсеместно, Кульминацией долгой политической традиции, опирающейся на жертвенность и идею решающей моральной схватки добра и зла, стала Первая мировая война, которую американцы восприняли как финал борьбы за праведный мир на стороне Бога. Объявляя войну Германии, президент Вильсон призвал американский Конгресс сделать мир обеспеченным для демократии. Говоря об Америке, Вильсон утверждал, что *Бог помогает ей, и никому другому.*

Африканская методистская епископальная церковь

Американские сторонники гражданских прав вовсю цитировали Библию. Когда слова «В Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов, в Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным.

Начиная «холодную войну», президент Трумэн в «доктрине Трумэна» выступил с выражением классического американизма: «Свободные народы мира ждут от нас поддержки в борьбе за свою свободу». Это едва ли не прямой повтор Линкольна и Вильсона. В мемуарах президент Трумэн рассказывал, что впервые полностью прочитал Библию в четырнадцать лет, а затем повторил это еще семь раз. В конце «холодной войны» президент Рейган называл Америку «сияющим градом на холме», как и первые американские пуритане. Вспомним, что губернатор Массачусетса Джон Уинтроп в 1630 году процитировал эту фразу пророка Исайи и евангелиста Матфея в своем дневнике.

В целом, как формулирует американский политолог У. Миллер, религия в Америке определяет едва ли не все. Либеральный протестантизм и политический либерализм, демократическая религия и демократическая форма правления, американская система ценностей и христианская вера проникли друг в друга и оказывают огромное взаимное воздействие, считает Миллер. Особенностью этого общенационального явления стала массовая убежденность в возможности очевидного для всех *выделения и противопоставления добра и зла* — в том числе и в формировании национального характера. Ничего подобного нет ни в одной другой стране мира. Такая откровенная вера в собственную избранность – явление в истории нечастое.

Особенные черты

Создатели американского государства определили *свободу, равенство, демократию* не как философско-политические идеалы, а как особые дары, данные Америке Богом. И Соединенные Штаты на протяжении двухсот с лишним лет обозревают не степень приближения к этим умозрительным идеалам, а свое достояние – которое нужно защищать как бесценный дар Божий. Более того, эти дары нужно преумножать, и не в цивилизационно близких им странах, а во всех регионах мира. В XX веке американцы самозабвенно несли эти «дары» на Филиппины, в Корею, во Вьетнам. В XXI веке «осчастливленными» стали Афганистан и Ирак.

Для помощи в этом процессе американские вооруженные силы расположились в 120 странах мира.

Понятие *свободы* американские теологи выводили из «Исхода» Ветхого завета (Сэмюэль Мазер, «Фигуры и типы Ветхого завета», 1673; Коттон Мазер, «История Новой Англии в семнадцатом веке», 1702; Джереми Ромейн, «Американский Израиль», 1795). В проповеди Николаса Стрита в 1777 году звучали слова о том, что британский тиран действовал в той же порочной и жестокой манере, как и фараон – царь египетский по отношению к детям Израилевым три тысячи лет тому назад. В день принятия Декларации американской независимости Бенджамин Франклин, Джон Адамс и Томас Джефферсон готовили новую печать для новорожденного государства. Они избрали образ израильтян, пересекающих Красное море, и Моисея, освещающего путь, со словами: «Мятеж в отношении тиранов является знаком покорности Богу». Эта печать не была принята, но каждый может познакомиться с ней в архиве Континентального Конгресса.

Понятие, равенства вызрело из ветхозаветной «Книги Бытия», в которой говорится, что Бог создал человека по образу и подобию Своему, и где пророк Самуил страстно выступал против земных владык. Президент Линкольн считал это самым важным шагом во всей американской истории. Он интерпретировал это обращение к Библии как возвышенное, мудрое и благородное понимание справедливости Всевышнего в отношении своих созданий – *всех* созданий, ко всей огромной человеческой семье.

И, наконец, понятие *демократии* американцы взяли не из античных республиканских Афин и Рима, но из пуританской интерпретации Библии. Считающаяся первым словесно и законодательно закрепленным выражением демократических принципов, конституция Коннектикута 1638 года («Фундаментальные законы Коннектикута») была создана знатоком Библии Томасом Хукером, цитировавшим в своем законодательстве слова о том, что народу необходимы мудрые вожди и что Бог благословляет их. Через полтора столетия, в 1780 году, пастор Симеон Хауард из Бостона на основе того же места в Библии призвал хранить демократические ценности, вспомнив, как Моисей избрал способных людей и сделал их правителями израильтян в пустыне, и то был выбор народа. Проповедники до– и революционного периода Америки были более влиятельны, чем знакомые нам идеологи типа Томаса Пейна и Джона Локка. В годы рождения независимых Соединенных Штатов *три четверти американцев* были пуританами, еженедельно слушавшими злободневные проповеди.

Секуляристы

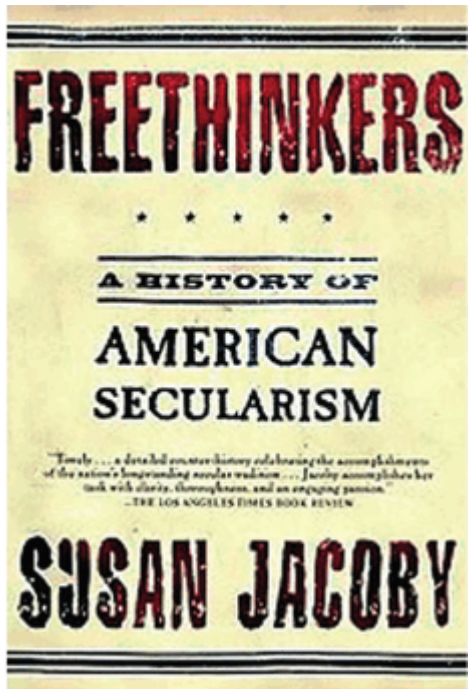
Действие рождает противодействие. Религиозный фанатизм произвел на противоположном общественном полюсе стремление ограничить силу и власть церковных убеждений и силу несущих их организаций. Еще в семнадцатом веке возникло идейное течение, задачей которого была демифологизация населения – защитники этой концепции стремились отделить суть бытия от наслоения легенд.

Вся история Соединенных Штатов – это сплошная битва между либеральным секуляризмом и консервативным фундаментализмом. Оба направления знали моменты триумфа и периоды ослабления. Весьма стойким во времена Войны за независимость было убеждение, что siècle des Lumières – век Просвещения – «остудит» фундаменталистский пыл наследников пуритан. Джефферсон и Мэдисон были далеки от фундаментализма. Более того, эти мыслители Просвещения заложили немеркнущую секулярную традицию в мире, лишь недавно оправившемся от «охоты за ведьмами» в массачусетском Салеме. Главным противником религиозного первенства церкви в общественной жизни стал так называемый *секуляризм,* представители которого, кстати сказать, категорически отрицают его тождество с атеизмом.

Сторонники секуляризма полагали, что религию не следует впутывать в мирские дела: выбор тех или иных моральных ценностей – дело совести и ума каждого гражданина, и этот выбор не должен зависеть от гражданского правительства или церковной власти. Американский секуляризм не отрицает существования Бога; главной особенностью секуляризма является призыв анализировать сегодняшнее положение в мире и в душе, а не возможное будущее, полагаться на эмпирические знания, а не на теории, которым нет доказательств. Секуляристы утверждают, что представляют собой разумную суть протестантизма.

У секуляризма внушительная история пасторства в Америке. Одним из лидеров секуляризма выступила унитарная церковь, основанная в США в 1794 году английским ученым и теологом Джозефом Пристли (другом Бенджамина Франклина, находившимся под значительным теологическим влиянием Томаса Джефферсона). Если обратиться к «отцам-основателям», то нетрудно увидеть, что во времена становления государственности, во времена революции и создания американских социальных институций народ верил, а правящие вожди-философы были едва ли не атеистами. Эти атеисты, блестящее поколение мыслителей, со всей ясностью видели, что религия – самый удобный инструмент скрепления социальной солидарности и покорности потенциальных бунтовщиков. В те

годы великий английский историк Эдвард Гиббон лучше и красноречивее всех оценил Римскую империю, в которой различные формы религиозных культов воспринимались народом как одинаково верные, философы смотрели на них как на одинаково ложные, а правители – как на одинаково полезные. Гиббон говорил о Риме, но все его современники достаточно ясно понимали, что он имеет в виду современность.



Сьюзен Якоби. «Вольнодумец. История американского секуляризма»

Наряду с унитарной церковью столпами секуляризма в Америке *на протяжении веков* являются методистская церковь, американская баптистская церковь, конгрегациональная церковь, епископальная церковь, лютеранская церковь. Именно в эти церковные учреждения искони ходила либеральная элита Америки – от Томаса Джефферсона до Билла Клинтона, от Бенджамина Франклина (епископальная церковь) до Рейнгольда Нибура («Христианские реалисты»).

Значительная часть политического мейнстрима Америки следовала за «отцами-основателями», приверженными европейскому Просвещению. Секуляристы неизменно обращаются к наследию Джефферсона и Мэдисона: религиозные символы – частное дело каждого гражданина, они *не должны касаться правительственной системы США*. Тем, кто выражает сомнения в

их национальном чувстве, секуляристы указывают, что отстояние друг от друга государства и церкви на протяжении 230 лет способствовало, а не препятствовало территориальной и прочей экспансии американского государства. Секуляристы решительно отказываются видеть десять заповедей поданными так, словно это вердикт Верховного суда.

В условиях приближающейся Гражданской войны и роста иммиграции секуляристы довольно скептически относились к возможности сохранения единства США страна ощущала себя христианской, однако очень существенная часть американцев христианами не являлась. Чем больше приезжало в страну разнообразных иммигрантов, тем сильнее были эти сомнения. Секуляризм теоретически окреп в последней четверти XIX века благодаря «Воинственности науки» Эндрю Диксона (1876) и работе «История конфликта между религией и наукой» Джона Дрепера (1876). Обе монографии обращены к образованной элите и желают *укрепить просвещенное чувство веры знанием о мире и науке.* Указанные книги выдержали множество изданий, знаменуя собой попытку соединить веру науку и взгляд на государство как на секулярную машину отдающую церкви дело духовного спасения.

Эндрю Диксон

Американские секуляристы, отражавшие взгляды либерального христианства, видят в христианстве преимущественно этическое учение, а не некую классическую доктрину. Секуляристы отвергают многие библейские эпизоды – создание мира в семь дней, райское начало человечества,

Всемирный потоп. На все это секуляристы смотрят как на литературное повествование. Их скептическое отношение распространяется на физическое воскрешение Иисуса, на все удивительные библейские чудеса. Иисус Христос рассматривается ими как высший моральный учитель, как безусловный жизненный пример, которому нужно следовать на протяжении всего человеческого пути. В XX веке либеральный протестантизм доминировал в США в ходе Второй мировой войны и в годы «холодной войны». Его адепты – Франклин Рузвельт, Дин Ачесон, Дуайт Эйзенхауэр и др. Внедрившись в федеральные суды, секуляристы господствовали примерно в течение тридцати лет, последовавших за Второй мировой войной. В послевоенный период важным оказался и другой процесс. Новым значимым фактором стали американские евреи, которые предстали как граждане с равными претензиями на американскую идентичность. Впервые появилось влиятельное меньшинство, которое публично потребовало модификации в риторике Америки как христианской нации. Конгрессмен от Массачусетса Барни Франк недаром говорил, что Америка зиждется *на иудео-христианских основаниях*. Объясняя происхождение термина, Марк Силк пишет, что после обнародования правды о нацистских лагерях определение «христианская цивилизация» для США стало недостаточным.

В Америке 1955 года было *66 %* протестантов, 26 % католиков, 3,5 % сторонников иудаизма. С тех пор Америка официально определяет себя принадлежащей к иудео-христианской цивилизации.

Джон Дрепер

Секуляризм достиг пика в 1960-е годы. Последним словом

американского интеллектуала тогда были «Нью-Йорк Тайме» и «Вашингтон Пост», Напомним, что фонды, поддерживающие идеологию секуляризма, «Форд», «Рокфеллер» и «Макартур» до сих пор мощнее, чем любые другие в стране (еще раз приведем цифру: 833 млн. долларов в 2003 году против 68 млн. долларов в фондах фундаменталистов-неоконсерваторов).

Секуляристски ориентированные либеральные христиане достаточно мягко относятся к различиям между христианами и нехристианами, Они верят в то, что этические начала едины для всего мира и что моральной основой каждой религии являются сходные этические ценности. С их точки зрения, евреи, мусульмане, индусы, буддисты – так же как и христиане, так же как и неверующие, могут найти общую точку зрения в вопросах о том, что правильно, а что ложно.

Либеральные секуляристы сумели несколько сгладить воинственность римско-католической церкви, наладить отношения с растущим еврейским населением Америки, которое постоянно увеличивает свое влияние в стране. И оптимизм секуляристов в планах создания рационального и мирного мирового порядка во многом исходит из позитивного опыта межконфессионального сближения в самих Соединенных Штатах. Но затем маятник пошел в противоположном направлении. Секуляризм вызвал во второй половине века мощное противодействие.

В церквях секуляристов молилось большинство протестантской Америки. С тех пор численность верующих в США росла, но новообращенные шли не в гигантские храмы либералов-секуляристов. Между I960 и 2006 годами произошли существенные перемены – численность верующих в «головных» протестантских церквях уменьшилась на 24 % – с 29 миллионов человек до 22 миллионов. Если в I960 году более четверти протестантов – членов всех религиозных деноминаций – принадлежали к семи ведущим протестантским церквям, то теперь в эти церкви ходят лишь 15 % верующих. Еще в 1988 году 59 % американских протестантов идентифицировали себя с основными традиционными протестантскими церквями, а к 2006 году их численность упала до 46 %. После пика влияния в 1960-е годы секуляристы потеряли: епископальная церковь США – с 3,6 миллиона человек в 1965 году до 1,9 миллиона в 2005 году; объединенная методистская церковь – с 11 миллионов прихожан до 8,2 миллиона за то же время; пресвитерианская церковь – с 3,2 миллиона прихожан до 2,4 миллиона. В Объединенной церкви Христа посещаемость упала вдвое.

Либеральный секуляризм перестал быть единственной

институцией, представляющей привлекательные либеральные ценности, начиная со свободы. Окончание «холодной войны» ликвидировало даже словесное основание ярых приверженцев «Билля о правах». Как защитники гражданских прав и как охранители окружающей среды секуляристы оказались активистами внутри западного мира, но не в громадном большинстве бедняков. Секуляристы, прежде усиливавшие влияние благодаря растущим связям с католиками и иудеями, теперь начали противоположный процесс ввиду заметного отчуждения по вопросам гомосексуализма, абортов и других краеугольных камней схватки с поздними носителями пуританизма.

Число верующих в «либеральных» деноминациях стало уменьшаться едва ли не на глазах. Либеральный протестантизм (довольно неожиданно – после того, как он победил в «холодной войне»!) уступил место консервативному крылу как протестантизма (первая по массовости в США конфессия), так и фундаменталистов-католиков (вторая по численности американская конфессия). Вперед вышли такие организации, как «Моральное большинство» и «Христианская коалиция», у которых обнаружился новый взгляд на взаимоотношения церкви и государства – и новый идеал моральных ценностей. *Евангелисты* достаточно отчетливо поняли, что финансирование государством отдельных конфессий может генерировать раздоры, может даже взорвать национальное единство. Телеаудитория евангелистского проповедника Билли Греэма стала составлять *десятки миллионов верующих*.

Итак, к концу века, в 1980-е годы, довольно неожиданно для многих секуляристы начали терять свое влияние в стране. Почему?

Смена пастырей

Идеологи фундаментализма-евангелизма ведут свою традицию воинствующего христианства от голландского теолога шестнадцатого века, носителя «мягкого кальвинизма» Якоба Арминиуса, от работ таких английских евангелистов, как Джон Уэсли, от традиций религиозного подъема в США в XIX веке.

Фундаменталисты-евангелисты восприняли божественный текст как заглавный для государственных учреждений; они ссылаются на традиции «отцов-основателей», на то положение, что вся политическая система Соединенных Штатов покоится на основании иудео-христианских ценностей, на Библии. Не население некой части континента, а совокупность людей,

разделяющих одинаковые ценности, являет собой, как подчеркивают фундаменталисты, американскую нацию. Лишь общая идентичность и общий проект будущего сохранят целостность страны и гарантируют ее уникальное лидирующее положение.

Луис Агассиз

В 1859 году Чарльз Дарвин опубликовал «Происхождение видов». В следующем году труд Дарвина появился в Соединенных Штатах, подрывая библейское описание сотворения мира. Никто в мире не схватился с дарвинизмом с такой яростью, как американские фундаменталисты. Мир стал критически изучать Библию, а американцы подверстали к ней все достижения современной науки. Среди ученых битву с Дарвином возглавил профессор Гарварда Луис Агассиз. Именно тогда фундаменталисты призвали верующих покинуть те церкви, которые продемонстрировали склонность к секуляризму и плюрализму в культуре.

Так на горизонте снова возник фундаментализм, который уже казался многим похороненным в американской истории. Казалось, повсеместно уже воцарился легальный секуляризм, однако наиболее активным борцом с ним стала Национальная ассоциация реформ. Съезд Национальной ассоциации реформ в Цинциннати (1872) потребовал формального, конституционного признания христианства, определения его как «единственно верной дороги» и упоминания Бога в Конституции, как это имеет место в Декларации независимости. Это получило название «христианской поправки». Здесь утверждался бы авторитет христианского Бога и Священного писания как основополагающих начал американской нации. Ассоциация была создана в 1864

году: очевидно стремление ее членов воспользоваться смятением Гражданской войны и перехватить инициативу, пока секуляризм не пришел в себя, Однако противники фундаментализма создали свою Ассоциацию – Национальную либеральную лигу.

«Объять» ошибающийся мир американские фундаменталисты решили задолго до президента Буша-младшего. Собственно фундаменталистское движение возжелало вторжения в громадный внешний мир, как писал известный американский политолог Уолтер Рассел Мид о периоде полуторастолетней давности. В 1863 году фундаменталисты перевели и напечатали миллион Библий на арабском языке и основали в столице Оттоманской империи – Стамбуле первый американский университет за пределами США (ныне Босфорский университет), стоящий в самом узком месте Босфорского пролива.

Прежде чем собственно периферийное движение возобладало в университетах и в государственных учреждениях, в 1918 году в Филадельфии появилась Всемирная христианская фундаменталистская организация, Финансировали предприятие два брата – христианских филантропа – Лайман и Мильтон Стюарты. Во главе новой волны фундаментализма в самом конце XIX века встал ведущий деятель демократической партии, трижды выдвинутый ею в президенты, – Уильям Дженнингс Брайан, талантливо связавший религиозный фундаментализм с политическим популизмом, эффективно призвавшим противопоставить единство верующих современной ереси.

Протестантский фундаментализм обрел исключительную силу с приходом в Белый дом Гарри Трумэна – своеобразного воплощения протестантской воли, при котором фундаменталисты особенно упорно верили в «фундаментальные ценности» протестантской веры, такие как буквальное следование истинам священной Библии. Верховная судебная власть, или Верховный суд США вынес в 1952 году безапелляционный вердикт о том, что американцы – религиозная нация, чьи государственные институты предполагают существование Высшего Существа. Правда, здесь ничего не говорится о собственно христианстве, Спор между теми, кто безоговорочно согласен с этим суждением, и теми, кто оспаривает его, – сердцевина национального раскола страны. Антагонисты яростно отстаивают свои позиции. Совсем недавно – в 2003 году – Верховный судья штата Алабама Рой Мур воздвиг во дворе здания Верховного суда штата стелу весом в две с половиной тонны, на которой высечены десять заповедей. И по этому поводу страна и ее политическая система также раскололись надвое.

Упомянутый Брайан многим запомнился процессами против

учения Дарвина. Лидер фундаменталистов проиграл эти процессы (1925), но выиграл более важную битву – он сумел ослабить позиции секуляристов на американской политической арене. Под давлением фундаменталистов американский Конгресс в 1956 году вновь сделал национальным лозунгом слова «В Бога мы верим».

Между 1984 и 2004 годами к евангелистам-фундаменталистам пришли миллионы – с 41 % до 54 % процентов протестантов. На этом и покоится новое могущество протестантского фундаментализма в США, Южный баптистский конвент за те же годы обрел более семи миллионов прихожан. В отличие от прежних фундаменталистов, эти, новые, современные евангелисты, отстаивают не свою особенную веру, а некие ценности, которые, по их мнению, могут разделять все верующие американцы и таким образом сохранить главное – национальное единство. Ведущая евангелическая деноминация в США – Южный баптистский конвент, который насчитывает 16,3 миллиона прихожан (крупнейшая протестантская христианская конфессия в США). За ней следует евангелическое объединение Афроамериканской церкви, Национальный баптистский совет (примерно по пять миллионов прихожан); церковь пятидесятников (2,7 миллиона верующих); лютеранская церковь Миссурийского Синода (2,5 миллиона верующих). Фундаменталисты-евангелисты предпочитают относительно небольшие локальные приходы, Благожелательно относятся они и к парацерковным организациям типа «Поход во имя Христа», «Держащие обещание», «Переводчики Библии Уиклифа».

Протестантские фундаменталисты в целом представляют собой весьма пеструю группу политиков, идеологов, журналистов. И в этом плане американский «фундаментализм» являет собой децентрализованное движение, отражающее сектантство религиозных общин. Здесь нет некоего координирующего центра, строгой дисциплины, системы соподчинения, Сам термин «фундаментализм» в США имеет три характеристики: 1) высокое уважение к библейским текстам, неудержимое воодушевление, порождаемое этими текстами; 2) жесткая решимость защитить исторический протестантизм от римско-католической религии и всех современных новых религиозных веяний, от секулярных учений, от нехристианского влияния; 3) убежденность в том, что верующие обязаны отделить себя от нехристианского мира.

Если фундаменталистское оживление было с определенностью ощутимо в середине XX века, то лишь при президенте Рейгане фундаменталисты стали центром всеобщего

притяжения. Фундаменталисты начали по-настоящему пробовать свои «политические мускулы» во время президентских выборов 1984 года, с выходом на политическую арену Рональда Рейгана, в пользу победы которого евангелисты удвоили свои усилия.

Библия для школы и мораль для нации – с этими лозунгами фундаментализм в последние десятилетия XX и особенно в начале XXI века заявил о себе. Особенно упорны были американские фундаменталисты в Китае, где еще один миллион Библий был переведен на китайский язык, Эта форма современного радикального республиканизма, этот вид идеологии, которую американцы без колебаний называют «Богом данной», кажутся современным гражданам США более чем естественными, Президент Джордж Буш-младший многократно утверждал, что американские принципы «даны Богом». Это не риторическое украшение: президент *действительно верил в это.* И потому не прав тот, кто думает, что современная Америка вызрела из секулярных просвещенческих взглядов Томаса Джефферсона.

Храм мормонов

В начале XXI века примерно треть американцев определяет себя как «возродившиеся христиане» – 39 % населения назвали себя таковыми. Речь идет о большинстве баптистов в стране, примерно трети методистов и более четверти лютеран и пресвитериан. Очень существенно отметить, что основной рост идет в рядах тех, кого следовало бы отнести к рядам

консервативных христиан – евангелических протестантов, тех, кто определяет себя как «заново рожденные христиане», мормонов (рост за десятилетие на 19,3 %), членов консервативных евангелических христианских церквей, церквей Христа (рост на 18,5 %), южных баптистов (17 % роста). Характерным признаком является формирование так называемой «Христианской коалиции» преподобного Пэта Робертсона, объединившей 1,7 млн. человек. Более 2 млн. вошли в такие организации, как «Фокус на семье», «Ассоциация американской семьи», «Женщины, беспокоящиеся об Америке» (крупнейшая женская организация в стране с 600 тыс. членов).

В семи тысячах магазинов религиозной книги продаются три млн, изданий. Вообще на религиозной литературе специализируются сто тридцать издательств (17 млн. книг продается в год). В стране, как грибы, растут религиозные радио– и телестанции – 1300 радиостанций и 163 телевизионных. В Соединенных Штатах построены огромные сети магазинов религиозной направленности, 600 мегацерквей вместимостью до двадцати тысяч человек. Такие организации, как «Христианская коалиция», устремились в американскую политику, оказывая сильнейшее влияние на выборы всех уровней. Напомним, что в 2000 году Дж, Буш-младший получил голоса 84 % членов белых евангелических протестантов – не менее 40 % всех, кто за него голосовал. И то же повторилось в 2004 *тощ. Евангелисты стали тогда основной силой республиканской партии.* На вопрос, кто является наиболее существенным, с его точки зрения, политическим философом, Дж. Буш-младший ответил, что это Христос, который изменил его сердце. Через десять дней после прихода к власти президент Буш-младший выдвинул программу федеральной поддержки участия религиозных групп в общественной деятельности, включая центр религиозной поддержки при Белом доме. Преобладающие при Джордже Буше в США неоконсерваторы консолидировались на общей вере в то, что Америка выше других в моральной сфере, ближе других к Богу. А как иначе послать фермера из Айдахо или Небраски освобождать мир от саддамов хусейнов?

Творец всего сущего – непременный персонаж речей Джорджа Буша. Его выступления пестрели утверждениями, что «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т. п. Не слишком ли легкое обращение? Не слишком ли обжитым Богом стал скромный техасский Кроуфорд? Вспомним, что посреди поразительной битвы – Гражданской войны – полтораста лет назад и Абрахам Линкольн рискнул

помянуть Господа, но лишь однажды, сказав, что в глубине своей души скромно надеется, что, приложив праведные усилия, Америка сможет оказаться *на стороне Бога.* Величайший из американских президентов лишь *скромно надеялся…*

Фундаменталисты занимают главенствующее место среди консервативного протестантского христианства, среди деноминаций, определенно именуемых евангелическими. Евангелисты особенно активны среди быстрее всего растущей группы населения – испаноязычных католиков. Особенно в этом плане выделяются ультра-кальвинистская ортодоксальная пресвитерианская церковь, южные баптисты, миссурийские синодальные христиане. В целом фундаменталисты предпочитают не только относительно небольшие церкви, но доктринально жесткую очерченность, и посему они намного меньше либеральных клерикальных образований (которые иногда собираются в колоссальных церковных зданиях). Отчасти это происходит оттого, что многие фундаменталистские конгрегации предпочитают сохранить независимость от крупных религиозных структур.

Немалое число наблюдателей не без основания полагают, что фундаментализм является эмоциональным и антиинтеллектуальным движением. Сами фундаменталисты не отрицают важности эмоционального и личностного элемента духовного опыта. Фундаменталисты исключительно заинтересованы в создании у своих прихожан довольно четкого собственного «христианского взгляда на мир», систематически прилагаемого к складывающейся международной обстановке. К таким организациям, как ООН, американские фундаменталисты прилагают слова пророка Исайи о том, что можно иметь дело со смертью и заключить соглашение с адом. В религиозной литературе фундаменталистов конец света подается с особой, «фундаменталистской» точки зрения – в ней Антихрист достигает власти Генерального секретаря ООН.

Фундаменталисты привержены апокалиптическим взглядам. Они верят пророчествам иудейских и греческих священных книг (особенно «Откровению» Иоанна Богослова), верят в мрачные события, предшествующие концу мировой истории.

Фундаменталисты сумели дискредитировать сторонников резкого сокращения военного бюджета, неоизоляционистов всех сортов, не желающих, с их точки зрения, воспользоваться уникальным геополитическим шансом. При Рейгане военные расходы выросли на 80 %, а при президенте Буше-младшем взмыли от 290 до 476 миллиардов долларов.

В 1998 году конгресс США принял Международный Акт о

свободе религий и создал Офис международной религиозной свободы в Государственном департаменте.

В ходе фундаменталистского натиска как минимум два результата стали очевидны: 1) США должны отстаивать в мире свое видение гражданских прав; 2) по мере того, как секуляристы отошли от Иерусалима, фундаменталисты выступили за углубление американской поддержки государству Израиль. Довольно неожиданно для многих Верховный суд в 2000 году потребовал от школ молебна перед занятиями и даже перед спортивными играми, а в 2002 году – правительственной поддержки церковных школ. Общественные фонды, прежде закрытые для религиозных организаций, стали мощным потоком снабжать церковные установления.

Исчерпал ли себя фундаментализм неоконов?

Создается ситуация, в которой победившая в 2000–2004 годах сила уже в значительной мере исчерпала себя. Еще в 2003 году на призыв президента Буша распространить демократические ценности по миру едва ли не каждый американец отвечал: «Где мое место?» Но вера в возможность победного решения войны в Ираке начала ослабевать – и довольно резко. До вторжения в Ирак и бездействия федеральных властей перед ураганом «Катрина» президент Буш-младший пользовался поддержкой примерно 60 % населения страны. Но в результате преступной бездеятельности государственных властей в Новом Орлеане и после битв в Фаллудже фундаменталистские вожди Америки стали терять массовую поддержку.

Выходящие из-под тяжелой пяты фундаментализма, секуляристы опираются на свои успехи, достигнутые в десятилетия после окончания Второй мировой войны: религиозные символы и акты были вынесены из стен общественных школ; в этих школах закрепились неизбалованные федеральным и штатским правительствами меньшинства, на которые секуляристы могли опираться.

Но и альтернатива еще не сформировалась или, во всяком случае, сформировалась не полностью. Как обращаться с религиозными конфессиями, уже получившими статус полуоффициальных? Историки в США помнят, насколько хуже было отношение американского государства, скажем, к католикам (если сравнивать с методистами, англиканами и т. п.). И ныне секуляристы хотели бы предотвратить обиды и взаимную вражду по поводу общественных ресурсов, налогообложения отдельных конфессий. Речь идет *о миллиардах долларов,* о долговременных

программах, связанных со школами, с церковным образованием, церковными теле– и радиостанциями, колоссальными по вместимости религиозными центрами.

Глядя на то, как складывается ситуация сейчас, приходишь к выводу, что конфессиональная проблема поворачивается в Америке на 180 градусов. Религиозно-политический процесс начинает идти в направлении, противоположном недавно господствовавшему.

Рассуждая о потере евангелистами своих позиций, американцы начинают говорить не более и не менее, как о новой гражданской войне. Речь идет о самом глубоком расколе. Временная победа одной из сторон не принесет решения в этой схизме ввиду чрезвычайной потребности в национальном единстве на фоне растущего религиозного разнообразия.

Да, долгое время американцы были истовыми христианами. Но это время заканчивается. Первыми проявили осторожность «отцы нации» – представители федеральных властей, – и сделали это довольно давно, более полустолетия тому назад. В марте 1948 года президент Трумэн в *последний раз* посчитал возможным заявить, что американцы – христианская нация. Никогда более с тех пор глава исполнительной власти в США не смел повторить эти слова: американскую национальную арену начали заполнять носители иных верований, и президенты в Белом доме перестали твердить о своей христианской приверженности.

Чей он, храм на склоне холма?

Ни секуляризм, ни евангелизм – две ведущие концепции, пытавшиеся сплотить американцев на фоне колоссальной религиозной разобщенности, подталкиваемой прибытием в Америку мусульман, индуистов и буддистов, – не дали убедительных результатов. Конфликт на наших глазах переходит в политическую и конституционную сферы, Речь идет об установлении барьеров на пути церковных притязаний, посягательств религиозных сообществ и организаций на общественные ресурсы, направляемые на образование, содержание школ, радиостанций и т. п. 18 % сторонников Керри и 80 % сторонников Буша в 2004 году назвали главными *моральные, а не религиозные ценности.* Признак приверженности фундаментализму очевиден: чем чаще американец ходит в церковь, тем более вероятно то, что он сторонник Буша, ведь четыре пятых евангелистов, как уже отмечалось, голосовали за Джорджа Буша-младшего в 2000 и 2004 годах. Однако секуляристская и космополитическая Америка Клинтона, Гора,

Керри пыталась взять реванш за поражение от фундаменталистов в 2000 и 2004 годах.

Чайна-таун в Манчестере

В результате сложился своеобразный политический пат: ни одно из двух движений не сумело осуществить искомое – примирение религиозного разнообразия с национальным единством. Противостоя фундаменталистам, секуляристы начинают утверждать, что, отделяя религию от общества, правительство вовлечет в американскую идентичность гораздо большее число жителей страны. Это попытка отреагировать на результаты опросов, свидетельствующие, что значительное число граждан сегодня чувствуют себя исключенными из работы государственной машины США. Речь идет о национальных меньшинствах. О тех, кто хотел бы ослабить позиции религии в общественных школах и в судах.

В этой «самой верующей нации» со всей очевидностью проявилось идейное, психологическое, политическое размежевание, грозящее расколом страны в свете опрометчивой внешней политики фундаменталистов. В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной сверхдержавы. Отрезвляет, например, тот факт, что быстро выигранная война обратилась в Ираке (да и в Афганистане) в теряемый мир.

Лучшие умы делают прискорбные выводы: американская нация не объединена, а разделена Богом. Хотя все верят в

религиозную свободу, хотя почти никто не жаждет официально установленной религии, однако выясняется, что на практике невозможно прийти к единому мнению относительно вопроса, какими должны быть отношения между религией и правительством.

Что таит будущее? Достаточно обратиться к таким известным и неоднократно цитируемым нами авторам, как Сэмюэль Хантингтон и Патрик Бьюкенен, чтобы услышать стенания англосаксонских протестантов, еще недавно *абсолютно владевших страной,* а теперь печально глядящих на демографические показатели. Растущая численность нехристианских религиозных меньшинств уводит в прошлое протестантскую идентичность «головной» Америки. Недалек тот час, когда протестанты, взятые в целом, не будут представлять собой большинства американского населения. А в более отдаленном будущем наступит время маргинализации потомков тех пуритан, которых мы долгое время представляли «солью земли» США.

За два последних десятилетия население США увеличилось за счет иммиграции на более чем девять млн. человек. Если в I960 году доля рожденных за пределами США граждан составляла относительно незначительные 5,4 %, то к 2008 году она увеличилась до гораздо более весомых 12,5 %. Раньше большинство иммигрантов прибывало из европейских государств, имеющих сходную с американской культуру. Те иммигранты были готовы заплатить немалую цену за приобщение к американскому обществу – они *хотели* быть американцами. Поскольку они прибывали из разных стран, то ни одна страна и ни один язык не были преобладающими среди иммигрантского потока. Новоприбывшие размещались по всей территории огромной страны, не составляя заведомое большинство ни в одном крупном городе, ни в одном отдельно взятом штате. Те из них, кто не сумел приспособиться к американской реальности, возвращались в свои страны.

Новая волна иммиграции в США отличается не только массовостью и своего рода *неукротимостью,* но и *местом происхождения.* На этот раз в подавляющем большинстве иммигранты прибывают из Латинской Америки и Азии.

В отличие от прежних волн иммиграции, данная вовсе не гарантирует, что второе и третье поколение сольются в «плавильном тигле» – настолько различны их «нативная» и «новоприобретенная» культуры, Многие новоприбывшие после 2000 года вовсе не были уверены в достоинствах главенствующей культуры и, вместо приобщения к единому руслу, предпочитали

доктрину многообразия и равной ценности всех культур в Америке. Теперь иммигранты, как замечает М. Уотерс, не входят в индифферентную монолитную культуру, но скорее вливаются в сознательно плюралистическое общество, в котором существует множество субкультур, расовых и культурных идентичностей. Пришельцы отныне выбирают среди конфессий ту, которая более всего соответствует их прежнему историческому и психологическому коду. Важнейшая особенность заключается в том, что ныне можно *ассимилироваться в американском обществе, не ассимилируясь при этом в религиозном плане.* Определенно выделились испаноязычные иммигранты и мусульмане, вера которых отличается от других иммиграционных потоков. В результате неизбежная отмена в школах прежних преференций и замена их на новые – протестантские, еврейские, мусульманские или католические, не суть важно, – произойдет в свете того, что партикуляризм такого рода естественен для всех основных религий.

Фестиваль латиноамериканских фильмов в Сан-Диего, Калифорния

Главное явление американской демографии – сокращение «неиспанского» белого населения в США, которое составляло 75,6 % всего населения в 1990 году, но уже только 68,7 % в 2006-м. В Калифорнии, на Гаваях, в Нью-Мексико и в округе Колумбия подобные этнические группы уже являют собой *меньшинство населения.* Особенно ощутимо ослабление позиций этого отряда населения в крупных городах. В 1990 году белые-немексиканцы были меньшинством в тридцати из ста крупнейших американских городов. В 2006 году они были меньшинством уже в 49 из 100 крупнейших городов и составляли всего 44 % населения этих же городов. Демографы предсказывают, что к 2040 году белые

неиспаноязычные граждане будут меньшинством среди всех американцев. Зато растет ныне сорокамиллионное испаноязычное сообщество, твердо придерживающееся католицизма.

Контрольные вопросы

1. Каковы культурно-исторические условия и предпосылки формирования религиозного сознания американцев?

2. В чем состоит специфика функционирования религии как социального института США?

3. Что составляет основу американского пуританизма?

4. Что дает основание считать Вудро Вильсона одним из подлинных творцов современного американизма?

5. Как проявлялась откровенная вера американцев в собственную избранность?

6. В чем специфика трактовки создателями американского государства идей свободы, равенства и братства?

7. На каких источниках основывается их интерпретация?

8. Почему историю пасторства в Америке можно представить как периодическое господство либерального секуляризма и консервативного фундаментализма?

9. Как относились к христианской доктрине американские секуляристы?

10. В какие годы влияние секуляризма в Америке достигло своего пика?

11. Когда и почему либеральный секуляризм перестал быть единственной институцией, представляющей привлекательные либеральные ценности?

12. В чем состоят базовые ценности американского фундаментализма?

13. Какая организация олицетворяет ведущую евангелическую деноминацию в США?

14. В связи с какими событиями конца XX – начала XXI веков фундаменталисты стали центром всеобщего притяжения?

15. В чем состоит суть растущей угрозы национальному единству?

16. В чем специфика новой волны иммиграции и что характеризует нынешнее состояние американской демографии?

Глава шестнадцатая
Политическая культура и религия в трактовке президента Обамы

Дважды некогда пограничный Иллинойс – символ наступления американцев на дикую природу – поражал интеллектуальный свет Америки. Родившийся в бревенчатой хижине Абрахам Линкольн из заштатного адвоката вырос в гения американской политики, освободившего афроамериканское меньшинство Америки. А через полтораста лет американский народ, вопреки всем расовым предубеждениям, избрал своим президентом еще одного иллинойского адвоката – афроамериканца Барака Хусейна Обаму И это случилось в не менее трагические, чем в эпоху Линкольна, времена. Америка снова воюет, на этот раз за тридевять земель. Финансовый кризис возложил на плечи Обамы все злосчастия депрессии, великое красноречие, его феноменальный ум ждали неожиданного раскрытия, в то время как от стройного и элегантного Обамы ожидают чего-то в духе обворожительного Джона Кеннеди. И только время может показать общее и различное у двух сыновей Иллинойса. Во времена Линкольна Америка рвалась к Тихому океану, и ее дух свободолюбия вызывал восхищение.

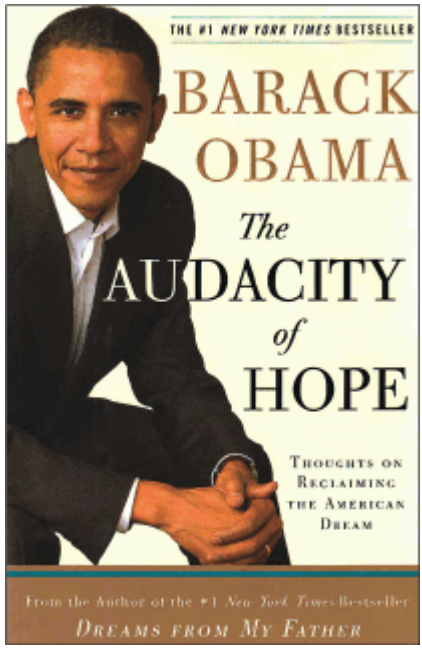
Приход Обамы как «свежего человека», не имеющего опыта политики, но умело организовавшего предвыборную кампанию, обращаясь к молодежи через Интернет, «заразившего» США верой в обновление политики и жизни, в выход из экономического кризиса, в подъем образования и культуры, позитивного, в том числе и культурного влияния в мире, сегодня многих уже разочаровал. Он проявил себя в попытке «перезагрузки» политических международных отношений, новых трактований политической культуры, в декларировании общечеловеческих ценностей, в частности, ценности мира, за что получил Нобелевскую премию мира (в момент отправки американских войск в Афганистан), Как бывший социальный работник штата Иллинойс, он выступил с новыми социальными проектами в области медицинского страхования, ужесточил налогооблажение, поставив тезис о справедливости по отношению к большинству населения в качестве своей козырной карты, Высказал новые идеи о мультикультурализме и многоконфессиональности в США.

Мир, который возглавил Обама

Мир, который возглавил Обама, находился под влиянием американской гегемонии, неоконсервативных оправданий такого порядка вещей, Политика американского общества в течение многих лет утверждала идею господства и превосходства, а также экономической и военной превосходящей мощи США. Авторитет этой страны и многообразие ее культурных традиций, а также забота властей о том, чтобы сделать Америку привлекательной, распространить ее массовую культуру повсюду приводили к американскому культурному влиянию и распространению американских потребительских стандартов или идеалов там, где эти стандарты были недостижимы, повсюду в мире.

Иракская авантюра имела сокрушительный эффект для ослабления мощи, престижа и влияния Соединенных Штатов, для свободы их действий в мире. Пренебрежение гражданскими правами, эксцессы в борьбе против терроризма, многостороннее фиаско в Ираке укрепили антиамериканизм как структурный компонент новой мировой геополитики.

Глобальный опрос 45 тысяч человек в 47 странах Центром исследований Пью в 2007 году показал падение престижа Америки даже в традиционно проамериканских странах. Так, традиционно проамериканская Турция считает современную Америку *самой неуважаемой страной мира* (лишь 9 процентов населения относятся к ней положительно). Такие антиамериканские фильмы, как «Иракская долина волков», пользуются бешеным успехом. В Европе в 2006 году только 23 процента испанцев имели положительное мнение относительно Америки (а в 2005 году таковых было 43 процента). В Испании, где исламский терроризм проявил себя в полной мере, 76 процентов опрошенных выступили против «войны с террором» в ее американском понимании. Не менее 10 процентов европейцев и японцев осудили Абу-Граиб и Гуантанамо. Американскую войну против терроризма не осудили только Индия и Россия, сами борющиеся с исламским фундаментализмом. В десяти из пятнадцати опрошенных в 2006 году стран большинство населения полагало, что мир становится все более опасным из-за американских действий. Таковым было мнение 60 процентов англичан, чьи войска воевали в Ираке вместе с американскими. Согласно опросу Луиса Харриса, опубликованному в газете «Файнэншл Тайме» в июне 2006 года, 36 процентов жителей Британии, Германии, Франции, Италии и Испании видят в Соединенных Штатах главную угрозу мировой стабильности, и это больше, чем в Иране (30 процентов) и в Китае (18 процентов).



Барак Обама. «Смелость надежды»

Европейцев страшат два обстоятельства: а) постоянно стимулируемая Америкой война Запада с мусульманским миром, расширившаяся от палестино-израильского конфликта до раскола Ирака и противостояния с Ираном; б) комбинация высокомерия, односторонности и уязвимости, которая характеризует Америку после Сентября как глобальный дестабилизирующий фактор. Время, когда на США смотрели как на защитника, ушло в прошлое. Новый виток противостояния Запада и мира ислама ныне объясняется агрессивной политикой Америки.

Война в Ираке

Бросив в 2009 году более 160 тысяч своих войск в Ирак и Афганистан, США растянули свои коммуникации и резервы, призвали к коалиции желающих, что, безусловно, ослабило Соединенные Штаты. Следует отметить, что символом главенства Запада над развивающимся миром полвека служили такие создания Бреттон-Вудса, как Международный валютный фонд и Мировой банк. Но растущая непопулярность этих западных учреждений, неудачи «раунда Дохи», как и выросшая активность G-20, выявили заметные противоречия. При этом успех китайской, российской и турецкой экономических моделей подорвали пресловутую уникальность Запада.

Некогда фабрика мира

Америка успешно перебросила свой экономический кризис на мир в целом, но ее стали воспринимать гораздо в большем числе стран как виновницу виртуальных экономических схем и грубой политической культуры. Экономические центры и политические инициативы стали возрастать в незападных странах, в том числе в странах БРИК (Бразилии, России, Индии, Китае). Эти страны противопоставляли американскому гегемонизму идею многополярности, а в экономике – рост человеческого и культурного капитала, подрывающих влияние американской культуры. Ослабление влияния США в мире было связано еще и с тем, что элиты незападных стран часто распространяли худшие образцы американской культуры, полагая, что именно они ближе

к массам в их странах.

Главная сила возникающих незападных промышленных центров – квалифицированная рабочая сила. Посредством аутсорсинга (передачи рабочих мест и заданий из США в Индию, Китай и другие страны по Интернету), деиндустриализации и массивной потери рабочей силы в Соединенных Штатах и в Европе, а также в таких развивающихся странах, как Румыния и Тунис, Запад дал Востоку фору. Именно такой поворот обстоятельств позволил Китаю стать «фабрикой мира», Индии – преимущественным местом аутсорсинга компьютерных заданий, Южной Корее – глобальной фабрикой электронного оборудования. Но еще более важной является вторая фаза макроэкономического смещения центра развития с Запада на Восток, в сердцевине которой находится Россия.

Эта фаза растущего самоуважения незападных стран имеет существенное геополитическое значение. Благодаря массивным торговым накоплениям и значительным национальным сбережениям, составляющим более 45 процентов, массовому образованию, Китай в течение нескольких лет начал финансировать огромный американский бюджетный дефицит. Потребности в сырье много лет поддерживали высокие цены на ископаемые ресурсы, что ослабляло США и ЕС, но обогащало Россию. Порожденная экономическим могуществом финансовая мощь позволила развивающимся странам бросить огромные ресурсы на создание передовых университетов и центров создания передовой технологии.

В 2004 году союз французских электронных фирм «Томсон» и китайских фирм ТСЛ взялся за производство современных телевизоров и персональных компьютеров ИБМ-Леново, что стало символом вхождения «нового незападного мира» в сферу самой передовой западной технологии. Подобным же образом индийская металлургическая фирма «Митталь» (второй в мире производитель стали) взяла под свой контроль крупнейшую европейскую фирму «Арселор», на которую претендовала русская «Северсталь». Прежде передовая западная индустрия познакомилась с русскими «Газпромом» и «Роснефтью», с ранее не очень известными китайскими «Хуавэй» (телевизоры) и САИК (автомобили), индийскими «Инфосис» (информационная технология) и «Ранбакси» (фармацевтика), «Хьёндай» (южнокорейская электроника), «Петробраз» (бразильская энергетика) – и многими другими, смело соревнующимися с компаниями Запада.

Впереди – новый этап. Западное научное и техническое лидерство ощущает угрозу азиатских амбиций, особенно в

исследованиях и реализации этих исследований, в высшем образовании и подготовке технических кадров. Интересно, например, что для сохранения культурной идентичности философии в Китае обучают всех даже на инженерных специальностях. В Евросоюзе, напротив, ее преподавание практически исчезло, что свидетельствует о кризисе европейской идентичности и разрыве с европейской традицией. В то же время численность американских ученых и инженеров продолжает уменьшаться, разрыв между Америкой и Европой продолжает увеличиваться. А Китай за короткий период (25 лет) стал глобальной научной и технологической величиной, и это – постоянная цель реформ, начатых в 1978 году. Китайские расходы на исследования превзошли японские, отставая только от американских. Цель китайцев – расходовать 2,5 процента своего ВНП на исследования и разработки и, кроме того, политически и цивилизационно защитить культурную идентичность своей страны.

Пока Запад сохраняет важные доминирующие позиции в критических сферах технологии, но новые незападные чемпионы производства явственно демонстрируют недовольство своей ролью субподрядчика в областях со значительным технологическим наполнением. Китайцы концентрируются на технологических инновациях, и это диктуется отсутствием природных ресурсов, особенно по отношению к огромному населению. Уровень учащегося населения в высших учебных заведениях вырос в Китае за одно поколение с 1,4 до 20 процентов – эквивалент европейским и американским студентам, вместе взятым. Пекин инвестирует в развитие университетов многие миллиарды долларов, стремясь достичь уровня лучших из американских университетов.

Индийские программисты

Индия с неменьшим горением стремится увеличить свой человеческий капитал. Здесь думают прежде всего об информационной технологии и биотехнологии. Каждый год Индия выпускает 500 тысяч инженеров. Отличники награждаются, и уровень жизни в исследовательских центрах приближается к западному, что ускоряет процесс возвращения студентов из-за границы на родину. Происходит даже приток западных исследователей в азиатские центры. Старение Запада ведет к массовому аутсорсингу. Согласно Комиссии ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), еще до 2010 года Китай станет центром исследовательских работ многонациональных компаний, где будут задействованы сотни миллиардов долларов, и обгонит США и Индию.

В будущем Чиндия (Китай + Индия) станет мировым центром технологических инноваций. Национальное бюро экономических исследований КНР подтверждает: научно и технологически подготовленная рабочая сила развивающихся стран бросит вызов американскому лидерству.

В чем надежда американцев?

Голосуя за афроамериканца, граждане США открыто мечтали о грядущих переменах, которые осуществит президент Обама: он сократит американское военное присутствие в Ираке, начнет переговоры с возможными противниками – Ираном, Сирией и Кубой; прекратит издевательства над пленными и их мучения на таких базах, как Гуантанамо, отойдет от односторонности и

превентивных войн; восстановит все СОЮЗЫ; пересмотрит позицию по Киотскому протоколу, восстановит притягательность американской «мягкой мощи» – американской культуры, Обама обещал «мир без ядерного оружия». Остановимся на этом многообещающем аспекте нынешней политической культуры США.

Серьезен ли президент Обама, когда он говорит о снижении сегодняшнего уровня примерно в 3000 стратегических ядерных зарядов до общего числа в 1000 ядерных зарядов? Почему именно эта цифра – 1000 боезарядов? Обычное объяснение – тысячи боезарядов будет достаточно, чтобы ликвидировать все сомнения у потенциального агрессора в том, что Соединенные Штаты сохранят способность нанести всесокрушающий ответный удар в случае ядерной атаки на США (Чаще всего подразумевается Россия – так же, как это было в годы «холодной войны»). Но даже в те годы широко было распространено мнение, что 400–500 ядерных боезарядов было бы достаточно для того, чтобы разрушить военный и экономический потенциал СССР. Сегодня 1000 ядерных боезарядов, из которых две трети находятся в готовом к бою состоянию, выдержат первый удар и сумеют нанести немыслимый ответный удар, неприемлемый ни для одной страны на свете.

В настоящий момент Соединенные Штаты нуждаются в пересмотре процесса планирования и реструктуризации ядерных операций. Довольно долгое время существовала обеспокоенность относительно того, что возможен несанкционированный запуск в условиях крайней готовности обеих стран к ядерному обмену. Требуется элиминировать такую опасность.

Предложения четырех мудрецов

Предложение радикально изменить ядерную стратегию США было выражено в статье, опубликованной бывшими госсекретарями Джорджем Шульцем и Генри Киссинджером, бывшим министром обороны Уильямом Перри и председателем сенатской комиссии по вооруженным силам Сэмом Нанном в газете «Уолл-стрит Джорнэл». Их точку зрения разделили не менее двух третей экс-госсекретарей СШД бывших министров обороны и всех советников по национальной безопасности от обеих ведущих партий США Руководствуясь высказанными идеями, президент Барак Обама выдвинул новую стратегию из четырех пунктов:

1. Официальной позицией Вашингтона является *предотвращение распространения* ядерного вооружения другими

государствами.

2. Соединенные Штаты намереваются уменьшить свой ядерный потенциал и довести его до 1000 единиц стратегического ядерного оружия. Такого арсенала было бы достаточно для убеждения всякой страны, что Соединенные Штаты обладают способностью отреагировать на использование ядерного оружия против них, причем использовать с силой всесокрушающего ответа.

3. Соединенные Штаты должны проявить инициативу по созданию всеобъемлющего международного режима для контроля за попытками новых стран к созданию ядерного оружия. Этот режим должен быть гораздо шире ныне действующего режима нераспространения, наблюдающего и анализирующего перемещение ядерных материалов: он должен включать в себя контроль *за всеми* расщепляющимися материалами и обеспечивать воздушную разведку процессов их распространения.

4. США должны стремиться к *искоренению* ядерного оружия повсеместно, начиная с переговоров со своими союзниками, включить в этот процесс неядерные державы и, в конечном счете, вовлечь в переговоры все ядерные державы.

Лидерство США должно, по мнению Обамы, иметь критически важное значение для реализации этих принципов. Готовность уничтожить большую долю собственных ядерных средств придало бы этой программе необходимую убедительность.

Курс Обамы

Администрация Обамы уже дала понять, что глобальная повестка дня в ядерной области будет одним из главных приоритетов при подготовке к Конференции по пересмотру Договора о нераспространении ядерного оружия, намеченной на весну 2010 года. Прежде всего это касается ядерных программ Ирана и КНДР. Скорее всего, администрация Обамы будет уделять значительно большее место дипломатическим инициативам, что не вполне характерно для политической культуры США в последние годы. Помимо многосторонних переговоров (в формате двадцатки), уже ведутся и прямые двусторонние контакты. Ряд мер по снижению потенциальных рисков, связанных с определенными мероприятиями по размещению тактического ядерного оружия, может быть принят в одностороннем порядке или совместно с Россией.

Расположенная в Европе американская ядерная ракета подземного базирования

После окончания «холодной войны» администрации Клинтона и Буша оказались неготовыми к развитию равноправных отношений с Российской Федерацией. Отказ Вашингтона считаться с интересами Москвы привел в последние годы к резкому ухудшению отношений между ними. Запрошенный в январе 2009 года военный бюджет Обамы включает в себя (в пакет «чрезвычайных расходов) более 70 млрд. долларов на закупку вооружений и техники. В общей сложности более 800 млрд. долларов.

Более тридцати лет после образования западного альянса советская угроза была мотивирующей и объединяющей силой ядерной политики Запада. Теперь, когда Советского Союза больше не существует, важно предупреждать о недопустимости формирования политики на основе «самооправдывающегося предсказания». Россия и Соединенные Штаты вместе контролируют около 90 процентов мирового ядерного арсенала. В их силах снизить роль ядерного оружия в двусторонних отношениях. И они делают это последние 15 лет в рамках таких инициатив, как программа «За совместное снижение опасности». На настоящий момент необходимо, в первую очередь, начать

работу над продлением договора СНВ-1, единственного документа, устанавливающего режим верификации и мониторинга установленных потолков стратегических вооружений, срок действия которого истекает в конце 2009 года. Это стало бы поводом рассмотреть вопрос о значительном сокращении числа боеголовок относительно уровня в 1700–2000 единиц, установленного Московским договором 2002 года. Общий пересмотр стратегических отношений должен включать в себя изучение способов повышения безопасности на ядерных объектах в России и Соединенных Штатах.

Ключевым вопросом давно является противоракетная оборона, особенно в том направлении, которое касается защиты от угроз со стороны стран-распространителей. Диалог на эту тему должен быть возобновлен с той точки, в которой его прекратили в апреле 2008 года президенты Джордж Буш и Владимир Путин. Российское предложение о создании совместной системы противоракетной обороны для отражения угроз с Ближнего Востока, предусматривающее использование радара на юге России, представляется творческим политическим и стратегическим ответом на общую проблему.

Г. Киссинджер

Усилия по разработке новой повестки дня в ядерной области должны с самого начала предполагать участие союзников. Политика США неотделима от политики НАТО. Ключевые европейские страны ведут переговоры с Ираном по ядерному вопросу. Америка размещает тактическое ядерное оружие в ряде

стран НАТО, а декларативная политика НАТО отражает аналогичную политику Соединенных Штатов, Британия и Франция – ключевые союзники по НАТО – обладают собственным потенциалом сдерживания. Необходимо общими усилиями адаптироваться к новым реалиям, особенно в том, что касается тактического ядерного оружия. Необходимо вести параллельные консультации с Японией, Южной Кореей и Австралией. Обязательно нужны параллельные консультации с Китаем, Индией и Пакистаном. Следует понимать, что на субконтиненте стимулы к получению ядерного оружия имеют более региональный характер, чем у «старых» ядерных держав, а порог их применения существенно ниже.

Как отметил Г. Киссинджер, *«сложность этих вопросов объясняет, почему мы с коллегами выбрали постепенный и поэтапный подход. Мы не можем четко задать конечную цель: как определить размер всех арсеналов, как их ликвидировать или верифицировать результат. Подчеркивая желательность конечной цели – безъядерного мира, мы сосредоточили свои усилия на достижимых и верифицируемых шагах. По словам моего коллеги Сэма Нанна, эти усилия похожи на штурм горы, вершина которой покрыта облаками. Мы не можем ни описать эту вершину, ни быть уверенными в том, что на пути нет непредвиденных и, возможно, непреодолимых препятствий. Но мы готовы двинуться в путь, веря в то, что не увидим вершину до тех пор, пока не начнется восхождение, и мы не займемся насущными вопросами распространения, в том числе ядерными программами Ирана и Северной Кореи».*

Тема, изначально бывшая уделом военных экспертов, привлекла к себе пристальное внимание сторонников разоружения. Диалог между ними не всегда был таким плодотворным, каким ему следовало быть, Стратеги с подозрением относятся к попыткам сокращения арсеналов путем переговоров. Сторонники разоружения порой пытаются упредить исход дебатов путем законодательного оформления ограничений, которыми достигается желаемый результат, без взаимности, по тому принципу, что все, способствующее ограничению ядерных арсеналов, – благо само по себе.

Предпринимается попытка наладить диалог между этими двумя группами. Пока другие страны наращивают и совершенствуют свои ядерные арсеналы, сдерживание их применения должно оставаться частью западной стратегии. Программа, наброски которой представлены выше, не является программой одностороннего разоружения. Президент Обама всецело поддержав такой подход, также четко дал понять, что

Соединенные Штаты *не могут достичь этого в одиночку.* Ядерное оружие создает беспрецедентную угрозу. Оно не должно быть интегрировано в стратегию как еще один, просто более эффективный вид оружия. Тем самым возвращается изначальный вызов.

Во многих аспектах Обама, кажется, пытается восстановить двусторонний консенсус, который руководил страной в годы «холодной войны» и в 1990-е годы, возвращаясь к миру до сентября 2001 года. Все это следует из бесконечных интервью и рассуждения бывшего сенатора от Иллинойса. Так же говорили и группа опекающих его специалистов по внешней политике, и сам Обама в статье «Мир за пределами наших границ» и в книге «Смелость нашей надежды». Многие считают, что он смел только в риторике. Но стоит перейти к конкретике, как смелость уходит, Том Хейден назвал его «постепеновцем».

Обещая уйти из Ирака, Обама одновременно выступает за рост военных расходов, за увеличение размеров армии и военно-морской пехоты, за увеличение «особых частей», расширение возможностей разведки, сохранение сотен американских военных баз по всему миру. Он на стороне расширения проамериканских блоков, в том числе НАТО. Обама выступает за «строительство новых наций», за перестройку развалившихся стран в Африке, Азии, на Ближнем Востоке.

Но сегодня уже видно, что Обама в своей политической культуре сдвигается вправо, ибо разоружение устраивает его только до тех пор, пока сохраняет американское превосходство в силе. Нобелевская премия мира не адекватна таким границам политической культуры.

По многим проблемам культуры Обама еще не высказался. Но его позиция по религиозным вопросам оказалась четко сформулированной.

«Нехристианская страна»

До избрания в ноябре 2008 году Барака Обамы в Соединенных Штатах за 225 лет президентами были представители только трех «кровей», трех культур: англосаксы, немцы и ирландцы (примеры наиболее близкого к нам времени Трумэн Эйзенхауэр – Кеннеди). Теперь президентом стал представитель афроамериканского меньшинства, невиданное явление американской жизни. Обращает на себя внимание «среднее» имя президента Барак Хусейн Обама. Арабский оттенок вносит новый элемент в американское восприятие самих себя.

Барак Обома

Как уже неоднократно отмечалось, Америка – *вторая* по степени тотальной религиозности страна мира (после Индии). Тем более значимы в ней религиозные взгляды ее лидеров, которые относятся к этому вопросу весьма серьезно. Напомним, что в *последний* раз Соединенные Штаты были названы президентом страны *христианской* нацией в марте 1948 года. И был это президент Гарри Трумэн. С тех пор были обозначены попытки именовать страну «иудео-христианской», но и это не прижилось на почве культурного многообразия.

Это многообразие, мультикультурализм получили, как указывалось, особое развитие в годы президентства Билла Клинтона (1993–2001), когда президент признался, что он рад, что в самом большом штате страны (Калифорния) белые англосаксы протестанты (прежде символизирующие плавильный тигель нации и ее идентичность) стали этническим меньшинством.

Президент Барак Обама сделал еще один шаг в этом направлении, Выступая в 2009 году в Каире, он резко сместил идеологические и культурные акценты. С точки зрения многих американцев, президент Барак Обама сделал очень грубую ошибку, когда в Каире заявил, что «Америка не является христианской страной». Американский обозреватель Джек Бест отреагировал на каирскую речь Обамы так заявил, что наши религиозные корни подточены неограниченной иммиграционной политикой. «В это же время вы и ваши помощники, – обращается он к Обаме, – защищаете всевозможные мировые религии и

рисуете нас как религиозно космополитическую нацию, тогда как мы верны своим национальным корням. Мы не отвергаем нашего христианского наследия, – говорит он. – Мы христиане и гордимся этим. Величие нашей страны лежит в нашем христианском наследии. Прочитайте Декларацию независимости, Конституцию и все книги по истории. Несмотря на все утверждения противоположного, мы – *христианская нация.* Мы не мусульмане, как ваш отец, не индуисты, не синтоисты, конфуциане или янсенисты. Мы все еще христианская нация».

Но подобные утверждения звучат уже как декларативные, Америка – единственная *растущая* индустриальная страна, население которой быстро перевалило за 300 млн. чел. Колоссальный рост иммиграции дает простор неанглосаксонскому элементу. С юга Рио-Гранде штурмует католическая мексиканская молодежь, китайцы селятся в чайна-таунах больших американских городов, талантливая еврейская молодежь создает новые информационные гиганты в Силиконовой долине. В США до 40 млн, испаноязычных, чуть меньше афроамериканцев, шестимиллионная еврейская диаспора – не меньше поляков, миллионы прибывших из Восточной Европы. В этой ситуации президент Барак Обама *не может* традиционно ориентироваться на англосаксонское культурное наследие Джефферсона и Мэдисона, перед ним другие горизонты, открытие *неевропейского* мира.

Этот культурный поворот получает зримое противодействие, но для Обамы он уже *веление времени.* И в этом отношении данный сдвиг заслуживает оценки как реалистическая попытка провозгласить диалог культур в США.

* * *

Почти четыреста лет между Атлантикой и Тихим океаном вызревал протестантский гигант. Но на последнем историческом этапе он стал терять прежнюю веру как основу своего национального пафоса. Правый республиканец Патрик Бьюкенен говорил, что в стране все же немыслимо существование без веры. Но какова же вера Америки, если это не христианство?.. В сумерках скрываются сады Запада.

Индекс рождаемости нехристианских иммигрантов многократно превосходит роковые огненные «цифры на стене»: средняя цифра, определяющая количество детей в протестантских семьях, составляет всего 1,4 – и определяет судьбу протестантизма в этом мире. Через сто лет в Соединенных

Штатах будут жить 600 миллионов человек (единственная растущая страна Запада), но прежних законодателей и лидеров, ведущих свою родословную от пуритан и англикан, в ней почти не будет.

Дмитрий Медведев и Арнольд Шварценеггер в Силиконовой долине

Sic transit gloria mundi[7].

Контрольные вопросы

1. Какие тенденции характеризуют состояние экономики и политики накануне прихода к власти Б. Обамы?

2. В чем состоит суть позиции Обамы по религиозным вопросам?

3. Какие стратегические принципы характеризуют основы формирующейся политической культуры?

Библиография

Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М.: Прогресс, 1988.

Аллен У. Традиция и мечта: Критический обзор английской и американской прозы с 20-х годов до сегодняшнего дня / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1970.

Американская литература в русской критике: Библиографический указатель 1976–1980. М.: ИНИОН, 1984.

Американская философия искусства. Антология. Сост. Б. Дземидок. Екатеринбург, 1997.

Арсланов В. Г. История западного искусствознания XXвека. М.: Академический проект, 2003.

Батурин С. Портреты американских писателей: Л. Стеффенс, Дж. Лондон, Т. Драйзер. М.: Худож. лит., 1979.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Белл Д. Массовая культура и современное общество// Америка. 1965, № 103.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М., 1996.

Бжезинский 36. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М, 2004.

Бодрийяр Ж. Америка / Пер. с фр. М.: Владимир Даль, 2000.

Бондарев А. П. Мифология. История. Человек. Литература Великобритании и США. М, 2006.

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1967–1971.

Кревекер Сент Джон де. Письма американского фермера / Пер. с англ. М, 1987.

Бурмистрова Т. П. Приключения американского дизайна // Техническая эстетика. 1990. № 1.

Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / Пер. с англ. М, 1993.

Валери П. Проблема музеев//Об искусстве. М.: Искусство, 1993.

Ващенко А. В. Америка в споре с Америкой (этнические литературы США). М.: Знание, 1988.

Ващенко А. В. Историко-эпический фольклор северо-американских индейцев: типология и поэтика. М., 1989.

Гачев Г. Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел // Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М.: Прогресс, 1995.

Гачев Г. Национальные образы мира. М., Академия, 1998.

Голядкин Н. А. ТВ информация в США. М.:ИПК, 1994.

Грибанов Б. Т. Эрнест Хемингуэй: герой и время. М.: Худож. лит., 1980.

Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1996.

Данчевская О. Е. Американские индейцы в этнокультуре США конца XX-начала XXI века. М, 2009.

Делез Ж. О преимуществе англо-американской литературы // Логос, 1999. № 2. С. 89–102.

Деррида Ж. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. – М., 1993.

Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства. Истоки и современность. СПб., 1999.

Дизайн США: Проспект к межгосударственной выставке в СССР. М., 1989.

Добрынин А. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986), М, 1997.

Дьюи Д ж. Культура и свобода. Нью-Йорк. 1985.

Жаринов Е. В. «Фэнтези» и детектив – жанры современной англо-американской литературы. М.: Международная академия информатизации. Академия средств массовой информации, 1996.

Зарубежная литература второго тысячелетия. М.: Высшая школа, 2001.

Зарубежная литература. XX век / Н. П. Михальская, В. А. Пронин, Е. В. Жаринов и др.; под общ. ред. Н. П. Михальской. М.: Дрофа, 2003.

Засурский Я. Н. Романтические традиции американской литературы XIX века. М.: Наука, 1982.

Зверев А. М. Модернизм в литературе США: Формирование. Эволюция. Кризис. М.: Наука, 1979.

Зыбайлов Л. К., Шапинский В. А. Постмодернизм. М., 1993.

Иванов Р. Ф. Дуайт Эйзенхауэр – генерал в Белом доме. Смоленск 2000.

Иванян Э. Н. История США. М.: Дрофа, 2004.

Иконников А. В. Архитектура США. М.: Искусство, 1979.

Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречения, перспективы. М., 2000.

Истоки и формирование американской национальной литературы XVII–XVIII вв. М, 1985.

Историография истории Нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Ред. И. П. Дементьев, А. И. Патрушев. М.: Простор, 2002.

История американской литературы / Под ред. И. И. Самохвалова. Ч. 1–2, М, 1971.

История всемирной литературы: В 9 т. М., 1987–1994. Т. 4–8. [Разделы о литературе США].

История литературы США. Т. 1. «Наследие», М., 1997.

Кастельс С. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М, 2000.

Карцева Е. Н. Голливуд: контрасты 70-х. М.: Искусство, 1987.

Карцева Е. Н. «Массовая культура» в США и проблема личности. М., 1974.

Кастельс С. История США. М, 1979–1985.

Ковалев Ю. В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л., 1972.

Козлов А. С. Мифологическое направление в литературоведении США: Учеб. пособие для филол. фак ун-тов. М.: Высш. шк, 1984.

Кокарев И. США на пороге 80-х: Голливуд и политика. М., 1987.

Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2005.

Кребер А. Л. Избранное: природа культуры. М., РОССПЭН, 2004.

Кребер А. Л. Природа культуры. М., 2004.

Кузнецов Л. И. Стопроцентный американец. М., 1990.

Кузнецова Т. Ф. Культурология. История мировой культуры. М.: Академия, 2002 (главный редактор, в соавторстве).

Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира. М.: Этносоциум, 2010.

Лазарук С. Базовые модели киноведения США: Из истории американского киноведения. М., 1996.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1992.

Лики массовой литературы США / Под ред. А. М. Зверева. М.: Наука, 1991.

Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3 т. / Пер. с англ, М.: Прогресс, 1977–1979.

Луков Вл. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней / 6-е изд. – М.: Академия, 2009.

Луков В., Луков В л. Тезаурусы субъектная организация знания. М.: Издательство национального института бизнеса, 2008.

Малевич К. О новых системах в искусстве. Статика и скорость. Витебск, 1919.

Матусовская Е. М. Американская реалистическая живопись.

Очерки. М.: Искусство, 1986.

Межуев В. М. Философия культуры. Эпоха классики. М., 2003. С. 39–41.

Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность. М., 1984.

Мендельсон М. О. Американский роман сегодня. М.: Сов. писатель, 1977.

Мечта и действительность: американские писатели и «американская мечта»: Из прозы и поэзии США / Сост. и авт. очерков Т. Г. Голенпольский. М., 1986.

Морозова Т. Л. Спор о человеке в американской литературе: История и современность. М.: Наука, 1990.

Мулярчик А. С. Современный реалистический роман США. М.: Высш. школа, 1988.

Мулярчик А. С. Спор идет о человеке: О литературе США второй половины XX века. М.: Сов. писатель, 1985.

Николюкин А. Н. Жанры американской романтической прозы// Американская романтическая проза: Сб. / На англ. и русск. яз. М., 1984.

Новая Российская Энциклопедия: В 12 т. М., 2003– [продолжающееся изд., статьи об американских писателях].

Новая история стран Европы и Америки 16–19 вв. Под ред. А. М. Родригеса, М. В. Пономаревой в 3-х частях. М., Владос, 2005.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли В 3 т. / Пер. с англ. М, 1962.

Пелипенко А. А. Постмодернизм в контексте переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов. М., 2002.

Покровский Н. Е. Ранняя американская философия: Пуританизм, М, 1989.

Разлогов К. Э. Художественный процесс и потребности человека в искусстве // Вопросы философии. 1986. № 8.

Разлогов К. Э. Коммерция и творчество: враг или союзники? М., 1992.

Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М., 1982.

Рогов С. М. Американское государство накануне третьего тысячелетия. США – ЭПИ, № 11,1998.

Рогов С. М. Россия и США на пороге XXI века // Свободная мысль, № 5,1997.

Ромм А. С. Американская драматургия XX века. Л.: Искусство, 1978.

Ромм А. С. Марк Твен. М.: Наука, 1977.

Сараджан Г. С. и Чернявская В.Н. История культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток, 2000.

Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон М.: Мысль, 1976.

Слезкин Л. Ю.У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд. 1630–1642. М, 1980.

Современное зарубежное литературоведение: Страны Западной Европы и США: Концепции, школы, термины / Науч. ред. и сост.: И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М.: Интрада, 1996.

США на рубеже веков. Отв. ред.: Рогов С. М. М., Наука, 2000.

Соединенные Штаты Америки: Энциклопедический справочник. – М.: Политиздат, 1988.

Солодовник В. И. История литературы США: Нравственный идеал через века. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1994.

100 режиссеров американского кино. Киев, 1991.

Теплиц Е. Кино и телевидение в США. М., 1966.

Терминология современного зарубежного литературоведения: (Страны Западной Европы и США): Справочник / Отв. ред.: И. П. Ильин.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.

Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984.

Урнов Д. М., Урнов М. В. Литература и движение во времени (Из опыта англ. и амер. лит. XX в.). М.: Худож. лит., 1978.

Уткин А. И. Единственная сверхдержава. М., 2003.

Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ 2008.

Уткин А. И. Рузвельт. Москва.:Логос, 2005.

Финкельстайн С. Экзистенциализм в американской литературе / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1967.

Флиер А. Я. Социокультурный прогноз на XXI век//Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000.

Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века. М.: АСТ 2006.

Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты США. М., 1981.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2002.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ 2005.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы национальной американской идентичности М.: АСТ, 2004.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

Чегодаев А. Д. Искусство Соединенных Шатов Америки 1675–1975 гг. Живопись. Архитектура. Скульптура. Графика. М.: Искусство, 1976.

Чуковский К. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966.

Шестаков В. П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М., 1988.

Шлёцингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992.

Штейн А. Л. История американской литературы. М.: МГЛУ, 2001.

Эстетика и теория искусства XX века. Под ред. Н.А. Хренова, А. С. Мигунова. М.: Прогресс-Традиция 2005.

Эдгар Аллан По. Стихотворения. М.: Радуга, 1988.

Юлина Н. С. Теология и философия в религиозной мысли США XX века. М., 1986.

Яценко В. И. Литература Юга США. 1865–1900 гг.: Учеб. пос. Иваново: ИвГУ, 1984.

История мирового искусства. Отв. ред. Арнольдо Мондадори. М.: БММ, АО, 2006.

Almond G., Verba S. The Civic Culture.Newbury Park, L,New Delhi: Sage. 1989.

Bacevich A. New Rome, New Jerusalim//Wilson Quaterly Summer 2002.

Barry D. Culture Equality. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Boyer, Paul S. When time shall be no more: phrophecy belief in modern American culture. The BelKnap Press, Cambridge, Massachusetts, London, 1992.

Buchanan P. The Death of the West. NY.: Tomas Dunne Press. 2002.

David Weir. Decadent culture in the United States. Art and literature against the American Train, 1890–1926. State University of New York Press, 2008.

Gans H. J. American Popular Culture and high Culture in a Changing Class Structure // Prospects: An Annual of American Cultural Studies. Cambridge, 1985.

Gelfert H.-D. Typisch amerikanisch. Wie die Amerikaner wurden, was sie sind. Taschenbuch, 2002.

Gombrich E. H. The Story of Art. NY 2006.

Gulbernau M. The Identity of Nation. Cambridge: Polity Press. 2007.

Hein-Kremer M. Die amerikanische Kulturoffensive. Gebundene Ausgabe, 2001.

Heller A. Amerikanischer Sudwesten: Geschichte, Kultur, Mythos, Innsbruck university press, 2006.

Janson F. A. Jansons. History of Art. The Western Tradition. New Jersey, 2007.

Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late

Capitalism, Durham: Duke University Press, 1991.

Julie Thompson Klein. Humanities, Culture, and interdisciplinarity, The Changing American Academy, State University of New York, 2005.

Huntington S. The Erosion of American National Doktrin, 1997.

Kahn, J. S. Culture, Multiculture, Postculture. London, 1995.

Kelleter F. Amerikanische Aufklehrung. Gebundene Ausgabe, 2002.

Kennedy P. The Next American Century//World Police Journal. Spring 1999.

Fukuyama F. The End of History and the last man, 1992.

Lerner M. America as Civilization. N.Y. 1987.

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y. Public Affairs, 2004.

Nye J. S. Redefining NATOs mission in the information age// NATO Review, 1999. № 4.

Nye R. B. The Unembarrassed Muse: The popular Arts in America. NY, 1974.

Our Times: America at the Birth of the Twentieth Century/ Edited with new material by Dan Rather: based on the landmark study by Mark Sullivan. N.Y, 1996.

Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks ed. Victoria Zhuravleva, Ivan Kurilla, Институт Кеннана Международный центр им. Вудро Вильсона. Волгоград: изд. Вой ГУ, 2009 – 408.

Renwick N. America'sWorld Identity. The Politics of Exclusion. NY: St, Martin Press. 2006.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L, 1992.

Rodriguez R. Hunger of memory: The Education of Richard Rodriguez, Boston, 1982.

Rurth J. The American Way of Victory. A Twentieth-Century Trilogy // The national interest, Spring 2000.

Wallerstein T. Geopolitics and Geokultur, 1991.

Schlesinger A. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. NY, 1992.

Słowik T. J. American Art. Smithsonian American Art Museum. N.Y. 2006.

Theorizing Multiculturalism. Ed. by Willet C Oxford.: Blackwell. 1998.

Tlostanova M. The Sublime of Globalization?: Sketches on trans-cultural subjectivity and aesthetics. – Moscow: URSS, 2005.

Webster Y. O. Against the Multicultural Agenda. A Critical thinking Alternative. Westport, Connecticut, 1997.

Weinstein A., Rubel D. The Story of America. Freedom and Crisis From Settlement to Superpower. N.Y. 2002.

Wilkins D. G., Żaczek I. The Collins Big Book of Art. N.Y. 2005.

P. Rorty. Stolz auf unser Land. Die amerikanische Linke und der Patriotismus. Verlag: Suhrkamp; Auflage: Berlin. 1999.

A. Heller. Amerikanischer Sudwesten: Geschichte, Kultur, Mythos, Innsbruck – Innsbruck university press. 2006.

K. Ronsch. Das Auto und die amerikanische Gesellschaft: Geschichte, Kultur, Folgen. 2009.

H-D. Gelfert. Typisch amerikanisch. Wie die Amerikaner wurden, was sie sind. Weimar, 2002.

Hein-Kremer M.Die amerikanische Kulturoffensive. Weimar 2001.

Reitinger F. Kleiner Atlas amerikanischer Uberempfindlichkeiten Kladgenfurt. 2008.

notes

Примечания

1

Никаких налогообложений без представительства *(англ.)* (т. е. представительства американских штатов в английском парламенте).

2

Позволить делать *(фр.)*.

3

Новое искусство *(фр.)*.

4

Прекрасная эпоха *(фр.)*.

5

Все правильно, верно *(англ.)*.

6

Нежничанье *(англ.)*

Так проходит земная слава *(лат.)*.